

FROM THE BESTSELLING AUTHOR
OF ONE PERFECT SUMMER

Paige Toon

JOHNNY
BE
GOOD

Why do good girls
always fall for bad boys?

'Paige Toon is hot!' *Mirror*

Если бы ваш босс был самым известным рок-музыкантом на планете, вы стали бы совмещать полезное с приятным?

«Меня зовут Мег Стайлз. Сегодня моя отвальная вечеринка. Что за песню мы с подружками поем в караоке? Ее написал один из крутейших рокеров планеты. И завтра я переезжаю к нему.

Серьезно! Я даже не шучу.

Ну, может, я немного вас обманываю. Видите ли, мы с ним еще ни разу не встречались...»

Став личным помощником плейбоя Джонни Джефферсона, Мег ведет в гламурном Лос-Анджелесе жизнь, полную шикарных вечеринок и закрытых мероприятий. Сдержанный, спокойный Кристиан, прибывший в город писать биографию своего лучшего друга, помогает Мег твердо стоять на земле. Но как удержаться, когда у ее босса самые красивые в мире зеленые глаза и тело, за которое убил бы и Брэд Питт?

Пролог

— Пой! Пой! Пой!

Нет. Я не могу.

— Пой! Пой! Пой!

Нет! Прекратите! Ради бога, выключите чертову музыку!

— ПОЙ! ПОЙ! ПОЙ!

Блин! Руки так вспотели, что я чуть не выронила микрофон. Я не в форме. Не могу петь. НЕ МОГУ. Но они не затыкаются. Я знаю, они не перестанут, пока я не спою. А я не должна расстраивать свою аудиторию. Ладно, ладно, я спою. Так, припев...

Я заперт внутри нас,

И ключ не отыскать.

Лежит в горшке с цветком,

Что пришлось тебе отдать.

Кстати, это не моя песня. И когда я говорю, что не могу петь, я имею в виду, что петь вообще не умею. Если бы вы столько выпили, то простили бы мне мечты о том, что Саймон Коуэлл, будь он в комнате, сказал бы: «Милая, ты победила в шоу “Голос”». Но я не питаю иллюзий, потому что знаю: по его словам, я «ярко выраженная посредственность».

Что касается аудитории... Ну, я не пою перед девяностотысячной толпой на стадионе «Уэмбли», но вы уже, наверное, об этом догадались. Я в гостиной своей съемной квартиры в районе Лондонского моста. А музыкальный аккомпанемент мне любезно предоставляет игра «Звезда сцены».

Девушку, которая только что отобрала у меня микрофон, зовут Бесс. Она моя соседка по квартире и лучшая подруга. И тоже не умеет петь. Господи, ее голос просто уши режет! Рядом с ней Сара, моя подруга с работы, а еще здесь Джо, Джен и Элисон, университетские приятельницы.

Кто же в таком случае я? Ну, меня зовут Мег Стайлз. И это моя отвальная вечеринка. Что это за песня, над которой мы издеваемся? Ее написал один из крутейших рокеров планеты. И завтра я переезжаю к нему.

Серьезно! Я даже не шучу.

Ну, может, я немного вас обманываю. Видите ли, мы с ним еще ни разу не встречались.

Нет, я вовсе не безумная фанатка. Я его новый личный помощник. И завтра улетаю в Лос-Анджелес. Город Ангелов, Ла-Ла-Лэнд, как хотите называйте. И до сих пор не могу в это поверить!

Глава 1

Ой. Голова раскалывается. Ну что за дура устраивает отвальную накануне первого рабочего дня на новом месте?

Обычно я гораздо более организованный человек. Даже, вероятно, самый организованный из всех, кого вы знаете. Устроить прощальную вечеринку чуть ли не перед самым отлетом в Лос-Анджелес вовсе не в моем характере. Но выбора у меня не было, потому что работу я получила только вчера.

Неделю назад я была личным помощником директора архитектурного бюро. Моя начальница Мари Севено (чуть за пятьдесят, француженка, очень уважаемый специалист в отрасли) в понедельник утром вызвала меня к себе в кабинет и попросила закрыть дверь и сесть. Такого никогда не случалось за девять месяцев моей работы на этой должности, и перво-наперво я подумала, что допустила какой-то промах. Но ничего такого не вспоминалось, поэтому меня снедало любопытство.

— Мег, — как-то отчаянно произнесла начальница с обычным французским акцентом, — мне больно тебе об этом говорить...

Черт, она что, умирает?

— Я не хочу тебя терять.

Черт, неужели умираю я? Простите, дурацкая шутка.

— Весь вчерашний день меня мучили угрызения совести. Нужно ли ей сообщить или стоит утаить? Она лучший ассистент из всех, кто у меня был. Я жутко расстроюсь, если ее отпущу.

Да, я люблю свою начальницу, но она до ужаса сентиментальна.

— Мари, о чем вы говорите?

Мадам Севено печально посмотрела на меня.

— Но я сказала себе: «Мари, вспомни себя тридцать лет назад. Ты бы убила за такую возможность. Как ты смеешь даже думать о том, чтобы промолчать?»

Да о чем она толкует-то?

— В субботу вечером я ходила на ужин к своему хорошему другу. Помнишь Вендела Редгроува? Весьма влиятельный адвокат — я проектировала его дом в Хэмпстеде пару лет назад. В общем, он рассказал, что его самый важный клиент недавно лишился личной помощницы и никак не может найти новую. Конечно, я ему посочувствовала. Повела о тебе и о том, что я бы умерла, если бы ты ушла. Честно, Мег, даже не знаю, как я раньше управлялась...

Тут она взяла себя в руки и, глядя льдисто-голубыми глазами в мои карие, произнесла слова, которые навсегда изменили мою жизнь.

— Мег, Джонни Джефферсону нужен новый ассистент.

Джонни Джефферсон. Рок-звезда и главный плохиш планеты. Проницательные зеленые глаза, светло-каштановые волосы и тело, за которое пятнадцать лет назад убил бы даже Брэд Питт.

Это шанс всей жизни — поехать работать на него в Лос-Анджелес и жить с ним в его особняке. Стать его доверенным лицом, правой рукой, человеком, на которого он полагается во всем. И моя начальница в минуту умопомешательства предложила мне эту работу.

В тот же день я встретила с Венделом Редгроувом и менеджером Джонни Джефферсона Биллом Блейкли, говорящим на кокни чудачком лет пятидесяти, который взял Джонни под свое крыло после того, как тот семь лет назад покинул группу «Фенс». Вендел составил договор с очень внушительным пунктом про конфиденциальность, и Билл попросил меня приступить к обязанностям со следующей недели.

Мари расплакалась, когда я сказала, что дело в шляпе: мне предложили место, и я согласилась. Вендел с трудом уговорил Мари не заставлять меня отрабатывать положенный месяц, и поэтому у меня осталось всего шесть дней на все про все, что было по меньшей мере ошеломительно. Когда я выразила обеспокоенность, Билл Блейкли сказал прямо: «Прости, милочка, но если тебе нужно время разобраться с собственной жизнью, то ты нам не подходишь. Просто собери самые необходимые вещи. Мы оплатим аренду твоей здешней квартиры на три месяца вперед, а потом, если все пойдет как надо, ты возьмешь отпуск, вернешься и закончишь все дела. Но ты должна приступить немедленно, потому что, честно говоря, мне до чертиков надоело покупать Джонни подштанники с тех пор, как ушла его последняя помощница».

Так что вот я здесь, с жутким похмельем на следующем в Лос-Анджелес самолете. Смотрю в иллюминатор на город. Над ним плотным черным облаком висит смог, сквозь который мы пролетаем, снижаясь. Белая конструкция Тем-Билдинга сверху похожа на летающую тарелку или белого четырехногого паука. Мари наказала мне обратить внимание на этот архитектурный шедевр, и увидев его воочию, я почувствовала себя еще более обалдело.

Прохожу таможню и иду к выходу, где, как мне было сказано, меня должен ждать водитель. Окинув взглядом толпу, нахожу плакат с моим именем.

— Мисс Стайлз! Как дела? — приветствует меня встречающий, когда я представляюсь. Он живо трясет мою руку и расплывается в белозубой улыбке. — Добро пожаловать в Америку! Меня зовут Дейви! Рад знакомству! Давайте-ка сюда ваш чемодан и прошу за мной!

Не уверена, смогу ли вынести с раскалывающейся головой такое количество восклицательных предложений, но энтузиазм Дейви не может не восхищать. Улыбаясь, я выхожу вслед за водителем из терминала. Влажность тут же окутывает меня, и ноги слабеют, поэтому я испытываю невероятное облегчение, наконец дойдя до машины — длинного черного лимузина. Забравшись в салон, растекаюсь по прохладному сидению, обтянутому кремовой кожей. Дейви включает кондиционер, мы выезжаем со стоянки, и тошнота отпускает. Я открываю окно.

Дейви все болтает о своей мечте встретиться с британской королевой. Я вдыхаю воздух, уже менее влажный, поскольку мы мчимся по шоссе, и мне становится легче. Здесь пахнет жарящимся шашлыком. Вдоль многополосной дороги высажены невиданно высоченные пальмы, и я высовываюсь из окна, чтобы разглядеть их получше. Не могу поверить, что они не ломаются пополам — их стволы не толще зубочисток. Сейчас середина июля, но некоторые люди еще не убрали пыльные рождественские украшения, которые висят на фасадах кажущихся усталыми домов. Фольга поблескивает в полуденном солнце — неудивительно, что это место называют Городом Мишуры. Верчу головой, но не вижу

выложенного на холмах слова «Голливуд».

А, вот оно.

Божечки, неужели это происходит со мной?

Никто из моих друзей не может в это поверить, потому что я никогда не фанатела от Джонни Джефферсона. Конечно, он кажется мне симпатичным — а кому нет? — но я не то чтобы на него запала. А если говорить о рок-музыке — ну, Аврил Лавин я считаю вполне хардкорной. Мне, пожалуйста, «Тейк Зет», можно ежедневно.

Все мои знакомые отдали бы мизинцы за такую должность. Или даже целые ступни. Черт, добавьте еще и кисти рук.

Тогда как я согласилась бы пожертвовать ногтем большого пальца, но совершенно точно не рассталась бы с ним самим.

Не то чтобы я не в восторге от новой работы. А тот факт, что все мои друзья фанатеют от Джонни, только делает ее еще более крутой.

Дейви въезжает в ворота Бель-Эйра, заповедника для богатых и знаменитых.

— Вон там жил Элвис, — показывает он на роскошный особняк, пока мы едем в гору мимо не менее впечатляющих домов. Я пытаюсь разглядеть ухоженные сады за высокими стенами и заборами.

Головная боль сменилась бабочками в животе. Вытираю пот со лба и убеждаю себя, что это просто побочный эффект от выпитого накануне алкоголя.

Мы всё поднимаемся на гору, и тут внезапно Дейви останавливается перед неприступными деревянными воротами. Камеры зловеще смотрят на нас со стальных столбов по бокам машины. Мне кажется, что за мной наблюдают, и внезапно хочется закрыть окно. Дейви говорит в домофон, что это мы, и через несколько секунд ворота открываются. Мои руки холодные и влажные.

Подъездная дорожка не длинная, но мы едем по ней как будто целую вечность. Поначалу дом не видно за деревьями, но потом мы заворачиваем за угол, и он предстает перед нами во всей красе.

Особняк выстроен в современном стиле: два этажа, белый бетон, прямоугольный фундамент, четкие линии.

Дейви паркуется и открывает мне дверь. Я стою, стараясь держать себя в руках, пока он достает из багажника мой чемодан. Огромная деревянная дверь распаивается, и на пороге появляется низенькая пухленькая латиноамериканка, которая радостно мне улыбается и спрашивает:

— Кто это к нам приехал?

Я понимаю, что она мне сразу понравилась.

— Меня зовут Роза, а ты, должно быть, Мег.

— Здравствуйте...

— Заходи!

Дейви прощается и желает мне удачи, а я иду за Розой в просторный светлый вестибюль. Мы минуем еще одну дверь, и я резко останавливаюсь. Панорамные окна открывают фантастический вид на город, подернутый солнечной дымкой. На террасе я замечаю манящий к себе бассейн с прохладной голубой водой.

— Впечатляет, да? — улыбается Роза, глядя на меня.

— Фантастика, — киваю я.

Интересно, где же наша рок-звезда?

— Джонни внезапно уехал куда-то писать песни, — просвещает меня Роза.

Ой.

— Он не вернется до завтра, — продолжает она, — поэтому у тебя есть время разобраться вещи и устроиться тут. Или, что еще лучше, там, у бассейна... — Она заговорщически подталкивает меня в бок.

Я качу чемодан за собой, пытаюсь не показывать своего разочарования. Роза заводит меня в большую комнату с высоким потолком. Навороченная стереосистема и огромный плазменный телевизор в углу подсказывают мне, что это гостиная. Меблировка в минималистском стиле, современная и очень, очень классная.

Я впечатлена. Честно говоря, я все меньше и меньше равнодушна к этой работе, что вовсе не помогает сохранять спокойствие.

— Кухня вон там, — говорит Роза и показывает на дверь за изогнутой стеклянной стенкой. — Я хлопочу у плиты почти все время. Я повар, — поясняет она, предвосхищая мой вопрос. — Пытаюсь откормить нашего парня. Будь я барменом, работы бы поприбавилось. Джонни любит выпить. — Она добродушно хихикает, когда мы подходим к лестнице из полированного бетона.

— Донесешь его, милая? — Она смотрит на мой чемодан. — Нам не мешало бы обзавестись дворецким, но Джонни не нравится, когда в доме много прислуги, — продолжает Роза, поднимаясь по ступенькам. — Не то чтобы он жадничает, просто ему больше по душе жить маленькой дружной семьей. — Она поворачивает направо. — Твоя комната здесь. Большая спальня на другом конце коридора принадлежит Джонни, а за другими дверями — комнаты для гостей и его музыкальная студия. — Она показывает каждую из них, пока мы проходим мимо. — Твой кабинет на первом этаже между кухней и кинозалом.

Простите, я не ослышалась? Кинозал?

— Я попозже проведу тебе экскурсию, — добавляет слегка запыхавшаяся Роза.

— Вы тоже здесь живете? — спрашиваю я.

— О нет, дорогая, у меня есть семья. Помимо охраны здесь будешь ночевать только ты. Ну и Джонни, конечно. Ладно... — Она хлопает в ладоши, когда мы возвращаемся к моим апартаментам. — Вот мы и пришли. — Она поворачивает хромированную ручку, открывает тяжелую железную дверь и пропускает меня внутрь.

Моя комната настолько яркая и белая, что хочется надеть солнечные очки. Окна выходят на деревья позади дома, в центре огромная кровать, накрытая снежно-белым покрывалом. Вдоль одной стены выстроены шкафы от пола до потолка, а в другой две двери.

— Вот тут у тебя кухонька, сможешь готовить, если моя еда тебе не понравится. — По ее жизнерадостному тону сразу понятно, что это вряд ли. — А вот здесь ванная.

Ничего себе ванная! Огромная, выложенная ослепительно-белым камнем. В дальнем углу здоровенное каменное спа, справа душевая кабина, а слева двойная раковина. На теплых металлических радиаторах висят пушистые белые полотенца.

— Неплохо, а? — усмехается Роза и идет к двери. — Что ж, устраивайся, а потом приходи на кухню, я тебе что-нибудь приготовлю.

Когда за ней закрывается дверь, я принимаюсь скакать на месте как безумная, раскрыв рот в немом крике.

Этот дом просто очуметь! Я видела особняки рок-звезд на MTV, но это что-то совсем запредельное.

Сбрасываю туфли, падаю на огромную кровать и, хохоча, разглядываю потолок.

Вот бы Бесс показать это место... Небо и земля в сравнении с нашей убогой квартиркой. В Англии сейчас почти полночь, и подруга уже небось спит без задних ног, чтобы выйти завтра на работу без похмелья. Решаю отправить ей смску, которую она прочтет первым делом с утра. Слезая с кровати, улыбаясь при ощущении мягкого белого ковролина под ногами, и достаю из сумки телефон.

Вообще-то, наверное, лучше послать ей фотографию. Включаю камеру, снимаю всю комнату с (немного помятой) кроватью в центре и набиваю сообщение:

СМОТРИ КАКАЯ У МЕНЯ СПАЛЬНЯ! ЕГО ПОКА НЕ ВИДЕЛА, НО ДОМ ПРС УЛЕТ! ЖАЛЬ, ЧТО ТЫ НЕ ЗДЕСЬ. ЦЕЛУЮ.

Она точно умрет, увидев, какой отсюда открывается вид. Надо будет завтра отослать.

Решаю повременить с распаковкой чемодана и спускаюсь вниз к Розе. Она на кухне, жарит курицу, перчики и лук на сковороде.

— О, вот и ты. Как разстряпаю тебе кесадилью. Должно быть, ты изголодалась.

— Помочь чем-нибудь?

— Нет-нет-нет! — Роза отгоняет меня к столу и через пару минут подает готовое блюдо. Из нарезанных треугольниками лепешек сочится сыр. Роза права: я проголодалась. — Я бы предложила тебе «маргариту», но мне кажется, что сначала тебя неплохо бы немного подкормить, судя по худеньким ручонкам. — Она смеется и отодвигает для себя стул.

По сравнению с ее руками мои точно худенькие. Да и не только руки, если на то пошло. Роза похожа на большую мексиканскую мамочку в чужих краях.

— Так где же вы обитаете? — спрашиваю я, и она рассказывает, что ее дом в часе езды отсюда. Там живут три ее сына-подростка, десятилетняя дочь и муж, который работает как вол, но судя по улыбке Розы, любит жену до безумия. Да, ездить далековато, но она обожает готовить для Джонни. Она жалеет только о том, что вечером уходит раньше, чем увидит, как он поглощает приготовленные ею лакомства. И у нее душа болит, когда она приходит утром и обнаруживает, что блюда так никто и не достал из холодильника.

— Ты должна заставлять его есть! — настаивает Роза. — Джонни недоедает.

Так странно слышать, что она называет его «Джонни». Я все еще думаю о нем как о «Джонни Джефферсоне», но скоро он и для меня станет Джонни.

Однако мне уже кажется, что мы знакомы. Невозможно жить в Великобритании и не знать о Джонни Джефферсоне, а после одного обеденного перерыва, потраченного на чтение статей о нем в интернете, я знаю еще больше.

Его мама умерла, когда Джонни было тринадцать, и он переехал из Ньюкасла в Лондон к отцу. Бросил школу, чтобы полноценно заниматься музыкой, и лет в семнадцать собрал группу. Они подписали контракт с лейблом и в мгновение ока стали суперзвездами, когда Джонни было двадцать. Но он пережил срыв в двадцать три, когда группа распалась, и спустя два года вернулся в качестве сольного артиста. Сегодня, в тридцать лет, он один из самых успешных рокеров в мире. Конечно, слухи о его бурной жизни никогда не переводились. Алкоголь, наркотики, секс — что бы ни пришло вам в голову, Джонни, вероятно, это делал. Я не против выпить от случая к случаю, и я не ханжа, пусть у меня было всего три парня, но я против наркотиков и никогда не связывалась с плохишами.

В половине седьмого Роза уходит, напоследок наказав мне посетить бассейн. Через десять минут я уже на террасе в черном бикини, которое купила перед недавним отпуском в Италии с Бесс. Солнце все еще припекает, поэтому я встаю на ступеньки на мелкоте и

запрокидываю голову, подставляя лучам лицо. Сверкающая голубая вода прохладная, но не холодная, и я не морщусь, окунаясь всем телом. Несколько раз переплываю бассейн в длину и принимаю решение каждый день по утрам проплывать так пятьдесят раз. В Лондоне я столько ходила, что заниматься спортом не было нужды, но здесь все за рулем, поэтому физическая активность не повредит.

Немного погодя выбираюсь из воды и расстилаю полотенце на горячих камнях рядом с бассейном. На шезлонге я бы не смогла болтать пальцами в воде. Похмелье отпустило, и я лежу на камнях и блаженствую, слушая плеск воды и стрекот цикад в саду. Далеко вверху самолет оставляет длинный белый след в безоблачном небе, а краем глаза я замечаю черных птичек, прилетевших попить воды. Меня клонит в сон.

— И за это я тебе деньги плачу?

Вскидываюсь и вижу нависающий надо мной темный силуэт, загораживающий солнце. Я так потрясена, что едва не сваливаюсь в бассейн.

— Вот дерьмо!

Шарю рукой под собой, чтобы вытащить полотенце и прикрыться, но лишь скидываю его в воду.

— Черт!

Торопливо встаю, понимая, что за последние несколько секунд успела дважды выругаться при новом боссе.

— Простите, — выпаливаю я. Он смеривает меня раздевающим взглядом. Это несложно, потому что на мне только купальник. Скрещиваю руки на груди, отчаянно желая достать из воды мокрое полотенце. К сожалению, для этого пришлось бы наклониться, а в нынешней ситуации лучше этого не делать. Поднимаю глаза.

Джонни довольно высок — примерно метр восемьдесят пять, прикидываю я, сравнивая со своими метром семьдесят. На нем узкие черные джинсы, черная футболка и ремень с металлической пряжкой. Светло-каштановые волосы взлохмачены и завиваются у подбородка, а зеленые глаза почти светятся, отражая голубую воду.

Господи, он великолепен. В жизни еще красивее, чем на фотографиях.

— Простите, — повторяю я, и уголки его губ слегка приподнимаются, когда он наклоняется и достает из бассейна мое полотенце. Я хочу отойти, но единственный путь — отступить в воду, а я уже достаточно выставила себя на посмешище. Джонни выпрямляется и отжимает полотенце, при этом бицепс на его руке перекачивается. Я замечаю его знаменитые татуировки и не могу не нервничать.

Вспоминаю, что мой саронг висит на шезлонге позади него, но Джонни не двигается с места, и я неуклюже его обхожу и спешу за одеждой. Быстро завязываю слишком короткую зеленую юбку на талии.

— Мег, да? — говорит босс.

— Да, здравствуйте, — отвечаю я, приложив ладонь ко лбу козырьком. Джонни скатывает мокрое полотенце в шар, бросает его в корзину метрах в шести и попадает в цель. — А вы, очевидно, Джонни Джефферсон.

Он поворачивается ко мне.

— Джонни и на ты.

Замечаю на его носу веснушки, которых никогда нет на фотографиях.

— Я просто, э-э... устроила себе перерыв, — заикаясь, лепечу я.

— Так я и подумал.

— Не знала, что вы... ты сегодня вернешься.

— Тоже догадался. — Он приподнимает бровь, сует руку в карман джинсов и достает помятую пачку сигарет. Пристроившись на шезлонге, он прикуривает и хлопает по месту рядом с собой, но я решаю, что с моим колотящимся сердцем будет безопаснее сесть напротив.

— Итак, Мег... — начинает он, потом затягивается и смотрит на меня.

— Да?

— Куришь? — спрашивает Джонни, но не предлагает мне сигарету.

— Нет.

— Это хорошо.

«Вот лицемер», — думаю я, но озвучить свои мысли побаиваюсь.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать четыре.

— Выглядишь старше.

— Правда?

Джонни стряхивает пепел в стоящую рядом металлическую урну-пепельницу и щурится.

— На этой работе много нервотрепки, ты же в курсе.

О, ладно, не комплимент, скорее забота.

— Я справлюсь, — заявляю я, силясь добавить в голос уверенности.

— Билл и Вендел тоже так считают. — Он говорит, как настоящий американец, что удивительно, поскольку первые двадцать пять лет жизни провел в Великобритании. — У тебя есть парень? — внезапно интересуется он.

Эй, погодите секундочку...

— А это имеет отношение к работе?

— Ну не заводись, — усмехается он. — Просто хотел узнать, какова вероятность того, что тебя замучает ностальгия и ты решишь вернуться в старушку Англию.

А вот теперь он говорит, как англичанин...

Под его взглядом мне неуютно, поэтому я выдерживаю лишь пару секунд глаза в глаза. Джонни молчит, и я тоже не могу найти слов.

— Ты не ответила на мой вопрос.

Вопрос? Какой вопрос? А, про парня... Черт, как же сложно сосредоточиться.

— Нет, парня у меня нет.

— Почему же? — тут же отбивает он и снова затягивается сигаретой.

— Э-э, ну, у меня был парень, но мы расстались полгода назад. А что?

Джонни с улыбкой тушит окурочок.

— Просто любопытно. — Он поднимается. — Выпить хочешь?

Быстро встаю.

— Я сама принесу.

Он лукаво смотрит через плечо и пересекает террасу, направляясь к бару под открытым небом.

— Расслабься, цыпочка, я вполне способен сам смешать себе коктейль. Что будешь?

Выбираю диетическую колу.

Он возвращается с двумя стаканами виски со льдом и протягивает один мне. Гляжу на стакан, снова на Джонни. Его лицо ничего не выражает. Неужели он меня не услышал?

— Мм... — тяну я, и тут он снимает футболку. Господи, не знаю даже, куда смотреть.

Делаю большой глоток виски, пока Джонни растягивается на шезлонге.

И тут внезапно осознаю всю нелепость ситуации. Это безумие. Джонни Джефферсон — сам Джонни Джефферсон! — прямо передо мной, так близко, что я могу до него дотронуться. Могу покрутить ему сосок, с ума сойти! Вот бы отправить Бесс такую фотографию! При этой мысли с губ слетает смешок.

— Все нормально? — косится на меня Джонни.

— Да, — киваю я, но к стыду своему начинаю хихикать.

— Да что смешного?

— Ничего, — быстро отвечаю я, но мозг уже совсем слетел с катушек...

Ничего? Неделю назад я работала в лондонском архитектурном бюро, а сейчас я в Лос-Анджелесе в особняке рок-звезды, сижу на шезлонге рядом с этим самым кумиром миллионов, и он полубнажен! Если это не сюр, я не знаю, что такое сюр.

Джонни залпом допивает виски, и я протягиваю руку за стаканом.

— Еще один?

Джонни секунду колеблется, но дает мне стакан.

— Почему бы и нет.

Пора бы приступить к рабочим обязанностям. Встаю и спешу к бару, на ходу допивая свой виски. Оглядываю ряд бутылок в поисках этого напитка. Замечаю банку диетической колы и думаю, а не переключиться ли на нее, но эта мысль быстро уходит. Прямо сейчас мне бы не помешала пьяная удаль. Пара рюмок текилы подойдет... О, а вот и текила. Оглядываюсь на Джонни Джефферсона, который лежит на шезлонге и смотрит в другую сторону в блаженном неведении о моей дилемме.

Нет, Мег, нет. Никакой текилы.

Ой, да к черту все, выпью чуток.

Глотаю прямо из бутылки и едва не выплевываю текилу, поскольку крепкий напиток обжигает горло. Жутко, до дрожи хочется закашляться. Но я яростно сглатываю и подавляю слезы.

Нужно выпить воды. Вода!

Или еще один глоток текилы поможет?

Странно, но он и правда помогает.

— Что ты там копаешься? — окликает меня Джонни.

Черт, я тут застряла.

— Уже бегу!

Подхожу к шезлонгам, пытаюсь не пялиться на его тело.

— Выпьем. — Джонни чокается со мной и отпивает из своего стакана, пока я сажусь.

Его грудь гладкая, мускулистая и загорелая до черноты. Прямо на линии пояса джинсов виднеется татуировка — какая-то надпись. Не могу ее прочитать, но, черт...

Ой! Сосредоточься, Мег!

— Так Роза сказала, что ты уезжал писать песни?

— Ага. Пытаюсь успеть закончить до следующей недели.

— А что будет на следующей неделе?

Он выглядит несколько удивленным.

— «Виски»?

— Еще виски? — переспрашиваю я. Ничего себе, а у него и правда проблемы с алкоголем.

— Нет же, «Виски».

— Я не понимаю. — Смотрю на него.

— Эй, только не говори мне, что не знаешь о моем концерте в «Виски», который клуб.

— Нет, прости, я правда не знала. — Щеки вспыхивают. — А должна была?

Джонни недоверчиво смеется.

— Прости, — повторяю я, — но я не так много о тебе знаю.

И тут меня понесло...

— Я имею в виду, я не твоя фанатка.

Заткнись, Мег.

— Мне нравятся некоторые из твоих песен, но понимаешь, если честно, предпочитаю Кайли.

Ну какого черта я ему это выдаю?

— Зато у этого есть большой плюс: тебе не попалась помешанная на тебе ассистентка, — продолжаю я. — Ведь я могла бы знать все, что о тебе известно. Твой любимый цвет, каким шампунем ты пользуешься...

Господи всемогущий, да заткни ты этот фонтан! Но нет, я не могу остановиться...

— По крайней мере я не коллекционирую звезд, побывавших в моей постели.

А-А-А-А!

— Следует надеяться, что это так, Мег, — тянет Джонни, гася вторую сигарету за пять минут. — Это бы точно выходило за рамки должностных обязанностей.

— Еще виски? — робко предлагаю я, начиная осознавать, что ему наговорила. Я потеряю работу. Потеряю, даже не начав.

— Не-а, мне пора. — Он встает. — Потусуюсь в городе с приятелями. Позвони в «Вайпер Рум» и закажи столик на восемь.

— Конечно. Э-э, где...

— В органайзере в кабинете. Там все необходимые тебе номера.

— На восемь часов или на восемь человек?

— Восемь человек. Скажи им, чтобы зарезервировали стол. Не знаю, во сколько мы туда приедем.

Значит, меня не увольняют? Я быстро поднимаюсь и забираю пустой стакан Джонни, не в силах встретиться с шефом взглядом. Отворачиваюсь и вижу в отражении, что он провожает глазами задницу своей новой ассистентки, которая идет в рабочий кабинет.

Полчаса спустя Джонни Джефферсон спускается и обнаруживает меня за одним из двух столов в кабинете. Я постукиваю ногтями по столешнице, все еще на нервах, несмотря на текилу, и не совсем уверена, что делать дальше.

— Стол заказан? — спрашивает Джонни, небрежно засовывая большой палец в карман джинсов. Тех же, что были на нем у бассейна, вот только футболку он сменил на приталенную кремовую рубашку в серебристую полоску.

— Да, и шампанское охлаждается на льду. Не знала, захочешь ли ты ехать на машине, поэтому позвонила Дейви на всякий случай. Он ждет перед домом.

— Круто, — кивает Джонни. — Думал, придется ехать на мотоцикле.

По крайней мере эта моя мысль оказалась удачной.

Джонни еще пару секунд стоит на пороге, глядя на меня. Его волосы все еще влажные после душа.

— Ладно, тогда я пошел. — Он похлопывает по дверному косяку на прощание.

Пытаюсь сдержаться, но вопрос срывается с губ сам:

— Когда ты вернешься?

— Завтра, — отвечает он. — Наверное.

И уходит. И внезапно дом кажется совсем пустым.

Глава 2

Черт, черт, черт, черт, черт.

Черт!

Гадство.

Мне не нравится Джонни Джефферсон.

Не нравится.

Правда-правда.

Я твержу это себе с тех пор, как проснулась в шесть утра, не в силах выкинуть долбаного Джонни Джефферсона из головы. Прошлой ночью он не вернулся домой, и я плохо спала. Даже несмотря на треклятую разницу во времени не могла толком уснуть, потому что прислушивалась, а не раздадутся ли на этаже его шаги. Сейчас три часа дня, и я все еще жду. Да где его черти носят?

Роза говорит, это вполне нормально.

— Он никогда не сидит на месте, сегодня здесь, завтра там, — объясняет мне она. С виду Роза с этим совершенно смирилась, но сомневаюсь, что у меня получится.

Я основательно привела себя в порядок, даже надела туфли на шпильках. Поначалу чувствовала себя довольно глупо, ведь работала из дому, но решила вести себя профессионально.

Профессионально. Смешно. Вчера он явился домой и нашел меня на солнышке у своего замечательного бассейна. Потом я накидалась текилой и сказала ему, что предпочитаю его песням творчество Кайли Миноуг. Позорище.

И вот я здесь среди дня в пустом доме — вернее, Роза на кухне, горничная, Сэнди, на втором этаже, а охранники — Тед, Сэм и Льюис — где-то во дворе, — но они все не считаются. И снова вопрос: где его черти носят?

Утром спросонья я решила придерживаться принятого вчера плана и проплыть бассейн пятьдесят раз. До полного изнеможения хватило тридцати трех, но для начала и такой результат неплох. Потом я поднялась обратно вверх, чутко прислушиваясь, а не появится ли наш звездный рокер, и приняла ванну с пеной в огромном спа. Затем позвонила родителям и сообщила, что добралась без приключений.

— Барбара говорит, что Джонни Джефферсон ведет не совсем здоровый образ жизни, — сказала мама после десяти секунд обмена приветствиями. Барбара — это мамина подруга по игре в бридж, тоже экспатка. Мои родители после выхода на пенсию уехали жить на юг Франции.

— Что ты имеешь в виду? — тяну время я, потому что надеялась, что эта тема не всплывет.

— Ну, выпивка, наркотики, женщины... В этом смысле. Если бы я была в курсе, то не разрешила бы тебе устраиваться на эту работу.

— Мама, мне двадцать четыре. Ты бы никак не смогла меня остановить. Да и к тому же, ты ж меня знаешь. Я не превращусь в мгновение ока в шлюху-наркоманку.

— Как скажешь, дорогая. Ты уже звонила сестре?

— Нет, но собираюсь.

Бесс выразила куда больший энтузиазм. Честно говоря, у меня до сих пор в ушах звенит от ее воплей.

— Поверить не могу, что ты правда там! В особняке Джонни Джефферсона! Когда я смогу приехать тебя навестить?

— Надеюсь, скоро.

Визг.

— Жду не дожусь! Так как он выглядит? Вживую такой же потрясный, как на снимках?

— Даже лучше.

— Правда? — Снова визг. — Он тебе нравится?

— Конечно, нет.

— Нравится-нравится! Я так и знала!

— Да нет же! Он мой босс, ради бога. Не мели ерунды.

Тут шеф послал ей недобрый взгляд за личные разговоры в рабочее время, и мы условились созвониться в выходные и вволю поболтать.

После этого я наконец-то распаковала вещи и даже потратила сколько-то минут на макияж.

Не то чтобы стоило этим заморачиваться.

И вот я сижу за своим огромным столом и читаю руководство, оставленное последней ассистенткой Джонни, девушкой по имени Паола. Оно кажется вполне ясным. Записывать Джонни на прием к врачу, управлять финансами, взаимодействовать с бухгалтерами, покупать все от пены до бритвы до лосьона от прыщей и, конечно же, бронировать авиабилеты, заказывать столики и все такое прочее.

Ранее я разобралась с системой голосовой почты. Сначала прослушала старое сообщение автоответчика и немного напряглась, услышав энергичный голос Паолы. Она американка. Почему-то я считала, что она из Италии. Я записала новое сообщение и даже на минуту восторжествовала, но потом прослушала его и поняла, что мой голос ужасен. Поэтому я перезаписала его еще раз, а потом еще раз, и наконец сдалась и решила на этом остановиться.

Также я разослала всей адресной книге Джонни и Паолы сообщение, в котором представилась новой личной помощницей Джонни. С тех пор в мой ящик идет непрерывный поток писем от журналистов, людей из шоу-бизнеса и бесчисленных «друзей», которые просят об интервью и фотосессиях и спрашивают, могу ли я внести их фамилии в список гостей на концерт в «Виски». Я записываю все, чтобы позже обсудить с Джонни.

Снова смотрю на время в уголке монитора. Пятнадцать минут четвертого. Хм. В ящик приходит новое сообщение, и я на него кликаю.

«Привет, Мег! Рада виртуальному знакомству. Меня зовут Китти, я тоже ЛПЗ. Ты есть в МСН?»

ЛПЗ?.. Ах да — личный помощник знаменитости. Круто. Интересно, на кого она работает? Быстро отвечаю, что я есть в МСН, и мы начинаем чат.

«Привет! Тоже рада знакомству. На кого работаешь?»

«На Рода Фримантла».

Род Фримантл... Имя смутно знакомое, но никак не припоминаю, кто он такой. Прежде чем успеваю ответить, Китти снова пишет:

«Актёр. Снимался в “Растет зеленая трава” и “Жестоким свете”».

По-прежнему не могу понять, о ком она. И снова Китти опережает мою попытку выказать свое невежество: шлет мне фотоснимок лысеющего темноволосого мужчины лет сорока, обнимающего двух длинноногих блондинок. Вижу, что он косится одной в декольте.

Мило. Говорю Китти, что теперь узнала ее работодателя, и спрашиваю, не она ли с ним на фото.

«Черт, нет», — отвечает она и шлет еще одну фотографию. В камеру улыбается шикарная женщина лет тридцати. Белоснежные зубы, темные кудрявые волосы, а в обнимку с ней стоит высокий симпатичный блондин.

Едрит-мадрит, да это Брэд Питт!

«Едрит-мадрит, да это Брэд Питт!»

«Ха-ха, в рифму!»

«Но это же Брэд Питт! Сам Брэд Питт!!!»

«Не буду отрицать. Прости, я обычно так не выпендриваюсь, но тут просто не сумела удержаться. Столкнулась с ним на вечеринке на той неделе и до сих пор отойти не могу. Ты тоже скоро с ним встретишься, да?»

«Правда?»

«Ну конечно! Ты ведь не можешь работать на Джонни Джефферсона и не встречаться со звездами. Кстати, как оно? Работать на него, то есть?»

«Пока не поняла. Только вчера приступила».

«Я все думала, сколько времени займет поиск новой девушки после Паолы. Прошел месяц. Тебе ведь досталось самое вожаделенное место в мире ЛПЗ...»

«Серьезно?»

«Ага. Знаю пару человек, которые хотели устроиться. Так откуда ты?»

«Из Англии».

«Нет, я в том смысле, на кого ты работала раньше?»

«Ой! Мари Севено. Она архитектор».

«Ты не работала в шоу-бизнесе?»

«Нет».

«И через какое агентство ты устроилась?»

«Агентство?»

«Ну да, кадровое агентство».

«О. Ни через какое. Моя начальница порекомендовала меня поверенному Джонни».

«Ух ты! Вот так повезло. Можем как-нибудь сходить выпить кофе. В нашем деле бывает одиноко, особенно если ты не местный».

«Чудесная идея!»

«Круто. Я тебе еще напишу на следующей неделе, ладно? Работать пора. Род скоро вернется, а мне надо разобрать письма от поклонников...»

Кстати о письмах от поклонников... Рядом с моим столом стоят два гигантских почтовых мешка с посланиями. Печально смотрю на них, потому что уже посчитала, что на сортировку уйдет как минимум неделя, да и то, если не придет новая кипа. А еще нужно вести аккаунты Джонни в Фейсбуке и на Майспейсе. Как по мне, это та еще работенка. В Лондоне я избегала Фейсбука как чумы, потому что знала, что, скорее всего, подсяду на чтение ленты и перестану успевать делать все вовремя.

Я снова прислушалась, не раздаются ли в коридоре шаги рок-звезды, еще раз глянула,

который час, и переключилась на письма. Наверное, главное начать.

Первым извлекаю розовое послание, украшенное крошечными красными сердечками.

«Джонни, малыш, хочешь горяченького?»

Под «горяченьким», полагаю, имеется в виду женщина на вложенной в конверт фотографии: роскошная брюнетка в черных кружевных трусиках, позирующая на красных атласных простынях, призывно оттопырив зад. Собственно, он выдвинут на первый план, а она оглядывается на камеру через плечо.

Очаровательно. Вновь смотрю на письмо.

«Никаких обязательств. Я не хочу за тебя замуж, не хочу отношений. Но ты можешь получить все, что захочешь и где захочешь. Звони на номер...»

Фу.

С отвращением бросаю фотографию на стол и тянусь к органайзеру.

Антон Симпсон — бухгалтер.

Билл Блейкли — менеджер.

Брэд Питт.

Брэд Питт! Он здесь! Здесь-здесь-здесь! А еще кто, Том Круз? О боже, и Том Круз! А рядом Пенелопа Крус. Это уже давно в прошлом, Паола, гадкая-гадкая девчонка. Не в первый раз за этот день задаюсь вопросом, какой была Паола и почему уволилась, но тут натываюсь в списке на Мадонну и вновь роняю челюсть.

— Изучаешь органайзер?

Услышав голос Джонни, я подпрыгиваю.

— Ты меня до чертиков напугал!

Он стоит, прислонившись к косяку, во вчерашней одежде. Выглядит помятым и небрит. Ох...

— Рад видеть, что кто-то наконец ими занялся. — Он показывает на письма поклонников. — Для Паолы они были сущим проклятием. Как и я, впрочем.

Он заходит в комнату и останавливается возле моего стола. Берет фотографию и с интересом смотрит на женщину, потом тянется за письмом.

— Хочешь, чтобы я ответила? — осторожно спрашиваю я.

— М-м-м, — обдумывает Джонни вопрос. — Нет, лучше не надо. — Он кладет письмо и снимок обратно.

— Итак, я читала руководство, оставленное Паолой, — отчитываюсь я, пытаюсь выглядеть профессионально. — Также поступили приглашения на интервью и фотосессии.

— Хм-м.

— О, а еще ряд людей хочет попасть в список гостей на следующей неделе.

— А что будет на следующей неделе? — переспрашивает Джонни.

Я смущенно на него смотрю:

— Твой концерт?

— Просто проверяю, — без тени улыбки говорит он.

Вновь перевожу взгляд на стол и двигаю бумаги, раздраженно думая: «Если вчера я не знала о твоём концерте, это вовсе не значит, что у меня память как у инфузории».

— Обсудим приглашения сейчас?

— Черт, нет. Попозже. Я с ног валюсь.

— Ладно, — киваю я. — Будут какие-то задания?

Джонни пару секунд стоит, потом усаживается на стул рядом со мной. Замираю. От

него пахнет сигаретами, спиртным и, клянусь, «Шанелью номер пять».

— Вообще-то, да. Проверь сайт Сэмсона Сарки.

Я подчиняюсь: захожу на сайт известного блоггера-сплетника.

— Ищешь что-то конкретное? — спрашиваю я.

— Прокрути, — командует Джонни.

Пролистываю скандальные новости про Бритни Спирс и Пэрис Хилтон, и тут Джонни меня останавливает.

— Неудачное увеличение груди Мэнди Периуокер? — уточняю я, наведя курсор на ссылку «Подробнее».

— Нет, следующая.

Читаю заголовок: «Кошка за дверь...»

«Если слухи об их отношениях правдивы, Серенгети Найт лучше бы укоротила поводок плохиша Джонни Джефферсона, которого ночью накануне видели в компании грациозной рыженькой незнакомки...»

Джонни делает глубокий вдох, потому что слухи, видимо, правдивы.

Серенгети Найт — звездный ребенок, превратившийся в сексуальную старлетку. В этом году ей пророчат большой успех, поскольку она получила главную роль в романтической комедии в паре с потрясающим Тимоти Маккейненом. Мы с Бесс мечтали посмотреть этот фильм с того дня, когда пару месяцев назад увидели трейлер. Мистер Маккейнен ходячий секс с большой буквы С.

Но довольно о нем... Мне всегда нравилась Серенгети Найт. Она талантлива и красива, из тех девушек, которыми все мечтают стать. В подростковом возрасте я с удовольствием смотрела «Взлеты и падения», телесериал, приведший ее к славе всего в четырнадцать лет. Это было девять лет назад, но я все еще помню восторженные отзывы о ее игре. В сериале она снималась пять лет, и мир наблюдал трансформацию угловатого подростка в девятнадцатилетнюю секс-бомбу. Когда сериал закрыли, Серенгети пропала примерно на год, а потом начала сниматься в фильмах независимых студий, завоевывая себе репутацию, и в конце концов получила пару ролей второго плана в высокобюджетных блокбастерах. Новый фильм «Просто Джульетта» — ее первая большая роль, а игра в паре с Тимоти Маккейненом, несомненно, катапультирует Серенгети на самую вершину славы.

Так значит, она встречается с Джонни. Вот вам и голливудская парочка. Меня слегка подташнивает. Кому под силу соперничать с Серенгети Найт?

Мег! Ты только что употребила слово «соперничать»? Ха!

Украдкой кошусь на Джонни. Он внимательно смотрит на монитор, пряди каштановых волос свешиваются на лицо. Рубашка расстегнута на несколько пуговиц, открывая загорелую грудь. Передергиваю плечами и отвожу глаза, вспоминая, как вчера видела его в жаркий день полуголым.

— Прокрути дальше, — командует Джонни.

Он дочитывает до конца заметки, но там нет больше ничего, кроме текущего местонахождения Серенгети. Она в Лас-Вегасе, рекламирует свой фильм, и, видимо, встревожилась и удивилась, услышав о предполагаемой неверности Джонни.

Он откидывается на спинку кресла.

— Может, букет? — предлагаю я.

Джонни саркастично усмехается:

— Я не дарю цветов, цыпочка, заруби себе на носу.

Чувствую, что краснею.

— Ах, ну да, ты же ничего обо мне не знаешь, — холодно добавляет он. — Ты же не коллекционируешь звезд, да?

— Нет, — огрызаюсь я. — Но знаю, кто коллекционирует, если тебе интересно. — Раздраженно подталкиваю к нему фотографию брюнетки в кружевном белье.

Джонни запрокидывает голову и смеется. Впервые слышу его искренний смех. Дерзко смотрю на него, все еще злясь на то, что он считает меня краснеющей по любому поводу идиоткой.

— Заманчиво, но я и так в полной заднице. — Он ухмыляется. — Лучше пойду ей позвоню. — Он встает, сует руку в карман и достает мобильник. — Вчера батарея села, и Серенгети, наверное, оставила десяток голосовых сообщений. У тебя есть зарядка?

— Э-э-э... — Открываю ящики стола и торопливо в них шарю. Джонни переминается с ноги на ногу. Чувствуя себя бесполезной, открываю органайзер. Куда, черт возьми, Паола сунула зарядку? — Прости, — поднимаю глаза на Джонни, который всем своим видом выражает нетерпение. — Есть предположения, где она может быть?

— Нет, — отрезает он.

Встаю и подхожу к другому столу, открываю ящики и роюсь в них, чуть ли не подпрыгивая от переполняющего меня адреналина.

«Успокойся, Мег, это всего лишь долбаная зарядка».

Внезапно в голову приходит мысль.

— погоди, ты что, не заряжал его с тех пор, как Паола уволилась?

— О, точно, — отвечает Джонни и морщит лоб, пытаясь вспомнить. — Прикроватная тумбочка, — наконец выдает он и выходит.

«Чертова тумбочка», — беззвучно бормочу я и приступаю к уборке в шести разворошенных ящиках.

Через два часа я все еще в кабинете. Джонни больше не приходил. Роза заглядывает ко мне и сообщает:

— Я домой, милая. Оставила вам в холодильнике пару пицц.

— Чудно, спасибо!

— Я точно слышала, что Джонни вернулся?

— Да, пару часов назад. Пошел вверх позвонить Серенгети.

— А-а, — понимающе говорит Роза. Интересно, она читает сплетни о звездах?

— Вы с ней встречались? — спрашиваю я.

— Да, она пару раз тут бывала.

Я киваю, желая узнать подробности, но чувствуя, что выпытывать их не нужно.

— Ладно, милая, я пошла. До встречи.

— Пока, Роза, и еще раз спасибо!

Вскоре я заканчиваю работать и ухожу из кабинета. Стою у подножия лестницы, прислушиваясь, не раздадутся ли шаги Джонни, но ничего не происходит. Стоит ли подняться и спросить его, не хочет ли он пиццы? Даже не знаю. Минуту колеблюсь. Наверное, все-таки стоит. Поднимаюсь на пару ступенек, останавливаюсь и оглядываюсь. Нет, лучше не надо его беспокоить. Спустится сам, если проголодается.

Иду на кухню, включаю духовку и достаю из холодильника пиццы. Роза приготовила одну с курицей, зелеными перчиками и красным луком с шашлычным соусом, а другую с

моцареллой, помидорами и базиликом. Какую бы предпочел Джонни? Не вегетарианец ли он? Сомнительно, но я не уверена. Упоминается ли об этом в органайзере?

Снова иду к лестнице и прислушиваюсь. Ничего. Это нелепо. Уверенно поднимаюсь на второй этаж, сворачиваю налево, но сделав пять шагов к его комнате, нерешительно останавливаюсь. Возвращаюсь на кухню и заглядываю в холодильник в поисках чего-нибудь съедобного, чем можно утолить голод и избавиться себя от необходимости принимать решение.

Наверное, сварю картошку в мундире. Повариха из меня неважная. Или стоит пойти к себе в комнату и воспользоваться кухонькой? Не хочу мешать Джонни.

Да, так я и поступлю. Оставлю духовку включенной на случай, если ему захочется съесть пиццу. Или испечь ее для него?

Ерошу волосы. Как же я устала! Подожду еще полчаса — вдруг он спустится.

Спустя час и сорок минут я уже с десятков раз сходила к себе в комнату и обратно на кухню. И решение так и не приняла.

Знаю, выглядит так, будто я чокнутая. В конце концов, это же не судьбоносное решение: есть пиццу или не есть.

Все, решила. Готовлю.

Открываю духовку и отправляю в нее обе пиццы. Через несколько секунд передумываю и достаю их обратно.

— Что ты делаешь?

Ну вот опять. Мег изображает из себя идиотку перед новым боссом. Поворачиваюсь и растягиваю губы в улыбке:

— Ничего. Просто готовлю пиццы, которые оставила Роза.

— Или не готовишь, — замечает Джонни, кивая на пиццы на столешнице.

Смущенно смеюсь, беру противень с пиццами и ставлю его в духовку.

— Хочешь есть? — Наверное, лучше не посвящать его в подробности.

— Конечно. С чем они?

Рассказываю.

— Попролам? — предлагает Джонни.

Он решает трапезничать на террасе, и скоро я иду туда с нашим ужином. Джонни сидит на шезлонге и перебирает струны акустической гитары. Задерживаю дыхание, понимая, что он еще и поет. У него прекрасный голос, глубокий и мелодичный. Я знаю, что Джонни умеет петь с надрывом, но сейчас он поет медленно и нежно. Не могу сдвинуться с места.

— Прошу, прошу, прошу, дай мне то, чего я хочу...

Джонни видит меня и замолкает. Кладет гитару на шезлонг и смотрит на меня своими пронизательными зелеными глазами. В животе начинают порхать бабочки.

— Это одна из твоих новых песен? — Я пытаюсь говорить спокойно, стоя перед ним с двумя большими блюдами.

— Нет, Мег, это песня «Смитс».

— Ой, я собиралась сказать, почему бы тебе не оглянуться по сторонам, зануда, разве ты мало имеешь? — пытаюсь я скрыть свое невежество.

— Не думаю, что Моррисси приходило такое в голову.

— А этот старпер тут при чем?

— Он был вокалистом «Смитс», Мег. Черт, ты правда ничего не знаешь о музыке?

— Я знаю, что «Спайс герлз» на пике карьеры продали больше альбомов, чем ты. И это

было до того, как ушла Джери.

Джонни качает головой и ошеломленно на меня смотрит:

— Как ты вообще ко мне попала?

— Забавно, что ты об этом спрашиваешь. Я разговаривала с помощницей Рода Фримантла...

— Разговаривала?

— Ну, переписывалась в МСН. Короче, я общалась с ней — кстати, ее зовут Китти, — и она сказала, что ты месяц искал замену Паоле.

— Угу, — кивает Джонни. Поднимается и идет к дальнему концу террасы, где стоит каменный стол и скамейки. Я иду за ним.

— Красное вино подойдет? — интересуется Джонни, направляясь к бару.

— Прекрасно, — соглашаюсь я и ставлю пиццы на стол. Джонни приносит бутылку, бокалы и штопор.

— Почему Паола вообще ушла? — спрашиваю я, усаживаясь.

— Сядь туда, — командует Джонни, показывая штопором, куда именно. — Поллюбуйся видом.

Повинуюсь, а он открывает бутылку и садится рядом со мной. Я отодвигаюсь.

— Я не кусаюсь. — Он косится на меня и наливает вино в бокалы. Какое-то время мы молча едим, глядя на город. Смог рассеялся, и закатное небо окрашивается из голубого в оранжевый.

Джонни так и не ответил на мой вопрос.

— Итак, Паола... — снова пытаюсь я.

Джонни откусывает от пиццы.

Ладно, сдаюсь. И еще, похоже, у меня пропал аппетит. Есть пиццу — последнее, что мне хотелось бы делать при Джонни Джефферсоне.

— Ты все? — спрашивает Джонни, доедая третий кусок.

— Да, спасибо. — Отодвигаю тарелку.

Он достает из кармана сигареты и постукивает фильтром одной по столу, прежде чем прикурить. Поворачивается ко мне лицом, подогнув под себя ногу. Нервно поднимаю на него глаза.

— Кажется, ты напряжена, — замечает он.

— Нет, вовсе нет, — лгу я.

Джонни приподнимает бровь и стряхивает пепел в тарелку. Фу. Встаю и приношу из бара стеклянную пепельницу, которую видела там вчера. Джонни стряхивает пепел туда и ухмыляется. Отвожу взгляд.

— Ты точно напряжена, цыпочка.

— Да нет же, — вновь отрицаю я, на этот раз несколько раздраженно.

Джонни тихо усмехается и пододвигает к себе пепельницу. Замечаю, что подушечки его пальцев мозолисты. Вероятно, от струн.

— Чем сегодня занималась?

— Э-э, разослала всем приветственное письмо, немного разобрала письма от поклонников. И еще у меня куча запросов на интервью и фотосессии, которые нам с тобой нужно обсудить.

— Ты уже говорила.

— Ой. Прости.

— Все нормально.

Мы снова замолкаем. Беру свой бокал и делаю глоток.

Хотелось бы мне сидеть не как на иголках. Обычно я спокойна как удав. Выпрямляюсь.

— Дозвонился до Серенгети?

— Ага. — Молчание. — Она прикольная.

— Рада слышать. Она мне очень нравилась во «Взлетах и падениях», — признаюсь я.

— Она будет польщена, — кивает Джонни и одним глотком допивает свое вино.

Наливает себе еще. — Долить?

— Спасибо. — Протягиваю ему свой бокал. — Уже видел ее новый фильм?

— Нет, — качает он головой. — В четверг иду на премьеру.

— Ух ты! Должно быть, это здорово.

— Я достану тебе билет, если хочешь.

— Правда? — едва ли не визжу я.

— Конечно, — подтверждает Джонни.

— Интересно, а Китти пойдет? — думаю я вслух.

— Кто такая Китти?

— Ассистентка Рода Фримантла.

— А-а, та самая, с которой ты общалась в МСН.

Предпринимаю еще одну попытку:

— Ты так и не ответил на мой вопрос про Паолу. Почему она ушла?

Джонни пожимает плечами:

— Эта работа просто не для нее, наверное. А ты любопытная штучка. — Он вытряхивает из пачки еще одну сигарету.

Я не отвечаю, а просто кручу бокал, словно ничего не слышала.

— Я хотел найти британку, — объясняет он.

— Кого-то из Великобритании?

— Именно это и значит слово «британка».

— Почему? — интересуюсь я, сердясь на него за сарказм.

Кажется, Джонни не собирается отвечать, но тут он говорит:

— Знаешь... Я вроде как скучаю по Англии. Приятно иметь здесь кусочек родины. Не то чтобы ты просто «кусочек».

Я смеюсь.

— Часто бываешь дома?

— Не так чтобы очень.

— Почему?

— Сейчас организовывать поездки тот еще геморрой. И британские таблоиды просто ужасны. От папарацци нигде не спрячешься.

— Должно быть, это тяжело, — сочувствую я.

— Честно говоря, не на что жаловаться, имея все вот это.

— Все равно сложно.

Джонни пожимает плечами.

— К тебе приезжают гости оттуда? — спрашиваю я.

— Иногда. Кстати, в эти выходные приедет мой друг Кристиан.

— Правда? На концерт?

— Именно.

— Здорово.

Молчание. Ничего не идет на ум.

Джонни затягивается, тушит наполовину выкуренную сигарету и встает.

— Поеду в город, — сообщает он мне.

— Да, хорошо. — Поднимаюсь и начинаю убирать со стола. — Забронировать тебе столик где-нибудь? Вызвать Дейви?

— Нет, буду действовать по обстановке. — Джонни берет с шезлонга гитару. — Увидимся.

— Хорошо, пока! — жизнерадостно прощаюсь я.

Как только он заходит в дом и закрывает за собой стеклянную дверь, я плюхаюсь на скамейку и делаю глубокий вдох.

Я в беде. Последний раз я так влюблялась в пятнадцать лет в репетитора по французскому. Он был потрясающим: молодой, лет двадцати пяти, темноволосый, смуглый и фантастически красивый. Родители хотели, чтобы я брала дополнительные уроки, потому что думали переехать во Францию всей семьей. Но так сложилось, что они задержались в Англии до моего поступления в университет, а потом вышли на пенсию и уехали в Прованс, но уроки окупались. Я получила высший балл. Вот как мотивирует влюбленность.

Я все еще помню его темные глаза, глядящие на меня через стол... Месье Дюбуа. Даже не знаю, как его зовут. Забавно — мне никогда не приходило в голову спросить.

Интересно, чем он сейчас занимается? Такой приятный мужчина.

Приятные мужчины... В отличие от множества других женщин я никогда не западала на плохишей. К примеру, мой бывший, Том, был милым, и мы расстались друзьями. Полгода назад все поверить не могли, что мы разошлись. Нам было хорошо вместе, но потом любовь куда-то пропала, и ближе к концу мы уже были как брат с сестрой.

Но я отвлеклась от темы. Теперь моя проблема — Джонни Джефферсон. Мой шеф. И я совсем не знаю, что с этим делать.

Глава 3

Сегодня премьера, и я с ума схожу от восторга. В последние пару дней я почти не видела Джонни, и потребовалось приложить немало сил, чтобы выполнять свои рабочие обязанности — ни на чем не получалось сосредоточиться. Я была уверена, что Джонни забудет о своем обещании, поэтому когда вчера он пришел на кухню с контрамарками не только на фильм, но и на вечеринку после него, я застеснялась, как школьница. Было слегка неудобно перед Розой. Китти сегодня тоже идет, мы договорились встретиться в фойе. Я не буду сидеть с Джонни и Серенгети в вип-зоне, и поеду тоже не с ними. О транспорте для Серенгети, вероятно, позаботилась кинокомпания, а я еду с Дейви.

В четыре часа я все еще не решила, что надеть. Выбираю между бежевым платьем от «Френч Коннекшн» и сочетанием черных брюк с серебристым топом. В платье шикарно смотрятся ноги, но мне никак не удастся найти бежевый бюстгальтер с чашечками, а без него грудь выглядит плоской, что не очень хорошо в городе, где все щеголяют силиконом.

Звонит домофон, и я снимаю трубку в кабинете.

— Мисс Найт приехала к Джонни, — говорит охранник.

Черт. Сейчас явится Серенгети Найт, а я даже не накрашена. Думала, что они с Джонни встретятся у нее дома.

Спешу к входной двери, чтобы впустить ее, и по дороге задаюсь вопросом, не следовало

ли сначала предупредить босса. Сегодня я его не видела и вообще не уверена, дома ли он.

Распахиваю дверь и улыбаюсь прекрасному созданию перед собой. Серенгети Найт маленького роста и идеально сложена. Даже на каблуках она на пару сантиметров ниже меня, а я давно не хожу по дому на шпильках. Золотистые кудри ниспадают на плечи, а глаза самого необычного оттенка бронзы из всех, что я видела. Цвет длинного вечернего платья подходит к глазам. Интересно, она в нем пойдет на премьеру? Или так, или она очень любит наряжаться.

— Вы кто? — ледяным тоном спрашивает она, и я отступаю.

— Я Мег, новая ассистентка Джонни.

— Он мне не говорил, что нанял новую, — обвинительным тоном цедит она.

— Я начала работать только в воскресенье. — Пытаюсь сразить ее холодность теплотой улыбки, но безрезультатно. Серенгети протискивается в дом, и я отхожу, чтобы ее пропустить. Я разочарована: никогда не думала, что она не оправдает моих ожиданий.

— Простите, — сердито говорит Серенгети и смеривает меня взглядом. Мне казалось, я достаточно отступила, но все равно вжимаюсь в стену, чтобы гостя прошла в шаге от меня.

Иду закрыть дверь, но тут Серенгети разворачивается.

— Подожди! — яростно кричит она.

Я замираю, держа дверную ручку.

— Открой! Открой!

Ничего не понимая, я открываю дверь. У нее что, не все дома?

Серенгети нетерпеливо протискивается мимо меня и выходит на крыльцо.

— Футси! Футси, малыш, иди сюда!

Что еще за Футси?

Долго ждать ответа не приходится. К двери мчится крохотный белый шарик — собака. Тут он замечает меня и начинает лаять. Вот блин.

Снова прижимаюсь к стене, пропуская Серенгети. Парой секунд спустя за ней следует песик. Закрыв дверь, с плохим предчувствием иду в гостиную.

— Где Джонни? — требовательно спрашивает мисс Найт.

— Думаю, наверху.

— Думаешь? Разве ты не должна знать?

— Ну...

Слышу, как на втором этаже открывается дверь и кто-то идет по коридору. Затем на площадке появляется Джонни.

— Привет, — говорит он.

— Привет, малыш, — сюсюкает Серенгети, тепло ему улыбаясь.

— Ты поднимешься или мне спуститься?

— Я поднимусь, хорошо?

— Конечно.

Футси обнюхивает мои ноги, пока Серенгети идет по лестнице. «Иди же, — приказываю я песику взглядом. — Иди за своей хозяйкой...» Но он продолжает тереться мокрым носиком о мои голые ступни.

Возвращаюсь в кабинет, песик не отстает. Всего десять минут пятого. Дейви заедет за мной в шесть, поэтому нужно поскорее определиться с нарядом. И еще поработать надо... Беру очередное письмо от поклонника и пытаюсь вчитаться.

В пять решаю закончить дела и начать собираться. Только я навожу порядок на столе,

как появляется Серенгети.

— Ой, привет! — удивленно восклицаю я.

— Мы скоро уезжаем, — сообщает она. — Джонни сказал, ты тоже идешь?

— Да, — киваю я. — Уже не терпится!

Она сдержанно улыбается.

— Я надеялась, ты присмотришь за Футси, но раз так...

Я вешаю нос, но тут появляется Джонни.

— С ним все будет хорошо, — заверяет он, кивая на песика. — Знаешь, Мег большая поклонница «Взлетов и падений». Она очень ждала этой премьеры.

Серенгети напряженно думает, потом присаживается и гладит Футси по мохнатой белой голове.

— Ты ведь не соскучишься без меня, а, малыш?

— Машина за вами приедет сюда? — спрашиваю я.

— Да, — с не очень радостным видом говорит Джонни и смотрит на подругу. — Я, наверное, возьму мотоцикл.

— Ты же знаешь, я ненавижу на нем ездить, — отрезает Серенгети. — Вся прическа испортится.

— Я имел в виду, давай встретимся там.

— Милый, неужели ты не можешь поехать вместе со мной в день моей премьеры?

Джонни не отвечает.

Взгляд Серенгети падает на меня, и она раздраженно кривится, понимая, что я стала свидетельницей их разборки. Быстро утыкаюсь в бумаги и притворяюсь глухой.

— Слушай, — начинает Джонни, — я не хочу участвовать во всей этой дешевой фигне с красной дорожкой.

— Но, милый, мы же договорились, что официально станем парой!

— Нет, Серенгети, ты об этом договорилась со своим пиарщиком. Я на такое не соглашался. Еду на мотоцикле, — решает он.

Звонок в домофон знаменует прибытие лимузина Серенгети. Одновременно с ним Футси задирает лапу и мочится на ножку стола.

— Блин! — восклицаю я.

Серенгети злобно смотрит сначала на меня, потом на песика, разворачивается и уходит.

Разглядываю желтую лужицу на полу. Значит, мне еще и собачью мочу вытирать.

Вижу, что Джонни так и стоит в дверях.

— Во сколько приедет Дейви? — спрашивает он.

— В шесть. Надо бы уже собираться. Ну, сначала я здесь вытру...

Он слегка улыбается.

— Ладно, цыпочка.

Пока я нашла в постирочной ведро с тряпкой и вытерла подарочек Футси, на сборы осталось полчаса. Как настоящие Весы, я опять передумала и выбрала длинное черное платье с ярким гранатовым ожерельем, подаренным бабушкой. За несколько дней в Лос-Анджелесе я успела подзагореть, поэтому решаю сделать летний макияж: розоватый тональный крем, легкие золотистые тени, черная тушь и прозрачный блеск для губ. Мои светлые волосы и так прямые, но я все равно несколько раз прохожусь по ним утюжком. Наконец надеваю высоченные шпильки и смотрю на свое отражение в зеркале. Неплохо.

Выхожу из комнаты и иду к лестнице. Тут из дальней двери появляется Джонни.

— Ничего себе! — говорит он.

— Ну да, ну да, — отвечаю я.

— Серенгети заревнует, увидев тебя такой, — продолжает он.

— Конечно. — Закатываю глаза и начинаю спускаться.

— Вообще-то я не шучу.

Оглядываюсь на него, отстающего от меня на пару ступенек.

— Ты серьезно? Хочешь, чтобы я переделалась?

Он смеется:

— Черт, нет, Мег. Кому какое дело, заревнует Серенгети или нет?

— Что ж, тогда ладно, — неуверенно говорю я и продолжаю спускаться. Едва мы доходим до первого этажа, звонит домофон.

— Наверное, Дейви, — предполагаю я. — Ты правда не пойдешь с Серенгети по красной дорожке?

— Угу.

— Она расстроится.

— Думаешь, я плохой бойфренд? — спрашивает Джонни, пытаюсь выглядеть опечаленным, но от меня не укрывается блеск его глаз.

Лукаво смотрю на него и, не ответив, иду к двери. Он следует за мной, открывает шкаф в прихожей и достает кожаную косуху и блестящий черный шлем.

— Хочешь, отправим Дейви домой, а сами поедем на мотоцикле? — предлагает Джонни, надевая косуху и застегивая молнию.

Смеюсь:

— Ну да, это уж точно порадует твою девушку!

Он с улыбкой идет к двери и держит ее открытой, пока я выхожу.

— Уверена? Последний шанс.

Колеблюсь. Боже, мне бы очень хотелось явиться с ним на премьеру, но я знаю, что это плохая идея. Ужасная идея. О чем он вообще думает?

— Нет, спасибо. — Пытаюсь говорить серьезно. — Вряд ли Серенгети пойдет на пользу, если ты придешь на ее праздник с другой женщиной. Не то чтобы у нас с тобой что-то есть, я к тому, что газетчики воспримут это именно так.

Джонни приподнимает бровь:

— Как скажешь. Может, встретимся попозже.

Мы подходим к машине. Дейви открывает дверь и широким жестом приглашает меня сесть на заднее сидение. Оглянувшись через плечо, вижу, как Джонни идет к большому гаражу за деревьями.

Дейви садится на водительское кресло, заводит машину и медленно едет к воротам. По извилистой дороге мы спускаемся с холмов Бель-Эйра, и тут сзади раздается громкий рев и нас обгоняет мотоцикл.

Немею, понимая, что отказалась от шанса прокатиться с Джонни Джефферсоном. Бесс стукнет меня по голове молотком, если узнает. Ну почему мой здравый смысл всегда включается в такие моменты? Друзья говорят, что я самый прагматичный человек из всех им знакомых.

По крайней мере прическа не испортится. И на мне длинное платье, а на мотоцикл в таком не сядешь. Да и на каблуках ездить тоже неудобно.

Не-а. Здравый смысл ничуть не помогает. Мне все равно как-то паршиво.

На Голливудском бульваре огромная толпа народу. Дейви подъезжает прямо к барьерам и открывает мне дверь. Со всех сторон мелькают вспышки, люди вытягивают шеи, чтобы посмотреть, кто я. Конечно, вскоре они понимают, что я не знаменитость, и переключаются на следующую машину. Но для меня это ничего не значит. Чувствую себя звездой, протягивая охране свою контрамарку. Со всех сторон доносятся крики, когда я миную барьер и иду мимо людей на красной дорожке, которые дают автографы и фотографируются. Я настолько нервничаю, что даже не смотрю, кто они, а просто иду ко входу. Опыт нахождения на красной дорожке заканчивается, не успеваю я и глазом моргнуть, и уже внутри я жалею, что так ступила. Секунду стою на пороге и оглядываюсь.

Это что, Линдси Лохан?

— Мисс, вы можете отойти с прохода? — просит меня охранник.

— Да, конечно, извините, — прошу прощения я и спешу по лестнице в фойе. Высматриваю в толпе Китти и вскоре замечаю ее узнаваемые черные кудри, которые видела на том снимке с Брэдом Питтом. Ловлю ее взгляд, улыбаюсь и машу. Маневрируя в толпе, мы устремляемся навстречу друг другу.

— Привет! — восклицает она. — Так здорово наконец-то встретиться вживую!

— Это точно, — улыбаюсь я.

— Ух ты! Какое у тебя платье! — восхищается Китти. — А ожерелье просто бомба!

И тут я замечаю, что она в джинсах. Неужели я слишком расфуфырилась?

— Не была уверена, что надеть... — мямлю я.

— Понимаю. Представь себе, каково звездам! Слава богу, что всем фиолетово, что носят простые смертные вроде нас. — Она ахает и с ужасом смотрит на меня. — Но ты выглядишь потрясающе! Если мы еще куда-нибудь вместе пойдём, обещаю, я тоже принаряжусь. Просто немного устала от этого всего.

Благодарно улыбаюсь, но все равно чувствую себя немного по-дурачки.

— Идем внутрь? — меняет тему Китти.

Фильм неплохой. Тимоти Маккейнен играет британского аристократа, который очаровывает девушку, чью роль исполняет Серенгети. Но мне не очень понравился его британский акцент. Как бы мне ни был симпатичен Тимоти, на эту роль лучше подошел бы кто-то вроде Джуда Лоу.

В любом случае, когда мы приезжаем на вечеринку, которая проводится в стилизованном замке на Голливудских холмах, нас встречают официанты-рыцари в сверкающих доспехах с подносами разноцветных напитков. Китти выбирает зеленый коктейль, а я красный, потому что он подходит к моему ожерелью.

Идиотка, думаете вы, верно? Но на вкус он вроде ничего.

Спустя три коктейля мы с Китти начинаем беспокоиться насчет алкоголя на пустой желудок. Пока что мы успели съесть всего по канапешке, и обе умираем с голоду. Народу тьма, но Серенгети и компании еще нет. Видимо, рано приезжать на вечеринку не круто.

Когда звезды вечера прибывают, в толпе образуется проход. Снова поражаюсь красоте Серенгети и напряженно высматриваю Джонни, однако его нет.

— Где сегодня Джонни? — спрашивает Китти.

— Должен быть здесь, — ничего не понимая, говорю я. В кино он тоже не пришел.

— Привет, Китти, — окликает кто-то сзади. Повернувшись, я вижу невысокую худышку с длинными идеально прямыми волосами каштанового цвета и россыпью веснушек на лице.

Такое нечасто бывает, но мне она сразу не нравится. Видно в ее глазах что-то противное.

— Привет, Чарли, — несколько устало отвечает Китти.

— Где сегодня Род? — спрашивает Чарли, повернувшись ко мне спиной.

— Уехал по делам.

— Каким таким делам? Опять изменять жене, что ли?

— Ну, его развод оформлен, так что нет, жене он не изменяет. Чарли, это Мег.

Чарли поворачивается и изучает мой профиль.

— Привет. А ты чем занимаешься?

— Она новая ассистентка Джонни Джефферсона, — встревает Китти.

— Так, так, так, — прищуривается Чарли. — Значит, это ты получила работу мечты.

— Да. — Не очень хочется вступать с ней в разговор.

— Как?

— Меня порекомендовала моя начальница, — неохотно говорю я.

— А она кто?

— Мари Севено.

Непонимающий взгляд.

— Она архитектор в Лондоне. Вряд ли ты ее знаешь.

— А. — Она вздергивает нос.

Китти хлопает по плечу проходящего мимо официанта. Он останавливается и протягивает нам поднос с канапе. Китти берет тарелку и начинает накладывать на нее блины с копченым лососем.

— И когда ты начала? — интересуется Чарли, но на этот раз у меня полный рот блинов.

Она нетерпеливо ждет, пока я дожую.

Китти отвечает за меня:

— В воскресенье.

— О. Так ты совсем новичок.

— Съешь еще блинчик, Мег, — предлагает Китти, протягивая мне тарелку.

Улыбаюсь и беру один.

— Спасибо.

Она шаловливо улыбается, когда я кладу его в рот.

— Уже встречалась с Серенгети? — не отстает Чарли.

Киваю, весело жуя блинчик.

Чарли с неприязнью смотрит на мой рот и продолжает допрос.

— Я тоже. Она милая, правда?

— М-м-м, — нечленораздельно бормочу я.

— Такая красивая.

Я медленно глотаю. Китти едва не прыскает от смеха.

— Как дела у Айлы? — спрашивает Китти, давая мне передохнуть. Пользуясь шансом, беру еще один блинчик.

— Спасибо, все хорошо. Она в VIP-зоне. — Чарли поворачивается ко мне. — Джонни тоже там?

Я с полным ртом пожимаю плечами. Теперь она злится.

— Боже, я ни слова не могу из нее вытащить, пока она жует!

— Так давай и ты съешь, — предлагаю я. — Они вкусные.

— Нет, спасибо. Отложатся на бедрах, — отказывается она, без стеснения оглядывая мои. Трогаю за рукав очередного официанта и беру с подноса куриные шашлычки.

Чарли нетерпеливо вздыхает.

— Увидимся позже, когда вы сможете нормально поговорить.

— Хорошо! — жизнерадостно прощаюсь я.

— Хорошо! — поддерживает меня Китти.

Чарли идет к двум девушкам с другой стороны бара, и они все втроем изучают нас, пока Чарли, без сомнения, посвящает их в то небольшое, что ей удалось из нас вытащить.

— Терпеть ее не могу, — признается Китти.

— Даже не представляю, почему.

Она удивленно на меня смотрит:

— Прости, мне показалось, что тебе она тоже не понравилась.

— Так и есть, — киваю я, и тут понимаю, в чем проблема. — Это был сарказм.

— О. — Китти хихикает. — Я прямо как стереотипная американка, да? Забыла про знаменитый британский юмор.

Я улыбаюсь.

— А Чарли у кого работает?

— У Айлы Монтанье. Она...

— Я ее знаю. Вернее, знаю, кто она.

Айла Монтанье — избалованная дочка очень богатого и знаменитого кинопродюсера Керри Монтанье. Керри, кстати, мужчина. Все, чем Айла занимается: надирается в хлам и спит с богатыми молодыми людьми. Английские таблоиды пестрят историями ее эскапад.

— Всегда считала ее глупой коровой, — изрекает Китти.

— И почему меня это не удивляет?

Какое-то время мы молчим, оглядываясь по сторонам. Серенгети нигде не видно.

— Все звезды будут в вип-зоне, — говорит Китти, когда я произношу это вслух.

— Удивительно, что тут вообще есть вип-зона, если учесть, что это частная вечеринка.

— На таких вечеринках они почти всегда есть. Безумие, да?

— Ага. И разочарование, — признаюсь я. — В чем смысл доставать билет на вечеринку после громкой премьеры, если даже не выйдет потусить с богатыми и знаменитыми?

— Ну хотя бы напитки бесплатные.

— Это точно, — хихикаю я и беру со стойки еще один коктейль.

— Будь здесь Род, он бы провел нас в вип. Может, у Джонни получится? — предлагает Китти.

— Если он вообще придет, — печально говорю я.

— Оп-па! Легок на помине! — Китти смотрит на вход.

Вижу Джонни, все еще в косухе, пробирающегося сквозь толпу.

— Божечки, это Джонни Джефферсон!

Девушки рядом с нами начинают возбужденно шептаться, и я быстро понимаю, что Джонни в центре внимания почти всех на вечеринке. Тусовщики и поклонники пытаются его задержать, пока он медленно идет по залу, здороваясь и пожимая руки знакомым.

— Позови его! — Китти подталкивает меня в бок.

— Нет, — качаю я головой и поворачиваюсь обратно к ней.

— Почему нет?

— Я не так хорошо его знаю.

— Не так хорошо его знаешь? Да ладно! Ты же с ним работаешь!

— На него, ты имеешь в виду. Прости, нет. — Бросаю взгляд в сторону Джонни и вновь торопливо отворачиваюсь, увидев, что он целует шикарную брюнетку в зеленом платье. — Я не могу.

Китти разочарованно хмурится.

— Я думала, ты устала от всей этой звездной мишуры. — Проницательно смотрю на нее.

Китти смущенно улыбается:

— Да, устала. Просто я слегка влюблена в Джонни Джефферсона, и все.

— Правда? — взвизгиваю я.

— Ага, — кивает она. — А ты нет?

— Нет, — лгу я. — Он не в моем вкусе.

— Да, но ты все равно с ним переспшишь.

— Нет! — Должно быть, я выгляжу изрядно шокированной.

— Да ладно, — хихикает Китти. — Одна ночь страсти... Готова поспорить, что она состоится.

— Что состоится?

Оборачиваюсь и вижу прямо перед собой Джонни. Стайки девушек справа от него подталкивают друг друга локтями.

— Привет, — тихо здороваюсь я.

— Представь меня своей подруге, — велит он.

Китти сияет.

— Это Китти.

Они жмут друг другу руки.

— Я тебя уже видел, — говорит Джонни. — На тусовках.

— Правда? — Китти выглядит так, словно вот-вот грохнется в обморок от счастья.

— О чем вы говорили? — спрашивает Джонни.

— Да так, ни о чем, — торопливо отмахиваюсь я. — Не видела тебя на премьере.

— Я не пошел.

— Ой. Правда?

— Ага. Серенгети жутко разозлится. — Он ухмыляется. — И как вам фильм? Думаешь получится соврать, что я сидел с вами, если вы расскажете мне сюжет?

— Я не буду врать ради тебя, Джонни Джефферсон. — Изо всех сил стараюсь сделать лицо серьезным.

— Толку от тебя как с козла молока, — подкалывает он. — Знал же, что надо было брать девчонку из Ирана...

Мы улыбаемся друг другу, но тут я вспоминаю о Китти и понимаю, что она скучает. Отодвигаюсь и пытаюсь включить ее в наш разговор, но тут вижу в толпе проблеск бронзы. Приближается Серенгети. Киваю в ее сторону, чтобы его предупредить. Джонни оборачивается, замечает ее, потом снова смотрит на меня и вздергивает бровь.

— Привет, милый! — воркует она явно на публику, потому что когда наклоняется его поцеловать, почти шипит: — Где тебя носило?

— Привет, — говорит Джонни. — Деловые переговоры.

— Ну конечно, дорогой. Так что, идем в вип-зону?

— Нет, я пока потусуюсь здесь.

— Что? Почему? — Она непонимающе на него смотрит.

Он пожимает плечами.

— Джонни, — цедит она сквозь стиснутые белые зубы. — Ты не пришел на премьеру, но, может, здесь мне поможешь?

— Я пришел, не так ли? — Он смотрит на меня: совру или нет?

— Э-э...

Серенгети разворачивается и наконец меня замечает.

— Привет. — Она милостиво улыбается и протягивает мне руку. — Не думаю, что мы друг другу представлены.

Джонни смеется и прислоняется к барной стойке, скрестив руки на груди.

— Серенгети, это Мег, моя ассистентка. Вы сегодня виделись.

— Ой. — Она смеривает меня взглядом и надувает губы. — Не узнала.

— Я накрашена, — ляпаю я.

— И в платье от Версаче?

— Нет, оно из «Топшопа».

— Топ... чего?

— «Топшоп». Это такой магазин в Англии...

Серенгети уже забыла обо мне.

— Так ты идешь или нет? — спрашивает она у Джонни.

— Встретимся там, — говорит он, беря со стойки красный коктейль. — Вкусный? — обращается он ко мне.

— Очень.

— Как знаешь, — фыркает Серенгети, глядя сначала на мое ожерелье, а потом на декольте. Напоследок бросив на меня возмущенный взор, она уходит.

— Предупреждал я тебя, что она заревнует, — шепчет мне на ухо Джонни, а потом поднимает руку, привлекая внимание бармена. — Хочу чего-нибудь покрепче. Виски?

Смотрю на Китти, чье лицо по-прежнему сияет ярче Риджент-стрит в Рождество.

— Все нормально?

Она оживленно кивает.

Какой-то парень сзади меня пьяным голосом орет «Это Джонни!» и громко смеется.

— Гребаный дрочила, — бормочет Джонни, поворачиваясь к нам, и крутит бокал с напитком карамельного цвета. — Ненавижу, когда люди так говорят. — Он опирается локтем на стойку. — Так о чем был фильм? Вам придется мне рассказать, чтобы я смог притвориться, будто был там. — Он отпивает половину виски.

Одариваю его взглядом школьной директрисы и молчу, но Китти не упускает свой шанс:

— Ну, он о... — Она пересказывает сюжет, а я смотрю на них и улыбаюсь. Джонни время от времени поглядывает на меня, слушая рассказ. — Английский акцент Тимоти Маккейна просто ужасен, — сообщает Китти, и это забавно, потому что когда мы чуть раньше обсуждали фильм, она не обратила на это внимания, а теперь отзывается об акценте нелестно.

Джонни знаком просит бармена долить.

— Милое ожерелье, — делает он мне комплимент. Китти умолкает на полуслове.

— Спасибо, — отвечаю я, чувствуя себя виноватой за то, что прервала рассказ подруги. — Бабушка подарила мне его много лет назад.

— Круто. — Джонни допивает виски.

Китти тянется за очередным зеленым коктейлем.

— Хочешь еще, Мег?

— Конечно. Спасибо.

— Можешь допить мой, если хочешь, — предлагает Джонни. — Или взять новый, как будет угодно.

— Он тебе не понравился?

Джонни качает головой и, сморщив нос, передает мне бокал. Наш крутой рокер выглядит на удивление умилительно. Пару секунд улыбаемся друг другу. Он любитель пофлиртовать, значит? Интересно, он всегда так себя ведет с нормальными девушками? Наверное, да.

Ой. Внезапно вспоминаю о Китти, которая тихо сидит и пьет коктейль. Смотрю на нее и с улыбкой спрашиваю:

— Так что еще было в фильме?

— Не парься, — вмешивается Джонни. — Я вроде как все уже понял.

— Эй! — Высокий симпатичный парень в светло-сером костюме и белой рубашке хлопает Джонни по спине.

— Привет, приятель! — Джонни поворачивается, и они обмениваются рукопожатием, хлопками по спине и приобнимают друг друга. — Сто лет тебя не видел! Где шлялся, чувак?

— О, то тут, то там. Слушай... — Незнакомец наклоняется и что-то говорит Джонни на ухо.

— Да, да, супер, чел, — отвечает Джонни и обращается к нам: — Я попозже вас найду.

Он машет нам на прощание и идет за приятелем в толпу, опустив голову, чтобы ни с кем не встретиться взглядом.

— Была рада знакомству! — кричит ему вслед Китти и тут взвизгивает: — Проклятье! Мы забыли попросить его провести нас в вип-зону!

Она начинает болтать о своей беседе с великолепным Джонни Джефферсоном, и я пытаюсь сосредоточиться на ее словах. Но это очень сложно, потому что одновременно я рассеянно изучаю бокал, который мне дал Джонни, в поиске отпечатка его губ.

Глава 4

Джонни «потыкали» семь тысяч девятьсот восемьдесят один раз и послали четыреста пятьдесят девять приглашений поиграть в «Пиратов» с тех пор, как в последний раз проверялась его страница на Фейсбуке. И что мне теперь с этим делать?

Сейчас утро субботы, и я сижу в кабинете, потому что больше заняться нечем. Вчера я вообще не видела Джонни. Наверное, в итоге он дошел до Серенгети, и заход на сайт Сэмсона Сарки это подтвердил. В блоге была фотография того, как они вдвоем выходят с вечеринки в четыре часа утра. Я задавалась вопросом, удалось ли Джонни уговорить Серенгети поехать на мотоцикле, но вчера днем он мне позвонил и осипшим голосом попросил найти байк. Он оставил его на гостевой стоянке рядом с местом проведения вечеринки, но не был уверен, на какой именно. Обзвонив четыре гаража, причем каждый раз ожидая, пока парковщики поищут мотоцикл по описанию — которое сначала пришлось выпытать у Сэма, одного из охранников, — я наконец добилась того, что кто-то вспомнил, как приехал Джонни Джефферсон.

Сэм отправился забрать байк. Он оказался фанатом двухколесных средств передвижения, как сказала мне Роза. И хорошо, что она меня к нему направила, потому что в

органайзере Паолы ничего не говорилось о транспортных средствах Джонни. Жалко.

Но вернемся к Фейсбуку. Что я должна с ним делать? «Потыкать» без малого восемь тысяч человек в ответ? Присоединиться к четыремстам пятидесяти девяти пиратским командам? Что вообще такое эти «Пираты»? Знала же я, что надо было зарегистрироваться на Фейсбуке, когда работала у Мари. Но тогда я бы не выполняла работу столь усердно, и Мари бы не порекомендовала меня на нынешнее место. Видите, я же говорила вам, что прагматична.

Идея: позвоню-ка я Бесс. Она вечно зависает в соцсетях.

— Привет, как дела? — спрашиваю я.

— Ужасно. Какой-то козел только что уступил мне место в метро.

— Почему же козел?

— Он подумал, что я беременная, скотина вонючая!

— Ой. Фигово.

— Да уж, фигово.

— И что ты сделала?

— Села, конечно, — как ни в чем не бывало говорит она.

— Да ладно?

— В любом случае, хватит уже обо мне! Расскажи о Джонни! Он тебе все еще нравится?

— Я никогда и не подтверждала, что он мне нравится! — повышаю я голос.

— Ну да, да. Уже видела его подружку?

— Серенгети Найт? Боже, конечно.

— Какая она? — интересуется подруга. — Со звездной болезнью, как пишут в газетах?

— Все намного хуже, — отвечаю я. — Мне несколько раз приходилось убирать какашки за ее собакой.

— Нет! — ахает Бесс.

— Да уж.

— Значит, все не так уж гламурно?

— Нет. Кстати, я позавчера ходила на премьеру ее фильма...

— Очуметь! И как оно?

Смеюсь и рассказываю о фильме и вечеринке. Бесс не очень впечатлена тем, что я отказалась прокатиться с Джонни на мотоцикле, опасаясь разозлить Серенгети.

— Да чепуха все это! Кому есть дело до Серенгети Найт? Ты просто ДУРА, раз отказалась!

— Бесс, не ори! Я трубку держу в полуметре от уха! Короче, на вечеринке после показа Джонни подошел к нам поболтать, и это было круто.

— Ух ты. Готова поспорить, все присутствующие с вас глаз не сводили.

— Да, так и было, — с удовольствием подтверждаю я.

— А что насчет Тимоти Маккейнена? С ним ты говорила?

— Честно говоря, нет. — На самом деле тем вечером я совсем забыла о своей увлеченности этим актером. Слишком уж была занята кое-кем. — Возвращаясь к делам насущным, — продолжаю я, — мне нужен твой совет по поводу Фейсбука.

— А что такое?

— У Джонни есть странички на Фейсбуке и Майспейсе, которые я обязана вести, а у меня ни одной мысли по поводу того, как это осуществить.

— Я же тебе говорила завести страничку.

— Да знаю, знаю, — перебиваю я. — Просто объясни, что такое «Пираты»?

— Это просто игра. Можно биться с другими пиратскими кораблями и все такое.

Наверное, ему и на игру «Ниндзя» приходят запросы?

Приглядываюсь.

— Ага, примерно двести. И целая куча «Вампиров».

— У него есть рейтинг сексуальности?

— Что-что?

— Зайди на страницу приложений и добавь Джонни «Рейтинг». Он прикольный. Люди оценивают твою привлекательность. Джонни сразу взлетит в топ.

— Ладно...

— Уверена, куча народу покупает ему подарки.

— Подарки? Какие еще подарки?

— погоди, сейчас я сама залогинюсь в его аккаунт. Ты безнадежна. Ага, — спустя несколько секунд говорит она. — Куча подарков. О-о, глянь, кто-то купил ему электрогитару.

— Правда? Ух ты, щедро.

— Да не настоящую, тупица, — смеется Бесс. — Это просто картинка.

— И в чем смысл? — интересуюсь я, тоже заходя на страницу подарков по инструкциям Бесс.

— Не воспринимай все так серьезно, — хихикает она. — О, заставь его пройти тест на непристойную книгу.

— А это еще что?

— Очень грубый тест, посмотри у меня на страничке. Нужно нажать на него, так он добавится на страницу Джонни. Уверена, его нравственность сильно запущена.

Десять минут спустя сворачиваю разговор.

— Пожалуй, я пойду. Надо и делом заняться.

Бесс вздыхает:

— До сих пор поверить не могу, что ты получила такое место, везучая сучка. Ты, наверное, просто в отпуске в Хорватии или еще где-то и притворяешься, что работаешь с Джонни Джефферсоном.

Хохоча, вешаю трубку и снова захожу на страничку Джонни, где тут же получаю еще два приглашения поиграть в «Пиратов» и пару предложений купить Джонни выпивки. Погодите — вглядываюсь в монитор, — ему уже купили семь тысяч коктейлей. Это еще что за фигня? Нет, перезванивать Бесс не буду. Попозже напишу ей на почту.

Начинаю «тыкать» в людей, но вскоре это занятие надоедает. Определенно мы не должны поощрять такое поведение. Разве в настоящей жизни Джонни мало девиц «потыкал»?

Слышу, как закрывается входная дверь и встаю, пытаюсь понять, не Джонни ли это. Он, собственной персоной.

— Привет! — высовываюсь я из кабинета и улыбаюсь.

— Привет, — улыбается он в ответ, и тут за его спиной я вижу Серенгети.

— Привет! — жизнерадостно здороваюсь я. — Как дела?

— Нормально. Где Футси?

Черт. И правда, где он? Вчера был здесь. Бедная Роза жаловалась, что устала за ним убирать после того, как вечером четверга я оставила его спать на кухне. Она пришла утром в

пятницу еще до того, как я спустилась, что с моей стороны очень плохо, но накануне я выпила с десятков красных коктейлей. Короче, вчера я закрыла мохнатый шарик в постирочной и пошла спать.

— Пойду приведу его, ладно? — улыбаюсь я, пытаюсь скрыть тот факт, что несчастный песик уже десять часов заперт там один.

Серенгети не отвечает, поэтому несусь в направлении постирочной. Открываю дверь, и в нос ударяет запах.

Дерьмо!

В буквальном смысле.

— Он здесь что, всю ночь просидел? — вопрошает Серенгети из-за спины.

— Э-э...

— Просидел, да? — Она обходит меня и заходит внутрь. Футси скачет от радости.

— Прости, — говорю я — абсолютно искренне, когда вижу, насколько песик счастлив.

— Ну хоть жалеешь, — ядовито цедит Серенгети. — Бедный малыш!

— Это всего лишь собака, — приходит мне на помощь босс.

— Всего лишь? Всего лишь собака, Джонни?

— Ладно, ладно. Главное, что с ним все нормально, — успокаивает он ее и выразительно закатывает глаза, глядя на меня.

Угрызения совести внезапно испаряются, сменившись торжеством. Поверить не могу, что он при мне проявляет неуважение к своей звездной подруге.

Ранним вечером, когда я заканчиваю читать и писать письма друзьям в Англию, Джонни заходит в кабинет.

— Ты вернула мой мотоцикл?

— Да! Сэм его забрал. Надеюсь, это ничего...

— Да-да, все нормально.

— Джонни, — вторгается в разговор Серенгети, — давай поедим? Умираю с голоду.

— Конечно. Роза что-нибудь оставила? — спрашивает у меня Джонни.

— Да, думаю, чили в холодильнике найдется. Разогреть? Будет готово через десять минут.

— Хорошо.

Сорок минут спустя я по-прежнему одна на кухне. Пришлось сделать огонь совсем медленным и приглядывать за сковородой, чтобы не подгорело.

— Сегодня, боюсь, чили не понадобится, — сообщает наконец появившийся Джонни. — Серенгети хочет поесть в городе.

— В «Фабрике», — добавляет она, заходя на кухню.

— Ладно, — киваю я.

— Внутри, — добавляет Серенгети, опуская Футси на пол. — У окна.

— О. — Теперь до меня доходит. — Заказать вам столик?

— Э-э, ну да. — Она делает акцент на последнем слове, толсто намекая на то, что у нее невысокое мнение о моих умственных способностях.

— Конечно. Сейчас забронирую. — Выключаю плиту и выхожу.

— Ты разве не хочешь посидеть на веранде? — спрашивает у Серенгети Джонни. — Там намного лучше.

Замираю в дверях.

— Не, Джей-Джей, ты же знаешь, я там мерзну.

— Не называй меня так, — ворчит Джонни.

— Но это же так мило! — восклицает Серенгети, обнимая его за пояс.

— Кэти тоже довольно мило, но я же тебя так не называю.

Серенгети надувает губы и отступает. Наверное, Кэти — ее настоящее имя.

— Столик внутри, Мег. — Он выходит из кухни. Серенгети, она же Кэти, плетется за ним, а следом бежит Футси.

Умудряюсь в последний момент забронировать столик только благодаря карте постоянного гостя и вызываю Дейви. Серенгети для компании оставляет мне Футси. Компании для него, а не для меня, чтобы вы понимали, и спустя три часа прогулок, ужина и вытирания луж я наконец укладываюсь в постель. Футси сидит у меня под дверью и какое-то время воет, но потом затывается. Час спустя просыпаюсь от иного воя.

— Бедный, бедный малыш! — Судя по децибелам, Серенгети словно находится внутри комнаты, а не снаружи. — Как она могла оставить Футси за дверью?

— Ладно, ладно, пойдем в постель.

Голос Серенгети становится тише — она идет за Джонни к его спальне.

— Поверить не могу, что она снова так с ним поступила.

Со стоном перекатываюсь и пытаюсь вновь заснуть.

Глава 5

Серенгети Найт. Вредина Найт будет точнее. Сейчас утро воскресенья, и я наматываю свои круги в бассейне. По идее, сегодня можно и не работать, но я всегда на посту, да и делать мне все равно нечего.

На улице снова жарко и солнечно, и я останавливаюсь на минутку у бортика. Слышу, как позади открывается стеклянная дверь, оборачиваюсь — как раз вовремя, чтобы увидеть Серенгети, швыряющую Футси на террасу и резко задвигающую дверь. Мисс Найт даже рта не раскрыла, но я готова поспорить на собственный паспорт, что где-то в доме меня ожидает собачий сюрприз.

Выхожу из бассейна, вытираюсь, завязываю саронг на талии и сую ноги в сланцы. Футси несется ко мне с отрывистым лаем.

— Ладно, пошли, — вздыхаю я, — выгуляем тебя на природе.

Песик бежит за мной, вполне довольный жизнью, и задирает лапку то тут, то там, пока мы огибаем дом. Большие деревянные ворота начинают открываться.

Опешив на мгновенье, гляжу на старый зеленый пикап «шевроле», въезжающий на подъездную дорожку. За рулем сидит паренек латиноамериканской внешности. Он поднимает руку, улыбается, и тут меня осеняет. Садовник, чистильщик бассейна! Сантьяго. Да, точно, так его зовут. Помнится, я читала о нем в инструкции Паолы.

— Привет, — тепло улыбаюсь я, пока он выбирается из машины. — Я — Мег. А ты, должно быть, Сантьяго?

— Привет, приятно познакомиться, — пожимает он мою руку.

На самом деле он весьма симпатичный. Чудесная белозубая улыбка, прекрасная фигура. Немного низковат, пожалуй, но в целом приятный малый.

— Разве ты работаешь не по субботам? — интересуюсь я.

— Да, но иногда приходится менять график, если мама дежурит. Она медсестра, — поясняет он. — Я сижу с младшим братом, когда ее нет.

— О, ясно.

— Привет, Футси. — Он наклоняется, чтобы унять твякающего пса.

— Ах да, вы ведь уже знакомы, — говорю я.

— Угу, мы старые приятели...

Сразу чувствую, что мы с Сантьяго сходимся в своих оценках некой белокурой старлетки.

— Когда ты начала работать? — Он начинает выгружать инструменты из багажника.

— В прошлое воскресенье, — отвечаю я.

— Приятно видеть, что кто-то пользуется бассейном, — указывает он на мой наряд.

— Стараюсь проплывать пятьдесят кругов каждое утро.

— Это здорово.

— Ну, осиливаю-то я пока кругов тридцать, положим, но то ли еще будет.

Вместе направляемся к бассейну.

— Хочешь, помогу тебе нести что-нибудь? — предлагаю я, когда он открывает подсобку и что-то там ищет.

— Спасибо, я справлюсь.

— Давно работаешь на Джонни? — Подхожу и сажусь на шезлонг, чтобы погреться на солнышке, а Сантьяго скидывает кроссовки, закатывает бежевые длинные шорты и шагает к ступенькам бассейна, вооружившись каким-то очистным агрегатом. Надеюсь, парень не возражает, что я здесь расселась, но это так приятно — видеть новое дружелюбное молодое лицо.

— Почти два года, — отвечает Сантьяго. — Ну а ты? Как прошла первая рабочая неделя?

— Хорошо. Была на премьере Серенгети в четверг вечером. Весьма познавательно.

— Ух ты! — благоговейно восклицает Сантьяго. — И как проходят премьеры?

Описываю мероприятие, пока он выходит из бассейна и снова раскатывает шорты.

— Эй, мне надо проверить живую изгородь у фасада, — немного погодя говорит он. — Составишь компанию?

— А то.

— Работаешь у кого-нибудь еще из знаменитостей? — интересуюсь я и открываю черный мешок для мусора, готовясь к обрезке изгороди.

— Да, в моем послужном списке теперь есть кое-кто, но Джонни мой главный клиент. Я работаю у него с девятнадцати лет.

Значит, сейчас Сантьяго двадцать один, если он трудится здесь два года.

— Ну, — заговорщически шепчет он, — как тебе Серенгети?

— Эм... — мычу я.

— Не волнуйся, он вряд ли умеет говорить, — широко улыбается Сантьяго, кивая на Футси.

— Да я почти ее и не знаю, честно сказать.

— Ты просто стараешься быть вежливой. Если мне придется еще хоть раз убирать собачьи какашки, я точно взбешусь.

— Ты не в курсе, давно они вместе? — спрашиваю я, когда Сантьяго начинает стричь изгородь.

— Она появилась где-то месяц назад. Довольно большой срок для Джонни.

— Да?

— О да, — энергично кивает Сантьяго. — Я к тому, что секс, похоже, улетный.

Интересная мысль. Продолжаю допрос.

— Она вроде бы не в его вкусе.

— А он — не в ее.

— Да?

— Она предпочитает парней постарше, — сообщает Сантьяго. — С кем она раньше встречалась? С пятидесятилетним киномагнатом. Мало того, — азартно добавляет мой новоявленный информатор, легонько пихая меня локтем, — он-то и подарил ей пса, назвав его Футси потому, что питает слабость к ногам!

— Какой собачий фут-фетишист выискался! — хихикаю я. — Ты, наверно, шутишь!

— Да нет! Я серьезно! — горячится Сантьяго.

— Вот приколы!

— Футси! — протяжно кричит Серенгети, прерывая наше веселье.

— Надо идти, — тороплюсь я. — Было приятно познакомиться, если сегодня больше не встретимся.

— Ага, мне тоже.

Футси семенит за мной к задней части дома, где его ожидает хозяйка.

— Мне нужна машина, — объявляет Серенгети.

— Конечно. Куда поедете?

— Домой, — говорит она, берет Футси на руки и целует его в макушку. — Потом в аэропорт.

— Летите в какое-нибудь интересное место? — спрашиваю я, открывая дверь и пропуская Серенгети вперед.

— В Нью-Йорк, — небрежно бросает она. — Потом в Лондон. — И добавляет уже более мягко: — Очередные премьеры.

— Классно! Кстати, мне действительно очень понравился фильм, — добавляю я и почти не лукавлю.

— Спасибо.

Она отпускает Футси, и тот, опережая меня, устремляется в кабинет.

— Я сообщу, когда машина подъедет, — обещаю я и иду звонить Дейви.

Выполнив поручение, возвращаюсь в гостиную и вижу Серенгети — она сидит в одиночестве на кожаном дизайнерском диване темно-коричневого цвета и смотрит телевизор.

— А где Джонни? — удивленно спрашиваю я.

— Наверху, в студии, — отвечает Серенгети, сосредоточенно глядя на экран телевизора.

Идет документальный фильм о лемурах.

— Машина будет через двадцать минут. — Жду слов благодарности, но так и не дождавшись, собираюсь уйти.

— О, — оживает Серенгети. — Мег?

— Да? — оборачиваюсь я.

— Тебе в самом деле понравился фильм?

— Да, я веселилась от души. Отличная сцена, в которой ты заставляешь героя Тимоти есть сэндвич с арахисовым маслом и повидлом.

— С повидлом?

— С вареньем. Не знаю, как эта штука у вас называется. А еще было очень смешно, когда он решил научить тебя водить машину и оказался на встрече. — Неубедительно

смеюсь и продолжаю: — Похоже, в итоге это ты его научила!

Господи, неужели я не могла придумать что-нибудь более содержательное?

Серенгети улыбается и кивает:

— Хочешь посмотреть телик?

Собираюсь извиниться и сказать, что работа прежде всего, но тут вижу, как стайка лемурув глазеет на деревья, стоя на задних лапах и держа передние на весу.

— Забавные, правда? — заинтересованно гляжу на Серенгети, усаживаясь рядом.

— Кто? — переспрашивает она, явно витая в облаках.

— Лемуры.

— А.

Какое-то время мы сидим и молча смотрим передачу.

— Хотела бы я завести ручного лемура, — наконец говорю я.

— Тогда тебе надо обратиться к Джонни, — усмехается Серенгети. — Возможно, он достанет тебе такого.

— Ты так думаешь? Представляю, как он будет здесь резвиться. Правда, потом убирать замучаешься. — Не сдержавшись, кошусь на Футси.

Серенгети неловко ерзает на диване.

Наверху открывается дверь, и по лестнице скатывается Джонни.

— А это еще что за чудики? — спрашивает он, подходя к нам.

— Лемуры, — отвечаем с Серенгети хором.

— Хм. Ладно. Я тут все-таки решил прокатиться с тобой.

— Отлично! — сияет Серенгети.

Звонит домофон.

— Наверное, Дейви, — предполагаю я.

— Как раз вовремя. — Серенгети встает, небрежно берет Джонни за руку, и они направляются к выходу.

— Когда вернешься? — говорю я вслед Джонни. — Я должна что-нибудь сделать, пока тебя не будет?

— Нет, — откликается он. — Расслабься уже.

— Ладно. До встречи!

У двери Серенгети останавливается и оборачивается:

— Спасибо, что приглядываешь за Футси.

— Всегда пожалуйста.

И тут она улыбается мне. Возможно, она не такая уж стерва, как показалось.

Когда они уходят, возвращаюсь в кабинет. Знаю, Джонни разрешил мне не работать, но без машины мои возможности весьма ограничены. Обдумываю, не арендовать ли автомобиль на то время, пока нахожусь здесь.

Сажусь и вхожу на Майспейс. Девушки, как обычно, интересуются — настоящая ли это страница Джонни Джефферсона. Я уже утомилась им доказывать, что аккаунт подлинный.

Джонни появляется во второй половине дня.

— Что делаешь? — спрашивает он и плюхается в кожаное кресло рядом с моим столом. Его футболка при этом задирается, обнажая живот.

Сосредоточься, Мег!

— Просто пытаюсь привести в порядок твою страницу на Майспейсе.

— Сегодня воскресенье. Ты не должна работать. — Он елозит по сиденью и одергивает

футболку.

Уф!

— Я действительно не знаю, чем еще можно заняться. — Бросаю взгляд на экран. Кто-то только что опубликовал сообщение.

— Не хочешь поплавать? — услужливо предлагает Джонни.

— Сантьяго недавно обработал бассейн. — Напрягаю зрение, вчитываясь в текст.

— Тогда прокатиться на машине?

— У меня нет машины. — Что-то о концерте на следующей неделе.

— Можешь взять из моего гаража.

— Правда? — Теперь Джонни полностью завладевает моим вниманием.

— Конечно. «Порше-911» как раз подойдет.

— «Порше»? — Не верю своим ушам.

— Ну да. Почему бы и нет. Ты ведь умеешь водить?

— Умею. Но ты действительно доверишь мне свой «порше»?

— «Кarrera GT», пожалуй, и не доверю, а «911» — запросто.

Не совсем понимаю, о чем идет речь. Ведь «порше» — это «порше», хотя у Джонни их, похоже, два.

— Класс! — радостно восклицаю я. — Может быть, я возьму его в следующий выходной?

— Ну, смотри сама. — Джонни встает и высовывает голову из двери. — Мать твою, Кристиан, ты что тут делаешь? А ну тащи сюда свою задницу!

— Иду, остолоп ты несчастный. Я просто болтал с Дейви.

В комнату входит мужчина, должно быть, тот самый Кристиан. У него прямые темные волосы и хипстерская стрижка.

— Привет. — Он огибает стол и пожимает мне руку, а затем сообщает с акцентом уроженца Ньюкасла: — Я старый приятель этого дровича. — Он почти одного роста с Джонни, но не такой сухопарый и не такой загорелый.

— Кристиан иногда будет пользоваться кабинетом, — поясняет босс. — Можешь расположиться за этим столом, — говорит он другу, предпринимая безуспешную попытку убрать беспорядочную кипу бумаг. Я встаю, забираю у него документы и кладу их на свой стол. — Кристиан пишет мою биографию. Собирается рассказать все как есть, без прикрас. Так, приятель?

— Так. Чтобы мир наконец-то узнал, какой ты придурок. — И оба весело ржут, пихая друг друга локтями.

— А чили еще не стух? — обращается ко мне Джонни.

— Скорее всего, стух. — Прикидываю в уме варианты. — В холодильнике есть спагетти болоньезе. Могу разогреть, если хотите.

— Отлично. Ты тоже будешь, Мег?

— Как идет подготовка к концерту? — Кристиан переводит взгляд темно-карих глаз с Джонни на меня, как только мы располагаемся на террасе. На этот раз я сижу спиной к бассейну, так что красивым видом теперь наслаждается Кристиан.

— Не спрашивай ее, — косится на меня Джонни. — Она даже не знала, что я выступаю в четверг.

— Да ладно! — вытаращивается на меня Кристиан.

Чувствую, что краснею.

Джонни скалит зубы:

— Все на мази, приятель. Звукозаписывающая компания держит руку на пульсе. Ни забот, ни хлопот, только успевай пиши эти чертовы песни.

— А ты уже накопал что-нибудь новенькое?

— Есть пара композиций в запасе, но работа над ними пока не закончена.

Хочу больше узнать о концерте, но стесняюсь спросить — боюсь снова вызвать насмешки. Поэтому обращаюсь к Кристиану:

— А твоя книга уже далеко продвинулась?

— Нет, — отвечает он. — Начинаю ее с этого возвращения на сцену в четверг.

— Ну так что, приятель, оторвемся сегодня? — вклинивается в наш диалог Джонни.

— Ни за что, — стонет Кристиан. — Я ведь только что с самолета.

— Ну да, ну да, — пренебрежительно машет рукой Джонни, и Кристиан хмуро глядит на друга.

— Как Серенгети? Вы все еще вместе?

— А то ты не знаешь! — отвечает Джонни и добавляет, прикуривая сигарету: — Проклятые журналюги!

— Я не верю ничему из прочитанного, если автор не я, — смеется Кристиан, встает и начинает собирать тарелки.

— Не беспокойся, я сама уберу, — говорю я.

— Спасибо. — Он передает мне свою пустую тарелку и почти полную тарелку Джонни. — Хочу отнести наверх свой чемодан. Я по-прежнему в золотой комнате?

— В какой пожелаешь, — отвечает хозяин, наклоняясь через стол и стряхивая пепел в свои недоеденные спагетти. — Кроме комнаты Мег, разумеется. Руки прочь от моего персонала.

Гость закатывает глаза и возвращается в дом.

— Жду внизу через двадцать минут, — кричит ему вслед Джонни.

— Предупреждаю сразу, надолго меня не хватит, — отзывается Кристиан.

— Само собой, не хватит, — усмехается, глядя на меня, босс. — Сможешь вызвать Дейви? — Он бросает окурочек и встает.

— Конечно. Маршрут будет?

— Нет. Завалимся к Ти-Джею для начала.

— К Ти-Джею?

— К парню из моей группы, — объясняет Джонни.

— А.

Мне и это полагается знать?

Когда друзья отчаливают, пытаюсь заставить себя поплавать в бассейне или посмотреть какой-нибудь фильм в домашнем кинозале, но потом сдаюсь, поднимаюсь к себе и ложусь спать.

Глава 6

Тридцать один... Все, сдаюсь.

Семь утра. Я снова в бассейне, наматываю свои круги. Выплываю на мелководье, встаю и поднимаюсь по лесенке, выжимая воду из волос.

Еще один чудесный день. Оборачиваю вокруг себя полотенце и застываю на каменной

террасе, любуясь городом. Смог рассеялся, и на синем-синем небе не видно ни единого облачка.

Слышу позади себя громкий зевок, поворачиваюсь и обнаруживаю Кристиана. Одетый в боксеры и футболку, он потягивается, задрав руки.

— Привет, — сонно улыбается он. — Хороший денек.

— Прекрасный, — улыбаюсь ему в ответ.

— Как вода? — указывает он на бассейн.

— Замечательная. Окунешься?

— Нет, — качает он головой и снова зевает. — Может быть, позже.

— Ты рано встал.

— Еще не перестроился на местное время.

— Вы поздно вчера вернулись? — Я ничего не слышала.

— Я спекся где-то в полночь. А Джонни — фиг его знает. Он может войти в эту дверь в любую минуту.

Хм, значит, не всегда все складывается так, как хочет Джонни.

— Ты голодна? — спрашивает Кристиан, показывая на дом.

— Есть немного.

Он терпеливо ждет у двери, пока я быстро вытираюсь полотенцем и надеваю пушистый халат, который нашла в своей ванной. Потом Кристиан задвигает за нами дверь и ведет меня в кухню. Сегодня понедельник, и скоро должна прийти Роза.

— Гост? Фрукты? Хлопья? — предлагает Кристиан.

— Наверное, хлопья.

Кристиан начинает открывать шкафы и доставать коробки.

— Что это? — Я указываю на красочную коробку, выделяющуюся на фоне тусклых упаковок с мюсли и крупнозерновыми злаками.

— «Фруктовые камешки», — читает Кристиан название на коробке с изображением Фреда и Барни из «Флинстоунов». — Ты собираешься есть детские хлопья? — уточняет он таким тоном, словно говорит с неразумным ребенком.

— Да, черт возьми! — заявляю я. Кристиан смеется, достает две миски из шкафа, насыпает в них «камешки» и заливает их молоком. Затем вынимает две ложки из ящика и несет наш завтрак на стол.

Изучаю содержимое своей миски, наполненной плоскими хрустящими на вид штучками всех цветов радуги. Вместе с Кристианом зачерпываю смесь и отправляю в рот. Очень сладко. Начинаю хихикать.

— Обожаю, блин, детские хлопья, — с набитым ртом говорит Кристиан.

— Они самые лучшие, — соглашаюсь я.

— Как ты получила эту работу? — интересуется он и добавляет: — Если ничего не знаешь о Джонни...

Ввожу его в курс дела.

— То есть ты взяла, упаковала вещи и уехала? Вот так запросто? — Он глядит на меня, широко распахнув глаза.

— Ага, — смеюсь я слегка боязливо. Самой до сих пор кажется, что все это сон наяву.

— Хорошо, что ты ничего не знала о Джонни, — заявляет Кристиан. — А то он чуток зазнался.

Пожимаю плечами и меняю тему:

— Так что насчет книги? Почему ты на нее решился?

— Ну, просто Джонни как-то спросил, не хочу ли я написать его биографию, и я подумал, какого черта, почему бы и нет?

— Это что тут у нас? — В дверях появляется Роза.

— Привет, Роза! — хором восклицаем мы. Кристиан встает.

— Привет, мой дорогой, — тепло говорит она, обходит стол и обнимает Кристиана. — Хорошо, что ты приехал. — Потом она хмурится, глядя на остатки наших хлопьев. — Что это вы едите?

— «Фруктовые камешки», — радостно сообщаю я.

— Они классные! — добавляет Кристиан.

Роза закатывает глаза и начинает расставлять коробки с хлопьями по местам.

— Могу приготовить вкусный омлет или еще что-нибудь, если хотите, — предлагает она. — Или настоящий английский завтрак. Я знаю, как это делается.

— Нет, нет, не надо. — Я встаю. — Лучше пойду и приму душ.

— И я тоже, — произносит Кристиан. Направляемся к посудомойке, но Роза отбирает у нас тарелки и гонит нас прочь с кухни. Кристиан поднимается следом за мной по лестнице. — Увидимся в кабинете, — прощается он наверху, собираясь повернуть налево, тогда как мне надо направо.

— Обязательно.

Спустя полчаса спускаюсь и вижу, что Кристиан уже сидит за столом и что-то печатает. Он улыбается и говорит «привет», но лицо у него рассеянное.

Захожу в Фейсбук. Чертова туча девиц написала «Я люблю Джонни!» на его стене. Скукота.

Два огромных мешка с почтой укоризненно глядят на меня все эти дни. Знаю, что должна разобрать письма фанатов вместо того, чтобы валять дурака в Сети, но это ужасно затягивает. Неохотно закрываю окно на компьютере и тянусь к стопке писем. Распечатываю первый конверт и вынимаю простой белый лист, исписанный черными каракулями.

Дорогой мистер Джефферсон, я ваш горячий поклонник.

Ага, ага, это мы уже проходили.

Я слушаю вашу музыку по радио с двадцати лет. Сейчас мне, как и вам, уже стукнуло тридцать. Уверен, что вы напишете еще много хороших песен. Но я, к сожалению, их не услышу. Я умираю от рака.

Ох!

Единственное, что могло бы по-настоящему осчастливить меня на смертном ложе, это встреча с вами и ваше рукопожатие...

Хрипло вздыхаю.

— Все нормально? — глядит на меня Кристиан поверх монитора.

— А? Да. Просто ужасное письмо от фаната. Он умирает от рака и хочет встретиться с Джонни.

К моему удивлению, Кристиан возводит глаза к потолку.

— Что такое? Думаешь, он лжет? — спрашиваю я.

— Нет. То есть, возможно, он действительно болен. Но тебе известно, сколько подобных писем получает Джонни? — Качаю головой. — Сотни. Если не тысячи. Он не может встречаться с каждым, кто ему пишет.

— Верно, — соглашаюсь я. — Так что же мне делать? Показать это письмо Джонни?

— Я не стал бы, — отвечает Кристиан. — Отложил бы его в сторонку и проверил остальную почту, а потом бы уже решил, как быть. Наверняка наберется несколько писем, которые следует ему показать, но ты не можешь показывать ему все послания. Иначе он точно рехнется.

Как бы чудовищно это ни звучало, но я знаю, что Кристиан прав. Открываю новый конверт, а мой напарник снова принимается за работу.

Утро тянется медленно. Роза снабжает нас кофе и свежеиспеченным печеньем с арахисовым маслом, а Джонни все нет и нет.

— Вдруг он все же вернулся ночью домой? — наконец спрашиваю я.

— Все может быть, — отзывается Кристиан. Потом все-таки уступает своему любопытству и моему беспокойству, отодвигает стул и встает. — Ладно, пойду проверю.

Спустя пару минут он возвращается:

— Сейчас спустится.

Через десять минут сонный и обнаженный по пояс Джонни, спотыкаясь, входит в кабинет и плюхается в кресло. На глазах у него темные очки.

— Хорошо провел время? — интересуюсь я, сияя улыбкой, и стараюсь смотреть ему в лицо, а не на грудь. Но это не так-то просто.

— Я мало что помню, поэтому, видимо, хорошо. Ты такой слабак, — сообщает он Кристиану.

— Отвали, — говорит тот, продолжая печатать.

— Можешь прерваться на минуту? — спрашивает Джонни.

— Зачем?

— Надо поговорить.

Кристиан сбавляет темп, останавливается и немного резко интересуется:

— О чем?

— Ты чем-то недоволен? — осведомляется Джонни.

— В каком смысле, недоволен? — горячится Кристиан.

— Остынь, приятель, — усмехается Джонни и обращается ко мне: — Он все утро такой?

— Эм, — нерешительно мычу я. — Наверно, он просто ушел с головой в работу.

— Скажите пожалуйста!

Кристиан снова начинает печатать.

— Да плевать. — Джонни встает и направляется к двери. Я иду следом.

— Джонни, мы могли бы сесть и обсудить поступившие запросы о фотосессии и интервью?

— Да, да. Как только, так сразу, — отзывается он и устремляется в кухню. Роза приветствует его, как обычно пылко сжимая его предплечья в своих пухлых руках и издавая при этом какие-то гортанные звуки. Джонни, похоже, нравится подобное обращение.

— Какие планы на сегодня? — спрашивает Роза, начиная готовить кофе.

— Сегодня, моя прекрасная Роза, ко мне придут музыканты. Вообще-то, они уже на подходе.

Сейчас два часа дня.

— От меня что-нибудь требуется? — справляюсь я.

— Нет, Мег. Я просто «уйду с головой в работу», вот и все, — ехидно отвечает он.

Раздается звонок.

— А вот и они, — объявляет Джонни, не собираясь вставать.

Иду открывать парадную дверь. За ней обнаруживаются четыре взъерошенных типа, все как один в темных очках. Делаю шаг в сторону, пропуская их в дом. Двое из них несут зачехленные гитары, один — синтезатор, а последний парень — барабанные палочки, и я делаю вывод, что ударная установка уже находится в студии. Говорю «привет», представляюсь, парни кивают, что-то мычат в ответ, однако не называют своих имен.

Джонни уже стоит наверху, и музыканты плетутся по лестнице в студию.

— Сейчас подойду, парни, — говорит их предводитель и направляется в свою комнату, расположенную в конце коридора. Я снизу смотрю, как они заходят в студию и захлопывают за собой дверь.

— Такие общительные ребята, — делюсь я с Кристианом, вернувшись в офис.

— Они заявили в клуб, когда я уже уходил, — посмеиваясь, объясняет он. — Видимо, ночь была долгой. — Он поднимается и берет со стола ручку с блокнотом. — Надо сделать пару заметок. Увидимся позже.

Часа через два мне удается пробить небольшую брешь в горе фанатской почты. Иногда до меня доносится музыка из студии наверху, но звучит она приглушенно. В половине пятого Кристиан просовывает голову в дверь и говорит:

— Пойдем, послушаешь.

Музыка становится громче по мере нашего приближения к студии. Кристиан открывает дверь и пропускает меня вперед. Джонни и его группа находятся за стеклянным экраном. Джонни громким голосом раздает указания, и парни одобрительно кивают. Выдвинув для меня стул за звукорежиссерским пультом, Кристиан садится рядом со мной. Лежащий перед ним блокнот весь исписан неряшливым почерком.

— Слышал что-нибудь новенькое? — спрашиваю я.

— Пока нет.

— Кто тут кто?

— Ли — ударник, Ти-Джей — басист, Майк — ритм-гитара, Брай — клавишные. Не время гастролей состав группы увеличивается — привлекаются бэк-вокалисты, саксофонисты, скрипачи и другие музыканты, но на этом концерте будут по большей части акустические вещи. Пару песен Джонни исполняет вообще без сопровождения.

Разглядываю профиль Джонни, пока тот говорит с музыкантами. Его грудь пересекает ремень от гитары. На Джонни обтягивающая некогда серая футболка. Шнур акустической гитары ползет за ним к скрытому от глаз усилителю. Музыканты согласно кивают; Джонни поворачивается лицом к стеклу, берет гитару и начинает играть. Кристиан прибавляет звук на одной из панелей.

Узнаю мелодию. Это акустическая версия одного из самых известных быстрых хитов Джонни. Он подходит к микрофону и, почти касаясь его губами, начинает петь. Теплый проникновенный голос наполняет меня, гипнотизируя и вводя в транс.

Потом Джонни поднимает голову, и взгляд его зеленых глаз прошивает меня, словно удар тока. Джонни поет для меня, и я застываю, не в силах оторвать от него глаз.

Но вот он опять переводит взгляд на гитару и больше не смотрит в мою сторону. Песня заканчивается, и Джонни поворачивается к своей команде. Такое чувство, что меня тут и не было вовсе.

Слезы щиплют глаза, и я знаю, насколько это странно и эксцентрично звучит.

Смотрю на Кристиана и с удивлением обнаруживаю, что он спокойно за мной

наблюдает.

Смущенно встаю и, желая поскорее исчезнуть, заявляю:

— Меня ждет работа.

— Ты права, — соглашается Кристиан и глядит на свою руку с занесенным над чистым листом пером.

Направляясь к выходу, бросаю короткий взгляд на Джонни, и в этот самый миг он смотрит мне в глаза, и лицо его кажется мрачным.

Пытаясь унять дрожь в ногах, линияю из студии.

Глава 7

Переплываю бассейн и внезапно натываюсь на чьи-то большие бледные волосатые ноги.

— Тьфу! — Отплевываюсь, прижавшись к бортику, поднимаю глаза и обнаруживаю Кристиана, который с ухмылкой меня разглядывает.

— Время завтракать?

Улыбаюсь и говорю, что приду на кухню через пару минут. Двадцать восемь кругов достаточно. Кажется, от меня все дальше и дальше ускользают заветные пятьдесят.

— Опять допоздна кутили? — спрашиваю, усаживаясь.

— Да не особо, — отвечает он. — Джонни немного на взводе из-за завтрашнего концерта.

— Что это за хрень? — вопрошает Джонни, возникая на кухне в неизменных темных очках.

— Хлопья, — объясняю я, и сердце пропускает удар. Такое чувство, будто не видела Джонни целую вечность. — Хочешь?

— Ни за что. Смахивает на радужную блевотину.

— Приготовить что-нибудь?

На часах семь сорок пять, и Роза еще не объявилась. Вообще-то, довольно странно видеть хозяина дома на кухне в такую рань.

— Только крепкий кофе.

— Сегодня опять музыканты придут? — интересуюсь я.

— Да, с минуты на минуту. Мег, отнеси кофе наверх. Мне надо поработать.

— У него паршивое настроение, — задумчиво бурчит Кристиан с набитым ртом, едва Джонни покидает кухню. Достает блокнот и начинает в нем что-то строчить.

Пять минут спустя несу кофе — черный, без сахара, какой он любит — Джонни в студию наверху.

— Спасибо, детка, — говорит он, забирая чашку и смеривая меня взглядом. На мне до сих пор халат.

— Извини, пойду переоденусь. Только что из бассейна, — оправдываюсь я, изрядно нервничая.

— Ага. Эй, у тебя там под ним мини-бикини? — Он приподнимает бровь. Раздается звонок домофона, и я пачусь к двери. Джонни тихонько хихикает, пока я удаляюсь из комнаты.

— Я открою! — кричит снизу Кристиан.

— Благодарю. — Спешно ретируюсь в свою безопасную спальню.

Проходит пара часов, и все это время телефон в кабинете трезвонит не умолкая. Увидев,

как снаружи проходит Роза с подносом, решаюсь на отчаянный шаг.

— Роза, я отнесу наверх. Мне все равно надо обсудить с Джонни парочку дел.

Кристиан по-прежнему восседает за микшерным пультом, хотя единственное, к чему он прикасается — ручка громкости. Он вскакивает, придерживая дверь, которую я распахиваю левым плечом.

У Джонни за стеклом недовольный вид. Он кивает, замечая меня, снимает с плеча гитару и заходит в комнату, оставив группу за стеклянной перегородкой.

— Как меня все это достало, — рычит он, хватая чашку кофе. — Отнесешь им? — обращается Джонни ко мне таким тоном, что я немедленно забираю поднос и ухожу к музыкантам. Удостаиваюсь какого-то ворчания, но ни одного нормального «спасибо».

— Классное звучание, — заверяет Кристиан, едва я возвращаюсь в комнату для сведения.

— Дерьмовое, — рывкает Джонни. Кристиан тянется за блокнотом.

— Не зли меня, — предупреждает Джонни.

— Что, задушишь цензурой? — саркастически любопытствует Кристиан.

— Какого хрена! Конечно нет. Не могу сосредоточиться!

Неловко торчу в дверях, сжимая в руках свой блокнот. Внезапно Джонни обращает на меня внимание.

— В чем дело, Мег?

— Э-э, нужен незамедлительный ответ по поводу этих интервью.

— Каких еще интервью?

— Я пару раз упоминала о них.

— Напомни-ка.

— Ну, «Роллинг стоун» хочет пообщаться с тобой за кулисами перед выступлением. В городе журналист из «НМЭ», который придет на концерт, надеюсь задать...

— Улаживай сама. Тебе решать, — обрывает босс.

— Но...

— Что?

— Ладно. — Поговорю с Биллом. Я еще не так хорошо знаю Джонни, чтобы принимать верные решения. Если честно, это чертовски напрягает.

Кристиан продолжает строчить.

— Чувак, ты это вырежешь? — спрашивает Джонни.

— Послушай! — сердито отвечает Кристиан. — Хочешь, чтобы я писал твою долбаную биографию или целовал тебе задницу?

На мгновение Джонни впадает в ярость, затем его лицо разглаживается.

— Извини, просто все немного достало. — Он проводит рукой по волосам и разглядывает группу.

— Понимаю, чувак. — Голос Кристиана тоже смягчается. — Помощь нужна?

По-прежнему неуклюже топчусь в дверях, не зная, уйти или остаться.

— Нет, порядок. И Мег, — обращается Джонни ко мне, — прости, что на тебя накричал. Посоветуйся с Биллом. Он разрулит с интервью.

— Отлично, — заверяю я. — Спасибо.

— Кстати, — внезапно произносит босс, — почему бы вам двоим не развеяться? Махнуть куда-нибудь в Санта-Монику или в другое место. Тебе ведь хватило моего паршивого настроения для книги, не так ли, Кристиан? — На его лице появляется слабое

подобие улыбки.

— Э-э, да, — мямлит Кристиан, размышляя над предложением. — Неплохая идея. Впишешься, Мег?

— Хм... — Не особо охота сваливать из дома, пока тут Джонни, но стыдно упустить шанс посмотреть достопримечательности.

— Вперед, — взывает Кристиан.

— Ладно, но сперва позвоню Биллу и дам ответ журналистам.

— Круто! — одобряет Кристиан. Джонни возвращается за стекло.

— Эй, чувак, — окликает его друг. — Мы возьмем машину?

Джонни рассеянно машет рукой.

— Конечно, конечно, все что угодно.

Кристиан окидывает меня взглядом неподдельного азарта и выталкивает из комнаты.

— Шевелись! Пока он не передумал.

Не врубаюсь, отчего вся эта суета, до тех пор, пока сорок минут спустя, оказавшись у подножия лестницы, не застаю Кристиана, который до сих пор напоминает ребенка, собирающегося в Диснейленд.

— Давай, давай!

Не могу удержаться от смеха, следуя за ним к гаражу.

Кристиан делает знак одному из охранников (по-моему, Льюису), который подходит к нам и набирает восьмизначный код доступа.

— Ключи в машинах. Удачного дня, — произносит Льюис, провожая нас внутрь.

— Они всегда столь любезны с теми, кто хочет покататься на автомобилях Джонни?

— Нет. Я недавно договорился с Льюисом. Прежде Джонни разрешал мне пользоваться тачками.

Кристиан щелкает выключателем, и просторное помещение озаряется светом. Нам открывается вид на шесть блестящих разноцветных автомобилей. В самом конце располагается пара мотоциклов.

— Что скажешь, Мег? Какую выберем?

— Не знаю. Синюю?

Он смеется.

— Не говори «синюю».

— Тогда красную?

— Мег! Это настоящее кошунство. Прекращай выбирать по цвету.

— Извини, не сильно понимаю в машинах.

— Ладно, придется тебя просветить, иначе только зря потратишь время. Идем. — Он манит за собой, и мы подходим к первому автомобилю слева. Гладкий, блестящий и темно-серый. — «Крыло чайки». Классическое авто пятидесятых. Двери крепятся шарнирами на крыше, смахивая на крылья чайки — отсюда и название.

— Крутой, — замечаю я, разглядывая салон из красной кожи.

Он переходит к следующему, ярко-синему.

— А это «порше 911 турбо». Прекрасный вариант для прогулок, типичная повседневная тачка. Стоит всего около ста десяти тысяч фунтов.

— Прости, ты сказал «всего»? — ошарашенно переспрашиваю я. В голове не укладывается, что Джонни разрешил мне покататься на такой машине.

— Те два в конце обойдутся в миллион баксов с лишним каждый.

— Что?!

— Подожди, через минуту доберемся и до них, — убеждает он, приближаясь к очередному авто серебряной окраски.

— Еще один «порше», но этот — «Каррера GT». Один из самых быстрых автомобилей «порше».

— Приятный, — соглашаюсь я.

Следующий — красного цвета.

— «Феррари Энцо». Таких в мире только четыре сотни штук, и купить один из них можно было только людям из списка компании. Джонни оказался в числе этих счастливчиков.

— Классный!

— Не торопись с выводами, — строго предупреждает Кристиан, направляясь к предпоследней черной машине.

— А теперь сексуальный зверек — «макларен F1». Какое-то время он был самым скоростным серийным автомобилем.

— Мне нравится...

— Ага, у Джонни он тоже ходит в любимчиках, поскольку трехместный.

Непонимающе смотрю на Кристиана.

— Под настроение здесь классно кувыркаться с двумя фанатками, — объясняет он.

Поразмыслив, заново авто в разряд ненавистных.

— Крохотные сиденья, — отмечаю с напускным безразличием.

— Как раз любимый размер Джонни, — отвечает Кристиан.

— А этот? — Устремляюсь к серебристо-кремовому творению в конце.

— «Бугатти вейрон». Самый быстрый автомобиль в мире. Разгоняется до сотни за три секунды, при максимальной скорости изменяет форму. Джонни приобрел его всего полгода назад.

Почтение, сквозящее в его голосе, выглядит довольно забавным.

— Поедем на нем! — решаю я.

— Чего вдруг? Чем он так зацепил?

Ну вот, теперь Кристиан бросает мне вызов.

— Ты же только что назвал его лучшим. Разве не так?

— Так, конечно. Но я хочу, чтобы ты полностью осознала свой выбор. Загляни внутрь, — предлагает Кристиан, открывая пассажирскую дверь.

— Очень хороший, — убеждаю я, прежде чем понимаю, что этого явно недостаточно. — Мне нравится приборная панель. Держу пари, она прекрасна, когда машина заведена.

Кажется, у меня получилось. Кристиан запрыгивает на водительское сиденье.

— Готова? — спрашивает он. Торжественно киваю в знак согласия. Он включает зажигание и запускает двигатель. Автомобиль с ревом оживает. — Только послушай, — произносит Кристиан, открывая глаза и устремляя на меня взгляд.

— Ух ты. — Ладно, звучит довольно потрясно, но я не собираюсь заходиться в оргазме или что-то в этом духе. — Ого, взгляни-ка, — восклицаю я, указывая на огни приборной панели.

Кристиан улыбается и откидывается на сиденье, на мгновение обратившись в слух.

— Так что, двигаем? — тороплю я.

— Ты определенно настроена взять «буг», верно? — Он вглядывается в мое лицо.

— «Буг»? Ах, «бугатти». Конечно. Однозначно, «буг» — лучший из лучших.

Кажется, теперь я точно его убедила. Кристиан регулирует сиденье и зеркала, пристегивается и плавно выводит машину из гаража.

— Чертовски бесит ограничение скорости! — кричит он пятнадцать минут спустя. Мы едем по шоссе в Санта-Монику. — Очень хочется поддать газу!

Как могу изображаю сочувствие, не пытаюсь соперничать с шумом двигателя.

Перед нами простирается прозрачно-голубой океан, лучи полуденного солнца отражаются от его поверхности, создавая миллиарды сверкающих искр. Подъезжаем к шикарному отелю «Вице-король», где, по словам Кристиана, самая безопасная парковка.

— Позже непременно выпьем чего-нибудь в баре у бассейна, — сообщает он. — Там очень клево.

Жара уже не такая изнуряющая, как прежде — уверена, дело в прохладном морском бризе. Бредем по пыльной мостовой к воде.

Обширный пляж Санта-Моники изобилует променадами по белоснежному песку. В его высшей точке произрастают пальмы, а вдали располагается пирс с колесом обозрения. Кристиан отодвигает меня с пути проезжающего роллера, и я, оглянувшись, замечаю еще шестерых. Подходим к пункту проката роликов, и я впадаю в искушение, пусть и не умею кататься. Просто тут, похоже, катаются все.

— Ты не заставишь меня встать на ролики, — заявляет Кристиан, когда я вношу предложение. — Хотя вон туда готов сходить. — Он указывает на вывеску «Пляж мускулов». Напоминает детскую площадку для взрослых.

— Тогда вперед, — произношу с улыбкой.

Разуваемся и шагаем по теплему песку, забитому отдыхающими. Слева группа тренированных людей играет в волейбол, а еще я замечаю пару наблюдательных вышек для спасателей. Мы словно попали в серию «Спасателей Малибу». За исключением того, что моим сиськам катастрофически не хватает силикона, а Кристиан далеко не Дэвид Хассельхофф в расцвете лет. Он повисает на кольцах и переворачивается. Прodelывает так четырежды и останавливается, продолжая висеть, тяжело дыша. Выглядит столь нелепо, что я захожусь от смеха.

Высокий мускулистый мужчина с лоснящимся от масла телом останавливается неподалеку, наблюдая, как Кристиан старается освоить другие кольца. Вскоре становится ясно, что он дожидается своей очереди, так что я иду до конца и оказываю моральную поддержку.

— Давай, Кристиан, у тебя получится! — ору я с воодушевлением. Он переворачивается еще несколько раз. — Давай, парень, давай! — продолжаю я кричать, на сей раз хлопывая себя по коленям, будто подбадриваю собаку. Непохоже, будто Кристиану смешно, но он все же заканчивает упражнение.

— Охренеть, как трудно, — задыхается он, согнувшись пополам, а затем, оглянувшись, видит, как Масляный Человек ровно за пять секунд проходит все четыре кольца. Кристиан бросает мне нахальную ухмылку, и я хихикаю.

— Прокатимся на колесе обозрения? — спрашивает он.

— Ага!

Его лицо озаряет приятная улыбка.

За колесом обозрения следуют американские горки, но Кристиан отказывается садиться на старомодную карусель.

— Я что, похож на маленькую девочку?

— Нет, но ты ешь детские хлопья.

Удивительно, насколько расслабленно я ощущаю себя в компании Кристиана, учитывая, что мы едва знакомы. Любопытно, есть ли у него подружка?

О да, он был бы идеальным бойфрендом. Для Бесс, Китти или кого-то еще. Но не для меня.

Когда солнце начинает клониться к закату, отбрасывая тени на следы в песке, мы прогуливаемся по пирсу. По дороге попадается передвижная кондитерская, и любовь к сладкому настолько меня пересиливает, что я тяну Кристиана за футболку, вынуждая остановиться. Его глаза все расширяются, пока мы осматриваем ряды ярких сладостей. Кристиан торопливо хватается за пакет и передает его мне, оставляя себе лопатку. Я указываю на мягкие мини-арбузы, и он набирает их в раскрытый мною пакет.

— Как насчет бананов? — предлагает он. — С ними никогда не прогадаешь.

— Однозначно, — соглашаюсь. — И в придачу виноградные тянучки.

Мы продолжаем идти вдоль пирса, поедая сладости на ходу, и я говорю:

— Никогда еще не встречала парня, который любит те же сладости, что и я.

— Черт, да. У меня сладкий возраст примерно семь.

— Сладкий возраст? — непонимающе переспрашиваю я.

— Ага, знаешь, твои любимые сладости предназначены для какого-то определенного возраста. Вот эти штучки для малышей. — Он поднимает пакет. — Апельсиновый шоколад «Терри» рассчитан на покупателей лет тридцати пяти. А мятный шоколад «После восьми» — для тех, кому за девяносто.

— Ну, наверное, у меня сладкий возраст тоже семь, — решаю я. — Может, восемь, потому что девочки взрослеют быстрее мальчиков.

Добираемся до конца пирса, едва солнце касается кромки горизонта. Здесь есть мексиканский ресторан с баром на открытом воздухе, где полным-полно народа.

Кристиан поворачивается ко мне:

— Пошлим подальше тот шикарный бар и завалимся сюда?

Вскоре мы уже располагаемся снаружи с бокалами «маргариты».

— Твое здоровье, — произносит Кристиан, и мы чокаемся.

— Откуда ты знаешь Джонни? — интересуюсь я, пока Кристиан пожирает бесплатные начос.

— Лет сто назад познакомились в школе.

— В Ньюкасле?

— Ну да. Мы жили на одной улице, ходили в одну школу. Я знаю его почти всю жизнь.

— Так классно, что после стольких лет вы до сих пор друзья.

— М-м-м. — Хрум, хрум, хрум.

— Потом Джонни перебрался в Лондон, да? — Убираю волосы за уши и наклоняюсь.

— После смерти матери, — подтверждает Кристиан. — Нам тогда было по тринадцать.

— Наверное, было тяжело, — заботливо бормочу я.

— Точно. Но когда я отправился в Лондон поступать в университет, мы снова встретились. Как в старые добрые времена. Вместе снимали квартиру. Потом его группа стала знаменитой, вот, пожалуй, и все.

— Ух ты. Должно быть, нелегко тебе было видеть, как твой лучший друг в одночасье становится рок-звездой.

— Да... Эй, закажем какую-нибудь еду? — внезапно спрашивает Кристиан.

Беру меню, понимая, что пока что хватит расспросов про этих двоих.

В тот миг, когда я делаю выбор между фахитас и буррито, звонит новый айфон, выданный мне боссом.

— Где вы? — Судя по голосу, Джонни чем-то очень недоволен.

— Э-э, в Санта-Монике? — Мой жалкий ответ звучит как вопрос.

— Где Кристиан? — допытывается Джонни.

— Он здесь.

— Дай ему трубку.

С озабоченным видом передаю телефон. Кристиан выглядит невозмутимым.

— Все путем, чувак? — интересуется он. — Вот дерьмо, — продолжает Кристиан, лезет в карман джинсов и достает мобильник. — Поставил на беззвучный. — Он опускает телефон в карман. — Как раз собирались заказать еду... — произносит Кристиан, вскоре после чего добавляет: — Ну, ладно. Да, конечно. — Он смотрит на меня и морщится, готовясь к очередному вопросу. — «Буг», — отвечает Кристиан, а затем: — Ты же разрешил! — Пауза. — Отель «Вице-король». — Еще пауза. — Ага, ладно, немедленно едем домой.

— У него все в порядке? — нерешительно спрашиваю я, когда разговор заканчивается.

— Да. Он просто разозлился, что мы пропали на целый день.

— Блин! Не хочу его злить.

— Не парься, ты ни при чем. Короче, это я его взбесил, взяв дорогуший «бугатти». — Кристиан усмехается, но я чувствую озабоченность в его тоне. — Честно, Мег, все нормально. Он ведь не запрещал нам брать эту тачку, так что сам виноват, что не уточнил, что можно взять, а что нельзя. — Меня это явно не убеждает, потому что Кристиан с улыбкой добавляет: — Серьезно, он всегда такой. Постарайся просто не обращать внимания.

Официант приносит счет, и Кристиан сует в папку купюру, отмахиваясь от моего предложения платить пополам. Потом мы встаем и потихоньку идем назад вдоль пирса к автомобилю.

Глава 8

К интервью все подготовлено, список гостей утвержден, и Сэм только что позвонил в домофон, сообщая, что Дейви уже ждет. Поворачиваюсь к Джонни.

— Готов?

— Всегда готов.

Джонни, Кристиан, Билл и я вместе отправляемся на концерт, и я заранее нахожусь в предвкушении. Выступление, о котором все говорят, и я буду там, прямиком в гуще событий. Ладно, друзья разноются, что такой шанс выпал мне совершенно напрасно, но кого это волнует. Класс!

Вернувшись вчера вечером домой, мы нигде не обнаружили Джонни, и я опасалась, что его разозлила. Впрочем, сегодня у него отличное настроение.

Мы еще не выехали за ворота, а Билл уже всю осваивает мини-бар. Я готовлю четыре бокала со льдом, пока Билл тянется к виски. Он наливает щедрые порции в два, отдавая один Джонни.

— Тебе виски, Крис? — осведомляется он у Кристиана.

— Предпочитаю пиво.

Билл передает Кристиану бутылку «Бекс» и поворачивается ко мне.

— Что будешь пить?

— «Бейлис» найдется?

Он фыркает и смотрит на Джонни, который сидит напротив нас, рядом с Кристианом.

— На фиг «Бейлис». Глотни-ка лучше это, девочка. — Он протягивает мне виски, наливает себе еще один и откидывается на спинку. Втихаря вываливаю себе лед из нетронутого бокала Кристиана, пытаюсь разбавить выпивку. Кристиан изумленно меня разглядывает, прежде чем поднять свою бутылку пива.

— За новый клевый концерт, чувак.

— Твое здоровье, — отвечает Джонни.

Клуб «Виски» расположен на Сансет-стрип, и очередь уже змеится снаружи, огибая здание, невзирая на то, что до начала концерта еще два часа. Стайка девушек впереди истерически вопит, завидев лимузин. Очередь мгновенно рассасывается: люди вырываются из толпы и бегут за автомобилем. Реально, их лица совершенно ужасны, когда они ломаются в окна, пытаясь залезть внутрь. Бросаю на Джонни тревожный взгляд, но, похоже, эта атака зомби оставляет его абсолютно равнодушным.

Дейви продолжает гнать.

— Думаю, нам лучше объехать квартал, — кричит он спереди.

Билл вздыхает и смотрит на меня.

— Ты собираешься предупредить охрану о том, что мы здесь или как?

— Да, извини, — бормочу я, копаясь в сумочке в поисках телефона. Никто не учил меня, как поступать в подобных ситуациях, но в следующий раз буду умнее. Столько всего приходится изучать на работе.

Вскоре после того, как задний выход надежно оцепила охрана, Дейви притормаживает, и мы выходим из автомобиля. Толпа из примерно пятидесяти человек ждет в надежде, что мы прибудем именно этим путем, и, черт, как же громко они кричат. Работаю локтями, пытаюсь добраться до Джонни, хотя охранники и сдерживают наплыв людей, пока мы спешим внутрь. Дверь за нами захлопывается, и высокая блондинка с наушником в ухе и планшетом провожает нас в закулисную гримерную. Как в тумане вхожу в комнату.

— Просто безумие, да? — интересуется Кристиан.

— Все будет просто атас. — Билл в предвкушении хлопает в ладоши.

Джонни несколько раз энергично подпрыгивает на месте.

— Ты в порядке, Мег? — спрашивает он.

— Черт возьми, только посмотри, она не верит своим глазам! — хохочет Билл. — Сдается мне, ей нужно еще выпить.

— Ага, такая же фигня, — произносит Джонни и хватается за бутылку виски со стола, уставленного выпивкой и закуской. Он открывает и хлещет прямо из горла, прежде чем с усмешкой предлагает бутылку Кристиану. Тот передает виски Биллу и достает себе пиво из ведерка со льдом.

— Что пьешь, Мег? — любопытствует Кристиан.

— Пожалуй, тоже возьму пива. — Предпочтительнее было бы виски.

— Лучше открой шампанское, дорогуша, — советует Билл.

Хорошая идея...

Хм-м, чувствую себя немного глупо. Виски и шампанское ударили в голову, и я вроде

бы навеселе. Ладно, пьяна, если уж на то пошло. Джонни дает интервью «Роллинг стоун», а мы с Кристианом валяемся на диване. Кажется, он тоже слегка под хмельком. В комнате мельтешат стильные люди. Похоже, у некоторых парней макияжа больше, чем у девушек. Не знаю, кто они, но все есть в списке. Надо полагать, друзья группы и Джонни. Кристиан повествует, что в «Виски» — на самом деле клуб называется «Виски э Гоу Гоу» в честь одноименной первой парижской дискотеки — выступали самые известные исполнители рок-музыки от «Дорз» до Дженис Джоплин, «Лед Зеппелин» и «Нирваны». Зал меньше, чем я думала. Вероятно, я просто привыкла слышать о том, что концерты Джонни обычно собирают стадионы.

— Впервые за целый год он играет живьем, — говорит мне Кристиан.

— Правда? — Отвлекаюсь на вошедшего в комнату Джонни. Наблюдаю, как его встречают возгласами и несколько раз хлопают по спине, прежде чем он наконец возникает перед нами.

— Пойдемте, посмотрите из-за кулис, — предлагает Джонни.

Мы следуем за ним за кулисы. Мимо проносится техник с микрофонной стойкой, и Джонни, положив ладони мне на плечи, отодвигает меня в сторону. Его прикосновение обжигает кожу.

— Нервничаешь, чувак? — интересуется у него Кристиан.

— Не-а, — отвечает Джонни, качая головой.

Давно не видела его таким энергичным и воодушевленным.

Он закуривает сигарету, и я украдкой его разглядываю.

— Ну что, Мег, — Джонни посматривает на меня, пуская дым из угла рта. — Ты бы предпочла концерт Кайли?

Смеюсь немного громко. Он расплывается в улыбке. О боже, он мне нравится.

Джонни бросает окурок на пол и затаптывает.

— Вернусь через секунду.

Кристиан вклинивается между нами. Делаю глубокий вдох.

Десять минут спустя Джонни еще нет, и я не в силах мыслить здраво. На сцене гаснет свет, и девушки в зале кричат. Группа проходит мимо нас и занимает свои места. Затем рядом со мной появляется Джонни с гитарой за спиной.

Наблюдаю за ним в темноте, пока звукорежиссер подключает усилитель к его инструменту и докладывает о готовности.

— Удачи, дружище, — напутствует Кристиан.

— Да, удачи, — присоединяюсь я.

— Спасибо, чувак, — благодарит он Кристиана, а потом подмигивает мне. — Счастливо, цыпочка.

Рев толпы оглушает, когда Джонни выпрыгивает на сцену и начинает один из своих хитов.

— Обалденно, не правда ли? — сквозь музыку орет Кристиан. — Когда еще доведется так близко смотреть?

— Потрясающе! — кричу в ответ.

В помещении грязно и темно, от дыма хоть топор вешай. Публика состоит из победителей конкурсов и прессы, и я смещаюсь немного влево, чтобы на них посмотреть. В едином порыве зрители сходят с ума и прыгают в едином порыве. В финале песни сквозь меня прорывается возбуждение. Я — везучая, везучая. Больше не желаю терять работу у

Джонни. Даже постараюсь столь усердно вкалывать, чтобы Джонни озадачился вопросом, как же он до сих пор без меня обходился.

После двух песен мой начальник обращается к толпе. Говорит, что для разрядки атмосферы сыграет несколько спокойных вещей. Участники группы складывают инструменты и покидают сцену, а техник приносит Джонни стул. Он садится и начинает наигрывать на акустической гитаре. Публика замолкает. Сразу же узнаю ту самую песню, которую он пел мне в студии. Его голос наполняет зал, и я смотрю на него, желая, чтобы взгляд Джонни проник ко мне за кулисы.

— Зацени, — произносит Кристиан рядом. Он подошел, чтобы тоже понаблюдать за зрителями. — Вон те девицы в первом ряду.

Отвожу глаза от Джонни и слежу за пальцем Кристиана. Тут же обнаруживаю тех, о ком идет речь. Две шикарные девушки в середине зачарованно уставились на Джонни. Брюнетка с длинными волнистыми волосами в топике с глубоким вырезом, подчеркивающим пышный бюст, и блондинка с рваной стрижкой.

Вновь бросаю взгляд на Джонни. Он бренчит на гитаре, опустив глаза. По мне прокатывается волна облегчения, а потом, исполняя песню, Джонни внезапно устремляет взор прямо на девушек.

Чувствую укол ревности, когда сосредотачиваюсь на Джонни и отмечаю, как он вопросительно смотрит на девиц. Невыносима мысль о том, какая из них ему понравилась. А затем приходит в голову, что, вероятно, обе.

Поворачиваюсь к Кристиану и напускаю на себя беспечный вид.

— Могу поспорить, Джонни бы не отказался прокатить их в своем «макларене».

Кристиан смеется.

— Я о том же подумал. Обрати внимание. Видишь того парня? Пари на пакет конфет, что Джонни скажет ему организовать этим куколкам проходки на афтепати еще до конца следующей песни.

— Не прикалывает такое пари, — отвечаю я, ощущая, как сосет под ложечкой.

— Всего лишь пакет конфет, Мег. «Скитлс», если быть точным. И я охотно с тобой поделюсь.

— Ладно, — выдавливаю улыбку. — Твоя взяла.

Разумеется, когда завершается песня, я замечаю, как Джонни кивает технику, который засекает девушек. Тот подзывает к себе долговязого парня в черном с наушником.

— Смотри! Смотри! — подталкивает меня Кристиан.

Несколько секунд спустя в просвете между сценой и толпой появляется другой парень, который незаметно передает девушкам билеты. Они скромно улыбаются Джонни, и я подмечаю тот момент, когда он им подмигивает.

Пытаюсь себя уверить, что это столь необходимая мне проверка на практике. Я знаю, что Джонни спит с фанатками. И, вероятно, ко всему прочему, сегодня примет наркотики.

Он — ходячая проблема с большой буквы «П».

Ну почему он оказался настолько сексуальным?

— Я же говорил! — Кристиан добродушно пихает меня локтем в бок. — Ты должна мне пакет «Скитлс», подруга!

— Да. — Вымучиваю улыбку и досматриваю концерт с гораздо меньшим воодушевлением, чем в начале.

Вечеринка после выступления проходит в отеле «Стэндрд Даунтаун» с баром на крыше

в центре Лос-Анджелеса. Джонни отправляется туда с группой на микроавтобусе, так что Кристиан, Билл и я приезжаем на лимузине втроем. Билл немедленно извиняется и завязывает разговор с тощим чуваком, который с маниакальным упорством курит сигарету. Мы с Кристианом цепляем пару бокалов пива у проходящей официантки в сексуальной красно-белой униформе с короткими шортами. В такой одежде ей бы на роликах кататься.

Отходим от лифта, продолжающего извергать любителей потусить, и, минуя бар, поднимаемся по лестнице. Здесь намного тише. Мы видим длинный бассейн, сияющий в темноте, и отсюда открывается прекрасный вид на высочайшие городские здания.

Тут не как в Нью-Йорке, где небоскребы стоят вплотную друг к другу на крохотной площади, но зрелище все равно весьма впечатляющее. Удивительно, что у них вообще есть небоскребы, учитывая, что Лос-Анджелес находится в сейсмоопасной зоне. По бокам бассейна располагаются несколько странного вида красных круглых плексигласовых поддонов, и когда один освобождается, я замечаю, что матрас внутри колышется. Взволнованно гляжу на Кристиана и указываю на них:

— Водяные кровати!

Он улыбается и ведет меня за собой. Мы скидываем обувь, и Кристиан дожидается, пока я забираюсь через один из четырех входов на вздувающийся матрас. Хорошо, что на мне брюки, а не юбка, потому что в ней вряд ли удастся грациозно улечься на эту штуку. Посмеиваюсь из-за ощущения, будто ползу по зыбучим пескам, в итоге сдаюсь и переворачиваюсь на спину.

— Шевелись, глупая девчонка! — Кристиан толкает меня под бедро, пытаюсь сесть на матрас. Кажется, и ему не покорилось искусство управления водяной кроватью, и вскоре он тоже корчится от приступов смеха. Музыка здесь громкая, и это радует, поскольку не думаю, что модные типы усмотрят в нас нечто весьма забавное.

— Блин, оставил наше пиво снаружи! — восклицает Кристиан, а затем несет какую-то пургу о том, как сложно выбраться из чертовых шукувин и снова на них забраться. К этому моменту я хохочу во все горло и вряд ли сумею поднять руки, чтобы взять пиво у Кристиана, ковыляющего на коленях в стремлении не пролить алкоголь.

— Забери его, ведьма!

Хватаю выпивку, когда на моих глазах он заваливается на живот. При каждом движении вода под нами поднимается и опускается.

— Меня укачивает, — стонет Кристиан, и его лицо вдавливаются в белый матрас.

— Больше похоже на то, что ты надрался, — уточняю я.

Он переворачивается на спину и пробует перемещаться в обратном направлении.

— Какого дьявола ты творишь?

— Пытаюсь сесть.

В конце концов ему удастся прислониться к стенке. Она изгибается, вынуждая Кристиана опускать подбородок вниз, пока он не упирается в грудь. Не похоже, чтобы ему было очень комфортно. Снова посмеиваюсь.

— Кому только пришла в голову эта идиотская идея? — интересуется он далеко не восторженным тоном. — Надеюсь, ты довольна собой, крошка.

Я лежу на спине, и пить в таком положении совсем не просто. Подкладываю под голову руку, пока подо мной плещется вода. Тоже не идеал, но я ни за что не скажу об этом Кристиану, поэтому делаю глоток пива и изображаю, что мне все нипочем.

— Ну что, тебе хорошо? — спрашивает он, криво усмехаясь.

— Вполне, спасибо. Как твоя шея?

— В самом деле, тут чертовски неудобно.

Призываю его завязать с нитьем. Он тычет мне в бок носком ноги, и я взвизгиваю, что только подстегивает его повторить попытку.

— Перестань! Я обольюсь! — умудряюсь выдать я.

— О, это было бы реально крутое зрелище, — смеется Кристиан, но замирает на мгновение, когда я отпиваю глоток пива. Потом он снова пихает меня в бок, и я захлебываюсь, когда пиво попадает не в то горло. От всего этого он буквально заходится от смеха.

— Ты. Просто. Самый. Настоящий. Мерзавец, — успеваю пробормотать я сквозь кашель. Меняю позу, и едва мои ноги приближаются к нему, резко бью правой по его бедру. Он легко отметает мою ногу прочь и залпом выдувает почти все пиво.

— Эй, что здесь происходит? — В поддон заглядывает Джонни. — Играете в футфетишистов? — У него забавный вид.

— Эй, чувак! — Кристиан хватается мою преступную ногу и отводит в сторону, заставляя меня упасть обратно на матрас. — Она здорово брыкается, держи с ней ухо остро.

По лицу катятся слезы, и я быстро вытираю их, внимательно разглядывая пальцы. Вот дерьмо. Они покрыты влажной тушью для ресниц, а значит, макияж растекся. Едва Кристиан отпускает мою ногу, стараюсь успокоиться и как можно скорее привести себя в порядок.

Джонни протягивает Кристиану полную бутылку виски и поднимается по плексигласовому каркасу, не снимая обуви. Он плюхается рядом со мной на спину, и мы с Кристианом дружно стонем, поскольку матрас под нами вновь приходит в движение. Джонни с усмешкой тянется к виски.

— Ваше здоровье! — Он чокается с нашими бутылками и делает солидный глоток, прежде чем передать виски мне.

— Уф, нет, спасибо, — отвечаю. — Не понимаю, как можно пить его прямо так.

— Я — крепкий орешек. — Он ухмыляется. — И как вам концерт?

— Обалденный, чувак, — уверяет Кристиан.

— Очень, очень клевый, — добавляю я.

— Да? Тебе понравился? — Джонни оборачивается в мою сторону и отпихивает лежащую между нами ногу Кристиана. — Держи свои вонючие ноги подальше, приятель.

Вместо этого Кристиан сует их под нос Джонни.

— Фу, мерзко! — восклицает Джонни, яростно отталкивая их прочь. Кристиан проделывает тот же фокус со мной. Теперь его носок немного вспотел, и я испускаю пронзительный крик отвращения, едва он касается моих губ.

Кристиан находит, что это самый крутой прикол, и вскоре Джонни тоже укатывается со смеху. Кристиан снова тычет меня ногой в бок, так что я заливаюсь визгом, подстрекая Джонни вписаться в это дело. Опираясь на локоть, с бутылкой виски в правой руке, он нависает над мной и левой щекает бок. Ору и луплю его изо всех сил, когда кофточка начинает задираться. Пока я лежу и, тяжело дыша, стараюсь прийти в себя, они с Кристианом, отбросив взрослый облик, ржут, как подростки. Джонни приподнимается на локте и окидывает меня взглядом сверху вниз, в его зеленых глазах сквозит улыбка.

— Виски, Мег? — Он предлагает бутылку.

— Отвали, — отвечаю я. Они с Кристианом снова смеются. Поправляю кофточку и вытираю глаза в попытке избавиться от потеков туши.

В этот момент замечаю толпу снаружи. Бар совершенно забит — все сгрудились возле бассейна, люди стоят и сидят — и большинство из них уставилось на нас. Накрывает унижение, и я поспешно усаживаюсь. Джонни до сих пор лежит, и, кажется, ему совершенно по барабану то, что он в центре всеобщего внимания. Оглядываю толпу и наблюдаю, как десятки людей отводят глаза и вновь исподтишка косятся на нас. Они явно пытаются не смотреть в нашу сторону. Пялиться ведь невежливо. Мое смущение неожиданно превращается в гордость. Каждый из этих людей умирает от нестерпимого желания оказаться на моем месте. С радостью поворачиваюсь к Кристиану.

— Еще пива, Мег? — спрашивает он.

— Я принесу. Ты так уютно устроился, что у меня рука не поднимается согнать тебя с места. Кроме того, мне нужно в туалет.

Джонни забирает у меня пустую бутылку, покуда я ползу к выходу. Он хлопает меня по заднице.

— Ой! — вскрикиваю я.

— Просто пытаюсь помочь! — восклицает он. Ползу дальше, и он снова меня шлепает.

— Прекрати!

Добираюсь до выхода, неуклюже выбираюсь наружу и надеваю свои туфли на шпильках. Оборачиваюсь, чтобы забрать пустые бутылки.

— Тебе что-нибудь взять? — интересуюсь я у Джонни.

— Не-а. У меня еще полно.

Стараясь уверенно покинуть блестящий красный поддон, замечаю пару роскошных девушек и ничего не могу поделать с самодовольством, когда их губы поджимаются от зависти.

Забавно!

Дохожу до туалета и, стоя в очереди, изучаю себя в зеркале. К счастью, ущерб от туши не так уж велик. Причесываюсь и наношу блеск для губ.

На выходе обращаю внимание на двух фанаток, которым Джонни вручил проходки. Они маячат в нескольких метрах от поддона. Нашего поддона. Меня захлестывает волна неприязни, и, зацепив пару пива у официантки, я возвращаюсь к Джонни и Кристиану. Жутко бешусь, обнаруживая двоих угрюмых участников группы, которые приперлись на нашу маленькую вечеринку. Но они кивают мне и даже демонстрируют полуулыбку узнавания, пока я разубаиваюсь и отдаю Кристиану пиво, прежде чем забраться на надувной матрас. Джонни по-прежнему лежит на середине, тогда как барабанщик Ли и басист Ти-Джей, подобно Кристиану, расположились по краям. Немного неловко от того, что мое место в центре, рядом с Джонни, поэтому ползу к Кристиану, и он выделяет мне уголок справа от себя и протягивает пиво.

— Снаружи твои фанатки, — обращаюсь к Джонни.

Какого дьявола? Почему я ему об этом говорю?

— Правда? — Он проявляет умеренный интерес, а затем добавляет: — Ты о чем? Какие фанатки?

Уверена, он точно знает, о ком я толкую, но подыгрываю.

— Ты еще отдал им проходки на концерте.

— Ага, так ты видела? — самодовольно осведомляется он.

— Такое сложно пропустить, чувак, — вмешивается Кристиан. — Вообще-то, я поспорил с Мег на пакет конфет, что ты позовешь их на эту вечеринку.

— И ты туда же, — язвительно бросает Джонни и делает глоток виски. Он тянет шею, выглядывая наружу. Разумеется, девушки до сих пор стоят в нескольких метрах от нас, стараясь выглядеть сексуально. Не подав и вида, Джонни плюхается обратно на матрас.

— Реально, не стоило этого делать, — с усмешкой говорит он нам четверым.

— Да, а где Серенгети? — интересуется Кристиан. — Думал, она появится сегодня вечером.

— Она занята премьерами своего нового фильма, — отвечает Джонни. — Вернется в субботу.

— Эх, значит, не увидимся, — бормочет Кристиан.

— Почему? — любопытствую я.

— Завтра улетаю в Англию. — Он смотрит на меня сверху вниз.

Ох. Я так привыкла к Кристиану, что сама мысль о его отъезде мне не нравится.

— Короткая выдалась поездка, — высказываюсь я, не в силах сдержать разочарования в голосе.

— Короткая и приятная, — отзывается он.

— Для книги достаточно материала насобирал? — спрашиваю я.

— Да, вполне хватит для начала.

— И теперь он возвращается к своей подружке, — нараспев добавляет Джонни.

— И к своей работе, чувак, — торопливо напоминает Кристиан.

Тянет спросить о подружке, но вместо этого задаю вопрос о работе.

— Разве написание книги не твоя работа?

— Нет, это баловство в свободное время, — откликается он и хохочет над деланно обиженным лицом Джонни. — Я журналист. Музыкальный журналюга. Сейчас фрилансер, но горящих сроков хватает.

— А как там Клэр? — прерывает Джонни.

— Отлично, — немного резко реагирует Кристиан.

— Передай ей от меня привет, — не отстает Джонни.

В ответ Кристиан громко зевает.

— Черт возьми, у меня сбились биоритмы, — заявляет он. — Как ты, Мег?

— Честно говоря, неплохо, — отзываюсь я.

— Привет, Лола! — Джонни внезапно отвлекается на проходящую мимо девушку. Она оборачивается и наклоняется над поддоном.

— Привет, Джонни, — произносит она с тягучим американским акцентом. — Давненько не виделись.

Темные волосы Лолы уложены в высокий конский хвост, а начесанная челка убрана назад. Она просто сногшибательна. Джонни хлопывает по матрасу рядом с собой и приглашает ее присоединиться, но она колеблется.

— Давай, — призывает он. — Заходи и познакомься с моим лучшим другом Кристианом. Знаю его всю жизнь. Завтра он улетаю в Англию. А это моя новая ассистентка, Мег, — несколько запоздало добавляет он про меня. — Ти-Джея и Ли ты уже видела.

Она пристально разглядывает нас, и ее темно-красные губы растягиваются в улыбке.

— Ну же, — снова настаивает Джонни.

Чего он так отчаянно пытается затащить ее к нам? Втроем мы здорово проводили время. Ну, ладно, впятером, но после моего возвращения Ти-Джей и Ли едва вымолвили хоть пару слов, так что их в расчет не берем. Может, они обдолбанные?

Да и не важно. Похоже, Лола решилась.

Джонни встает на колени, проделывая это в миллион раз круче, чем давеча мы с Кристианом, и ползет ко входу, пока Лола разувается. Он протягивает ей руки и нежно помогает забраться внутрь. Она не смеется, как мы, и не выглядит неуклюжей, когда влезает.

От нее мне становится не по себе.

— Ложись в середину возле меня, — предлагает Джонни.

— Нет, лучше посижу возле стенки, — отказывается она, отползая — черт подери, в самом деле очень сексуально — в сторону и поворачиваясь к нам лицом. Джонни следует за ней и устраивается рядом.

— Как тебе Лос-Анджелес? — интересуется Лола у Кристиана. — Бывал здесь прежде?

— Частенько, — отвечает он.

— Никак от тебя не избавлюсь, чувак! — шутит Джонни.

Лола не улыбается.

— Давно работаешь на Джонни? — спрашивает меня она.

— Всего полторы недели, — отзываюсь я.

— Удачи, — сухо желает она.

— Эй! — Джонни шлепает ее по бедру. — Хватит уже. Видела концерт?

— Нет. Репетировала с группой.

Он шутливо сужает глаза, но, могу поклясться, здорово огорчается.

— Лола — вокалистка «Призраков», — объясняет он нам с Кристианом.

— А-а, — под впечатлением кивает Кристиан. — То-то твое лицо показалось мне знакомым. Слыхал некоторые ваши песни. Очень круто.

— Спасибо, — откликается она. — Приходи в следующий раз на концерт.

— С удовольствием, — произносит он.

— И ты тоже, — обращается ко мне она. — В любое время.

— Отлично! — излишне восторженно восклицаю я. Не слишком ли наигранно прозвучало?

Джонни хохочет.

— Ты такая прикольная, Мег, — замечает он, качая головой. — Ты фиг узнаешь песни «Призраков», даже если они выпрыгнут из колонок и бабахнут в тебя из базуки.

Вспыхиваю от ярости.

— Это несправедливо, — выступает Лола в мою защиту. — Мы даже не были за границей...

— Да побывай вы там, Мег вряд ли бы об этом узнала. Она тащится от Кайли.

— Кайли крутая, — безразлично реагирует Лола. — Ничего плохого тут нет.

Хм-м, может, она все же не такая уж и вредная.

— Здесь курят? — осведомляется она.

— Без понятия, — отзываюсь Джонни, но роется в карманах и достает смятую пачку сигарет. Он предлагает ей одну, но Лола отказывается.

— У меня самокрутки.

— Как хочешь, — отвечает Джонни, вытряхивает сигарету и засовывает ее в рот. Она свешивается с нижней губы, когда он поворачивается прикурить самокрутку Лоле. Потом поджигает свою и убирает зажигалку вместе с пачкой обратно в карман.

Наблюдаю за Лолой, пока она курит. Темно-красный маникюр на коротких ногтях. Педикюр того же цвета. Стройные загорелые ноги, короткое платье из серебристого

металлика с поясом вокруг талии.

Понимаю, что слишком пристально ее разглядываю и быстро отвожу глаза, надеясь, что она ничего не заметила.

— Наверное, я уже скоро домой, — бормочет мне Кристиан. — Ты тоже? Сэкономим Дейви две поездки.

— Чувак, ты ведь не об отъезде говоришь? — стонет Джонни, подслушав разговор.

— Да, я готов уже ехать домой.

— Эй, эй! — У одного из входов появляется Билл. — Неужели здесь вечеринка? Место для малыша найдется? — Он усмехается, похлопывая руками по пухлому животу.

В самом деле не хочется расставаться с Кристианом. Но не уверена, что готова уехать отсюда.

Кристиан выбирается наружу и оглядывается.

— Ты остаешься?

— Э-э... — Приглядываюсь к Джонни, который поворачивается лицом к Лоле. Чувствую только, что буду лишней, если останусь. — Нет, я пойду.

Когда я выбираюсь из кровати, немногие задерживают на мне взгляды. Большинство тарашатся на Джонни. И Лолу, насколько понимаю. Фанатки тоже стоят рядом и выглядят теперь побитыми собаками. Во мне поднимается волна жалости. Не думаю, что они получают то, за чем пришли. По крайней мере не сегодня. Хотя я могу и ошибаться. Я ведь до сих пор не знаю Джонни.

Глава 9

К черту плавание. И к черту хлопья. Да здравствует ибупрофен! И побольше!

Да, у меня сильнейшее похмелье. И о чем я только думала? Виски, пиво, шампанское... Ой! Тошнит от одной лишь мысли об алкоголе.

Вчера ночью мы вернулись домой после трех. А в шесть позвонил Джонни и попросил заказать ему люкс в «Стэндарде». Мои глаза горели, словно в них закапали уксуса, так что я снова легла спать. Сейчас на часах десять, и я только что проснулась. Не знаю, как сегодня буду работать.

Каким-то чудом умудряюсь спуститься в кухню. От радостного голоса Розы у меня начинает болеть голова, однако сваренный ею кофе спасает положение. Я иду в кабинет и начинаю читать электронную почту.

Спустя час появляется Кристиан.

— У тебя тоже голова триндец как раскалывается? — спрашивает он.

— Да. Знаешь, что? — смеюсь я. — Я в жизни не встречала человека, который бы так много сквернословил.

Кристиан было усмехается, но тут же морщится.

— Ай, не смей меня. Я раньше работал в редакции журнала, где все матерились как сапожники, — объясняет он. — Мое самое любимое ругательство — пи...

— А-а-а! Не смей его произносить!

Кристиан хмыкает в ответ на мой возглас.

— Да, моя девушка тоже его не выносит.

Я улыбаюсь.

— Ты уже собрался?

— Ага. То есть я и не распаковывался, — признается он. — Я для этого слишком ленив.

— Джонни переночевал в «Стэндарде», — говорю я ему.

— Правда? — Кристиан одаривает меня понимающим взглядом. — Значит, мы с ним уже можем и не пересечься. Я еще зайду попрощаться перед отъездом. Пойду позвоню Джонни.

Он довольно долго не возвращается, но в итоге появляется с блокнотом в руках.

— Он в порядке? — спрашиваю я.

— Слегка помят. Не думаю, что он появится в ближайшее время. Ну ладно, малыш, береги себя. — Кристиан обходит мой стол, раскрыв руки. Я встаю, и он тепло меня обнимает. — Не позволяй этому звездуну тобой помыкать. Если что, будет отвечать передо мной. — Он улыбается, глядя на меня сверху вниз, потом лезет в карман, достает бумажник, раскрывает его и выуживает визитку. — Тут мои телефоны и адрес электронной почты. Дай знать, если тебе что-нибудь понадобится.

— О, спасибо, — благодарю я.

— Я серьезно, — настаивает он. — Все, что угодно. И насчет Джонни я тоже серьезно. Не позволяй ему третировать тебя. Сохраний благоразумие. Не дай себя затянуть в вонючее болото шоу-бизнеса.

— Не беспокойся, не дам.

Раздается звонок у входной двери.

— Это за мной. Будь здорова. Скоро увидимся! — Он наклоняется, еще раз быстро меня обнимает и покидает кабинет. Я слышу, как он прощается с Розой и уходит.

Мне становится на удивление грустно. Этот дом без него уже не будет прежним.

О нет! Я же забыла купить ему проспоренные конфеты! Значит, в следующий раз.

День ползет медленно. Теперь я лучше понимаю, какие издания Джонни уважает, а каких следует избегать. Журналисты звонят насчет вчерашнего концерта, и у меня получается определить, на просьбы о каких съемках и интервью ответить предварительным согласием, а какие вежливо отклонить.

В шесть часов раздается звонок от самой звезды.

— Привет! — здороваюсь я. — Как дела?

Его голос скрипит как наждачная бумага.

— Ты не могла бы заказать мне в номер яичницу с беконом? И поменять полотенца тоже бы не помешало.

— Конечно. Хочешь остаться там еще на одну ночь?

— Нет, я скоро буду дома. Будь добра, пришли сюда Дейви к восьми.

— Считай, уже сделано.

— Спасибо. — Он вешает трубку.

В результате в этот вечер он приезжает домой только в десять, заставив Дейви прождать его два часа. Я с трудом держу глаза открытыми, но не отправляюсь спать на случай, если Джонни захочет, чтобы я разогрела ему что-нибудь из заботливо приготовленного Розой.

— Нет, Мег, ничего не нужно. Я собираюсь лечь пораньше, — говорит он, нетвердыми шагами поднимаясь по лестнице, по-прежнему во вчерашней одежде, к которой добавились темные очки. Я с нетерпением провожаю его взглядом и вскоре после этого сама заваливаюсь спать.

Назавтра наступает суббота, и, согласно должностной инструкции, это означает, что мне полагается поздний подъем. Разумеется, если все в порядке.

В доме тишина — Роза не работает по выходным, а Джонни, как я предполагаю, еще не

вставал с кровати, приходит в себя. Интересно, как долетел домой Кристиан.

Снова не могу заставить себя нарезать круги в бассейне, поэтому пытаюсь позвонить Бесс.

— Ну что, ходила на его концерт? — немедленно бесцеремонно спрашивает она.

— Да, и на вечеринку после концерта тоже. О, было ужасно смешно. Там были такие водяные кровати, и Джонни с Кристианом щекотали меня, а все смотрели... — Я замолкаю, потому что это звучит так, словно я хвастаюсь.

— Кто такой Кристиан? — интересуется Бесс.

Я ей объясняю.

— Он славный? — выпытывает она.

— Очень. Но не в том смысле, — быстро добавляю я. — Он симпатичный и все такое, но не в моем вкусе.

— Так же не в твоём вкусе, как и Джонни, — поддразнивает меня Бесс.

— Эй, кончай уже! Джонни мой начальник. И он не в моем вкусе. А даже если бы он мне нравился, между нами ничего бы никогда не могло быть. Боже, неловко даже представить, что было бы, подслушай он этот наш с тобой разговор. Я бы умерла на месте! Он иногда бывает странным.

— Продолжай...

— Вчера вечером он позвонил мне из гостиницы, где остановился, и велел заказать ему в номер еду и попросить поменять полотенца.

— А что такого? — спрашивает Бесс.

— Он позвонил мне, а не на стойку регистрации, — поясняю я.

— Действительно, — говорит она. — Забавно. Ну ладно, когда мне можно будет приехать в гости?

— О-о-о, — издаю стон я, — я пока не знаю. Наверно, это получится сделать, если он куда-нибудь уедет.

— А какой тогда смысл приезжать? Я хочу познакомиться с секс-божеством!

— Ты скоро сможешь приехать, — обещаю я с чувством небольшой неловкости.

Закончив разговор, спускаюсь на кухню. Роза оставила на выходные достаточно еды, чтобы накормить небольшую армию, и я залезаю в холодильник в поисках чего-нибудь, чем можно было бы перекусить в стремительно приближающееся время обеда. Услышав шорох, я оборачиваюсь и в дверях вижу Джонни.

— Ты в порядке? — зевая, спрашивает он. Из одежды на нем только белая футболка и трусы-боксеры.

— Да, спасибо, все хорошо. — Я отвожу взгляд. — Как раз думала пообедать. Присоединишься?

— А что есть? Я еще даже не завтракал, — говорит он.

— Хочешь, я что-нибудь приготовлю? Яичницу с беконом? Овсяные хлопья?

— Не нужно ничего из той дряни, что ели вы с Кристианом, — заспанно усмехается Джонни.

Я улыбаюсь.

— Как, черт возьми, эта еда вообще оказалась у тебя дома, если ты ее не ешь?

— Не знаю, — отвечает он. — Наверно, Паола купила. Она любила подобные извращения.

Мне неприятна мысль о том, что у нас с Паолой схожие вкусы. Мне и так всякий раз

при чтении инструкции кажется, будто надо мной нависает ее призрак. Мне хочется что-то поменять и придать работе свой собственный характер, однако, если не считать упущения с невычеркнутым из карточки Тома Круза именем Пенелопы Крус и невнесенными туда Кейти Холмс и Сури, Паола кажется верхом организованности.

— Кристиан нормально уехал? — спрашивает Джонни. — Не надо, не суетись, Мег, я съем то же самое, что и ты, — добавляет он, увидев, как я открываю шкафы в поисках чего бы еще ему предложить.

— Я думала, что поем жаркого из баранины, которое приготовила Роза, — сообщаю я.

— Хорошо.

— Да, Кристиан нормально уехал, — отвечаю я на заданный ранее вопрос.

— Он обиделся, что меня тут не было, чтобы лично с ним попрощаться?

— Нет, я так не думаю. Я забыла купить ему «Скитлс».

Джонни с минуту выглядит озадаченным, но потом понимает, о чем я говорю.

— А, этот ваш спор насчет фанаток.

— Да, наш спор насчет фанаток, — улыбаюсь я. — Так что, тебе перепало той ночью? — Не знаю, почему, но мне вдруг довольно комфортно разговаривать с ним на эту тему.

— Нет. — Он качает головой и почесывает живот, вновь демонстрируя свой пупок.

— Даже от Лолы? — Напускаю на себя невозмутимый вид и помещиваю жаркое.

— Ха! — издает смешок Джонни. — Это точно вряд ли. Она ко мне и на пушечный выстрел не подойдет. К сожалению... — добавляет он, склонив голову набок.

Я вновь ощущаю укол ревности.

— Так когда вернется Кристиан?

— А что такое? — Он смотрит на меня с некоторым подозрением.

— Просто любопытно.

— Не знаю, — пожимает плечами Джонни. — Скорее всего, это зависит от его работы.

И от того, отпустит ли его Клэр.

— Они давно вместе? — спрашиваю я, прислонившись к кухонной стойке.

— Пару лет, а что? — Снова с подозрением.

— Да просто любопытно! — с ударением повторяю я. Джонни ведь не думает, что я запала на Кристиана, правда?

— Хм-м, — отвечает он.

Я раскладываю по тарелкам жаркое, нарезаю хлеб и подаю все это вместе с маслом к столу.

— Какая она? — продолжаю разговор я.

— Кто? Клэр?

— Да.

— Почему тебя вдруг так заинтересовала подружка Кристиана? — Зеленые глаза Джонни смотрят на меня в упор с противоположного конца стола.

— Он мне нравится. Но не в этом смысле, — добавляю я, увидев его лицо.

— Я не знаю, — отвечает Джонни. — Я с ней не знаком.

— Ты не знаком с девушкой своего лучшего друга, с которой он живет уже два года? —

Я не верю своим ушам.

— Нет, — резко отвечает он.

— Но почему?

— Господи, Мег, завязывай с вопросами!

Я уже готова ему возразить, но вовремя вспоминаю свое место и то, что спорить мне не полагается.

— Извини.

Следующие несколько минут мы поглощаем еду в раздражающей тишине. Наконец Джонни первым прерывает молчание:

— Какие у тебя планы на сегодня?

— Не знаю.

Звонит мой айфон.

— Прошу прощения, — говорю я Джонни и подношу телефон к уху. — Мег Стайлз.

— Мег! Это Китти! — раздается в ответ.

— Привет! Как дела? — Я кладу вилку на тарелку и отворачиваюсь от Джонни. Он продолжает есть.

— Прекрасно! Тебе удобно разговаривать?

— М-м-м... — Я бросаю взгляд на своего босса. — Мы просто обедаем.

— Обедаете с Джонни?

— Угум.

— Ты такая везучая...

— Перестань!

— Ладно, ладно, не буду тебя от него отрывать. Я просто хотела спросить, есть ли у тебя планы на вечер?

— О, нет, по-моему, нет.

— Просто Род в отъезде, а я не прочь повеселиться. Хочешь со мной?

— Подожди, я уточню.

Джонни вопросительно смотрит на меня. Я прикрываю микрофон в телефоне рукой и объясняю ему. Он кивает.

Когда я кладу трубку, Джонни взирает на меня с интересом.

— Куда вы пойдете?

— Ой, я забыла спросить.

— Уверен, она знает все классные места, — бросает он.

Так и есть. Китти ведет меня в «Скайбар», бар для постояльцев отеля «Мондриан» — но это не обычный гостиничный бар. Тут тусуется куча знаменитостей, и он расположен на склоне холма так, что отсюда открывается классный вид на город. Здесь также есть бассейн, а сам бар примыкает к «Фабрике» — ресторану, куда Джонни позавчера водил Серенгети. Я согласна с Джонни, им следовало сесть на террасе. Там намного лучше.

Швейцар немедленно узнает Китти и пропускает нас внутрь. На улице все еще тепло и солнечно, так что мы направляемся к бассейну мимо группы сногшибательных молоденьких тусовщиц, отвисающих на лежаках, будучи полностью одетыми.

Мы с Китти устраиваемся на огромном бежевом пуфике-мешке площадью в три квадратных метра. К нам подходит официантка и принимает заказ. Мы выбираем по мохито.

Этот город явно питает слабость к невысокой мебели, потому что так же, как на надувном матрасе вчера вечером, усидеть прямо на этом чертовом мешке непросто. Однако атмосфера располагает к расслаблению, так что мы откидываемся на нем и продолжаем беседу, опираясь на локти.

Напротив нас сидят трое парней, которые вполне могли бы сойти за участников рок-

группы. Один из них снимает свой белый жилет, чтобы продемонстрировать покрытый татуировками загорелый торс.

Китти вздыхает.

— Ты полюбишь Лос-Анджелес, — говорит она.

— Ты сама отсюда? — спрашиваю я.

— Нет. — Порывшись в своей дамской сумочке от Гуччи, Китти извлекает пару дизайнерских темных очков и надевает на нос. — Я выросла в Чикаго. Моя семья до сих пор там живет.

— Ты по ним скучаешь?

— Иногда. — Она пожимает плечами. — Но Род заваливает меня работой, так что времени скучать по кому-то не остается.

— Как тебе с ним работается?

— Он славный. Вот, сумку мне купил, — говорит она, поднимая ее.

— Ого! — восклицаю я. — Это в подарок на Рождество, что ли?

— Нет, на Рождество он подарил мне машину.

— Не может быть!

— Может. — Она снова поднимает сумку. — Это он мне купил за то, что я выгородила его перед четвертой женой.

— О. — Я неловко хихикаю.

Китти пожимает плечами.

— Я знала, что она так или иначе узнает о его последней интрижке. Так и получилось. Они только что развелись.

Точно. Вспоминаю, как она говорила об этом Чарли на вечеринке по случаю премьеры фильма Серенгети.

— Так он бабник? — спрашиваю я.

— Нет, он не бабник. Со мной он всегда вел себя как образцовый джентльмен, — уточняет она на случай, если я задалась таким вопросом, и это действительно так... — Он просто любит женщин. И не умеет держать себя в руках.

Грудастая азиатка в откровенном золотистом бикини и с густым темным макияжем на глазах спускается по лесенке в бассейн. Она уходит под воду с головой, запрокинув ее так, что длинные темные волосы облепляют спину.

— Представить не могу, каково это, плавать здесь, у всех на глазах, — замечаю я.

— Да, я тоже, — отвечает Китти. — Но если бы у меня было такое тело, я бы поплавала.

— Ты недалеко от нее ушла, — говорю я, не кривя душой. Китти действительно очень стройная.

Она смеется.

— Спасибо. — Китти нетерпеливо поворачивается ко мне. — Ну что, закажем начос?

Я всегда думала, что в Лос-Анджелесе все помешаны на диетах и спорте, так что встреча с кем-то нормальным в том, что касается еды, для меня как глоток свежего воздуха.

Мы подзываем официантку и заказываем еще пару «мохито» к нашим начос. А потом снова откидываемся и наслаждаемся видом в лучах заходящего солнца. Азиатка уже прислонилась к бортику бассейна и флиртует с оголившим торс парнем, похожим на рок-звезду.

— Привет-привет.

Слежу за взглядом Китти до дверей, в которые только что вошла Айла Монтанье, а

вслед за ней стайка девушек, в одной из которых я узнаю Чарли.

— Прекрасно, — вздыхает Китти.

Я не слишком рада видеть Чарли, и мне мало дела до Айлы Монтанье, однако находиться с ней в одном баре все равно здорово.

Айла со своей свитой с минуту задерживается у входа, осматривая помещение. Чарли замечает нас и поворачивается, чтобы что-то сказать Айле.

— Интересно, о чем они говорят? — тихо вопрошаю я.

— Сейчас узнаем, — отвечает Китти.

Айла с подругами проходят мимо загорающих на лежаках по направлению к удобным на вид креслам, с которых видно город, а Чарли отбивается от них и подходит к нам.

Китти поднимает солнечные очки наверх и слегка привстает на пуфике.

— А где сегодня Джонни?

Сходу вопрос напрямик.

— Не знаю, — отзываюсь я.

— Тоже мне, личный помощник, — неприятно шутит Чарли. Волосы она завязала в тугой конский хвост, и это подчеркивает резкие черты ее лица.

Появляется официантка с нашими начос и ставит их между мной и Китти на огромный пуфик. Она также вручает нам «мохито».

— Вам что-нибудь принести? — спрашивает она Чарли.

— Нет. — Чарли меряет ее взглядом. — Я с Айлой Монтанье. — Она подчеркивает имя, словно официантке следовало бы знать, с кем она разговаривает.

Мы с Китти принимаемся за еду.

— Серенгети все еще в отъезде? — не отстает от меня Чарли.

Мой рот полон, и я даже не пытаюсь спешить с ответом.

— Да, — наконец сообщаю я и засовываю очередной начос в рот. Эта тактика вроде бы сработала с канаве на премьере фильма Серенгети, так зачем менять то, что успешно?

— А когда она возвращается? — не унимается Чарли.

Я мотаю головой и продолжаю жевать.

— Боже, всякий раз, когда я с вами двумя разговариваю, вы только и делаете, что жрете! — взрывается Чарли.

Китти невозмутимо поднимает миску с начос и предлагает ее нашей собеседнице.

— Хочешь?

— Нет, спасибо, — ядовито отвечает та. — Иначе кончу как ты, выворачиваясь в туалете наизнанку.

Улыбка слетает с лица Китти. Чарли в бешенстве уходит.

Я поворачиваюсь к подруге:

— Вот же сучка!

Китти ничего не отвечает, лицо ее пылает от злости.

— Поверить не могу в то, что она это сказала, — говорю я.

Китти по-прежнему молчит.

— Это ведь неправда? — ошарашенно спрашиваю я.

— Естественно! — горячо отрицает Китти. Однако, похоже, аппетит она после этого теряет.

В районе десяти часов Китти внезапно резко выпрямляется и садится на пуфике.

— Эй, — в возбуждении толкает меня она. — Джонни здесь!

Мой желудок непроизвольно сжимается, когда я замечаю его, медленно пробирающегося сквозь толпу.

— Джонни, чувак! — раздается рядом со мной чей-то возглас. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, кто кричит, и понимаю, что это та самая рок-звезда с голым торсом. Джонни направляется напрямик к нему и его приятелям, и они тепло приветствуют друг друга. Азиатка, по-прежнему одетая в теперь уже сухой купальник, с притворной скромностью поднимается со своего места и подходит, чтобы пожать руку Джонни.

— Да кто она такая? — вслух удивляется Китти.

— По-моему, порнозвезда, — отмечаю я.

— Вероятно, так и есть, — хихикает Китти и просит: — Позови его к нам.

— Нет, — качаю головой я.

— Почему нет? — требовательно вопрошает Китти, и я чувствую в ее голосе некое разочарование.

— Сегодня у меня выходной, и он не знал, что мы придем именно сюда. — Я пытаюсь придать своему голосу небрежность. — Может, он хочет немного побыть о... — Я замолкаю на полуслове, когда Джонни оборачивается и замечает нас с Китти.

— Привет! — говорит он, подойдя к нам.

Китти сияет.

— Привет!

— Не знал, что вы здесь будете. — Он наклоняется и чмокает Китти в щеку. Даже в темноте бара видно, как она краснеет, но пытается сохранить самообладание.

— У тебя все в порядке? — спрашивает Джонни меня.

— Да, отлично, — заверяю я. Мне поцелуев не достается, и я стараюсь не подавать виду, что меня это трогает.

Вновь появляется официантка, намного более довольная, чем тогда, когда она принимала наши с Китти заказы.

— Что это вы пьете? — Джонни кивает на наши стаканы.

— «Мохито», — отвечаю ему я.

— Нам пару таких, а я буду водку с тоником, — говорит Джонни официантке. — Эй, а что вы, парни, пьете? — кричит он своим рок-приятелям и их подружке.

— Шипучку! — голосит в ответ девица, в качестве доказательства задорно приподнимая бутылку шампанского.

— Давайте пару бутылок, — заказывает он официантке. А потом наклоняется и шлепает меня по голой ноге — на мне короткая юбка и туфли на каблуках. — Подвинься, Мег.

Я делаю, как он велит, и он валится на пуфик между нами. Я знаю, что Китти вне себя от счастья.

— Ну как, по-твоему? — Джонни смотрит на меня. — Удобнее, чем на водяной кровати?

— Ненамного, — улыбаюсь я. — Это в «Стэндарде», в центре города, — объясняю я Китти. — Мы там были после концерта в четверг.

— А, вы о тех водяных кроватях, — говорит она, а потом, надув губы, переводит взгляд на Джонни. — Меня на твой концерт никто не пригласил.

— Ох, дорогая, прости, — с улыбкой просит он и хлопает ее по бедру. — В следующий раз.

Мне не нравится, как они друг на друга смотрят, так что я оказываюсь рада, когда

официантка приносит нам напитки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Джонни, Джонни! Иди сюда, приятель! — зовет полуголый парень.

— Мне пора. — Джонни поднимается. — Долг зовет.

Мы смотрим, как он берет бутылку шампанского у одного из своих приятелей и делает глоток прямо из горлышка. Я быстро вспоминаю, что пялиться на людей неприлично, и отвожу взгляд. Чарли, в свою очередь, не затрудняет себя соблюдением этого конкретного правила человеческого этикета, поскольку я вижу, как она уставилась на моего босса с противоположной стороны бассейна.

— Спорим, она думает, что мы наврали, когда сказали, что не знаем, где Джонни проводит сегодняшний вечер, — предполагает Китти, тоже заметившая Чарли.

— Хм-м, наверняка, — отвечаю я. — Ну и ладно.

Весь следующий час Джонни не обращает на нас ни малейшего внимания, и все эти мучительные шестьдесят минут я пытаюсь казаться безразличной к тому, как потенциальная порнозвезда в золотистом бикини внимает каждому его слову.

Уверена, что и Китти напускает на себя невозмутимый вид, и задаюсь вопросом, так же ли очевидно для нее мое поведение.

Когда Джонни в конце концов снова к нам подходит, мы обе, должно быть, заметно оживляемся.

— Эй, Мег, — зовет он, держа в правой руке полупустую бутылку шампанского и зажженную сигарету. — Закажешь мне люкс?

— Конечно. — Я поднимаюсь. — Хочешь какой-то определенный?

— Нет, нет, любой подойдет, — говорит он, затягиваясь, и уходит обратно к своим приятелям. Азиатка по-хозяйски кладет руку ему на талию, и Джонни наклоняется, чтобы услышать, что она воркует ему на ухо. Когда он вновь выпрямляется, лицо его ничего не выражает, а девица хихикает.

— Кое-кто не прочь повеселиться, — сухо комментирует Китти.

Я бросаю на нее раздраженный взгляд. Что она хочет этим сказать?

Отправляюсь на стойку регистрации, заказываю для Джонни номер «люкс» и приношу ему ключ. Они впятером уходят, и, глядя им вслед, я чувствую нарастающую пустоту внутри. Нет ничего хорошего, когда кому-то одним своим присутствием удастся зажечь внутри тебя костер, а потом так же быстро его загасить. Подобные увлечения причиняют боль. И я не хочу так увлекаться собственным боссом.

Китти поворачивается ко мне.

— Думаю, мне пора домой, — тусклым голосом произносит она. — Тебя подбросить?

— Да, — отвечаю я. — Было бы неплохо.

Проходя через зал, я чувствую, как кто-то крепко хватается меня за плечо, и, повернувшись, обнаруживаю перед собой Чарли. Она кажется совершенно пьяной. Ее подводка размазана, а зрачки расширены и затуманены. Вид не слишком приятный.

— Это правда, что Джонни спал с Паолой? — заплетающимся языком спрашивает она.

— Прошу прощения? — сбита с толку отзываюсь я.

— Он с ней спал? Поэтому она ушла? — настаивает Чарли.

Я оглядываюсь вокруг и вижу Айлу и ее друзей на противоположной стороне зала. Пара из них смотрит на нас.

— Прости, но я не знаю, — пожимаю плечами я.

— А ты с ним уже спала? — требовательно вопрошает Чарли.

Я отшатываюсь от нее.

— Нет, конечно!

Услышав это, она заходится в припадке пьяного смеха и, пошатываясь, возвращается к своей компании.

Китти тянет меня в сторону двери.

— Я только что спросила ее, спала ли она с Джонни! — слышим мы, как на грани истерики скулит позади нас Чарли. Остальные девицы раздражаются смехом. Я как могу стараюсь следовать за Китти. Происшествие оставляет мерзкое послевкусие во рту, и всю дорогу до дома я молчу.

— Не обращай на нее внимания, — пытается уговорить меня Китти. — Все равно никто не слушает, что она несет.

Я просто решаю на будущее держаться как можно дальше от Чарли.

Глава 10

Сегодня воскресенье, и я загораю у бассейна, когда приходит Сантьяго, чтобы провести еженедельные работы в саду.

— Надеюсь, ты не собиралась плавать? — говорит он мне, наклоняясь и засыпая химикаты в фильтрационную систему бассейна.

Вообще-то, стоит такая жара, что я бы не прочь окунуться, но ничего страшного. Пятьдесят моих кругов давно пошли прахом. Кажется, рекордом стали тридцать пять.

— Хорошая выдалась неделя? — спрашивает Сантьяго. — Опять ходила на премьеры?

— К сожалению, нет. — Я оборачиваюсь и немного поднимаю спинку шезлонга, чтобы как следует видеть собеседника. — Но вчера вечером заглянула в «Скайбар». Было весело.

— Круто, слушай! Кто из знаменитостей был?

— Только Айла Монтанье. И Джонни.

— Айла Монтанье. Ничего себе!.. Та еще штучка, да? Мой приятель работал садовником у ее папаша и клялся, что она как-то пыталась соблазнить его в кустах.

— Ничего себе заявочка, — отмечаю я. — Он поддался?

— Говорит, что нет — у него есть девушка. Но не знаю... — добавляет он с усмешкой. — Боже, ну и жара сегодня! — Он вытирает пот со лба и стягивает с себя футболку. — А где Джонни? Дома?

— Нет. Он прошлой ночью остался в «Мондриане».

— Как думаешь, можно мне выпить стакан воды из бара?

— Конечно, — отвечаю я. — Я принесу.

Когда я возвращаюсь, Сантьяго сидит на ступеньках бассейна, спустив ноги в воду. Вручаю ему стакан.

— Спасибо. Ты не против, если я покурю?

— М-м-м, нет. — Я в некотором сомнении, но решаю, что ничего страшного, если он сделает перекур.

— Будешь? — предлагает мне Сантьяго.

— Нет, спасибо. Я не курю.

Стоит Сантьяго закурить, как раздвижная стеклянная дверь открывается, и выходит Джонни. Сантьяго вскакивает на ноги и тушит сигарету в одной из высоких стальных цилиндрических пепельниц.

— Виноват, — вырывается у него. — У меня был просто небольшой перерыв!

— Ну конечно, — сухо комментирует Джонни и награждает меня невеселым взглядом.

Сантьяго спешно удаляется за дом, чтобы, как мне представляется, поработать в саду, а я встаю.

— Не буду тебе мешать, — говорю я, собираясь подняться в свою комнату и оставить Джонни в покое.

— Почему? Тебе не обязательно уходить, — хмурится он.

— Не хочу вторгаться в твое личное пространство. — Я заворачиваюсь в саронг и начинаю его завязывать, но Джонни подходит ко мне и накрывает мою руку ладонью, заставляя меня резко поднять глаза.

— Мег, ну что за глупости. Теперь это и твой дом тоже. — Он отпускает мою руку. — Знаешь, что, — продолжает он, замечая, какой солнечный выдался день, — пожалуй, я присоединюсь к тебе. Сейчас вернусь.

Он уходит в дом, а я все равно завязываю саронг, чувствуя себя слишком раздетой в бикини. Я снова залезаю на шезлонг и хотела бы остаться сидеть, но знаю, что буду смотреться выгоднее, если лягу, слегка подняв одну ногу, как советуют женские журналы. Я протягиваю руку назад и еще раз поправляю спинку шезлонга, чтобы иметь возможность лечь и скрыть непрошенные складки на животе. Но мои пальцы соскальзывают, и спинка с грохотом опускается прямо мне на ладонь.

— АЙ-ЯЙ-ЯЙ-ЯЙ-ЯЙ! — кричу я, пытаюсь высвободить руку.

В мгновение ока Джонни оказывается рядом со мной и рывком поднимает спинку шезлонга.

— АЙ! — Слезы жгут глаза, пока я изучаю свою ладонь. Поперек, там, где она оказалась зажата, ее украшает вмятина ярко-красного цвета.

Джонни осторожно берет мою руку в свои. Из одежды на нем только плавки. Это приятно отвлекает от синеватого оттенка, который начинает приобретать моя ладонь.

— Ты в порядке? — беспокоится он.

— М-м-м, — киваю я, вытирая слезы здоровой рукой, пока он баюкает распухшую.

— О, — с нежностью говорит Джонни. Я шмыгаю носом. — Я схожу за льдом.

Он приносит из бара лед, завернутый в кухонное полотенце. Я морщусь, когда он прикладывает холод к моей ладони. Будь на месте Джонни кто-то другой, я бы предпочла держать лед сама, но сейчас терплю боль только ради того, чтобы быть к нему поближе.

— Теперь лучше? — спрашивает Джонни спустя некоторое время.

— Намного лучше, спасибо.

Он отпускает мою ладонь и поднимает солнечные очки на лоб. Глаза у него красные и воспаленные.

— Бурная выдалась ночка? — задаю вопрос я.

— Да, — отвечает Джонни, бросая на меня взгляд. — А у тебя?

— Спасибо, ничего.

— Долго вы оставались?

— Нет, ушли вскоре после того, как ты пошел вверх. Парни, с которыми ты был, они из рок-группы?

— Что? А, ну да, — рассеянно подтверждает он, ложась на спину в своем шезлонге.

Мне хочется спросить его про азиатку, но Джонни, похоже, не в настроении болтать, так что мы некоторое время нежимся под солнечными лучами в тишине. Ужасно жарко.

Меня вдруг посещает мысль.

— Ты намазался кремом от загара? — обращаюсь я к боссу.

— Не-а...

— Джонни, ты же обгоришь.

— Не-а.

— Не спорь со мной, — говорю я, протягивая руку под шезлонг и вытаскивая из пляжной сумки свой крем с солнцезащитным фактором 30. Даю ему тюбик. — Не хочу, чтобы ты заработал рак кожи.

— Тогда намажь мне спину, — предлагает он и переворачивается.

— Э-э-э, конечно...

Спина у Джонни теплая и загорелая, а левую лопатку украшает татуировка. Плавки едва прикрывают заметную белую линию загара, и я стараюсь нанести крем как можно ближе к ней, не заводя руку внутрь. Поерзав, Джонни чуть стягивает плавки вниз, чтобы мне было легче. Я быстро размазываю крем и сажусь обратно в свой шезлонг.

— Готово.

— А как насчет переда? — спрашивает он, переворачиваясь обратно.

— Живот себе ты и сам прекрасно можешь намазать.

— Спорим, ты была бы не против это сделать, будь я из группы «Тейк Зет», — замечает Джонни.

Мысль об этом вызывает у меня приступ громкого смеха.

— Сознаться, ведь так? — негодуяще настаивает он.

— Только будь ты Джейсон Оранж, — отвечаю я.

— Это который из них? Мерзкий коротышка?

— Нет! — восклицаю я. — Джейсон, он... Ох, кончай меня заводить, — говорю я, увидев, что Джонни улыбается. — Намажься чертовым кремом и прекрати ныть.

— Как рука? Получше? — Он снова дотягивается и берет мою ладонь.

— Намного лучше, спасибо.

В эту минуту из-за дома выходит Сантьяго. Я инстинктивно вырываю руку, а Сантьяго замирает на месте.

Джонни небрежно снова надевает солнечные очки и продолжает загорать.

Сантьяго подходит к бассейну и украдкой бросает на меня понимающий взгляд.

— Я руку прищемила, — объясняю я, но это звучит неубедительно. Сантьяго принимается вытаскивать из бассейна машинку для очистки, не обращая на нас внимания.

Я ложусь обратно в шезлонг, стараясь не показать, как мне неловко. В конце концов Сантьяго заканчивает работу и уходит.

Жара становится почти невыносимой. Мне не терпится вернуться в дом, но я не хочу расставаться с Джонни, хотя наверняка сгорю, если останусь на солнце надолго.

— Не сходить ли нам сегодня в «Плющ»? — вдруг предлагает Джонни. У меня, должно быть, удивленный вид, поскольку он продолжает: — Мне у них очень пицца нравится.

— В «Плющ»? Но разве мы там не попадемся фотографам? — с бьющимся сердцем спрашиваю я.

— Ну и что?

— Не думаю, что Серенгети будет рада увидеть нас на страницах таблоидов. Не то чтобы я кого-то интересовала, — быстро добавляю я.

— Да кому какое дело? Это все полная фигня.

— Хорошо, я закажу столик.

— Круто.

Я действительно собираюсь на ужин с Джонни Джефферсоном?

Спешно убегаю в дом, чтобы позвонить в ресторан, пока он не передумал. Метрдотель уверяет меня, что нас будет ждать прекрасный романтический столик. Я пытаюсь объяснить, что романтическим он быть не обязан, но не хочу, чтобы показалось, словно я придаю этому слишком большое значение.

Возвратившись, обнаруживаю шезлонг Джонни пустым. Предположив, что он скоро вернется, я продолжаю загорать, но его все нет и нет, тогда решаю пойти и сказать ему, на какое время я сделала заказ.

Прожив в доме две недели, я наконец набираюсь смелости постучать в дверь спальни хозяина.

— Заходи, — зовет он из глубины комнаты. Я неуверенно подчиняюсь.

Спальня выглядит огромной и в отличие от остальных выходит окнами не на деревья в саду позади дома, а простирается до фасада здания и открывает безупречный панорамный вид на город. На стенах развешаны черно-белые фотографии рок-звезд — от Джима Моррисона до Мика Джаггера, многие из них с автографами. Середину комнаты занимает огромная кровать.

— Заказала столик?

Я оборачиваюсь и вижу Джонни в дверях ванной комнаты. Из одежды на нем лишь белое полотенце, обернутое вокруг стройных бедер.

— Да, на полдевятого. Нормально? — Я стараюсь, чтобы мой голос не дрожал.

— Идеально.

Я отворачиваюсь от него и, желая поддержать беседу, говорю, какая замечательная у него комната. Он не отвечает.

— Ну ладно, я лучше тоже пойду переоденусь. — Я торопливо выхожу из спальни и закрываю за собой дверь.

И только потом вспоминаю, что хотела узнать у Джонни насчет заказа машины.

Черт!

Я разворачиваюсь и вновь стучусь к нему. На этот раз он открывает дверь. Он все еще мокрый после душа, и я готова поклясться, что ощущаю тепло, исходящее от его обнаженного тела.

— Прости, я забыла уточнить, надо ли вызвать Дейви?

«Не красней, не красней, не красней», — твержу я себе, чувствуя, как мои щеки снова заливают жар. Вот дерьмо!

Джонни, похоже, удивлен.

— Почему бы нам не поехать на байке?

— На мотоцикле? — глупо спрашиваю я. Разумеется, на мотоцикле, Мег!

— Ага. — Он прислоняется к дверному косяку. — Если, конечно, ты не переживаешь, что испортишь прическу.

— Нет, нет, нет, хорошо! — бодро отвечаю я и поворачиваюсь, чтобы идти в свою комнату.

Бесс меня убьет!

Спустя пятнадцать минут мучительного выбора между двумя платьями до меня вдруг доходит, что в платье я, возможно, буду не слишком прилично смотреться на мотоцикле.

Сверкать трусами перед поджидающими папарацци... Серенгети будет на что пожаловаться. Да, Серенгети, Мег. Не забывай о ней. Девушка Джонни.

Боже, какая же я глупая! Как будто я вообще могу его интересовать. Господи, я же всего-навсего личный помощник.

Вот именно, так что я надену джинсы и не буду выглядеть так, будто потратила на свой вид много сил.

Удивительно, сколько стараний надо приложить, чтобы казалось, словно ты не слишком себя утруждала, правда?

В восемь часов выхожу из своей комнаты и вижу, как Джонни делает то же самое на противоположном конце коридора.

— Так сойдет? — спрашиваю я, показывая на свою одежду.

— Тебе нужна куртка потеплее, — говорит он мне.

— Не думаю, что у меня такая есть.

— Знаешь, по-моему, у меня в гараже найдется запасная.

Так и есть. Порывшись в шкафу, Джонни достает оттуда шлем и темно-коричневую кожаную куртку. Я ее примеряю. Мне она в обтяжку. Интересно, кто был ее хозяйкой?

Джонни уже в байкерском снаряжении и верхом на своем блестящем черном мотоцикле. Отбросив выгоревшие волосы со лба, он надевает шлем, выжимает педаль стартера, и мотор, взревев, оживает. Джонни смотрит на меня и похлопывает по сиденью позади себя одетой в перчатку рукой. Я завожу ногу назад и взбираюсь на мотоцикл.

— Ты в порядке? — перекрикивает он шум двигателя.

— Да! — ору я в ответ.

Он берет меня за ушибленную руку и кладет ее себе на талию. Я подпрыгиваю от боли.

— Прости! — кричит он.

— Ничего страшного!

— Держись крепче!

Держись крепче... Как будто у меня есть выбор. Я судорожно хватаюсь за Джонни, стоит ему со скоростью света рвануть вниз по дороге. Я так напугана, что не могу даже кричать, когда он делает очередной поворот.

Вообще-то, беру свои слова обратно. Неужели это я только что издала этот визг? Готова поклясться, что чувствую, как мышцы на животе Джонни напрягаются от смеха.

Мы подъезжаем к «Плющу», где нам в лицо сразу начинают мигать фотовспышки. Джонни спрыгивает с мотоцикла и поворачивается, чтобы помочь мне. Сгорая от стыда, снимаю шлем: показать, что я не Серенгети, и вообще никакая не знаменитость или кто-то достойный того, чтобы быть рядом с Джонни Джефферсоном. Джонни спокойно забирает у меня шлем и отдает его вместе с ключами от мотоцикла подошедшему парковщику. Я, как могу, стараюсь пригладить волосы, пока папарацци продолжают щелкать затворами. Очень хочется провалиться сквозь землю.

Открытую террасу «Плюща» ограждает штакетный заборчик, и все вокруг мерцает электрическими гирляндами. Мы пробираемся мимо близко стоящих столиков к метрдотелю, который принимает мою куртку и провожает нас внутрь, к уединенному столику, на котором стоят зажженные свечи. Джонни снимает куртку и садится.

— Все хорошо? — осведомляется он.

— Нет! — едва не шиплю на него я. — Все это крайне унижительно!

Он смеется.

— Ты привыкнешь.

Я открываю меню и погружаюсь в него с головой, пока Джонни заглатывает свежее испеченный хлеб. Мои мысли лихорадочно скачут, и я не могу воспринимать слова, которые вижу перед собой. Наконец, я сдаюсь и решаю заказать то же самое, что и Джонни.

— Что будешь пить? — спрашивает он.

— Не знаю. Диетическую колу?

— Нельзя приехать в «Плюш» и заказать диетическую колу.

— Почему нет? Ты же заказываешь пиццу.

— Не спорь со мной, Мег. Давай возьмем бутылку красного.

— Ты за рулем, — указываю я на очевидную вещь.

— Ты можешь сесть за руль на обратном пути, — говорит он.

— Нет! Я не умею водить это чудовище! — захлебываюсь я.

Он смеется мне в лицо.

— Шутка, Мег. Обещаю, что не стану напиваться. Можешь бухать за двоих.

Мы делаем заказ, нам приносят вино, и спустя несколько плотков я начинаю расслабляться. Мне хочется поддерживать разговор с Джонни, но я никак не могу придумать тему. Решаю остановиться на Кристиане.

— Кристиан с тобой связывался? — задаю вопрос я.

— Да, звонил как раз сегодня утром. Хотел выяснить, что у меня за дела с той красоткой из «Мондриана».

Я удивлена.

— Как он проведал, что ты там останавливался?

— Прочел на каком-то дешевом веб-сайте.

— Ну уж он-то должен знать, что ты на такое не способен, — вежливо замечаю я.

— Он как раз знает, на что я способен. Потому и хотел сам убедиться.

— Ясно. — Пауза. — Так ты...

— Ну конечно, нет, глупышка. — Он смотрит на меня невинными глазами. — Я хороший мальчик.

— Разумеется, — сухо отвечаю я. — Кстати, о Кристиане. Вы с ним действительно с детства знакомы?

— Ага.

— Надо же! Ему, наверно, было не по себе, когда ты стал знаменитостью.

Джонни пожимает плечами и откидывается на спинку стула.

Я хихикаю.

— Не знаю, как бы я пережила тот факт, что мой лучший друг вдруг стал мировым секс-символом...

Джонни усмехается и, протянув руку, поглаживает пальцем ножку своего бокала с вином. Он не слишком разговорчив.

— Но, должно быть, здорово, когда в твоей жизни есть такой человек. Вы всегда были лучшими друзьями?

Уголки его рта опускаются, и Джонни кивает, затем поднимает бокал, помешивает вино и делает глоток.

Не знаю, почему, но он явно не желает говорить о Кристиане.

— Хорошее вино, — отмечаю я, меняя тему.

— Ага, — соглашается Джонни. — А что насчет тебя? — спрашивает он. — У тебя есть

друзья детства?

— Только одна подруга, — отвечаю я. — Ее зовут Бесс, мы дружим со школы, но я знаю ее не так долго, как ты знаешь Кристиана.

— Расскажи о своем бывшем парне. — Он ухмыляется.

Я улыбаюсь и откидываюсь на спинку стула. Джонни подается вперед и кладет локти на стол.

— Что ты хочешь знать?

— Почему вы расстались? Полгода назад, верно?

— Верно. — Я делаю большой глоток вина.

— По чьей инициативе?

— По взаимному согласию.

— Глупости, — усмехается Джонни. — Ты его бросила, так?

Я смеюсь от возмущения.

— Нет, это было взаимно! — настаиваю я и снова наклоняюсь вперед, потянувшись за хлебом. Видно, что Джонни мне не верит. — Мы просто все больше ходили на брата с сестрой, — объясняю я.

Он смотрит на меня. Его зеленые глаза искрятся в свете свечей.

— Это было взаимно, — снова заявляю я.

— Представить не могу, чтобы у мужчины из плоти и крови были по отношению к тебе братские чувства, Мег. Может, он голубой? — Джонни подмигивает мне и подливает нам вина.

— Том не голубой, — вздыхаю я. — Он был хорошим парнем. Он — хороший парень. Мы до сих пор дружим, — решительно говорю я.

— Друзья, — хмыкает Джонни. — Бедный старина Том, должно быть, ждет на скамейке запасных в надежде, что ты примешь его обратно.

— Прекрати! — смеюсь я.

— Сколько ему лет?

— Двадцать четыре.

— Совсем ребенок. Тебе нужен настоящий мужчина, — насмешничает Джонни.

— Не забывай, мне самой всего двадцать четыре.

Он качает головой.

— Я все равно тебе не верю.

Я не отвечаю, но в глубине души мне приятно.

— Когда ты в последний раз с ним разговаривала? — спрашивает Джонни.

— Перед тем, как приехала сюда. Нужно будет как-нибудь опять ему позвонить.

— Ты дразнилка, — говорит Джонни.

— Я не дразнилка! Я его больше не интересую! — настаиваю я.

— Как скажешь, Мегера, как скажешь.

— Мегера?

— Да, Мегера. Тебе это подходит. Думаю, я так и буду тебя теперь звать.

— А мне тебя тоже звать Джей-Джей? — наношу я ответный удар.

— Нет, если ты хочешь, чтобы я отзывался.

Я смеюсь.

— Ладно, хватит о моей личной жизни. Как насчет твоей?

— Я не разговариваю о своей личной жизни, Мегера. Тебе следовало бы это знать.

Такие знаменитости, как я, никогда не раскрывают интимных подробностей.

— Это несправедливо.

— Жизнь несправедлива, — мелодраматично заявляет он и откидывается назад, чтобы позволить только что подошедшему официанту подать нам еду.

Джонни верен своему обещанию выпить не больше пары бокалов, так что к моменту окончания ужина мне довольно тепло и приятно.

По дороге к выходу я настойчиво пытаюсь распознать кого-нибудь из знаменитостей.

Она немного похожа на... Нет.

Это не... Нет.

Стойте! Да! Это в самом деле Бен Аффлек!

Не успев подумать, я торопливо подталкиваю Джонни локтем в бок.

— Что такое?

— Вон там, это Бен Аффлек?

Он смотрит вверх тесно стоящих столиков.

— Угу.

В эту минуту Бен поднимает глаза и видит Джонни. Он вскидывает руку в знак приветствия, и Джонни делает то же самое в ответ.

Папарацци наготове, когда мы спускаемся по лестнице, но на этот раз мне на них наплевать: вино утроило мою самоуверенность.

Один из парковщиков подгоняет мотоцикл, и Джонни взбирается на него и натягивает шлем на голову. Я делаю то же самое, он газует, и мы с ревом срываемся с места, ослепляемые фотовспышками. В этот раз мне смешно.

— Что такое? — Он наклоняет голову назад, чтобы услышать мой ответ.

— С ума сойти! — кричу я.

Он смеется и останавливается на красном светофоре. Краем глаза я замечаю сработавшую фотовспышку и вижу фотографа, нацелившего на нас объектив из черного микроавтобуса.

— За нами погоня, — говорю я.

— Я знаю, — отвечает Джонни. — Держись.

Светофор меняет цвет на зеленый, и он рывком преодолевает перекресток, оставляя фотографа позади. Я слышу, как визжат шины, когда он устремляется за нами. На следующем перекрестке Джонни проезжает на желтый свет. Обернувшись, я вижу, как водитель микроавтобуса бьет по тормозам. Он выкатывается на пешеходный переход, но, к счастью, избегает выехавших на перекресток автомобилей.

— Обалдеть! — визжу я.

— Придурок! — кричит Джонни. Он поворачивает направо на следующем перекрестке и едет по более тихим улицам, чтобы убедиться, что мы оторвались от репортера. Похоже, что так.

Я расслабляюсь, когда он выезжает из города на шоссе, утыкаюсь лицом в кожаную куртку, запах которой проникает мне в нос, и крепче обхватываю Джонни за талию.

— Куда мы? — кричу я.

— Хочу тебе кое-что показать, — кричит он в ответ.

Мы съезжаем с шоссе и начинаем подниматься на холмы. Указатель подсказывает мне, что мы находимся на Малхолланд-драйв, и, бросив взгляд налево, я прекрасно вижу город; разноцветные огни сверкают в темноте.

Спустя некоторое время Джонни притормаживает у обочины, ставит мотоцикл на подножку, спрыгивает и снимает шлем, вешая его на руль. Я перебрасываю ноги на одну сторону, и Джонни, улыбаясь, встает передо мной и помогает расстегнуть шлем. Он кладет ладони мне на талию, поддерживая, пока я слезаю с мотоцикла, после чего перешагивает через невысокую стену и преодолевает несколько метров вниз по склону туда, где лежит большой валун. Джонни садится на него и хлопает ладонью рядом с собой.

С минуту или две мы сидим рядышком в уютной тишине и смотрим вниз на огни города.

— Иногда я прихожу сюда, чтобы сочинять, — наконец говорит Джонни.

— Правда? — спрашиваю я. — Разве тебя никто не узнает?

— Пока нет. Это просто удивительно, — отмечает он.

— И как проходит сочинительство?

— Неплохо.

— Сыграешь мне как-нибудь?

Джонни смотрит на меня, будто вновь собираясь пошутить насчет моих музыкальных пристрастий, однако потом опять отворачивается.

— Может быть, — отвечает он. — Если честно, я подумывал о том, чтобы нам уехать. На Биг-Сур или еще куда, просто чтобы отдохнуть от города. Мне нужно сесть и как следует сосредоточиться на песнях, а здесь я этого сделать не могу.

— Да, конечно. — Мой голос спокоен, но внутри я чувствую прилив возбуждения при мысли о поездке куда-то с ним.

— Может, Кристиан тоже соберется приехать, — вслух размышляет Джонни.

— Это было бы здорово, — радуюсь я. Я действительно очень хотела бы снова его увидеть. — Как считаешь, он возьмет с собой свою девушку? — спрашиваю я.

— Вряд ли. — Тон Джонни заметно черствеет.

— Почему нет? — не унимаюсь я.

Джонни не отвечает.

— Смешной ты, — с улыбкой говорю я. — Почему просто не расскажешь?

Он вздыхает. Наконец бросает изучающий взгляд в мою сторону.

— Мы с Кристианом ссорились из-за женщин.

— Ты же не спал с его подружкой? — вырывается у меня.

Джонни молчит.

— Спал, так?

— Угу, — признает он.

— Засранец, — выношу вердикт я, пытаюсь свести все к шутке. — Как так получилось?

— Ужасно глупо, — отзывается Джонни, ероша волосы на голове. — Мы постоянно флиртовали друг с другом. Кристиана это, казалось, не волновало.

«Потому что он доверял тебе», — думаю я.

— Однажды вечером я здорово набрался и полез к ней.

— Она могла тебе отказать, — указываю я, пытаюсь его ободрить.

— Она и отказала. Но я был довольно настойчив. «Фенс» тогда только приобретала известность. Я много о себе воображал. Даже больше, чем сейчас, — самоуничижительно говорит он. — Считал, что могу получить все, что захочу.

— И ты захотел ее, — просто добавляю я.

Молчание.

— Но она, очевидно, тоже тебя хотела, раз поддалась.

— Полагаю, что так. — Джонни почесывает подбородок. — Но она серьезно об этом пожалела. Я попытался было извиниться на следующий день, но чувство вины было слишком велико для нее. Она во всем призналась Кристину. Так я потерял своего лучшего друга.

Он наклоняется, поднимает камень, лежащий на валуне, швыряет его вниз и продолжает:

— Я вернулся с репетиции и обнаружил, что он вывез все свои вещи из квартиры, которую мы вместе снимали.

— Куда?

— Я не знаю. С той девушкой они расстались. Я пытался ему звонить, но он не брал трубку, а в конце концов сменил номер.

— Ты хочешь сказать, что он так и не поговорил с тобой об этом? Не наорал на тебя? Не избил? — не могу поверить я.

— Нет, ничего такого. Просто исчез с лица земли.

— Обалдеть, — говорю я.

— Я пытался связаться с ним через его родителей, но они велели мне идти на хрен.

— Правда?

— Ну, не совсем. Но его мама сказала, чтобы я оставил Кристиана в покое. Дал ему побыть одному. А потом к «Фенс» действительно пришел успех, мы поехали в турне, и я вроде как покончил с прошлым.

— Боже. Так когда же вы снова начали общаться?

— Ты же слышала о моем срыве. — Он бросает на меня полный иронии взгляд.

— Я немного об этом читала.

— Когда группа распалась, я как бы провалился в черную дыру. На то, чтобы оттуда выбраться, у меня ушла пара лет, — спокойно рассказывает Джонни. — А когда сольная карьера пошла в гору, мне постоянно казалось, словно чего-то не хватает. Я оборвал связи с группой, неприятная была история, — объясняет он. — И не покидало ощущение, что у меня совсем не осталось друзей.

— Тебе, должно быть, было одиноко, — предполагаю я.

— Да, но я сам был в этом виноват, Мегера, — легкомысленно отвечает он. — В общем, в конце концов я увидел статью Кристиана в «НМЭ».

— Статью о тебе? — с осторожностью уточняю я.

— Нет. Он никогда не писал обо мне, — говорит Джонни. — Но я некоторое время следил за его работой, и наконец набрался смелости и написал ему по электронной почте.

— Он тебе ответил?

— Да.

— И что случилось? Как так вышло, что он тебя простил?

— Хм-м. Мне до сих пор не кажется, что он это сделал.

— Правда? — спрашиваю я. — Даже после того, как ты извинился?

Он неловко переминается, сидя на валуне.

— Я так ни разу и не извинился.

— О, — все, что сумела сказать я.

— Да-да, я полный засранец, — признает Джонни. — Но все было очень странно. Мы ни разу об этом не заговорили. Он ничем не подал виду и, казалось, был искренне рад получить от меня письмо. А я был так рад, что у меня снова появился друг, что не хотел

раскачивать лодку, вороша прошлое.

— Понятно, — киваю я. — Когда это было?

— Пару лет назад.

— Ничего себе, так недавно? Ну, по крайней мере сейчас вы друзья.

— Да. Он единственный, кому я по-настоящему доверяю. — В голосе Джонни слышится грусть.

— Он действительно единственный, кому ты доверяешь? — Я не могу в это поверить. Это, конечно, просто одна из банальностей, столь любимых знаменитостями. — А как же твоя семья? Родная кровь не водица, все такое.

— У меня нет семьи. Отец — вечный неудачник. Мать умерла. Тетя — сестра моей матери — скончалась от рака груди за два года до матери. Отец был приемным ребенком. Бабушка с дедушкой умерли. У меня они были только с материнской стороны, потому что отец сбежал из дома в пятнадцать лет. Вот и все. Кристиан был мне как брат.

Некоторое время мы сидим в тишине, и я перевариваю услышанное. Мне искренне его жаль.

— Короче, пошло оно все! — внезапно говорит Джонни. — Что это ты делаешь, заставляя меня болтать обо всей этой чепухе? Идем. — Он поднимается и потягивается, глядя на городские огни. Я встаю. Мне хочется сказать ему что-то, что его утешит, но подобрать слова не получается, так что мы молча возвращаемся к мотоциклу, и Джонни везет нас домой.

Глава 11

Утром встаю не сразу, лежу и думаю о вчерашних событиях. Джонни открыл мне сердце, представ в совершенно ином свете, и сейчас я мечтаю лишь об одном: чтобы он доверял мне так же, как доверяет Кристиану. Мечтаю стать близким ему человеком. И банальное физическое влечение тут больше ни при чем. Я действительно волнуюсь за Джонни и жду не дождусь, когда увижу его снова.

Витая в облаках, спускаюсь в кабинет и не могу сосредоточиться на работе. Телефонный звонок приводит меня в чувство. Один из журналистов интересуется, кто был вместе с Джонни в «Плюще». Смеюсь и говорю, что всего лишь я, его личный помощник. Дескать, Джонни очень захотелось пиццы, а Серенгети в городе не было, и я поехала с ним за компанию. По-моему, все это звучит весьма правдоподобно. Надеюсь, ведущие колонок светской хроники будут того же мнения. Как же следует действовать в таких случаях? Делать заявление или ждать, когда поступят вопросы? Гуглю Джонни Джефферсона и неожиданно для себя вижу подборку фотографий, на которых я слезаю с мотоцикла. «Кто эта девушка?» — гласит подпись. Зажимаю рукой рот и приникаю к экрану.

— Что случилось? — спрашивает Джонни, стоя в дверях.

Резко поднимаю голову, вижу его и внезапно робею.

Джонни проходит в кабинет и опускает руку мне на плечо:

— Ты в порядке, Мегера?

— Да, да, в полном! — поспешно отвечаю я, пытаюсь скрыть смущение. Я рада, что он помнит прозвище, которым меня наградил, пусть оно не очень мне нравится.

Джонни спокойно придвигает стул, и я смещаюсь в сторону. Он снова в солнцезащитных очках.

— Посмотрим, что тут у нас.

Я передаю Джонни мышь, и он начинает ей кликать, а потом и тихонько смеяться при виде первой же фотографии, на которой я вхожу за ним в ресторан.

— Ты похожа на зайца, угодившего в свет фар. — Он поворачивается ко мне и улыбается, но я не вижу его глаз за темными стеклами.

— Ты такой смешной со своими очками, — заявляю я.

— Что?

— То. Ты ходишь дома в солнцезащитных очках.

— Так лучше? — интересуется Джонни, сдвигая очки на макушку.

— О нет, не с такими красными глазами, — манерно тяну я.

Джонни усмехается и возвращает очки на нос, продолжая просматривать сайты светской хроники.

— Мне ужасно неловко, — наконец высказываюсь я, пряча лицо в ладонях.

— Брось, — отзывается Джонни. — Чертовски забавно, что ты переживаешь из-за таких пустяков.

— Надеюсь, Серенгети тоже так думает.

Телефон Джонни начинает звонить. Взглянув на номер абонента, он со смехом говорит:

— Вот сейчас и узнаем. — И отвечает на вызов.

Серенгети рвет и мечет.

— Да, мне захотелось пиццы, — спокойно объясняет Джонни. — Она моя помощница.

Сопроводить меня — ее работа.

Он косится на меня и подмигивает. Улыбаюсь ему в ответ, ощущая себя такой малолетней нахалкой. Если ему все равно, почему я должна волноваться? Мы ничего плохого не сделали, и если Серенгети злится — это ее проблемы.

Нажав отбой, Джонни откидывается на спинку стула и обводит меня взглядом. Тянусь за своим ежедневником.

— Итак, не забудь, что в час дня у тебя плановый визит к врачу, а в три — саундчек на МТВ. — Джонни записывает акустический сет для этого канала на следующей неделе.

— М-м-м, — мычит он, задумчиво рассматривая меня.

Раздается стук в дверь, поднимаем головы и видим стоящую на пороге Розу.

— Кофе, ребятки? — тепло улыбается она.

— Да, пожалуйста, — хором выпаливаем мы.

— Пойдем, составим ей компанию на кухне, — предлагает Джонни, как только Роза уходит.

Он снимает очки, пока мы встаем.

— У тебя и правда немного больные глаза, — говорю я. Они так выглядят со вчерашнего утра. — Давай-ка я принесу капли?

— Валяй, — соглашается Джонни.

Иду, нахожу нужный пузырек в аптечке и отправляюсь на кухню. Джонни сидит за столом, а Роза возится с кофемашиной.

— Запрокинь голову.

Джонни повинуется. Придерживая его лицо, закапываю пару капель в один красный глаз.

— Ой! — восклицает Джонни, яростно моргая. Промокаю уголок бумажной салфеткой и приступаю ко второму глазу. Лицо у Джонни теплое и загорелое; двухдневная щетина на его щеках колет мою ладонь. Снова гляжу ему в глаза и обнаруживаю, что он смотрит на

меня.

Убираю руку с лица Джонни, поворачиваюсь и вижу, что Роза тихо наблюдает за нами.

— Вот и кофе. — Она ставит наши чашки на стол.

Придвигаю стул и сажусь, отчего-то чувствуя себя неуютно.

Джонни барабанит длинными загорелыми пальцами по столу и молчит. Я тоже словно язык проглотила. Отпиваю кофе.

Роза нарушает тишину:

— Как прошел концерт?

Вспоминаю, что она не видела Джонни со дня его выступления в клубе.

— Да, да, очень хорошо, спасибо, — откликается он.

— Много народу было?

— Порядочно. Черт, Мег! — вдруг восклицает Джонни.

— Что?

— Совсем забыл. Я же не могу сегодня пойти к врачу, потому что обещал заскочить к Ти-Джею перед МТВ. Можешь перенести визит на другой день?

— Конечно. Займись этим, — встаю я.

— Спасибо.

Выхожу из кухни, ощущая спиной взгляд Розы.

Через какое-то время появляется Дейви, но Джонни нигде не видно.

— Ты не видела Джонни? — спрашиваю я Розу. Она режет лук на кухне, стоя ко мне спиной.

— Он уехал на мотоцикле, — бросает она.

— Как уехал? Дейви ждет его, чтобы отвезти на саундчек.

— Тогда лучше отпусти парня.

— Роза, у тебя все нормально? — Начинаю беспокоиться. Ее тон заставляет меня нервничать.

— Послушай, Мег, — поворачивается она, покачивая большим кухонным ножом, — это не мое дело, но будь осторожна.

— В каком смысле? — Прикидываюсь валенком.

— Я лишь хочу сказать, что Джонни... Нет, я люблю его и все такое, но тебе лучше обходить его стороной.

— Роза, да я никогда... — От ее взгляда я замолкаю на полуслове. — Ладно, ладно.

В этот день Джонни так и не появляется, и на следующее утро Роза приходит ко мне и сообщает, что он уехал.

— Надолго?

— Дня на два, наверное. С этим парнем никогда ни в чем нельзя быть уверенной.

— Почему он не позвонил мне? — упавшим голосом спрашиваю я.

— Не знаю, Мег.

— Но завтра у него интервью. Он вернется к этому времени? — Я словно несчастный подросток, изливающий горести своей матери.

— Без понятия. Наверно, тебе лучше перекроить расписание.

Ничего не понимаю. Почему он уехал так неожиданно? Почему не предупредил? Чувствую себя совершенно разбитой.

Наступает среда, а от Джонни по-прежнему нет вестей. Отменив его интервью и

получив выволочку от журналиста за доставленные неудобства, сию и гляжу в пространство. Пытаюсь взять себя в руки и сделать что-нибудь полезное, поэтому захожу на Фейсбук. Рейтинг сексуальности Джонни взлетел до небес. Мне бы радоваться, но я не в том настроении. Впервые за все время, что я живу в Лос-Анджелесе, скучаю по дому. Вот бы Бесс была здесь. Решаю позвонить подруге. В Великобритании сейчас вечер среды.

— А мы только что вспоминали тебя!

— Правда? — На душе сразу теплеет при звуке искрящегося голоса Бесс. — Кто это «мы»?

— Я и Серена. Я говорила, что быть такого не может...

— Кто такая Серена? — перебиваю я Бесс.

— Ой, прости. Я и забыла, что вы не знакомы. Она недавно у нас работает. В общем, я говорила, быть такого не может, чтобы ты сходила на романтический ужин с Джонни Джефферсоном в «Плющ» и потом не позвонила мне, обсудить это событие.

— Э-э...

— А ты не позвонила!

— Это был не романтический ужин. Джонни просто хотел, чтобы кто-нибудь составил ему компанию, потому что Серенгети нет в городе.

— Мег!

— Что?

— Почему ты мне ничего не сказала?

— Не о чем говорить.

Я действительно не хочу обсуждать эту тему. Своим отъездом Джонни лишил нашу поездку всей ее привлекательности.

— Так что там было? Если верить Серене, вы отправились в ресторан на мотоцикле?

— Она-то откуда знает?

— Увидела эту новость у Сэмсона Сарки и узнала тебя по твоей фотке.

— Какой еще фотке?

— Той, где мы с тобой у бассейна в Италии. Она стоит на твоём туалетном столике. Ну и как мотоцикл...

— Что Серена делала в моей комнате?

— Ох, — тушуетя Бесс. — Прости, я забыла тебе сказать. Она ищет жилье. Надеюсь, ты не против, что я разрешила ей переехать сюда в выходные.

— Конечно, не против, — заверяю я Бесс, не совсем искренне. Да, мы собирались сдать мою комнату на время, но я не предполагала, что это случится так быстро. — Если хочет, пусть берет мои вещи, простыни там или еще что-нибудь, пока не купит свои, — говорю я, чувствуя себя таким меценатом.

— Хорошо, спасибо, — с запинкой отвечает Бесс.

— Погоди, она что уже переехала?

— Ну да, в минувшие выходные.

— А, понятно. Извини, я думала, речь о следующих.

— Да. Но ты ведь не против, верно? — переспрашивает Бесс.

— Конечно нет! — Значит, она уже спит на моих простынях!

— Мм, да. Прости. — Бесс, кажется, неловко. — Я правда думала, что ты не будешь возражать.

— Да, ерунда. Бесс, серьезно, все нормально. Только почему ты ничего не сказала об

этом, когда мы разговаривали в прошлую субботу?

— Прости, — снова извиняется она. — Я просто забыла. Но ты уверена, что все хорошо?

— Все замечательно. Слушай, мне пора. Надо работать.

— Ты так ничего и не рассказала про «Плющ», — ворчит Бесс.

— В другой раз.

Вешаю трубку, чувствуя себя еще хуже, чем прежде. Простите, но нет. Мне не нравится, что какая-то девица, с которой я даже не знакома, спит в моей постели и пользуется моими простынями всего через две с половиной недели после моего отъезда из чертовой Англии!

Чем больше я об этом думаю, тем больше сержусь.

А может, я драматизирую ситуацию. Что тут такого? Бесс хотела обзавестись новой соседкой. Просто сейчас я немного не в духе.

Когда же Джонни вернется домой?

Импульсивно хватаю телефон и набираю номер. Человек на том конце провода берет трубку после второго звонка.

— Привет, Том, это Мег!

— Мег!

— Как ты? — спрашиваю я, и на душе у меня снова теплеет.

— Очень хорошо. А ты? Как твоя работа?

— Отлично.

— Ты уже освоилась?

— Почти.

— А я тут на днях говорил с Люси. Она просила передать тебе привет.

Люси — сводная сестра Тома.

— Правда? Это классно.

— Она все никак не может поверить, что ты работаешь на Джонни Джефферсона. Ей неловко навязываться, но если ты достанешь для нее его фото с автографом, она точно будет на седьмом небе от счастья.

Мне все еще немного грустно после разговора с Бесс, но дружелюбный голос Тома действует на меня ободряюще.

— Конечно, — отвечаю я. — Как она поживает?

— Ну, вернулась к Джеймсу...

— Что? Нет!

— Да шучу я, шучу.

— Болван несчастный, — смеюсь я. Джеймс — бывший парень Люси и тот еще фрукт.

— Они с Нейтаном недавно гостили у нас, — сообщает Том.

Я познакомилась с Нейтаном на позапрошое Рождество. Очень милый парень.

— Они по-прежнему занимаются недвижимостью в Австралии? — спрашиваю я.

— Да. И здесь тоже. На самом деле, они только что завершили перестройку склада в Сомерсете и снова вернулись в Австралию, чтобы окунуться с головой в новый проект. Ладно, ты ведь звонишь не для того, чтобы поговорить о моей сводной сестре?

— Да, прости. Мне просто хотелось поболтать.

— Ты же не тоскуешь уже по дому?

— А что, так заметно?

— Да, Мег. Голос тебя выдает.

— В каком это смысле? Да я само веселье!

— Это ты как думаешь, но меня не проведешь!

Милый Том, он знает меня, как никто.

— Надеюсь, рок-звезда хорошо с тобой обращается? — грозно спрашивает он.

— Да. У меня все нормально, если не сказать замечательно. Понимаешь... Наверное, я просто иногда чувствую себя оторванной от дома. Но я не хочу говорить о себе. Как у тебя дела? Чем занимался все это время? Что на любовном фронте? — Этот последний вопрос задаю особенно беззаботно.

— Забавно, что ты об этом спросила... — начинает Том, наверняка улыбаясь.

— Что? Ты же не завел себе девушку!

— Да, есть кое-кто на примете, — признается Том с оттенком гордости в голосе.

— Ух ты, это же здорово, Том! Я ее знаю?

— Нет. Мы познакомились на дне рождения Ника. Они учатся в одном университете. — Ник — младший брат Тома. — Она тебе непременно понравится, — добавляет Том.

— Как ее зовут? — Сама того не желая, ощущаю внутри себя пустоту.

— Кэрролайн. А если коротко, Кэрри. Познакомлю вас в твой следующий приезд. — Значит, у них все серьезно. — Так когда ты приедешь? — спрашивает Том.

— Не знаю, — честно отвечаю я.

Билл сказал, что я смогу вернуться в Англию через три месяца, чтобы уладить вопрос с квартирой, но я даже не в силах предположить, получится ли уехать, учитывая нашу поездку в Биг-Сур, запись нового альбома и дальнейшие гастроли.

— Ладно, Том. Меня ждет работа.

— Эй, ты в порядке?

— Само собой!

— А по голосу не скажешь. Мег, ты ведь не против, что у меня появилась другая девушка? — беспокоится Том.

— Нет, конечно! — восклицаю я.

— Ну, тогда ладно, — неуверенно говорит он. — Мы же всегда знали, что рано или поздно это должно случиться, да?

— Да, Том! Серьезно, все в порядке.

Понимаю, что сейчас в моем голосе звучит раздражение, но, если уж откровенно, я и впрямь раздражена. И не то чтобы я хочу заполучить Тома обратно. Я ведь даже не ревную его к новой девушке. Но мне-то казалось, что я первая встречу кого-нибудь.

Черт побери, хватит ныть! Гляди, где ты находишься! Гляди, чем ты занята! Подумай обо всех тех людях, которые могли бы убить...

Вздыхаю. Наверное, лучше вернуться к работе.

Захожу на Майспейс и начинаю читать комментарии.

Некто Терри пишет:

«Спасибо, что добавил в друзья! Люблю тебя, Джонни».

Джим замечает:

«Отличный концерт, чувак! Когда собираешься на гастроли?»

Ника говорит:

«Суббота была улетной, детка. Когда пересечемся снова?»

Что?

Разглядываю фотографию. Боже правый! Это же та азиаточка из «Скайбара».

«Когда пересечемся снова?»

Час от часу не легче.

На следующий день, как обычно, работаю за своим столом, когда телефонный звонок заставляет меня подскочить на месте.

— Серенгети Найт здесь, — объявляет один из охранников.

— Джонни нет дома, — отвечаю я.

— Нет, есть. Где-то с час как вернулся.

Вернулся? Тогда почему не зашел поздороваться?

Выбегаю из кабинета, и вот он, собственной персоной. Сидит себе у бассейна и тихо бренчит на гитаре. Отодвигаю стеклянную дверь. Заметив меня, Джонни прекращает играть.

— Привет! — осторожно говорю я.

— Порядок?

— Не знала, что ты уже дома.

— Ну да.

— Когда ты вернулся?

— Часа два назад.

— Где ты был?

— Там, сям.

Ладно, начинаю выходить из себя. Нельзя ли выразаться конкретнее?

— Джонни, я не хочу поднимать бурю в стакане, но я твой ассистент. Ты не можешь просто так исчезать, не поставив меня в известность. Как, по-твоему, это выглядит, когда я отменяю встречи и не могу ответить, когда ты вернешься или где находишься? Я чувствую себя круглой душой. Так работать нельзя, — веско заявляю я.

— Э-э, привет? — Оборачиваюсь и вижу в дверях Серенгети. Она стоит, уперев руку в бок. — Я устала ждать у парадной двери. Хорошо хоть Роза меняпустила.

Отложив гитару, Джонни подходит к Серенгети и целует ее в щеку. Она раздраженно косится на своего кавалера, когда тот пытается взять ее за руку, и упирается, еще крепче прижимая ладонь к бедру. Ну точь-в-точь заварочный чайник.

Тут из-за хозяйки выбегает Футси, держа в зубах косточку, видимо, полученную от Розы. Песик падает на мои ноги и начинает маниакально грызть свою добычу.

Серенгети переводит сердитый взгляд с меня на Джонни и обратно. Решаю, что пора и честь знать.

— Мне надо вернуться к работе, — говорю я и направляюсь в дом. Серенгети по-прежнему торчит в дверях. Она не сразу уступает мне дорогу, вынуждая меня стоять перед ней, как мне кажется, целую вечность, хотя проходит, должно быть, всего лишь пара секунд. Потом она делает шаг в сторону, так и не опустив руку с бедра.

Иду в кабинет и сажусь на свое место, продолжая злиться на Джонни. Да уж, отстойная из меня ЛПЗ получилась. А я очень даже способная. Коли на то пошло, это Джонни должен лучше информировать свою помощницу.

А мне придется разобраться в себе.

— Прости, Мегера.

Поднимаю взгляд и вижу в дверях Джонни.

— Все нормально, — отвечаю я, удивившись и обрадовавшись одновременно.

Джонни улыбается, подмигивает мне и снова уходит.

Глава 12

Так как Джонни не выходил на связь целых три дня, нам следует многое наверстать. Надо перенести запланированное на среду интервью; из-за второй отмены визита к врачу, назначенного на четверг, надо записать Джонни на другой день недели; и еще пройтись по длинному списку насущных вопросов, первым пунктом которого значится организация фотосессии для обложки нового альбома, а последним — выбор гостиничного номера, в котором хотел бы остановиться Джонни во время предстоящей поездки в Биг-Сур.

К тому же я никак не могу решить, стоит ли показывать Джонни тот комментарий на Майспейсе от азиаточки Ники.

К сожалению, постепенно становится ясно, что босс обладает терпением мухи, и я вынуждена то возвращаться, то опять уходить, когда его что-нибудь отвлекает. Сегодня его отвлекает Серенгети, и после того, как я в третий раз прерываю их солнечные ванны, чтобы согласовать с Джонни кандидатуру фотографа для предстоящих съемок, она устало глядит на меня и картинно вздыхает:

— Неужели этим нужно заниматься сейчас?

— Крошка, — предостерегающе говорит Джонни.

— Я серьезно, — не унимается «крошка». — Мы полторы недели не виделись, разве нельзя оставить нас ненадолго вдвоем?

Не подходящий ли сейчас момент, чтобы упомянуть о Нике?

Ох, дайте подумать.

Нет. Вряд ли.

— Почему бы тебе не дать ей выходной? — предлагает Серенгети.

Вот уж не знала, что обладаю Великой силой, но эти двое явно не могут разглядеть, как я маячу у них перед глазами.

— Отпусти ее, пусть посмотрит достопримечательности, — добавляет Серенгети. —

Она уже ходила по магазинам?

— Хочешь взять выходной, Мег? — спрашивает Джонни.

— Э-э, конечно...

— Тогда вперед, — говорит Серенгети. — Обязательно побывай на Родео-драйв. Поезжай, взгляни на знак Голливуда, сходи в кино и все в таком духе.

— Хорошо, — соглашаюсь я. Господи, она действительно хочет выставить меня из дома. — Но я правда могу уйти? — Смотрю на Джонни.

— Конечно, Мег. Отдохни как следует.

— Ладно, спасибо.

— Возьми «порше», если хочешь.

— «911»? — расплываюсь в улыбке.

— Да, — ухмыляется Джонни.

— Идет! — Поворачиваюсь и направляюсь в дом. Переступая порог, слышу шипение Серенгети:

— Джонни, ты не можешь дать ей «порше»!

— Почему? — интересуется Джонни.

Потом я покидаю пределы слышимости, однако не спешу собираться на тот случай, если Джонни вдруг передумает. Не хочу отвечать за одну из его ненаглядных тачек, если он все же не горит желанием одалживать мне автомобиль. Но Джонни не сдает позиций. Что ж, похоже, этот раунд остался за ним.

Решаю позвонить Китти в надежде на то, что она свободна.

— Я всегда занята по пятницам, а сегодня, веришь ли, свободна! — радостно восклицает она. — Род уехал на отдых в Австралию, будто мест других нет, и полночи гонял меня с поручениями. У нас с ними разница во времени часов девятнадцать или что-то вроде того. Рехнуться можно.

— Ох, боже мой! — сочувствую я подруге.

— Да уж. Вымоталась будь здоров. Но свежий воздух и прогулка пошли бы мне на пользу. Сегодня я уже наработалась досыта. А у тебя почему выходной? — удивляется она. — Где Джонни?

— Здесь. Просто Серенгети хочет убрать меня с глаз долой.

— Значит, они все еще вместе?

— Да.

— Облом.

Смеюсь.

— Мне заехать за тобой? — спрашивает Китти.

— Нет, я сегодня на машине. Так что сама за тобой заеду.

— Поверить не могу, что он разрешил тебе взять свой «порше»! — кричит Китти, сидя рядом со мной на пассажирском сиденье.

— Здорово, да? — Вообще-то, я порядком нервничаю, тем более что здесь правостороннее движение. Стараюсь не показывать вида, к тому же машина на удивление проста в управлении.

У нас врублено радио и опущены стекла. На улице пекло, и голубое небо простирается насколько хватает взгляда. Останавливаюсь на светофорах, и запах влажной травы, растущей вдоль дороги, наполняет машину. Чувствую себя необычайно счастливой.

Китти устраивает мне тур по Лос-Анджелесу, и первый пункт нашей программы — знак Голливуда.

— Здесь направо, — командует подруга. — Поедем окольными путями. Этот маршрут намного лучше, чем туристический.

Движемся по узким частным дорогам. «Порше» сказочно вписывается в повороты. И вот перед нами появляется та самая всем известная надпись, белеющая на вершине холма.

— Можем подъехать ближе, — говорит Китти. — Рули дальше.

— Ух ты! — вздыхаю я несколько минут спустя. — Как думаешь, здесь можно остановиться? Хочу сфотографироваться.

Китти оглядывается.

— Не знаю. Давай, только быстро.

Торопливо отстегиваю ремень безопасности и выхожу из машины. Китти делает то же самое.

— Держи. — Протягиваю ей фотоаппарат. — Не могла бы ты и «порше» в кадр захватить?

Как только Китти наводит на меня камеру, замечаю полицейский автомобиль, поднимающийся по холму.

— Вот засада! — нервничаю я.

Китти бросает на меня встревоженный взгляд, а полицейский автомобиль замедляет движение и останавливается возле нас. Два дюжих стража порядка, лет под пятьдесят

каждому, выбираются из машины и направляются к нам.

— Простите, мы лишь хотели сфотографироваться, — объясняю я, сияя невинной улыбкой.

— Я так и понял, мадам.

— Эй, разве этот регистрационный номер не принадлежит Джонни Джефферсону? — вступает в беседу второй коп.

— Он мой босс, — быстро рапортую я.

— Так, так, так...

Что это значит? Этот коп хороший или плохой?

— Моя дочь — его самая большая поклонница.

Хороший! Ура!

— Могу достать вам автограф. Хотите? — чирикаю я.

Другой коп хихикает:

— Это компенсирует ей забытый день рождения.

— Помалкивай. — Хороший коп поворачивается ко мне. — Да, мадам. Вы окажете мне большую любезность. — Он открывает блокнот, царапает в нем свой адрес и имя дочери (Шарлин), передает листок мне, а затем говорит: — А теперь к делу. Хотите, чтобы я сфотографировал вас вдвоем или как?

Неудивительно, что это место называют Городом Ангелов.

После этого отправляемся в путешествие по Родео-драйв — окна закрыты, кондиционер включен, из динамиков несется Эшли Симпсон. Еду как можно медленнее, чтобы разглядеть достопримечательности. Эта улица выглядит так безупречно, словно является частью тематического парка. Толпа папарацци томится в ожидании у бутика «Гуччи».

— Интересно, кто там внутри? — гадают Китти.

— Может, Виктория Бекхэм? — предполагаю я.

Внезапно один из них смотрит по сторонам и светлеет лицом при виде нас. Он тут же начинает щелкать фотоаппаратом, остальные, рассыпавшись по кругу, следуют его примеру.

— Какого черта? — возмущаюсь я, глядя в зеркало заднего вида на то, как некоторые репортеры рассаживаются по своим транспортным средствам и быстро отъезжают от тротуара.

— Они думают, что ты Джонни, — возбужденно говорит Китти.

— И что мне делать? — спрашиваю я.

— Ничего, — хихикает она. — Рано или поздно все выяснится.

Стекла «порше» затонированы, так что нас никто не может увидеть. Еду дальше.

— Куда теперь?

— По магазинам?

— Разве они не на Родео-драйв?

— Господи, сколько ты получаешь у Джонни? — смеется Китти. — Я про нормальные магазины. С нормальными ценами. Поехали на Мелроуз-авеню.

— Звучит заманчиво.

— Так ты расскажешь мне о своем воскресном романтическом ужине с Джонни?

— Что? А, в «Плюше». Это был не романтический ужин, — усмехаюсь я. — Серенгети не было в городе, а ему просто захотелось пиццы...

— Ну да, я читала пресс-релиз, — закатывает глаза Китти. — А как все было на самом деле?

— В каком смысле? — Гляжу на подругу, надеюсь, что вид у меня озадаченный.

— О чем вы говорили, что он ел, он на самом деле влюблен в Серенгети, запала ты на него или нет...

Услышав окончание фразы, бросаю встревоженный взгляд на Китти и твердо отвечаю:

— Нет.

Начинаю немного уставать от этого вопроса, которым меня донимает Бесс при каждой нашей беседе.

— «Нет», не скажешь, что он ел, или «нет», ты на него не запала? — Китти пытается говорить беззаботно, но в ее голосе сквозит нетерпение.

— Он ел какую-то пиццу с курицей, и нет, я на него не запала. Прости, не могу сосредоточиться из-за этих ребят у нас на хвосте. — Съезжаю на обочину и отстегиваю ремень безопасности. Папарацци появляются рядом с нашей машиной еще до того, как я успеваю открыть дверцу. Ну и скорость!

Когда они понимают, что я не Джонни, их лица приобретают комичное выражение. Один из преследователей раздраженно скидывает руки и восклицает: «Боже! Я только что потерял три штуки баксов!». Остальные, заметно приуныв, возвращаются к своим тачкам и отчаливают. Снова сажусь в машину.

— Так-то лучше. На чем мы остановились?

— На Джонни?

— Ах да. — Кошусь на подругу. — Извини. Сегодня у меня выходной. Нельзя ли поговорить о чем-то другом, помимо моего босса?

Китти разочарована, но соглашается.

Тут меня осеняет.

— Ты знала Паолу? — интересуюсь я.

— Хм?

— Прежнюю ассистентку Джонни? Паолу? Ты ее знала?

— Немного. — Китти ерзает на сиденье.

— Какая она была?

— Милая, — отвечает Китти, не вдаваясь в подробности.

— Как она выглядела? Хорошенькая?

— Высокая. Выше тебя. Длинные темно-каштановые волосы. И да, хорошенькая, — пожимает плечами Китти. — Хотя она продержалась всего восемь месяцев. Это было немного странно.

— Действительно, странно, — соглашаюсь я. — Не знаешь почему?

— Нет. Слухи, конечно, ходили.

— Что Джонни спал с ней? — Вспоминаю слова Чарли в «Скайбаре».

— Да. Хотя я в это не верю. Джонни не настолько глуп.

— О чем ты? Не настолько глуп, чтобы спать с личной помощницей?

— Ну да.

Приподнимаю бровь, но Китти не замечает.

— Здесь налево, — указывает она.

Спустив двухнедельную зарплату в бутиках винтажной одежды на Мелроуз-авеню, решаю, что пора возвращаться домой. Хотелось бы отложить немного денег, пока я работаю здесь. Мне хорошо платят — возможно, не так хорошо, как можно было бы подумать, учитывая босса-мультиллионера — но с бесплатными жильем и едой моя копилка в

скором времени, надеюсь, начнет ломиться от доходов.

Джонни и Серенгети сидят, развалившись, перед телевизором, и я чувствую себя неловко. Поднимаюсь в комнату, готовлю тост с печеными бобами на своей кухоньке и ложусь спать пораньше.

На следующий день Серенгети все еще здесь. И хотя сегодня у меня официальный выходной, прохлаждаться у бассейна как-то не тянет. Читаю книгу в своей спальне, когда раздается стук в дверь.

— Войдите, — говорю я и очень удивляюсь, увидев Серенгети.

— Мне надо, чтобы ты кое-что сделала для меня, — начинает она, крепко сжимая Футси в руках.

— Да?

— Я сама не могу, потому что если меня засекут репортеры... Знаю, у тебя выходной, — пренебрежительно добавляет она, — но ты уже вчера отдыхала, так что...

— Хорошо. — Я не работаю на эту кралю и могла бы дать ей от ворот поворот. У нее, что, своего ассистента нет?

— У тебя нет личного помощника? — уточняю я.

— Нет, — отвечает Серенгети, вызывающе вздернув подбородок. — Пока нет.

Футси извивается в руках хозяйки, и она ставит его на пол. Песик бросается ко мне, твякая и виляя хвостом. Серенгети выглядит немного растерянной. Ладно, мне становится любопытно.

— Что нужно? — спрашиваю я.

Подружка Джонни делает глубокий вдох:

— Тест на беременность.

Практически чувствую, как кровь приливает к моему лицу.

— Только не говори никому, — умоляюще просит она.

— Конечно, не скажу, — горячо отзываюсь я и встаю.

— Особенно Джонни.

— Ладно, — нерешительно соглашаюсь я. — А где он?

— В студии, так что у меня мало времени.

— Я сейчас же поеду и куплю тест.

Вызывать Дейви, вероятно, не стоит, поэтому решаю снова одолжить «порше». Звоню охране и прошу подготовить машину.

Полтора часа спустя возвращаюсь домой с тремя разными тестами. Из студии доносится приглушенная музыка. Нахожу Серенгети в комнате Джонни. Она сидит на кровати и смотрит в пространство. Меня охватывает жалость к ней, когда она встает и с бледным лицом забирает у меня тесты. Не промолвив ни слова, она направляется в ванную и захлопывает дверь у меня перед носом.

— Мне подождать? — громко спрашиваю я.

Серенгети не отвечает, и я не знаю, что делать. Минут десять околачиваюсь перед ванной Джонни, пока не теряю терпение. Результат уже должен быть готов. Разве на тест уходит не одна-две минуты?

Стучу в дверь.

— Серенгети, все в порядке?

Слышу звук спускаемой воды. Через мгновение дверь распахивается. Удивившись,

отступаю назад. Серенгети швыряет мне в руки бумажный пакет из аптеки и велит:

— Выброси это. Только не в здешние мусорные баки.

— И куда же мне это выкинуть? — недоумеваю я.

Серенгети раздраженно глядит на меня.

— Ты ведь знаешь, что журналисты роются в мусоре звезд?

— Э-э, да. З-знаю, — говорю я с запинкой.

— Тогда выброси это в другом месте, может быть, в общественные баки или еще куда-нибудь. Только не попадайся никому на глаза.

Разворачиваюсь, готовясь выйти из комнаты.

— Твою же мать! — взрывается Серенгети. — Дай сюда.

Снова разворачиваюсь. Теперь я окончательно теряюсь.

— Что?

— Ты ведь не можешь выкинуть эту дрянь? Папарацци уже засекли, как ты мило ужинала в «Плюще» с моим раздолбаем-бойфрендом, и теперь чертовы писаки решат, что это твои тесты на беременность. К тому же я сомневаюсь, что тебя никто не заметит.

На мгновение впадаю в ступор. Решаю не упоминать о том, что не кто иной, как я уже побывал в аптеке и купил ей эти самые тесты. Едва ли меня кто-нибудь видел.

— Дай сюда! — нетерпеливо рявкает Серенгети, резко вырывает у меня пакет и цедит сквозь зубы: — Тупица.

Лишаюсь дара речи. Я даже не в силах сказать, чтобы она не разговаривала со мной таким тоном.

— Теперь иди, — командует Серенгети.

Смотрю на нее в смятении, потом поворачиваюсь и ухожу.

— И убери за Футси. Он нагадил у постирочной! — несется мне вслед.

Неохотно убираю за Футси, а у самой мысли прыгают с пятого на десятое. Из студии Джонни по-прежнему доносится музыка, но потом она затихает. Подозреваю, что тут не обошлось без Серенгети.

Прислушиваюсь, стоя у подножия лестницы, но в доме царит тишина. Отправляюсь на кухню, чтобы заварить себе чай, и тут раздается набирающий силу голос Серенгети, вскоре переходящий в настоящий крик.

Не могу разобрать, о чем они говорят, но Джонни тоже повышает голос. Пытаюсь удержаться от подслушивания, когда наверху внезапно хлопает дверь, и взбешенный донельзя Джонни топают вниз по лестнице. Перехватываю жесткий взгляд его глаз, секунды три мы глядим друг на друга, затем Джонни поворачивает направо и выходит из дома через парадную дверь. Я стою, не зная, что предпринять, потом тоже иду к парадной двери и немного погодя вижу, как его мотоцикл с ревом выносится из центральных ворот.

Возвращаюсь в дом.

Дверь студии закрыта, но глядя на Футси, сидящего под нею, делаю вывод, что Серенгети все еще там. С колотящимся сердцем иду обратно на кухню.

Серенгети так и не спускается вниз, поэтому я кормлю Футси и устраиваюсь в гостиной перед плазменным телевизором, держа ушки на макушке. Не вижу смысла оставлять Футси в одиночестве и смотреть телевизор в своей спальне. Не знаю, собирается ли Серенгети показываться в ближайшее время.

Джонни звонит мне в восемь часов.

— Привет! — говорю я.

— Она еще там? — интересуется он.

— Да.

— Сможешь зарезервировать для меня столик в «Лаунже»?

— Что, сейчас?

— Да, сейчас.

— Конечно.

— Скажи, что я буду в десять, а со мной еще пятеро гостей.

— Сделаю, — обещаю я. Джонни разъединяется.

— Это был Джонни? — зовет Серенгети с верхней площадки. — Что он хотел?

Иду к подножию лестницы, чтобы ответить.

— Хотел, чтобы я зарезервировала столик в «Лаунже».

— При «Стэндарде»?

— Да, на бульваре Сансет.

— Я знаю, где находится «Лаунж», Мег, — снисходительно замечает она, затем идет в комнату Джонни и захлопывает за собой дверь.

Джонни звонит мне снова в начале двенадцатого и просит внести его в список гостей бара «Мармон».

— Джонни, ты в порядке?

— В полном, Мегера.

— Ты ведь не собираешься садиться за руль мотоцикла, да?

— Мег, я же сказал, что в порядке. Она все еще там?

— Да.

Серенгети снова выходит из комнаты Джонни, чтобы разведать обстановку, и опять скрывается за дверью.

Следующий звонок от Джонни раздается в два часа ночи и на этот раз застает меня в кровати.

— «Вайпер Рум», Мег. Столик на... Сколько нас? — спрашивает он у кого-то. Девушка на заднем фоне начинает считать и заходится в смехе, дойдя до восьми. — Пусть будет на десятерых! — вопит в трубку Джонни. Судя по голосу, он порядком набрался.

— Где ты сейчас?

— Где мы сейчас? — кричит он, адресуясь к своей компании.

— Возле бара «Мармон», — раздается новый женский голос.

Ладно, он все еще в том же баре.

— Джонни, я попрошу Дейви подъехать и отвезти тебя. Оставайся там, где ты есть. Не садись за руль байка!

— Ты умница, Мегера, — невнятно бормочет он, и в трубке воцаряется тишина.

Приходится будить бедного Дейви среди ночи, но парень держится молодцом и заверяет меня, что будет на месте через двадцать минут. Пытаюсь связаться с Джонни и наказать ему не исчезать из бара, но он не отвечает. В конце концов снова звоню Дейви.

— Не волнуйся, я его нашел, — успокаивает меня он.

Облегченно вздыхаю и возвращаюсь в свою смятую постель.

Джонни звонит мне снова почти в половине пятого утра.

— Она все еще там? — мямлит он.

— Наверное, — отвечаю я сонным голосом.

Он отключается.

Сорок пять минут спустя слышу, как он входит в дом. Явился — не запыхался! Вскрываю с кровати, быстро надеваю халат, направляюсь к двери спальни — и тут по дому разносится женский смех. Причем смеется не Серенгети.

Тихо открываю дверь и выглядываю из комнаты. Джонни стоит на середине лестницы вместе с миниатюрной платиновой блондинкой, одетой в мини-юбку и короткую майку. Блондинка хихикает, а он обхватывает ее лицо руками и начинает целовать. Наблюдаю за ними, чувствуя рвотный позыв, когда он смещает правую руку на грудь своей спутницы и резко притягивает ее к себе левой рукой. Девица стонет, а он прижимается к ней всем телом.

О боже! Серенгети всего в двух шагах!

Наконец Джонни отрывается от подружки, и они продолжают взбираться по лестнице — девица заливается смехом, он тоже тихонько гогочет. Наверху мой босс чуть не падает и хватается за блондинку, чтобы устоять на ногах, а потом припирает ее к стене и, навалившись сверху, снова целует. Затем Джонни задирает ей майку и грубо высвобождает грудь из бюстгалтера. Мне становится дурно от этой картины, но я не могу оторваться. Губы Джонни скользят к правому соску девицы, и та со вздохом откидывает голову. Через пару секунд он резко задирает ей юбку и расстегивает молнию на своих джинсах. Нет, только не это! Пожалуйста, не занимайся сексом с другой возле двери спальни, за которой находится твоя девушка! Хочу закричать и предупредить его о Серенгети. Не дать ему совершить то, что он готов совершить. Но что я могу?

Меня это вообще не касается.

Дверь спальни открывается, и оттуда появляется Серенгети — бледная и полностью одетая.

— Упс, — хихикает блондинка, пытаясь опустить юбку.

Но Джонни стоит на месте. Он и не думает отстраняться от новой подружки или убирать руку с ее правой груди. Я вижу, как они с Серенгети быстро обмениваются взглядами, когда она устремляется мимо него вниз по лестнице. Через пару мгновений Джонни берет свою спутницу за руку, ведет в спальню и захлопывает за собой дверь.

Бедная Серенгети! Выхожу из своей комнаты и несусь вслед за ней. Она роется в шкафу, пытаясь отыскать свое пальто.

— Серенгети! — зову я. — Мне так жаль.

Не глядя на меня, она берет пальто, а у самой слезы льются из глаз.

— Пожалуйста, — умоляющим тоном говорю я. — Я могу чем-то помочь?

— Мне надо... надо избавиться от этого, — бормочет сквозь слезы Серенгети, сжимая в правой руке злосчастный пакет из аптеки.

— Меня никто не увидит, — обещаю я. Она протягивает пакет, и в это мгновение я от всей души ей сочувствую. Серенгети направляется к выходу.

— Подожди! Я вызову Дейви, — предлагаю я. — Он, наверно, еще где-то поблизости.

Серенгети застывает на пороге и кивает, стоя ко мне спиной. Бегу в кабинет и звоню Дейви. Он только-только успел отъехать.

— Мне так жаль, — обращаюсь я к Серенгети, по-прежнему стоя в открытых дверях. — Если я смогу чем-то помочь, пожалуйста, звони. — Мой голос срывается.

Лучи фар пронзают тусклый свет раннего утра. Серенгети направляется к автомобилю. Дейви быстро выходит и открывает перед ней дверцу, приветствуя меня поднятой рукой. Потом снова садится на место водителя и захлопывает свою дверь.

Черт! Футси!

В панике устремляюсь к машине и стучу в окно. Дейви останавливается и опускает свое стекло.

— Футси! — пыхчу я. Дейви выглядит озадаченным. — Подождите! — машу я рукой, бегу обратно в дом за маленьким белым песиком и обнаруживаю его под кухонным столом. Он спит и не ведаёт о беде, постигшей его хозяйку.

— Иди сюда, Футси! — зову я. Он поднимается и на нетвердых лапках бредет ко мне. Хватаю его на руки, такого мягкого и пушистого, и снова бегу на улицу. Дверца со стороны Серенгети открыта.

— Мой малыш! — причитает она. Я протягиваю ей песика, и тут она начинает рыдать в полный голос. Осторожно закрываю дверь и, стоя на месте, провожаю глазами машину Дейви.

Потом поднимаюсь наверх и, повернув направо, чтобы вернуться в кровать, слышу, что девица в спальне Джонни, судя по всему, заходится в оргазме. С трудом сдерживаю новый рвотный позыв и удаляюсь в свою комнату.

Глава 13

Просыпаюсь вся вымотанная и отчаянно хочу полежать подольше, но едва мой мозг начал понемножку включаться в работу, стало понятно — уснуть не удастся ни под каким видом.

Интересно, по-прежнему ли та девица в спальне Джонни? И как он сам сейчас? Наверное, все еще в хлам.

Неужели Серенгети беременна? Сохранит ли она малыша? При одной мысли об этом заломило виски. Смотрю на маленький белый пакет из аптеки на полу у шкафа. Так и не заглянула в него.

Можно бы позвонить Бесс, чтобы поболтать, но кажется, сил на это нет. В любом случае мне нельзя о таком говорить. Ни с ней, ни с кем-либо другим. Это станет нарушением соглашения о конфиденциальности. Подумав о нем, ощущаю абсолютное одиночество.

После отъезда Кристиана мои тренировки сошли на нет, и сейчас плавать тоже не хочется. Но я знаю, что нужно идти, почувствую себя лучше — даже если и ненамного, все равно дело того стоит. Встав с кровати, я натягиваю бикини и, отключившись от окружающего, спускаюсь.

Из комнаты Джонни ничего не слышно, да я и не ожидала каких-либо звуков в такой ранний час. Уже начало одиннадцатого, но тем не менее рано, с учетом всех обстоятельств.

К тому времени, как Сантьяго приезжает на еженедельную вахту по чистке бассейна и уходу за садом, мои руки болят от заплывов. Я постоянно толкаю себя вперед, наслаждаясь ощущением боли, и уже переплыла бассейн сорок три раза. Прибытие Сантьяго — замечательный предлог, чтобы с облегчением сдатьсь.

— Только не останавливайся из-за меня, — жизнерадостно бросает он. Жемчужно-белая улыбка так и сверкает в лучах солнца.

— Я уже достаточно поплавала, — говорю в ответ, с трудом удерживаясь от стога.

Вылезаю из бассейна, Сантьяго протягивает мое полотенце. Я оборачиваю его вокруг себя.

— Ого, похоже, ты всю ночь не спала, — продолжает Сантьяго, изучая мое лицо.

Знаю, что выгляжу ужасно. Никакого тональника не хватит, чтобы спрятать темные круги под глазами, поэтому очень здорово, что мне сегодня никуда не надо выходить.

Мысли возвращаются к Серенгети и тому, как этим утром должна чувствовать себя она.

— Опять тусовалась с Джонни? — нахально спрашивает Сантьяго.

— Что? Нет! — возмущенно отрезаю я.

— Видел ваши фото в газетах, — дразнится он. — Чудесный романтический вечер в «Плюще» в прошлые выходные. Попалась, подруженька!

Равнодушно смотрю на Сантьяго. Игривое выражение на его лице быстро сменяется на озабоченное.

— Эй, все хорошо?

— Отлично, — отмахиваюсь я. — Хотя от заплывов руки отваливаются.

— Сколько кругов намотала? — Мы продолжаем обсуждать плавание, пока я не уйду, чтобы принять душ.

Вскоре после этого из спальни Джонни появляется блондинка. Я на кухне слышу ее шаги по лестнице. Увидев меня, она трусит.

— У тебя все нормально? — интересуюсь я. — Может, вызвать такси, чтобы отвезти тебя домой?

— Было бы здорово, — отвечает она, рыская глазами по обстановке, чтобы впитать детали. — Ух ты, ничего себе вид. — Девушка проходит в гостиную, пока я мчусь в кабинет — звонить в службу такси. Не могу даже помыслить о том, чтобы разбудить Дейви, только не после этой ночи.

Выйдя из кабинета, вижу «гостью» на веранде. Она разговаривает с Сантьяго. Хихикает и поглядывает на него, дразняще заправляя длинные светлые волосы за уши. Я вслушиваюсь, но из спальни Джонни по-прежнему не доносится ни звука. И я высовываю голову наружу.

— Машина будет через десять минут.

— Класс, спасибо. — Она лучезарно улыбается мне. — А мы ходили в одну школу, — добавляет она потом, тыкая в Сантьяго. — Он мне так сильно нравился!

Тот усмехается, наслаждаясь лестью.

Позже, когда такси приезжает за ней, Сантьяго громким шепотом спрашивает о Серенгети:

— Она наконец убралась отсюда?

Пожимаю плечами.

— Ну да же? — настаивает он. Молчу. — Да! Никаких больше собачьих какашек! — Сантьяго в экстазе.

Я уйду в дом.

В полдень я чаевничаю на кухне, и наконец-то появляется Джонни.

— Привет! — здороваюсь я, удивленная, несмотря на то, что знала, что рано или поздно он спустится. Я вскакиваю. — Кофе хочешь? Или чаю?

— Наверное, чаю, — хриплым голосом отвечает Джонни. Двигает стул, скрежеща ножками по полу. Мерзкий звук проходится по голове будто пилой.

— Ой, — вздыхает Джонни, присаживаясь.

Поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. Голова покоится на одной из ладоней, взгляд полон горечи.

Печальная улыбка — от меня. Сожалеющая — от него.

— Ну и облом, — говорит Джонни.

— Можно и так сказать, — соглашаюсь я.

Он вздыхает, пока я наливаю кипяток из чайника в его кружку.

— Молоко? Сахар? — Раньше не приходилось делать для него чай.

— Молоко. Хотя давай и сахар, — сразу передумывает он. — Один кусочек.

Приношу кружку на стол и выдвигаю стул так, чтобы не травмировать скрипом обе наши головы. Сажусь, баюкая свою чашку в ладонях.

— Хочешь об этом поговорить?

Он опять вздыхает.

— Не особенно. Куда она делась?

— На такси уехала. Ой, — вдруг перебиваю сама себя, — ты имел в виду Серенгети или...

Он мотает головой, без тени улыбки.

— Не знаю, как ее зовут.

— Сантьяго учился с ней в одной школе, могу выяснить, если нужно.

— Да ну, реально? Нет, спасибо. — Иронический взгляд в мою сторону. — Не думаю, что мы еще увидимся.

— Ну, — продолжаю я, — Дейви отвез Серенгети домой, если ты об этом спрашивал.

— Отлично. Круто.

Некоторое время оба молча прихлебываем чай, потом я открываю рот.

— Хочешь, чтобы я что-то уладила?

— С кем?

— С Серенгети.

— Нет.

— Уверен? То есть, знаю, посылать цветы не в твоём стиле, но...

— Уверен, — перебивает он.

— О. Ну тогда ясно.

— Слушай, — разъясняет он, — все кончено. Она становилась слишком прилипчивой.

Рано или поздно все бы так или иначе завершилось.

Я встаю, чувствуя, что разочаровалась в нем, хотя не слишком-то люблю Серенгети.

— Что это с тобой? — интересуется он слегка раздраженно.

— Ничего. — Я ставлю свою кружку в мойку. Осуждать Джонни — не моя работа.

— Да нет, — настаивает он.

— Правда ничего. — Поворот к нему, улыбка. — Может, еще чашечку чая? Или что-то другое?

— Нет. — Джонни с шумом отталкивает свой стул и встает. — Мегера, я такой, какой есть. И не собираюсь меняться — ни ради тебя, ни ради Серенгети, ни ради кого-то еще.

Киваю.

— В курсе.

— Прокачусь-ка на байке, — сообщает Джонни.

— А где он? — уточняю я, припомнив, что прошлой ночью он вынужден был оставить мотоцикл.

— Хм-м. Не знаю. В одном из тех клубов должны знать. Потряси парковщиков поблизости.

— Все сделаю, — обещаю я, и он не сомневается, что это так.

— Возьму «Хеллкэт», — решает Джонни. Это он о своем втором мотоцикле.

После этого я поднимаюсь к себе в комнату. Маленький белый пакет из аптеки все еще на полу возле шкафа. Сажусь на кровати и неотрывно пялюсь на него. Знаю, что не следует

заглядывать туда, но любопытство меня убивает. Нужно поскорее избавиться от улики.

Поднимаю пакет, иду вниз, переговариваясь с охраной — прошу подготовить к выезду «порше». Проезжаю несколько миль, часто проверяя зеркало заднего вида, чтобы убедиться в отсутствии хвоста. Наконец замечаю на обочине урну и торможу.

Бросаю взгляд на пакет. Следует ли сунуть в него нос? Нет. Это не мое дело.

Секундочку. Уж если Джонни собирается стать папочкой, то это именно мое дело. Как его личный помощник, я должна знать о таких вещах, верно?

Хватаю пакет и трясусь. Содержимое громыхает внутри.

Надо принять решение, причем быстро. Стоящий на обочине «порше» выглядит очень подозрительно.

К черту, я посмотрю.

Открываю пакет и вытаскиваю первую упаковку, которую нащупала. Ого. Она запечатана. Вынимаю следующую. И снова — пластиковая упаковка нетронута. Что, я вас умоляю, происходит?

Но третья и последняя упаковка вскрыта, и я догадываюсь, что Серенгети осталась довольна результатом. Открываю ее и достаю тест на беременность. Мгновение держу его лицом вниз, будто сама в роли будущей матери. А после переворачиваю.

Ничего.

Ни одной полоски. Тест использован, но индикатор после истечения срока выцвел. Я предала доверие Серенгети и при этом ничуть не помудрела. И потому мне, в общем-то, совсем нечем гордиться.

Глава 14

В течение следующих недель пытаюсь загнать мысль о потенциальном отцовстве Джонни на задворки сознания. Это не так легко, даже учитывая мою постоянную бешеную занятость. Передача МТВ занимает в рейтингах самое высокое место за всю историю, а в прессе только и разговоров, что о приближающемся турне Джонни и скором выходе нового альбома. Я верчусь как белка в колесе, организуя все — от фотосъемок для обложки альбома до согласования со звукозаписывающей компанией Джонни репетиций перед турне, и это не считая ежедневной текучки по обеспечению босса всем, от выпивки до пены для бритья.

В прессе по-прежнему гуляют слухи по поводу разрыва Серенгети и Джонни. Большинство журналистов предполагают, что виноват Джонни, который имел все, что шевелится, но слухов о беременности пока не было. Я лично отслеживаю фото Серенгети в ее профиле, изучая ее наряды и то, старается ли она скрыть животик, но, разумеется, пока еще слишком рано судить.

Пару раз мы с Китти болтаем за кофе, а вот Чарли, к счастью, удастся избежать. Китти и я становимся ближе, и это чудесно, хотя я и впрямь ощущаю, что моя жизнь в Англии ускользает все дальше. Каждую неделю намереваюсь поговорить с Бесс, но дни как-то все летят и летят, и трудновато выбрать удобное для нас обеих время беседы, чтобы ни у меня, ни у нее на часах не начинался новый день.

Другие мои друзья и Том время от времени пишут мне на электронную почту, чтобы держать в курсе своих жизней. В августе в Англии наступил период аномальной жары, и все начали строить планы на праздничные выходные в конце месяца. Чувствую ностальгию при воспоминании о поездке к Тому в Сомерсет в прошлом году. Вкус яркого апельсинового сидра из местных пабов и молочных чаев из чайного магазинчика его родителей так ясен,

будто это случилось только вчера.

Как-то раз я получаю сообщение от Кристиана с напоминанием о Биг-Суре. Это первая весточка от него с момента возвращения в Англию, и мне приятно видеть его имя, светящееся на экране компьютера. Мы с Джонни уже забронировали номера в гостинице на следующие после этих выходные, но Кристиан до сих пор не мог подтвердить свое участие. А теперь говорит, что приедет, так что я звоню в «Пост Ранч Инн» и уточняю, приютят ли они еще одного постояльца. Они отвечают, что домик с видом на лес пустует, и я бронирую его для Кристиана. Мы с Джонни должны будем жить в домиках с видом на Тихий океан, и после того, как вешаю трубку, я понимаю, что мне следует обменяться номерами с Кристианом и остаться в более дешевом. Перезваниваю, чтобы убедиться, что наши имена поменяли и не будет никаких недоразумений по прибытии, и отправляю Кристиану письмо со всеми планами. Я также запрашиваю у него идеальные для полета даты, чтобы заказать билеты.

Его ответ теплее и дружелюбнее предыдущего, что после долгих недель разлуки создает между нами связь. Он заранее благодарит меня за бронирование билетов, так как знает — обслуживание в первом классе будет гораздо лучше, если в авиакомпанию обратится представитель Джонни Джефферсона. Он заканчивает письмо, дразня напоминанием, что я все еще должна ему выигрыш в споре. Я делаю заметку в ежедневнике: купить «Скитлс» в следующий раз, когда выберусь в магазин. Здесь этих конфет тоже тьма тьмушая.

Мировое турне Джонни стартует в ноябре, так что Биг-Сур станет для него последним шансом немного отдохнуть. Билл заявил ему — и мне — о том, что не надо больше писать для турне песни, поскольку «будет слишком большой попоболью втыкать в шоу новый материал», но Джонни в любом случае захватит с собой гитару. Не хотела бы я оказаться поблизости от разъяренного Билла, если на Джонни вдруг нападет вдохновение.

Дейви полностью готов взять всех троих, но в самый день отъезда наши планы меняются. Во-первых, рейс Кристиана отложен из-за тревожного сигнала в Хитроу. На данном этапе неизвестно, будет ли это несколько часов задержки или даже несколько дней. Во-вторых, Джонни решает сесть за руль. Видимо, он не водил «Макларен» месяцами. Поэтому мы решаем выехать, как и намеревались изначально, а Дейви оставляем инструкции: постоянно проверять данные о рейсе Кристиана и привезти его как можно скорее. Мы с Джонни пытаемся впихнуть как можно больше вещей в маленький багажник машины, остальное позднее привезет Дейви. Гитара Джонни отправляется на второе пассажирское сиденье, то, которое, обычно зарезервировано для дополнительной фанатки — как выражается Кристиан, «под настроение». Я вздрагиваю при воспоминании о том, как Джонни лапал девчонку у стены. Делаю все возможное, чтобы не думать об этом, но легче сказать, чем сделать.

В отличие от Кристиана Джонни с готовностью превышает скорость, понимая, что, пока не зайдет слишком далеко, сможет позволить себе заплатить штрафы. Как бы то ни было, я дежурю — высматриваю машины копов.

Мы летим по Первой магистрали — извилистой непростой двухполосной дороге, окруженной густыми сосновыми лесами и крутыми каменными утесами. Музыка включена на полную, так что мы особенно не разговариваем; Джонни очень занят тем, что подпевает куче артистов, о которых я не имею представления. Я не знаю слов ни одной песни, а если бы даже знала, петь не стала бы. Год игры в «Звезду сцены» дома с Бесс и отсутствие баллов даже за «Wannabe» — это именно то доказательство, которое требуется мне для того, чтобы

держат рот на замке.

После нескольких часов езды и начавшейся головной боли я вежливо предлагаю сменить музыку на Робби Уильямса. Джонни находит это невероятно забавным, но спустя некоторое время выключает звук. Выражение моего лица, наверное, было чересчур страдальческим.

— Ты в порядке, Мегера?

— Угу, — бубню я, стараясь, чтобы это звучало бодро.

— Тебя достало мое пение?

— Э-э... Ну, разве самую чуточку.

Он ухмыляется.

— Сделаем перерывчик.

Мы едем по извилистой дороге с зелеными полями по правую сторону и океаном по левую. Прибой яростно разбивается о берег, дальше на темно-синей воде виднеются белые шапки пены. Чайки пикируют и скользят над скалистыми берегами. Кажется, там ветрено. Пара машин, которые едут прямо перед нами, сворачивают налево, к смотровой площадке у океана.

— Хотела тебе сказать, — начинаю я, — вчера мне удалось сэкономить десять тысяч на твоей автостраховке.

— Круто, — рассеянно отзывается Джонни. Он притормаживает и сворачивает за машинами к смотровой.

— Ты что творишь? — Я пытаюсь не чувствовать разочарования от его небрежной реакции. Сама-то я осталась под сильнейшим впечатлением от себя после такого приобретения.

— Хочу показать тебе кое-что, — бросает он. — Тебе понравится.

Я оживляюсь. Несколько человек оборачиваются на нас, когда мы выходим из машины, но никто вроде бы не узнает Джонни, может, из-за солнечных очков.

— Что? — любопытничаю я.

— Морских слонов, — ухмыляется он. — Пойдем-ка, полюбуемся.

Но еще до того, как мы успеваем пойти к смотровой площадке с морскими слонами, я замечаю семью, которая кормит стайку белкоподобных существ. Малышка лет семи-восьми протягивает печенье, одна из зверюшек встает на задние лапки и поднимает передние, чтобы взять угощение прямо из ее рук.

— Кто это? — Мой голос повышается от возбуждения.

— Бурундуки, — отвечает Джонни.

— Бурундуки? Такие милашки! — визжу я. — Я тоже хочу их покормить!

— Хочешь, достану твои чипсы из машины? — уточняет он, делая мне одолжение.

— Да, пожалуйста! — умоляю я, на мгновение полностью забывая о морских слонах.

Минуту спустя он возвращается с моим полусъеденным пакетиком сырных «Доритос» и отдает его мне. Я сажусь на корточки, а бурундуки тут же реагируют на шуршащий пакет. Трое отделяются от той семьи, которая их еще кормит, и бегут ко мне. Они встают на задние лапки, а передние тянут ко мне, как маленькие дети. Протягиваю одному чипс, зверек хватает и счастливо уплетает. Вдруг один бурундук запрыгивает мне на колено, и я в восторге смотрю на Джонни. Он стоит в паре метров от меня, наблюдает. За очками не видно выражения глаз. Бурундук на колене пытается залезть в пакет, но я нежно его отстраняю и вынимаю еще чипс. Третий запрыгивает на второе колено.

Снова смотрю на Джонни и начинаю хихикать. Уголки его рта приподнимаются в улыбке, и он скрещивает руки.

Через несколько минут я все еще там, кормлю бурундуков.

— Ладно, так мы можем пойти посмотреть на морских слонов? — наконец спрашивает Джонни.

Я правда, правда не хочу прекращать кормежку бурундуков! Вот этот как раз положил лапку на мой палец!

— Угу, — рассеянно отвечаю я.

Джонни вздыхает.

Я снова смеюсь, в то время как другой зверек пробует влезть в мою сумочку.

— Мег? — настаивает Джонни.

— Они такие милые! — говорю я в двадцатый раз с момента нашего приезда.

— Да, я в курсе, но как насчет морских слонов?

Я даже не могу передать, как меня разрывает на части.

— Боже, ты настоящий чертов кошмар, — ворчит Джонни.

— Ладно... Извините, ребятки, — неохотно обращаюсь я к моим пушистикам, — нехороший дядька считает, что мне пора идти и глазеть на морских слонов.

Джонни делает несколько шагов по направлению к слонам, оборачивается, чтобы подождать меня, по-прежнему держа руки скрещенными на груди. Он не выглядит веселым.

Я ласково спихиваю бурундуков с коленей и поднимаюсь. Ноги затекли от сидения и болят. Зверьки снова встают в ту же позу, протягивая ко мне лапки.

— Извините, — повторяю я. — Вернусь через минуту, ладно?

Джонни ведет меня на смотровую площадку и встает там, глядя на пляж. Он поворачивается ко мне и улыбается.

— Погляди-ка на них.

Я смущена.

— На кого?

— На тюленей, — с ударением произносит он.

— А где они? Я никого не вижу, — извещаю я его.

Джонни делает глубокий вдох и указывает:

— Вон там. На песке.

Я пристально вглядываюсь, смущенная, как и раньше.

— Да где?

— Там! — раздраженно бросает он.

— Что, вон те камни?

— Они не распроклятые камни, Мег, а морские слоны.

— О-ох, — выдыхаю я. Простите, но я абсолютно разочарована. Они кажутся мне камнями. Или бревнами. С сожалением оглядываюсь на славных маленьких бурундуков. Они бегут к другой группе людей. Снова смотрю на Джонни. Он раздраженно наблюдает за мной.

— Прости! — говорю я, стараясь выказать больше интереса. — Ого. Они правда что-то, — добавляю ради пушего эффекта.

— Отлично. Пойдем уже, — предлагает он, разворачиваясь.

— А может, снова покормим бурундуков? — ною я, труся сзади.

Он поворачивается и недоверчиво на меня смотрит.

— Тебе еще не хватило?

Робко гляжу на него.

— Нет.

Его лицо расплывается в ухмылке.

— Чертовы бабы. У тебя еще «доритос» остались?

Лезу в пакет.

— Немного, — огорченно трясую головой.

— Ну тогда пошли, — соглашается он. — Давай еще раз накормим ебундуков.

Рядом останавливается еще одна машина, и из нее выходит семья из пяти человек. Мальчуган лет трех и девочка около пяти лет от роду засекают суматошную кормежку и бегут к нам. За ними по пятам следуют оба родителя утомленного вида и девочка-подросток с прыщеватым лицом. Младшенькие тут же спугивают бурундуков с моей коленки, жадные маленькие пальчики тянутся за моими чипсами — детишки сами хотят кормить зверьков. Смотрю на Джонни и гримасничаю. Он ухмыляется.

— Позволь детям покормить бурундуков, Мег. — Он использует самый снисходительный голос из своего арсенала. Я не так впечатлена. Проклятые дети.

Зверьки не убежали далеко, их страсть к чипсам взяла верх над инстинктом самосохранения, когда ребята стали визжать от счастья и хвататься за мой пакет. Я отдаю его скрепя сердце и встаю. Но тут что-то слева привлекает мое внимание. Девочка-подросток напоминает статую: рот широко открыт, глаза распахнуты в шоке. Она пялится на Джонни. Я подавляю желание хихикнуть.

— Мам... мам... — начинает она говорить, рука поднимается от талии, и палец указывает в сторону Джонни. Ее отец и мать поворачиваются, чтобы узнать, кто или что заинтересовало дочку. Ее рот открывается и закрывается, как у золотой рыбки, а палец поднимается все выше, пока не упирается в лицо Джонни.

— Пора ехать, — одними губами произносит он.

— Это... это... это... — Она пытается выплеснуть слова. — ДЖОННИ ДЖЕФФЕРСОН!

Облом, все пропало.

— ЭТО ДЖОННИ ДЖЕФФЕРСОН! — верещит девочка снова.

Остальные туристы поблизости оборачиваются, чтобы взглянуть на Джонни, который смущенно стоит рядом.

Девчонка подпрыгивает на месте в состоянии полнейшей истерики, а по ее побагровевшему лицу начинают течь слезы. Ее родители выглядят совершенно сбитыми с толку: мать пытается успокоить дочку, а отец изучает Джонни в тревоге, пробуя определить, кто перед ним. Джонни выдавливает натянутую улыбку.

— Не хочешь автограф? — спрашивает он у девочки наконец. Все еще рыдая, она неистово кивает.

— Схожу за бумагой, — предлагаю я.

— Я сам, — быстро реагирует он, естественно, не желая оставаться один на один с одной из своих слегка чокнутых фанаток. Он поворачивается, чтобы уйти, но девчонка хватается за куртку.

— Анджела, отпусти! — кричит ее отец.

— Нет, нет! — орет она ему.

— Я схожу, — говорю я Джонни, пока он обратно поворачивается к ней.

— Я просто хотел принести бумагу для автографа, — слышу я его спокойные

объяснения, пока бегу к машине. Конечно, она заперта.

— Джонни! — зову я. — Можешь отпереть?

Он торопливо направляет ключ на машину, и она открывается. К моменту моего возвращения он окружен всеми двумя десятками посетителями смотровой, включая парочку очень смущенных пенсионеров.

Потребовалось еще двадцать минут, чтобы выбраться оттуда, после того, как Джонни оставил свои подписи последовательно для друзей, родственников и друзей друзей и родственников, а также попозировал для нескольких фотографий.

Наконец я играю роль плохого полицейского, говорю людям, что это последние фото и автограф, и уволакиваю звезду прочь.

— Черт возьми, — резюмирую я, когда мы садимся в машину.

— М-м-м, — откликается Джонни.

— Зуб даю, сейчас ты жалеешь, что остановился ради бурундуков.

— Я останавливался не ради бурундуков, Мегера, — сухо отвечает он, и машина с визгом уносится со стоянки, оставляя позади серую пыль.

Глава 15

Мы подъезжаем к гостинице «Пост Ранч Инн» в начале седьмого вечера. Перед этим мчимся по горным серпантинам Биг-Сура. Джонни проходит повороты, словно пилот Формулы-1. Меня укачивает, однако я не решаюсь сказать ему об этом, боясь, что восторженное выражение сойдет с его лица.

Я звонила Дейви час назад, чтобы узнать, как дела у них с Кристианом. Он, вероятно, уже в воздухе, все же, когда его самолет сядет в международном аэропорту Лос-Анджелеса, будет слишком поздно ехать в Биг-Сур. Дейви обещает, что они тронутся в путь ранним утром.

Столик заказан на восемь, поэтому мы решаем заселиться в номера. Один из служащих везет нас туда на электромобиле. Мы взбираемся на холм, проходим поворот — и от представшей взору картины у меня захватывает дух. Мы находимся на высоком утесе, с которого открывается вид на океан. Позади нас вдали высятся горы, а до них стелются травяные луга и леса. Я так рада, что мы остановимся здесь.

Я едва различаю домики с видом на океан, в которых поселятся Джонни и Кристиан. из-за того, что их арочные крыши покрыты мягким травяным ковром и полевыми цветами. Жду, пока Джонни и его багаж окажутся в номере. Потом настает мой черед.

Я в лесном домике, расположенном прямо через дорогу. Он представляет собой трехгранную пирамиду на сваях, построенную под кронами больших деревьев. Из окон открывается потрясающий вид на горы.

Вслед за служащим поднимаюсь по ступенькам, иду по деревянным мосткам и вхожу внутрь. Он говорит, что холодильник ежедневно пополняется, а все продукты включены в стоимость. Поэтому после его ухода я первым делом заглядываю туда. Козий сыр и свежие крекеры, чипсы, орехи, шоколад... О, и вино. Открываю бутылку белого, наполняю бокал, а уж потом осматриваю дом.

Сначала — главное. Кровать очень высокая и на вид вполне удобная. Через окно в крыше виднеются обросшие мхом ветви деревьев. Есть готовый к розжигу камин со сложенными пирамидкой дровами и сиденье у окна, откуда свободно можно любоваться ярко-зелеными деревьями и далекими горами. В другом конце лесного домика находится

ванная с глубоким джакузи и с видом опять же на горы. Раздумываю, сколько осталось времени до захода солнца. Решаю прогуляться и посмотреть закат.

Прихватив бокал и бутылку вина, выхожу из дома, сворачиваю направо и неторопливо иду по тропинке. Слева от меня далеко внизу плещется океан. На краю утеса замечаю джакузи с подогревом, наполненное до краев горячей водой, и едва сдерживаю радость при мысли о том, что отважусь забраться туда завтра. Пока что это лучшее место из всех, где мне довелось побывать.

В джакузи отдыхают двое, а слева от них стоит деревянная скамейка. Подхожу к ней и сажусь.

Заходящее солнце светит так ярко, что океан окрашивается в белый цвет. Я будто нахожусь на борту самолета и гляжу вниз на ватные облака, или в Антарктиде, где передо мной на многие километры простираются снежные равнины.

— Читаешь мои мысли, — раздается за спиной знакомый голос.

Я оборачиваюсь и вижу Джонни с бутылкой красного вина в одной руке и полупустым бокалом в другой. Показываю ему свою бутылку белого.

Подойдя ко мне, он усаживается на скамейку.

— Твое здоровье. — Мы чокаемся бокалами.

— Изумительное место, — говорю я.

— Мне здесь нравится.

— Часто тут бываешь?

— Нередко. Приезжаю сюда уже несколько лет. Проясняет мысли.

— Здесь так тихо и спокойно.

— Ты тоже заметила? Здорово иногда выбраться из города. А еще я люблю гонять по Первой магистрали.

— Не может быть, — поддразниваю я.

— Я ведь ехал не слишком быстро? — удивленно спрашивает он.

— Да нет, нормально, — отмахиваюсь я. — Хотя ты мог бы посоперничать с Льюисом Хэмилтоном в одном из тех поворотов.

— Всегда хотел стать гонщиком, — при упоминании Льюиса сообщает Джонни.

— А ты не староват для гонок? — услужливо указываю я.

— Боже, Мег. Мне всего тридцать.

— Ну а я о чем — староват.

Он отвечает мне легкий подзатыльник.

— Эй! — досаую я. — Не порти мне прическу.

Наклонившись, Джонни отводит прядь волос с моего лица и говорит:

— Да нет, она в порядке.

Я перевожу взгляд на океан и отпиваю глоток, не понимая, почему вдруг засмушалась.

Я не чувствовала близости с ним с того вечера в «Плюще». Случай с Серенгети заставил меня взглянуть на него другими глазами, но со мной Джонни всегда был сдержан. Ну да, он был занят, однако, если не принимать во внимание первые две недели, я никогда так не походила на прислугу. Снова смотрю на него и вижу, что он не сводит с меня глаз. Потом замираю, уловив движение у него за спиной. Три оленя тихо пробираются через подлесок к луговой траве, растущей на обрыве.

— Гляди! — шепчу я.

Джонни оборачивается, чтобы проследить за моим взглядом.

Услышав мой голос, два оленя припускают обратно в лес, а третий, не чувствуя угрозы, продолжает щипать траву. Мы молча наблюдаем за ним, пока он, насытившись, не исчезает из виду.

— Ух ты, — благоговейно произношу я.

Джонни смотрит на меня с улыбкой.

— Голодная? — спрашивает он.

Я обдумываю вопрос.

— Да, немного. Сходить за сыром и крекерами?

— Да! — восторженно восклицает он и забирает у меня бокал.

Я отправляюсь в номер за закусками из холодильника. Вернувшись, распаковываю крекеры и козий сыр, отрезаю кусочек маленьким ножом и протягиваю Джонни. Он тем временем доликает мне вина.

— Итак, Кристиан придет завтра, — сообщаю я.

— Во сколько, по подсчетам Дейви, он будет здесь? — интересуется Джонни.

— Ну, он сказал, они тронутся в путь с утра пораньше, так что, скорее всего, где-то после полудня, — отвечаю я.

— Что за черт? — вдруг говорит он, указывая вниз на океан. — Не может...

— Что там?

— Это кит, — уверенно изрекает Джонни, кивая. — Точно, это синий кит.

— Не может быть!

— Правда, гляди!

Он наклоняется поближе, и мы соприкасаемся. Я перевожу взгляд туда, куда указывает его палец.

— О боже! — Я затаиваю дыхание. Кит выпускает фонтан воды. Непосредственно за ним в воздух взмывает еще одна струя. — Их двое!

— Ничего себе. Я приезжаю сюда несколько лет и ни разу не видел синего кита. Они мигрируют в это время года, — глядя на меня сбоку, поясняет Джонни.

— Ты натуралист-любитель?

— Нет! — Он быстро мотает головой.

— Да, ведь верно же? — поддразниваю я. — Суперкрутой рок-идол Джонни Джефферсон в согласии с природой.

— Мег, ты только что назвала меня суперкрутым рок-идолом?

— Нет.

— А вот и да.

— Нет. Ты, должно быть, ослышался. Я не говорила ничего подобного.

Он посмеивается.

— Детка, дай мне еще кусочек сыра.

— Перебьешь аппетит. — Протягиваю ему сыр и отрезаю кусочек себе.

— Ну и ладно. Открой пакет с чипсами.

Мы сидим еще сорок пять минут, считая закуски и вино, пока не настает время либо отменить бронь, либо идти ужинать.

— Отменяй, — решает Джонни. — Давай лучше искупаемся в джакузи!

— Давай!

— Вино закончилось. Предпочитаешь белое? — спрашивает он.

— Да. А ты — красное?

— Да. Ты прихватишь бутылку красного, а я белого. Встречаемся здесь через пять минут.

Мы расходимся по номерам. Поднимаясь по ступенькам в лесной домик, понимаю, что вино ударило мне в голову. Выбросив пустые бутылки и упаковки, ставлю приветственную бутылку красного вина рядом с дверью, потом откапываю бикини, надеваю белый махровый гостиничный халат и тапочки. Звоню, чтобы отменить бронь, и возвращаюсь к джакузи. Поблизости нет других постояльцев. Видимо, все ушли в ресторан.

Джонни уже в воде. Он сидит, опершись о край, и глядит вниз на океан. Руки покоятся на бортиках, а свет подводной лампочки отбрасывает мягкие отблески на его спину.

Почувствовав мое присутствие, он оборачивается и наблюдает, как я ставлю наши бутылки рядом с джакузи и скидываю халат.

— Только что видел еще одного кита, — говорит он, пока я иду к ступенькам.

— Правда? — улыбаюсь я, потом ступаю в воду и восклицаю: — Боже, как горячо.

Джонни уже у другого бортика, разливает вино, возвращается и, когда я погружаюсь в воду по плечи, передает мне бокал.

— Спасибо.

Мы перебираемся к дальнему бортику, откуда открывается вид на океан. Солнце почти зашло. Некоторое время мы молча любуемся прекрасным закатом. Мое тело привыкает к горячей воде. В джакузи жарко, как в парилке.

— Красиво, — наконец выдыхает Джонни.

— Изумительно, — соглашаюсь я. — Спасибо, что привез меня сюда.

— Не за что. — Он корчит рожу, потом поворачивается ко мне и второй раз за вечер чокается со мной бокалом. — Твое здоровье.

— Твое здоровье, — отзываюсь я. — Что ты думаешь о турне?

— А-а-а, Мегера, давай не будем о работе...

— Ладно. — Смотрю на него сбоку. — Тогда о чем ты хочешь поговорить?

— Как считаешь, если я сейчас закурю, это сойдет мне с рук?

— Ну, поблизости никого нет...

Нахально подмигнув, Джонни отдает мне свой бокал и вылезает из джакузи. На нем темно-синие шорты длиной чуть выше колена. Он вытирает руки одним из многочисленных чистых полотенец, лежащих возле джакузи, потом, порывшись в халате, достает пачку сигарет и закуривает. Сильное тело блестит от воды, а татуировки красиво выделяются на загорелой коже. Я понимаю, что, повернувшись спиной к закату, пялюсь на Джонни. С трудом отворачиваюсь, когда он возвращается в джакузи.

Джонни протягивает руку за бокалом, зажженная сигарета свисает между губ. Внезапно мне очень хочется покурить.

— Дашь затануться? — спрашиваю я.

Джонни глубоко затачивается и хмуро качает головой.

— Нет, — отвечает он и выдыхает.

— Почему? — с легкой обидой интересуюсь я.

— Ты не куришь.

— Иногда курю.

— Когда ты в последний раз курила?

— Точно не помню. В университете?

— Вот именно. Ты не куришь. — Он снова глубоко затачивается и выпускает дым в

сторону.

Раздраженная, я отворачиваюсь от него.

— Теперь ты дуешься?

Поворачиваюсь и смотрю в зеленые глаза.

— Нет.

— А вот и да. — Ухмыльнувшись, он гладит меня по голове.

— Отвали! — Я от него отмахиваюсь. — Я не чертова собачонка.

Джонни смеется и стряхивает пепел за бортик.

— Выпей, подружка, — предлагает он, откидывается на край джакузи и вытягивает ноги перед собой.

— Я не твоя подружка, — принимая ту же позу, восклицаю я.

— Чертовски этому рад.

— Эй! — Тыкаю его в ребра. — Это моя реплика. Судя по прошлым поступкам... — зловеще добавляю я.

Он всасывает воздух сквозь зубы.

— Черт побери, Мегера, сделай парню поблажку.

— Ты не заслуживаешь поблажек, — говорю я назидательным тоном школьной учительницы. — Ты шалопай.

— Шалопай? — смеется он.

— Да, шалопай.

— Сурово, Мегера. Сурово.

— Докуривай, пока я тебя не обрызгала.

— Лучше не надо, детка... — предостерегает он.

— Почему?

— Я сделаю так, что ты об этом пожалеешь.

— Правда? — Боже, какое искушение. Осмелюсь ли я?

— Предупреждаю тебя.

Я отталкиваюсь от стенки джакузи, переплываю к противоположному бортику, поворачиваюсь лицом к Джонни и снова вытягиваю ноги перед собой. Было бы так легко...

В мгновение ока он гасит сигарету о камень возле джакузи, ставит бокал на бортик, отталкивается от стенки и подбирается ко мне.

— Проклятье! — Отступив, быстро ставлю бокал на бортик, ожидая, что Джонни окунет меня с головой. Но он этого не делает. Взамен он прижимает мои руки к бокам, да так крепко, что я не могу пошевелиться.

— Попробуй теперь меня обрызгать, малышка, — поддразнивает он.

— Ох! Отпусти! — визжу я, пытаюсь вывернуться. Бесполезно. Он слишком силен. — Я врежу тебе по яйцам, — грожу я.

В ответ он обвивает ногой мои ягодицы, вжимаясь в меня так, что я оказываюсь придавленной к его боку, а он ко мне. Наши лица разделяют лишь несколько сантиметров.

Я лишаюсь дара речи. Могу только дышать.

Джонни без тени улыбки смотрит мне в глаза. Он так близко, что я могла бы сосчитать веснушки у него на носу. Меня пронзает стрела желания, и я клянусь, что чувствую, как твердеет его плоть. Через мгновение он отпускает меня и отодвигается к противоположному бортику. Мы оба неловко смеемся.

Я отворачиваюсь, чтобы взять бокал, в это же время Джонни отводит руку назад за

своим. Думаю, я перебрала. Нет, я знаю, что перебрала, но с удовольствием продолжу в том же духе.

— Негодница, — глядя на меня, говорит Джонни.

— Кто — я? — гневно возмущаюсь я. — Я приличная девушка!

Он игриво приподнимает бровь.

— Приличная! — настаиваю я.

— Ну конечно. Уверен, никто даже не пытался тебя соблазнить.

— Эй, я не утверждала, что никто не пытался...

— Ха! Мальчишки, с которыми ты была, ничего не понимают в соблазнении. —

Джонни одним глотком осушает бокал. Потом резко переходит на мою сторону и наливает себе вина, при этом задевая своей левой рукой мою правую. Приходится собрать всю волю в кулак, чтобы остаться на месте. Хотя мой инстинкт вопит, чтобы я немедленно отошла к противоположному бортику. Джонни наполняет мой бокал из бутылки с белым вином и возвращается на свою сторону.

Уф.

Наверное.

— Страшно подумать, скольких девушек ты соблазнил, — язвительно парирую я.

Он пожимает плечами.

— Никто не жаловался.

— Но ведь не ты разбираешь письма фанатов? — подшучиваю я.

Джонни резко вскидывает голову и смотрит на меня.

— Тебе же не попадались письма подобного содержания? — спрашивает он.

Я лишь посмеиваюсь.

— Вот когда отправимся в турне... — говорит Джонни.

— Как мило! — восклицаю я.

Он усмехается.

— Ты получал весточку от Серенгети? — Откуда взялся этот вопрос?

Джонни опускает взор на воду.

— Нет.

Некоторое время мы молчим. Наконец он произносит:

— По-моему, она с кем-то встречается.

— Но ведь это здорово, — отзываюсь я. — Правда? — Все же лучше удостовериться.

— Да, — кивает Джонни. — Да, здорово.

— Значит, она не была беременна?

Не понимаю, как у меня хватает духа допрашивать его. Хотя нет, понимаю. Да здравствует месье Совиньон!

— Да нет же, черт возьми! Боже. Не такой я дурак.

Чувствую огромное облегчение.

— Всегда пользуйся презервативом, — многозначительно глядя на меня, наставляет Джонни.

— Ладно, начальник. Я запомню. Ну и что пошло не так?

— Дельный вопрос. Один порвался.

Мне это не чудится?

— Хреново, — замечаю я.

— Да, хреново, — соглашается Джонни.

Тут я вспоминаю блондинку, с которой он был на лестнице. Не похоже, чтобы тогда Джонни намеревался использовать презерватив. Воспоминания о том, как он прижимался к ней возле спальни, в которой спала его девушка, сразу меня отрезвляют.

— В чем дело? — увидев выражение моего лица, задает вопрос он.

— Ни в чем, — отвечаю я.

— Что-то не так. Признавайся.

— Ну, не похоже, чтобы ты собирался натянуть презерватив на малыша Джонни, когда был с девицей, с которой тебя застукала Серенгети.

— Мегера, ты за нами подглядывала? — ухмыляется он.

Проклятье! Сама себя загнала в ловушку. Лицо пылает таким ярким румянцем, что, мне кажется, я сейчас закиплю.

— Нет! — быстро возражаю я.

— Подглядывала. Не отрицай, — поддразнивает он.

— Джонни, не будь таким чертовски самодовольным. Вообще-то, тут нечем гордиться.

Он поникает.

— Я знаю. Ты права. Черт.

Уф. Выкрутилась, Мег. Я поворачиваюсь к вину. Решаю, что мне хватит, и ставлю бокал.

— Допьешь? — предлагаю я. — Я больше не буду.

— При такой жаре мы, должно быть, превращаемся в чернослив. Кристиан нас завтра не узнает.

При напоминании, что вскоре я снова увижу Кристиана, у меня тут же улучшается настроение.

— Так здорово, что он приезжает!

— Да уж, — без восторга отзывается Джонни и бредет к ступенькам.

Я слеую за ним, безуспешно пытаюсь не пялиться на его безумно красивую задницу. Он протягивает мне полотенце, мы быстро вытираемся и надеваем халаты.

— Ха, видели бы тебя фанаты, — подтруниваю я. — Суперкрутой рок-идол Джонни Джефферсон в пушистом халате и тапочках.

— Даже суперкрутым рок-идолам иногда нужны удобства.

Мы неторопливо идем по тропинке к номерам.

— Вот мой домик, — говорю я, когда мы доходим до ступенек.

— Классно. Приятных снов, Мегера. — Джонни пожимает мне руку.

— Спасибо. — Смотрю на него. — Тебе тоже.

— лягу пораньше для разнообразия, — бросает он через плечо, переходя дорогу.

— Это пойдет тебе на пользу! — кричу я в ответ, наблюдая, как Джонни входит в номер. Потом захожу в свой домик, чувствуя себя слегка подавленной.

Глава 16

Тук, тук, тук.

Кто там? Вряд ли уборщица. Когда я вернулась утром с завтрака, лесной домик сиял чистотой, а запасы в холодильнике волшебным образом пополнились. Словно тут похозяйничали маленькие гномы. Я уже решила, что хочу жить здесь до конца своих дней. Вместе с маленькими гномами.

Тук, тук, тук.

Придется открыть.

— Подождите! — кричу я, отодвигая стул от стола в углу.

Я пыталась закончить кое-какую работу. Джонни явно валяется в постели, раз не поспел к завтраку. Я стащила для него несколько булочек. Кристиану понравятся джемы, которыми их намазывают в ресторане.

Распахиваю дверь. На пороге стоит Кристиан собственной персоной.

— Привет!

— Мег! — Он обхватывает меня правой рукой и притягивает в объятия, потом отпускает и смотрит на меня сверху вниз. Лучезарно улыбаясь, смотрю в его темно-карие глаза.

— Ты уже здесь!

Его волосы чуть отросли, и он не сбрил ночную щетину.

— Только что прибыл, — поясняет он.

— Быстро ты! Думала, ты приедешь только после обеда.

— Сейчас два часа дня.

— Так много? — Я настолько заработалась, что и не заметила, как время пролетело. Я стараюсь регулярно разбирать почту Джонни, чтобы завал не превратился в миллионы писем.

— Эй, можно посмотреть твой номер? — спрашивает Кристиан, бросая нетерпеливые взгляды поверх моего плеча.

— Конечно. — Я отступаю в сторону.

— Потрясающий вид. — Он кивает на горы. — Очень классный. — Кристиан озирается по сторонам. — Обалдеть — высокая кровать!

— И не говори! — смеюсь я. — Еле вскарабкалась на нее ночью.

Он забирается на кровать, переворачивается и плюхается на задницу. Потом несколько раз подскакивает. Он похож на восторженного пятилетнего парнишку.

— Черт меня побери, старина, стоит мне на минуту отвернуться, и ты уже в постели Мег! — раздается с порога голос Джонни. — Сколько раз тебе повторять: держись подальше от моих служащих.

Кристиан спрыгивает с кровати, и они, смеясь, сжимают друг друга в медвежьих объятиях.

— Привет, — здоровается Джонни. — Рад тебя видеть. Нормально добрался?

— В общем, да. В Хитроу жуткие очереди. Кошмар.

— Кошмар, — соглашается Джонни, расплываясь в усмешке. — Через шесть недель отправимся в турне на частном самолете. — Он локтем толкает Кристиана в плечо.

— Класс. Эй, а вы видели морских слонов по пути сюда? — захлеб выпаливает Кристиан.

Джонни укоризненно на меня смотрит.

— Мы видели морских слонов по пути сюда, Мег?

— Гм, — отвечаю я, смешно поводя глазами из стороны в сторону.

— Не-а, — говорит Джонни. — Мы не оценили по достоинству морских слонов, потому что кое-кто увлекся кормлением чертовых бурундуков.

— Ну, они тоже довольно милые, — смеется Кристиан.

— Вот видишь? Видишь? — обращаюсь я к Джонни.

— Старина! — досадует он. — Ты меня подводишь!

— Прости, — извиняется Кристиан.

— Черт меня побери, Мег, высокая кровать! — внезапно восклицает Джонни.

— Представляешь! — практически кричит Кристиан.

Джонни, а вслед за ним и Кристиан взбираются на кровать. Они дружно переворачиваются и начинают подсакивать, словно мальчишки.

— Прошу прощения, вам сколько лет? — спрашиваю я.

Смеясь, они слезают с кровати.

— Вы уже обедали? — интересуется Кристиан.

— Черт, да я даже не завтракал, — признается Джонни.

— Ты никогда не завтракаешь, — ворчу я.

— Верно подмечено.

— Однако я прихватила несколько булочек. Будешь? — предлагаю я.

Джонни тепло мне улыбается.

— Нет, спасибо, Мегера. Пойдем чего-нибудь перекусим? — обращается он к Кристиану.

— Да, было бы здорово, — соглашается его друг.

— Мег, ты идешь? — зовет Джонни.

— Гм, я, пожалуй, еще немного поработаю, — отказываюсь я, полагая, что неплохо бы позволить им побыть немного наедине, прежде чем вклиниваться в их компанию.

— Ладно. Ты уверена? — уточняет он.

— Да. Спасибо.

Они направляются к выходу.

Пару часов я работаю, а потом приходят фотографии для одобрения из журнала, для которого Джонни недавно снимался. Художественный редактор прислал скан страницы. Мы уже одобрили копию, однако всегда интересно посмотреть макет.

Фотографии великолепны. На первом снимке Джонни стоит и задумчиво смотрит прямо в камеру. Под жилеткой отчетливо проглядывает его торс. Прокручиваю страницу вниз. Здесь Джонни снят крупным планом. Взгляд его ясных зеленых глаз словно проникает мне в душу, и я какое-то время просто сижу и смотрю в них. Его губы идеально очерчены, не слишком тонкие, но и не слишком полные.

О боже. Он по-прежнему мне нравится. Несмотря на его свинское отношение к женщинам. Я ничего не могу с собой поделать.

Эй, а куда девались веснушки? На носу нет ни одной. Когда мы впервые встретились, я дивилась, почему не замечала их на снимках.

Ну и где парни сейчас? Я не видела их с тех пор, как пару часов назад они ушли на обед.

С художественным редактором я созвонюсь лишь завтра, поэтому решаю сделать перерыв и прогуляться. Заодно постараюсь отыскать Джонни и Кристиана.

Нахожу их на скамейке, на которой мы с Джонни сидели прошлым вечером. Кристиан держит в руках блокнот и что-то записывает. Джонни, наклонившись вперед и упершись локтями в колени, курит сигарету. Раздумываю, стоит ли их беспокоить, но тут Джонни поднимает голову и кивает на меня. Кристиан оборачивается и улыбается, так что я бреду к ним.

— Как продвигается? — интересуюсь я.

— Хорошо, хорошо, — отвечает Кристиан. — Всего лишь освещаю последние события.

— Здорово. Я собиралась пройтись. Джонни, прислали снимки для одобрения. Взять их с собой на ужин?

— Да-да. Возьми, Мег.

Завернув за угол, я оказываюсь в лесу, где на крутом спуске растут огромные сосны. Смело шагаю в темноту и вскоре вновь погружаюсь в размышления.

Я плохо спала ночью. У меня кружилась голова, а еще я была гораздо пьянее, чем мне представлялось. И мне никак не удавалось избавиться от мыслей о Джонни. Видеть его почти обнаженным в джакузи, ощущать, как его тело прижимается к моему... Утром я пришла на завтрак взвинченная, поворачивала голову каждый раз, как кто-то входил в зал. Но Джонни так и не объявился. Я не знала, чего от него ожидать, однако, придя ко мне в номер, он вел себя со мной как обычно. Вполне нормально. Так же как с Кристианом.

Чувствую себя немного глупо. Джонни, вероятно, и не вспоминал о нашей стычке в джакузи. Уверена, я делаю из мухи слона.

Но меня так влечет к нему.

Я на минуту замираю посреди леса и, закрыв глаза, слушаю отдаленный щебет птиц.

Он был так близко. Представляю, как кладу руки на его мокрую от воды грудь. Касаюсь голого живота. Я открываю глаза. Я разгорячена и не в своей тарелке. Обмахиваюсь рукой, чтобы остудиться, и снова пускаюсь в путь.

Вечером привожу себя в порядок дольше обычного. Надеваю черное платье и забираю волосы назад, чтобы не лезли в лицо. Не налегаю на косметику, а наношу легкий повседневный макияж: лишь подкрашиваю черной тушью ресницы.

Не хочу прийти первой и сидеть в одиночестве за столиком, однако, когда часы показывают двадцать пять минут восьмого, не выдерживаю. Я пунктуальна до дотошности. Еще могу стерпеть чужие опоздания, но не выношу, когда опаздываю сама.

Конечно же, я первая. Официант усаживает меня посередине, оставляя стулья для ребят по обе стороны от меня. Нам достается прямоугольный столик с видом на воду и обрывающийся утес.

Смотрю на океан, на случай если снова появится кит. Официант приносит карту вин и советует несколько вариантов.

Следом приходит Кристиан.

— Отлично выглядишь, — садясь, отмечает он.

— Спасибо. Ты тоже.

Официант разливает вино.

— Чем занималась? — любопытствует Кристиан.

В его обществе я вскоре расслабляюсь, и это хорошо, потому что Джонни появляется лишь через полчаса. К тому времени мы с Кристианом приговорили полбутылки вина и корзинку хлеба с маслом.

Он не объясняет, почему опоздал, а мы не спрашиваем.

Делаем заказ, поскольку Кристиан утверждает, что ужасно голоден. Потом Джонни интересуется, захватила ли я снимки. Захватила. Достаяю из сумки ноутбук.

С минуту он разглядывает фотографии, а мы с Кристианом терпеливо ждем. Наконец Джонни кивает и говорит:

— Отлично.

— Можно взглянуть? — спрашивает Кристиан.

Джонни передает ему ноутбук.

— Что случилось с твоими веснушками? — придвинувшись к компьютеру, задаю вопрос я. — Где они?

Джонни выглядит слегка смущенным.

— Их заретушировали, — отвечает Кристиан. — Ну знаешь, замазали. Убрали все мелкие изъяны, очистили кожу, чтобы Джонни выглядел еще сексуальнее...

«Еще сексуальнее» он произносит шутливым тоном.

— Но зачем убирать веснушки? — настаиваю я.

Джонни пожимает плечами.

— Мег, тебе нравятся его веснушки? — подтрунивает Кристиан.

— Да, — тихо говорю я. — Нравятся.

— Ах... — Джонни склоняется над столом и нежно гладит мою руку.

Кристиан, смеясь, закрывает крышку ноутбука.

Опускается ночь. Я наедаюсь уже третьим блюдом (всего их пять) и все же умудряюсь впихнуть в себя десерт. Кристиан уплел все за обе щеки, а Джонни попробовал каждое, съедая не больше половины.

Понимаю, что надо бы уйти и оставить друзей наедине, но когда высказываю эту мысль, они возмущаются.

— Даже не думай, Мег, — заявляет Кристиан. — Пойдемте в джакузи с подогревом!

— Хм... — колеблюсь я.

Уголкем глаза замечаю, что Джонни поглядывает на меня.

— Ну же, — подстегивает Кристиан. — Не может же она лечь спать, а, старина?

Джонни пожимает плечами.

— Нет, ну правда. — Пытаюсь быть твердой. — Я не прочь лечь пораньше. К тому же сегодня слишком холодно, чтобы плескаться в джакузи.

— Сегодня холоднее, чем вчера. Полагаю, нам повезло.

— Оно неспроста называется джакузи с подогревом, — настаивает Кристиан.

— Знаю, — отвечаю я. — Извините, однако идея вернуться в номер, разжечь камин и забраться в постель с книгой очень заманчива.

— Хорошо, — ставит точку в споре Джонни. Он поворачивается к другу. — Что будем пить?

Оставляю их одних и направляюсь в свой домик.

Полтора часа спустя лежу в постели и смотрю на потрескивающие поленья. Хотя камин дает мало тепла, запах горящего дерева наполняет комнату. Я настолько разнежилась, что едва могу сосредоточиться на книге.

Стук в дверь вырывает меня из задумчивости.

— Кто там? — спрашиваю я, не желая вставать с теплой, удобной и такой высокой кровати.

— Открывай! — раздается голос Кристиана.

Что ему нужно в такой час?

— Открывай! — вторит ему Джонни.

О, боже, да они оба слегка навеселе. Это может быть забавно. Выбираюсь из постели. Пытаюсь найти халат, вспоминаю, что оставила его в ванной в другом конце лесного домика. В одной пижаме быстро отпираю дверь и бегу обратно к кровати, крича через плечо:

— Быстро! Я замерзаю!

— Прости, Мегера. — Джонни, прислонившийся к дверному косяку, пытается казаться трезвым. — Не думал, что ты уже легла.

Кристиан его обходит. У него в руках бутылка шампанского и три бокала.

— Выпей с нами! — едва ли не вопит он.

Я почти трезва, поэтому могла бы счесть пьяных мужчин, явившихся без приглашения на мою пижамную вечеринку, докучливыми. Однако, говоря по правде, я ужасно рада их видеть.

— Проходите. — Я хлопаю по кровати.

Кристиан пытается забраться, но, запнувшись, отшатывается назад и едва не врежется в камин.

— Дай сюда. — Я протягиваю руки к бутылке и бокалам.

Без ноши ему сопутствует успех, однако он по-прежнему двигается весьма неуклюже. Я со смехом наблюдаю за ним, а Джонни так и стоит в дверном проеме. Он выглядит удивленным и кажется более собранным, чем его друг.

— Присоединяйся, старина. — Кристиан кивком подзывает Джонни.

Тот с гораздо большим изяществом забирается на кровать, ложится на бок рядом со мной и подпирает голову рукой. Я сижу, прислонясь спиной к стене и скрестив ноги под одеялом. Кристиан сидит, свесив ноги, в изножье кровати.

— Хорошо поплавали? — спрашиваю я, кивая на пушистый халат Кристиана.

Смотрю на Джонни. Его халат распахнулся, открыв взору грудь. Я тут же отвожу глаза.

— Ага, ага, — отвечает Кристиан, размахивая руками и жадно поглядывая на бутылку шампанского, которую я все еще держу.

— Не вздумай хлопнуть пробкой и залить мое одеяло, — передавая ему бутылку, предупреждаю я.

— Я постараюсь не излиться на твое одеяло... — ухмыляясь, уверяет меня Кристиан, и Джонни начинает гоготать.

— В самом деле, ведете себя как подростки!

Довольный своей остротой, Кристиан откупоривает шампанское и проворно наполняет три бокала. Я уже почистила зубы. Ну и черт с ними.

— Без косметики ты выглядишь иначе, — отмечает Кристиан.

— Ты уже видел меня без макияжа, — напоминаю я ему. — Однажды утром, когда я наматывала круги в бассейне.

— Ах, да, — вспоминает он. — Ты уже доела фруктовые хлопья? Я бы с удовольствием сейчас похрумкал, — продолжает он, не дожидаясь, когда я отвечу.

— Как вы мне надоели со своими фруктовыми хлопьями, — ворчит Джонни.

— Эй, а где мой выигрыш? — вдруг восклицает Кристиан.

— Я не забыла, — отзываюсь я. — По правде говоря, если передашь мне стоящую вон там сумку, я с тобой рассчитаюсь.

— Вон там? — стонет Кристиан.

— Вон там, — указываю я. — Вон ту.

— Я не в силах слезть, — печалится он.

— Ну, знаешь, — огрызаюсь я и выбираюсь из постели. Вернувшись с двумя пакетами сладостей, кидаю их на колени Кристиану и ныряю под одеяло.

Джонни садится рядом и придвигается ближе, запахивая халат на груди.

— Бр-р.

— Замерз? — спрашиваю я.

Он быстро кивает.

— Можно мне тоже под одеяло?

— Ой-ей! — ухмыляется Кристиан.

— Отвали, старина, — огрызается Джонни.

— У тебя плавки сухие? — уточняю я.

Он кивает.

— Тогда залезай.

Джонни соскакивает с кровати, скидывает халат и забирается обратно.

— Так нечестно, — возмущается Кристиан, качая головой и безрадостно глядя на нас, сидящих вместе в сухости и тепле под одеялом.

До чего же они разные, вновь поражаюсь я. Джонни весь такой великолепный. Интересно, трудно ли с ним дружить? Кристиан тоже недурен собой, однако он какой-то обыкновенный. Непохоже, чтобы он когда-либо посещал тренажерный зал, и вдобавок он явно не валялся в последнее время на солнышке, судя по бледным предплечьям. Храни его бог.

— Ты точно сухой? — снова обращаюсь я к Джонни, стараясь не показать, что взволнована его близостью.

— Да, — кивает он. — Сама потрогай.

Джонни берет мою руку и прижимает к своим плавкам под одеялом. Я так опешиваю, что даже не замечаю, мокрые они или нет.

— Эй, старина! — кричит Кристиан. — Отвали от нее!

Смеясь, Джонни отпускает мою руку. Вынув ее из-под одеяла, я через силу смеюсь. Слава богу, комната освещена лишь светом от камина. Хотя бы никто не заметит, что я покраснела.

Кристиан разглядывает купленные мной пакеты «Скитлс».

— «Фрукты» и «Тропики», — задумчиво произносит он. — Прекрасный выбор, Меган.

— Я не Меган, — хихикаю я.

— Но и не Мегера, — парирует он. — Однако ему ты спускаешь это с рук.

Я молчу. Кристиан возится с пакетиками. Чувствую, как Джонни придвигается немного ближе. Его теплое плечо касается моего, отчего меня пронзает дрожь.

Кристиан сыпает драже в две аккуратные кучки на одеяле.

— Клубника, — жуя, извещает он.

— Дай мне одну. — Я наклоняюсь, и он протягивает мне драже. — Джонни?

Он трясет головой.

— Джонни не любит сладкое, — говорит Кристиан, выискивая фиолетовое драже.

— Люблю, — опровергает тот.

— И какая твоя любимая сладость? — подначивает Кристиан.

Джонни ненадолго задумывается, а потом выдает:

— Мятные шоколадки.

— Я и забыл, что ты их любишь, — истерически хохочет Кристиан. — У тебя сладкий возраст девяносто. Да ты дедуля.

Я сдерживаю смехок.

— Любимый вкус? — обращаюсь я к Кристиану, не желая насмеяться над Джонни.

Несмотря на опьянение, он на удивление быстро успокаивается и отвечает:

— От любимого к наименее любимому я бы расставил... Итак, «Фрукты»: виноград, клубника, лайм, апельсин и лимон.

— У меня тоже! — Сажусь прямо. — Ну, может, клубнику поменяла бы с виноградом, и все. А «Тропики»?

Он берет драже и начинает жевать.

— Не могу разобрать вкус.

— Передай мне упаковку.

— Так нечестно! — восклицает он, но уступает.

— Киви-лайм, ягода-банан, а что за манго-танжело? — спрашиваю я.

— Черт его знает.

— Тогда давай по цветам, — решаю я.

— Точно. — Кристиан съедает по одному драже каждого цвета. Джонни зевает. —

Желтый, синий, розовый, зеленый, оранжевый.

— Дай я попробую.

Кристиан передает мне горсть драже.

— Да, — через минуту говорю я. — Вынуждена согласиться. Банан на первом месте...

Джонни вздыхает позади меня, и я понимаю, что мы им пренебрегаем.

— Ну ладно, хватит о сладостях. — Я откидываюсь на подушки. Плечом трусь о теплый бицепс Джонни — похоже, он придвинулся еще ближе. Он слегка изгибается, освобождая мне место, но потом снова прижимается ко мне. Как странно.

Кристиан лежит на спине, уставясь в потолок.

— Тебе долить? — тихо спрашивает меня Джонни.

— Конечно.

Он подливает мне пенящегося шампанского.

— И мне! — восторженно выкрикивает Кристиан, приподнимается и протягивает свой бокал.

— Итак, старина, — обращается к нему Джонни, — как поживает Клэр?

Кристиан глядит в бокал и отпивает большой глоток.

— Откуда мне знать. Мы расстались.

Джонни садится прямее.

— Правда?

— Да. — Кристиан икает.

— Дерьмово.

— Да. — Кристиан снова икает и делает очередной глоток.

— Но почему... Что случилось? — допытывается Джонни.

Его друг пожимает плечами.

— Мне очень жаль, — не придумав ничего получше, мягко говорю я.

— Почему? Ты с ней ни разу не встречалась, — указывает Кристиан. — Как и ты, Джонни, раз уж на то пошло.

Мы все молчим. Кристиан неловко смеется.

— Мы просто не сошлись характерами, — поясняет он и снова икает. — Пора ложиться, — сообщает он Джонни. — Дадим Мег немного поспать.

— Можно я посплю здесь? — Джонни зарывается глубже под одеяло. Его нога гладит мою.

— Нет! — настаивает Кристиан. — Поднимай свою задницу с кровати бедняжки Меган.

— Я не Меган! — хихикая, повторяю я.

— Можно я посплю здесь, Мегера? — Прекрасные зеленые глаза Джонни умоляюще

смотрят на меня.

О боже, да он любитель пофлиртовать. Он со всеми такой? Наверняка.

— Нет, нельзя, — смеясь, заявляю я.

— Ну пожалуйста? — Он подползает ближе и закидывает свою ногу на мою.

Спрыгнув с кровати, Кристиан стягивает одеяло.

— Черт побери, старина. А ну отвали от нее!

— Нет! — шутливо возражает Джонни.

Пока Кристиан едва ли не стаскивает его с кровати, Джонни старается не расплескать остатки шампанского.

— Извинись перед своей ассистенткой! — настаивает Кристиан.

Джонни выглядит до смешного раскаивающимся.

— Извинись, я сказал! — вновь кричит Кристиан.

Я хихикаю.

— Мне холодно, — стонет Джонни, в одних только плавках переминаясь с ноги на ногу рядом с кроватью. — Пожалуйста, можно я залезу обратно?

— Нет! — вопит Кристиан. — Надень уже чертов халат, мерзавец.

Неохотно накинув халат, Джонни тоскливо глядит туда, откуда недавно слез.

Забавная штука: меня вдруг поражает абсурдность ситуации. Джонни Джефферсон хочет спать в моей постели. Со мной! Ну не безумие?

Кристиан обводит Джонни вокруг кровати и тянет в сторону выхода.

— Оставляем тебя в покое, — говорит он мне, толкая Джонни перед собой.

— Хорошо. Доброй ночи, — улыбаясь, желаю я.

— Доброй ночи, — отзывается Джонни с порога.

— О. — Кристиан возвращается и сметает оставшиеся «Скитлс» с кровати в ладонь.

Потом отбирает несколько желтых драже и кладет на прикроватную тумбочку.

— Идем уже! — раздается голос Джонни из-за его спины.

— Надеюсь, они со вкусом банана, а не лимона, — замечает Кристиан.

— Я тоже на это надеюсь, — совершенно серьезно отвечаю я.

— Доброй ночи. — Он улыбается мне, а я — ему.

Джонни возвращается в номер, оттаскивает Кристиана от кровати и выталкивает в коридор.

— Пока, Мегера, — глядя на меня сверху вниз, прощается он.

— Пока! — бодро восклицаю я.

Затем он наклоняется и целует меня прямо в губы. В его глазах мелькают искорки, когда он отворачивается и уходит, захлопнув за собой дверь.

— Я измотан! — восклицает Кристиан, спускаясь по ступенькам лесного домика.

Потрясенная, я прижимаю палец к тому месту, где все еще ощущаю губы Джонни, и так и лежу, не улыбаясь и глядя в окно над кроватью на шелестящие листья, освещенные лунным светом.

Глава 17

Нет, я, конечно, знала, что Джонни знаменит, но стало очевидным, что последние несколько месяцев я будто жила в маленьком закрытом мирке, потому что происходящее, друзья мои, это просто дикость какая-то!

Сейчас мы в Вене, начинаем европейскую часть турне, и толпы, которые собираются,

лишь бы увидеть прибытие кумира в аэропорту, — это нечто исключительное. Я раньше ничего подобного не испытывала и могла бы сказать, что и в будущем не испытаю, вот только уверена — в следующем городе нас ждет то же самое.

В Америке Джонни очень крут. И он крут во всем мире. Но в Лос-Анджелесе широкая общественность настолько привыкла видеть знаменитостей, что никто не стремится так всецело и до предела сходить на улицах с ума.

А вот в Европе совсем другая картина. Фотовспышек достаточно, чтобы я ослепла, а что касается криков — так даже промышленные беруши не помогают. Охранники шире меня раза в три пробивают нам дорогу. Джонни идет впереди и в своих черных очках в сочетании с небрежной походкой рок-звезды выглядит спокойным как удав.

Когда я вижу его таким, сама с трудом могу поверить, что знаю его. Это проверка в реальных условиях на самом высоком уровне. Я видела его дома, около бассейна с гитарой или на кухне в одних только боксерах, и там он был просто Джонни, тридцатилетним чуваком, который, так уж случилось, является моим ну очень уж привлекательным боссом.

Он держался со мной сухо с нашего возвращения из Биг-Сура полтора месяца назад. Мои воспоминания о том, как мы вместе сидели в джакузи, воспринимаются сейчас чистым сюрмом, а незабываемый поцелуй на ночь следующим вечером кажется выдумкой.

После того поцелуя весь день прошел в делах, как обычно. Внимание Джонни оказалось поглощено Кристианом и книгой, я же занималась текущей работой. Мы уезжали на следующий день. Дэйви приехал за мной, а Джонни решил рвануть с Кристианом в Сан-Франциско на пару дней. В общем, такое вот странное окончание странного отдыха. А когда Джонни вернулся, казалось, будто приехал какой-то совсем другой человек: все только профессионально и по существу. Так странно. Я же полностью погрузилась в помощь по организации гастролей, чтобы все было готово к туру.

В Вене мы остановились в пятизвездочном отеле в центре города. Я ехала впереди в другой машине с целью убедиться, что охрана на месте и все сделано как надо, чтобы Джонни смог попасть прямиком в свой номер. Предполагалось, что никто не знает, в каком отеле мы остановимся. Но на самом деле оказалось иначе. Снаружи нас ожидали по меньшей мере сотни две фанатов. И все они закричали, стоило нам подъехать. Джонни еще не было, поэтому я даже представить не в силах того безумия, которое всех охватит при его появлении. Я позвонила его службе безопасности, чтобы их предупредить, и направилась в отель, но и так было ясно, что надолго мы здесь не задержимся. Мне нужно срочно найти нам другую гостиницу.

Через десять минут прибывает Джонни, и охрана делает все возможное, чтобы сдержать толпу поклонников, но я изнутри отеля вижу, как он потихоньку звереет, когда фанаты со всех сторон пытаются схватить его за любую часть тела, будь то волосы, очки, футболка — хоть за что-нибудь. Я смотрю за его продвижением и сама внутренне сжимаюсь, хочу сделать хоть что-то, но это невозможно. И вот он уже конкретно в ярости вваливается в вестибюль отеля, на наше счастье, охраняемый.

— Мы должны перебраться в другой отель, — заявляет он мне.

— Уже ишу.

Он коротко кивает.

— Давай пока поднимемся в твой номер, — предлагаю я. — Мы не сможем сейчас уехать так, чтобы нас не преследовали.

Не говоря ни слова, он идет за мной, пока я показываю дорогу в его номер.

Крики с улицы оглушают:

— Джонни, Джонни, ДЖОННИ!!!!!!

Скандирование становится все громче и громче. Они жаждут увидеть своего кумира.

Джонни сидит на кровати, положив голову на руки. Я за него переживаю.

В комнате сейчас слишком много народу. Менеджер отеля, костюмеры, парочка ребят из группы, Билл. Джонни демонстративно смотрит на меня, и я вежливо собираю всю перевозбужденную команду и выпроваживаю к выходу. Билл выглядит раздраженным из-за вынужденного ухода, но он должен достаточно хорошо знать Джонни, чтобы понимать — тому нужно побыть одному.

Я закрываю за ними дверь и оборачиваюсь к шефу.

— Ты в порядке?

Он кивает, но ничего не говорит. Он так себя ведет вот уже несколько недель, и я не представляю, что мне еще сделать, кроме как постараться его поддерживать изо всех сил. Кажется, будто он замкнулся в себе. Я по глупости думала, что все дело во мне, но это лишь мое непомерное самомнение. Я рада, что никому не рассказала о произошедшем в Биг-Суре.

Да и что такого произошло в Биг-Суре? Ха! Даже смешно! Ничего, Мег, не произошло, и том-то и соль.

Бесс жаждет всяких пикантных подробностей, об отсутствии которых я ей прямо и сказала. Она слишком отдалилась от меня. Как же тяжело жить с этим соглашением о конфиденциальности. Бесс не понимает, что у меня буквально связаны руки. Ну а та ночь ухода Серенгети — просто ужас. Бесс хочет знать, почему Джонни и Серенгети расстались, а я даже не могу ни намекнуть, ни рассказать ей, как Джонни имел ту девицу... Уф, до сих плохо становится, как вспомню. В любом случае теперь Бесс считает, что я недостаточно ей доверяю, и я никак не могу заставить ее изменить мнение.

Китти, по крайней мере, не задает никаких вопросов. И к тому же не сплетничает о Роде. Если одна из нас чувствует себя скверно из-за работы, другая поймет и не потребует никаких подробностей.

Моя жизнь в Англии кажется теперь такой далекой.

Передо мной Джонни лежит на спине на кровати, все еще закрывая ладонями лицо. Как же сильно он отличается от того, кто болтал с Кристианом по поводу частного борта. Тогда Джонни был так взбудоражен туром. Сейчас же он кажется совершенно оцепеневшим. Я задумываюсь: может, у него депрессия. Ведь так выглядит депрессия, правда? Надо поговорить с Билом, спрошу, нормально ли это для Джонни во время гастролей. Последнее, что я хотела бы для него, так это очередного срыва наподобие того, несколько лет назад. Тогда происходящее с Джонни освещалось во всех бульварных газетах. Решаю позвонить врачу, когда мы переедем в другой отель.

— Джонни? — тихо зову я. — Я могу что-нибудь для тебя сделать?

Он убирает руки с лица и засовывает их под голову, угрюмо уставившись в потолок.

— Джонни?

Он едва заметно, почти неуловимо качает головой.

Откуда-то снизу раздается звон разбиваемого стекла. Джонни испуганно поднимает голову.

Я быстро связываюсь с охраной и узнаю, что фанаты начали бить окна первого этажа. Мы на верхнем этаже семиэтажного здания отеля, так что до наших окон они ничего не добьются, это просто попытка привлечь внимание Джонни, причем успешная. Они хотят,

чтобы он подошел к окну, выглянул, дал им повод продолжить истерию, но если он так сделает, это не остановит их безумие. Они лишь захотят еще.

— Мы сегодня же переедем отсюда, — убеждаю я его.

Сейчас мы за кулисами венского стадиона «Эрнст Хаппель». Группа на разогреве уже выступила, и огни освещают толпу в сорок девять тысяч человек. Все билеты проданы, и атмосфера сногшибательная. Джонни в своей гримерке за кулисами, дверь закрыта. Я стою с Биллом снаружи.

— Он всегда так себя ведет на гастролях? — обеспокоенно спрашиваю я.

— Ага, каждый раз, — отвечает Билл. — Не переживай о нем, девочка, с ним все будет хорошо. Он всегда такой. Один концерт, и он с ноги будет открывать дверь следующей площадки.

— Уверен, что мне не нужно вызвать врача? — уточняю я, наверное, уже в двенадцатый раз.

— Врача-дроча, — отмахивается Билл. — Не будь настолько чертовски глупой! Я тебя уверяю, врача не нужно. Не беси меня, девчонка! — Он беззлобно хватает меня за запястья и поднимает их над головой.

— Тогда я должна проверить, как он там, — неуверенно говорю я, дернувшись в сторону двери.

— Обойдешься, — рычит Билл. — Сам проверю.

Я смотрю на него, колеблясь, но он твердо кладет ладони мне на плечи и отталкивает меня от двери гримерки Джонни. В этом, конечно, есть смысл. Билл годами рядом, я же знаю Джонни лишь несколько месяцев.

— Он в порядке?

Я поворачиваюсь и вижу озабоченного Кристиана. Он с нами на несколько выступлений, а потом возвращается в Лондон, где снова нас перехватит, чтобы сделать пару свежих записей для книги.

— Билл считает, что так.

Мы шатаемся по общей закулисной зоне, где я отвечаю за организацию двух огромных столов со всевозможной снедью и напитками. Кристиан тут же устремляется к яркой цветной упаковке хлопьев.

— Мег, это же «Фруктовые камешки»? — усмехается он.

— Для тебя. Думаю, ты также где-то здесь найдешь несколько пачек «Скитлс».

— Ты просто супер-ЛПЗ! Намного лучше Паолы.

Я смеюсь:

— Чертовски на это надеюсь. Она продержалась лишь восемь месяцев, да?

— Да ты что? — удивленно переспрашивает он. — Мне казалось, что дольше.

— Ты хорошо ее знал? — Мой интерес к ней так и не угас.

— Нет. — Кристиан пожимает плечами и смотрит вокруг. — Ну и где же Джонни? Ему скоро выходить на сцену.

Основные музыканты Джонни развалились на диванах в другой части комнаты. Они все пьют пиво и выглядят на удивление оживленными.

— Чувак, ну и где, черт побери, Джонни? — Ти-Джей кричит это Биллу, который показывается из гримерки Джонни.

— Уже идет, уже идет, — убеждает всех Билл.

— Любопытно, какое у Ти-Джея настоящее имя, — шепчу я Кристиану.

— Том Джонс, — отвечает тот.

— Гонишь!

— Ага, — хмыкает в ответ.

— Чушь собачья!

— Да я серьезно! Ти-Джей, дружище, как твое настоящее имя? — вопрошает Кристиан через всю комнату.

— Пошел ты! — следует ответ Ти-Джея.

Кристиан оборачивается ко мне:

— Да я тебе говорю, он Том Джонс.

Я хохочу, и в этот момент из гримерки неторопливо появляется Джонни.

— Чему ты так радуешься? — интересуется он.

— Джонни, привет! — Ти-Джей и остальные ребята приветственно поднимают свои бутылки с пивом.

Джонни кивает им, а потом оборачивается ко мне.

— Я бы сказал, что ты в восторге от концерта, но это точно не выступление Кайли, так ведь?

— Эта шутка себя уже исчерпала, — закатываю в ответ глаза.

Джонни тянется через стол, открывает бутылку виски и делает глоток прямо из горлышка.

— Он всегда такой на гастролях? — тихо спрашиваю Кристиана. — Такой далекий и несчастный.

— Мне он таким не кажется, — Кристиан кивает в сторону Джонни. Я оборачиваюсь и вижу, как он и его группа опрокидывают по стопке текилы и заливаются смехом, стоит клавишнику, Брау, подавившись, начать выкашливать свои легкие.

— Еще по одной! — вопит Ти-Джей.

— Кристиан, иди сюда! — зовет Джонни.

Кристиан смотрит на меня и поднимает вопросительно бровь, потом направляется к ним. Я же занимаюсь уборкой со стола, потому как меня не пригласили присоединиться к попойке.

— Еще по одной! — Я слышу еще чей-то возглас и через несколько секунд еще один взрыв гогота.

К тому времени, как им пора выходить, Джонни и группа уже навеселе. Да и Кристиан тоже. Он обхватывает меня рукой за плечи и тащит в сторону сцены. Джонни оборачивается и засекает нас, не улыбаясь. Мгновение он смотрит мне в глаза, потом отворачивается, когда техник надевает на него электрогитару.

Я тоскую по Джонни, такому, каким он был со мной до концерта в «Виски» несколько месяцев назад. Я тоскую по нему такому, каким он был со мной в Биг-Суре. Не знаю, что в нем так переменялось с тех пор, но мне грустно, что мы больше не так близки, как, мне казалось, мы тогда становились. Но я стараюсь на этом не заикливаться.

За кулисами мало что слышно из-за шума толпы, а ведь концерт даже еще не начался. Фанаты скандируют, стучат, и это напоминает песню какого-то племени в ожидании появления их героя.

И тут на сцену выходит группа и начинает играть, и все сходят с ума.

Джонни смотрит на Кристиана и усмехается:

— Поехали!

Прожекторы заливают сцену ярким белым светом, и мы в первые мгновения практически не видим его, но потом слышим рев толпы, когда он запекает один из своих самых крутых хитов. Кристиан хватается за руку и тянет к краю кулис. Мы больше не можем говорить, потому что просто оглушены, и он лишь показывает мне на зрителей. Я выглядываю и вижу десятки тысяч человек, прыгающих как безумные. Зрелище невероятное, и прямо тут, перед нами, Джонни вышагивает по сцене и горланит в микрофон свои песни.

Все вокруг работает, как хорошо отлаженный часовой механизм, и очень напоминает кипучий муравейник. С Джонни из года в год ездит одна и та же гастрольная команда, и каждый точно знает, что ему делать, даже если они не присутствовали на репетиции тура в Лос-Анджелесе.

Исполнив первые несколько песен, Джонни забегает за кулисы. Пот катится с него ручьем. Одна из костюмерш вручает ему полотенце, и он тут же вытирает лоб и промокает волосы. Стаскивает футболку через голову, на мгновение мелькнув обнаженным торсом, прежде чем натянуть свежую футболку. Никому не говорит и слова — все его мысли там, на сцене. И вот он уже выскакивает обратно.

Камеры, транслирующие выступление Джонни на большие экраны, показывают толпу. Мы с Кристианом смотрим, как они приближают фанатов с баннерами, на которых те пишут о своей любви к Джонни. Девушка, сидящая на чьих-то плечах, стаскивает футболку, демонстрируя огромную прыгающую грудь.

— Круто! — кричу я Кристиану.

— Это еще ничего! — кричит он в ответ. — Подожди, что будет дальше!

Вскоре я понимаю, что он имел в виду, когда мы идем в общую зону за кулисами после концерта. Девушки там везде! Висят и лежат на членах группы на диванах, крутятся вокруг столов с выпивкой и глазают на Майка, очень горячего ритм-гитариста группы. Я не знаю, кто они такие и как сюда попали, но из-за их присутствия мне явно некомфортно.

Тут в комнату входит Джонни, и все взрываются аплодисментами. Он идет прямо к столу с выпивкой и открывает непочатую бутылку виски. Его окружает толпа девиц.

Среди них одна особо красивая — с длинными волнистыми светлыми волосами и внушительным декольте. С течением времени у меня все сильнее сосет под ложечкой при виде того, как она бесстыдно флиртует с Джонни. Прямо сейчас она положила руку ему на грудь и что-то шепчет на ухо. Сам Джонни обернулся на Кристиана, который со смехом рассказывает мне о чем-то виденном по телику. Джонни подходит к нам.

— Наслаждаешься? — спрашивает его Кристиан.

— А ты как думаешь? — усмехается Джонни.

Я же с кислой миной стою рядом.

— Кореш, у меня и для тебя есть цыпочка, — заявляет Джонни, оборачиваясь на глазающую на него группу девушек.

К моему огромному облегчению, Кристиан говорит:

— Нет, спасибо.

— Почему? — раздраженно интересуется Джонни.

— Просто не в настроении, — пожимает плечами Кристиан.

— Ну и ладно, — отворачивается Джонни и глотает из своей бутылки виски. — Чего добру-то пропадать.

— Если я тебе не нужна, то поеду в отель, — вмешиваюсь я, стараясь сглотнуть

поднимающуюся в горле желчь.

— Нет, останься, — командует он.

— Почему? — не отстаю я, не в силах больше смотреть на происходящее.

— Потому что ты можешь мне понадобиться. — И он поворачивается к девицам. — Еще? — спрашивает у самой красивой. Та кивает, соблазнительно ему улыбаясь, и запрыгивает голову назад. Джонни льет ей виски прямо в рот.

Проходит еще час, и я все так же наблюдаю, как Джонни напивается все сильнее. Девушки уже тоже хорошенько съехали с катушек. Джонни спотыкается, а они хихикают и пытаются его поддерживать.

Мы же с Кристианом, напротив, совершенно трезвые. Жалуюсь Кристиану:

— Я уже чертовски устала.

— О да, я бы тоже сейчас отправился на боковую.

— Не понимаю, почему он не позволяет мне уехать. — Оглядываюсь на Джонни, который обхватил рукой блондинку и втихаря тискает ее за буфера.

— Просто поехали отсюда, — подбадривает меня Кристиан.

Джонни натывается на нас, почти роняя девицу, которую не успел отпустить вовремя. Они смотрят друг на друга и начинают истерично смеяться.

— Джонни, я собираюсь уходить, — решительно заявляю я.

— И я, — мямлит Джонни. — Привези ее, — кивает он на красотку.

— Хорошо, — отвечаю я, хотя у меня нет никакого намерения везти ее с собой. Гадкая девка может оставаться там, где она сейчас.

Джонни вываливается из комнаты, опираясь на Кристиана. Тот не выглядит особо удивленным. Я следую за ними и звоню, чтобы нашу машину подогнали к черному ходу.

Там по-прежнему ожидают толпы фанатов, хотя мы находимся тут уже несколько часов, и они не могут знать, не проскочил ли Джонни через другие выходы раньше. Их преданность — это нечто невероятное, ведь сейчас морозно, а ночью даже обещали снег.

— Есть силы на парочку автографов? — спрашиваю я.

Джонни качает головой и мямлит что-то неразборчивое, поэтому я открываю ему дверь, чтобы он забрался внутрь, а сама оборачиваюсь к кинувшейся к нам толпе.

— Извините, — кричу я. — Извините, но нам пора ехать.

Но их ярость от этого не ослабевает, и когда машина трогается, нас забрасывают пластиковыми бутылками и обертками от еды. Мы с Кристианом вздрагиваем от каждого удара, а Джонни не обращает на атаку ни малейшего внимания и отрубается в уголке.

Глава 18

В следующем городе я бронирую два отеля на случай, если придется снова переезжать, и решаю так делать в каждом городе до конца тура. Иногда нам могут понадобиться резервные варианты, а иногда в выбранном первоначально отеле охраны хватит, и менять его не придется. Лучше заплатить за отмену бронирования, к тому же есть вероятность, что менеджер отеля простит нам ее на случай, если в следующий раз мы вернемся и остановимся у них.

Теперь мы в Амстердаме, здесь у нас четыре дня, и после той угнетенности Джонни перед первым концертом он держится вполне уверенно.

Ранний вечер, и сегодня у нас свободное время перед завтрашним выступлением. Вчера отыграли первый из трех амстердамских концертов, и атмосфера была бушующей. Сейчас

последний вечер Кристиана с нами перед отлетом в Лондон.

Стук в дверь. Джонни сидит на кровати, перебирая струны гитары, я устроилась в кресле напротив него. Я встаю, чтобы впустить гостя.

— Джонни, привет, — говорит Ти-Джей, нервно поглядывая на меня. — Мы подумываем прогуляться в сторону, ну, ты знаешь, квартала красных фонарей. Хочешь пойти?

Я тут же напряглась, но Джонни отвечает:

— Не-а.

Я снова расслабляюсь, пока он не продолжает:

— Зачем платить, если можешь получить бесплатно? — И он подчеркивает свою забавную реплику быстрым перебором струн.

Ти-Джей смеется и захлопывает дверь за собой.

— Мегера, — грозно произносит Джонни, когда я оборачиваюсь к нему. Он впервые за несколько недель назвал меня так, и теплота разливается внутри меня. — Ты в ту ночь так и не привезла мне мою девочку.

— А? — отвечаю я, и внутри снова становится холодно. — О чем ты?

— Ты знаешь, о чем.

— В Вене? — спрашиваю, лишь чтобы убедиться.

— Угу.

— Прости, я думала, ты слишком пьян, чтобы заметить.

— Я никогда не бываю слишком пьян, — подмигивает он мне. — Так куда Кристиан хочет сегодня пойти? — переходит к другому Джонни, откладывая гитару на кровать.

— Не знаю. Ужин-клуб или что-то подобное...

— «Сапперклуб»?

— Ага, именно.

— Я знаю его. Точно, да, надо столик забронировать. Присоединяйся, если хочешь.

— Хорошо, — отвечаю, довольная. Впервые с Биг-Сура меня включают в их планы на ужин. — Где-то в девять?

— Ага, круто.

— Эй, я забыл тебе рассказать, что мой брат жениться собрался, — говорит Кристиан Джонни. Мы пересекаем канал Принсенграхт по пути в ресторан. Джонни решил, что он хочет бросить вызов холодной погоде Амстердама и отправиться на редкую прогулку, вместо того чтобы ехать на машине. «Сапперклуб» всего лишь в километре от нашего отеля.

— Ого! Круто, чувак! Передавай мои поздравления.

— А как зовут твоего брата? — спрашиваю я. Может, это не особо относится к теме разговора, но это лучшая для меня возможность присоединиться к общению.

— Антон, — отвечает Кристиан. — У меня есть еще и младший брат, Джоэл.

— И как там малыш Джоэл? — интересуется Джонни.

— Хорошо. Он сейчас работает с отцом, ну ты знаешь.

— Правда?

— А чем занимается твой отец? — снова вмешиваюсь я, когда мы подходим в мосту уже через другой канал.

— У него в Ньюкасле магазин электротоваров, — объясняет Кристиан.

— Отпад!

— Вот только отходов нам и не хватает, со всем этим включенным электрооборудованием, знаешь ли.

— Ты такой забавный, тебе можно в стенд-ап шоу, — поддразниваю я.

— Нет, это мой старший брат.

— Он что, комик? — Потом уже замечаю выражение лица Кристиана. — Эй, хватит надо мной прикалываться.

— Ну, прости. Нет, он бухгалтер. Кстати, а ты знаешь, как пройти в библиотеку? — поглядывает Кристиан на меня.

— Ха-ха. — Я играючи толкаю его локтем. — Я на это не поведусь.

Я иду между двумя парнями. Справа от меня Джонни, слева Кристиан.

— Мег, а у тебя как? Есть братья или сестры? — спрашивает Кристиан.

— У меня только одна сестра, Сюзан. Старшая. Тридцать два. Замужем. Скучная. Мы не особо ладим.

— Почему нет? — Джонни с интересом смотрит на меня.

— Она полностью занята собой. И мне не нравится ее муж. Он настоящая задница.

Ребята прыскают.

— Скажи как есть, Мег, — говорит Кристиан.

— Ну, он такой. На прошлое Рождество мы оставались у моих родителей, они живут на юге Франции, — поясняю я. — И вот однажды ночью, даже никого не спросив, он открыл бутылку вина, которую мой отец хранил много лет, и высосал половину, словно это была вода. И вдобавок даже не купил ни единой бутылки выпивки за все праздники. Просто жадный урод. И меня так бесит, что моя сестра его даже не одернула.

— Девушка моего брата, ну, теперь уже невеста, очень на него похожа, — замечает Кристиан. — Это просто сводит маму с ума. Она всегда ведет себя как дома, когда приезжает к нам, но кухня моей мамы — это кухня моей мамы. Лучше спросить разрешения приготовить себе чашку чая, иначе мама может выйти из себя. Ну а если она обнаружит, что ты крутишься рядом со шкафчиками в поисках чипсов или чего-то вроде этого, у тебя большие проблемы.

Я рассмеялась:

— И твоя мама так же себя вела с Клэр?

Кристиан слегка смущается при упоминании его бывшей девушки, и я жалею о своей бесцеремонности, но он быстро приходит в себя.

— Да, что-то вроде того, — хмыкает он. — Возможно, это одна из причин, почему она ушла.

Мы с Джонни не выясняли раньше, из-за чего произошел разрыв между Кристианом и Клэр. Теперь мне стало очень любопытно.

— На мой взгляд, тут не на что особо жаловаться, — сказал рядом Джонни. — По крайней мере у вас есть братья или сестры.

Я тут же чувствую себя виноватой и утыкаюсь взглядом в тротуар.

Кристиан за моей спиной хлопает Джонни по спине.

— Они такие занозы в заднице. Тебе лучше со мной, поверь. Ну, или с нами, — говорит он, подталкивая меня локтем.

Джонни смотрит на нас и улыбается.

— Так где же этот чертов ресторан? Кому вообще пришла в голову эта идиотская идея идти сюда пешком?

— Почему ты расстался со своей девушкой? — спрашиваю я Кристиана через два часа и несколько бокалов вина.

— Она задавила мою собаку.

— Нет! — восклицаю я. Джонни сдавленно смеется рядом. Я искоса гляжу на Кристиана. — У тебя нет собаки, так ведь?

— Нет с тех пор, как она ее задавила. — Кристиан строит скорбную мину.

— Хватит! Скажи правду! — Я тыкаю его в ребра.

— Ой! Прекрати, или самой хуже будет! — предупреждает он меня.

— Ладно, ладно! Приоткрой завесу тайны.

— Не сошлись во мнениях.

— Хм. А по какому поводу?

— Она не сладкоежка, Меган. Серьезный межличностный конфликт.

— Ну ладно, я сдаюсь, — признаю я, откидываясь на спинку моего стула, и смотрю на Джонни. — Он всегда такой?

— Боюсь, что да, — отвечает Джонни и привлекает внимание одной из возмутительно симпатичных официанток, чтобы заказать еще одну бутылку вина для нас с Кристианом. Он снова пьет только крепкие напитки, так что мы с Кристианом уже распили на двоих две бутылки вина.

— О нет, не думаю, что смогу выпить еще, — возражаю я.

Официантка смотрит на нас троих в ожидании конечного решения.

— Мы берем эту бутылку, — говорит ей Джонни.

Даже в приглушенном освещении я вижу, что девушка взвинчена до предела. Она старается держаться профессионально и не выказывать благоговейного трепета перед звездным статусом клиента, но это непросто. Нас уже трижды прерывали другие посетители с просьбами об автографе. Джонни даже с набитым ртом подписывал салфетки, вполне внешне довольный.

— Seriously, я свалюсь, если выпью еще хоть немного, — предупреждаю его.

— У нас же не будет расхождения во мнениях по вопросу употребления алкоголя, правда, Мегера? — поднимая бровь, уточняет Джонни. — В любом случае мы тебя дотащим, так ведь, Кристиан?

Ко времени, когда мы заходим в следующий бар, я уже конкретно злюсь. Мне хочется вернуться в отель, но парни тянут меня в клуб, и я уже слишком пьяна, чтобы возражать. Прямо сейчас я сижу в затемненном чилауте, окруженная Кристианом, Джонни и четверьмя членами группы, которые присоединились к нам после своего «эротического приключения».

Они обдолбанные и пьяные вдрызг, и без стеснения обсуждают свои похождения в моем присутствии. Если бы я не была сейчас так пьяна, наверное, меня бы затошнило от скабрзностей. Хотя меня и так подташнивает после всех этих бутылок вина.

— Ты в порядке, Меган? — еле разборчиво спрашивает на ухо Кристиан.

— Не-а, — так же невнятно отвечаю я. — Чувствую, что меня сейчас стошнит.

— Фу, она же не собирается заблевать тут все? — встречается Ти-Джей.

— Проводить тебя к туалету, Меган?

— М-м-м, — киваю головой, хотя не особо хочу, чтобы меня провожал Кристиан. Ну и где всякие подружки, когда они так нужны? — Думаю, я лучше отправлюсь в отель.

— Хорошо. — Он встает и протягивает мне руку. Я медленно скольжу по сидениям.

Джонни хватает меня за руку.

— Куда это ты? — раздосадованно интересуется он.

— Я провожу ее в отель, — объясняет ему Кристиан.

— Почему?

— Посмотри на нее, Джонни, она же пьяна в стельку!

Я слегка спотыкаюсь, и Кристиан поддерживает меня.

— Да с ней все в порядке. Ты же в порядке, а, Мегера? — Джонни старается говорить радостно.

— Нет, — качаю головой.

Кристиан ведет меня к выходу из чилаута.

— Эй, да ладно! — кричит Джонни. — Вечеринка же только начинается!

— Увидимся завтра, чувак, — кричит в ответ Кристиан.

— Да нафиг, — последнее, что я слышу от Джонни, когда Кристиан выводит меня из забитого клуба.

С трудом вспоминаю дорогу на такси в отель. Следующее, что всплывает в памяти — я около двери в свой номер.

— Не могу найти ключ, — разочарованно говорю я и вытряхиваю содержимое сумочки на ковер коридора. Кристиан тут же наклоняется поднять ключ, потом запикивает все мои вещички и прочую мелочевку в сумку, пока я пошатываюсь рядом со стенкой.

— Эй, Мег, ты в порядке?

Я не отвечаю. Кристиан засовывает ключ в замок, проворачивает его и помогает мне зайти в спальню.

— Пойду в ванную, — выдаю я.

Через пять минут он стучит в дверь ванной комнаты:

— Мег, я волнуюсь. Можно я зайду?

— Э? Ага...

Я на коленях сижу перед унитазом. И никак не могу вытошнить.

— Иисусе, давай я помогу тебе с пальто. Ты наверняка уже сварились в нем! — беспокоится Кристиан, а потом добавляет. — Я звонил в обслуживание номеров. Они принесут нам тостов.

Он выглядит заметно трезвее, учитывая, сколько ему пришлось выпить. Хотя, может, это лишь в сравнении со мной.

Кристиан заставляет меня съесть пару кусочков, прежде чем усаживает на кровать и помогает лечь на покрывало. Он встает на колени и снимает с моих ног шпильки. Потом тянет меня вперед и расстегивает молнию на платье.

— Так ты сможешь его снять, когда я уйду, — заявляет мне этот в высшей степени джентльмен.

Но, словно лунатик, я тяну платье через голову и застреваю. Кристиан тут же подсакивает и помогает мне избавиться от него совсем. К счастью, я сегодня хотя бы в лифчике.

Кристиан садится на кресло напротив кровати.

— Что ты делаешь? — сонно спрашиваю я.

— Я останусь с тобой, — устраивается в кресле он.

— Что за глупость. Со мной все будет хорошо.

— Мег, даже не спорь со мной.

— Кристиан, я в норме. Отправляйся в постель.

— Нет, Мег, давай спи.

— В таком случае, — говорю я, тихонько сдвигаясь по кровати. — Спи здесь.

Он окидывает меня взглядом на моей прекрасной королевского размера кровати, и ему не надо предлагать дважды.

— Только если ты уверена.

— Конечно, я уверена. — Переворачиваюсь и закрываю глаза.

Ранним утром я подсакиваю, чувствуя себя хуже некуда. С губ срывается стон.

— Ты как? — шепчет Кристиан.

— Ну зачем я это сделала? — прижимаю ладонь к голове.

— У тебя не было особого выбора. Ему сложно отказать.

— Ну у тебя же получается, по большей части.

— На это потребовались годы практики. — Его хриплый голос даже глуше обычного.

Я медленно сажусь в кровати. Мне требуются таблетки от головы, но я не хочу вылезать из-под одеяла совсем раздетая.

— Что тебе нужно? — приходит на помощь Кристиан, видя мою озабоченность.

Я ему говорю.

— А где они?

— В моей косметичке в ванной комнате.

Он возвращается с таблетками и стаканом воды.

— Выпей и ложись.

Делаю, как он велит, потом ложусь на спину рядом с ним. Моя рука упирается в его. Я бессознательно отодвигаюсь.

Тут он неожиданно вскакивает с кровати.

— Куда ты? — ошарашенно спрашиваю я.

— Пойду в свой номер. — Он натягивает штаны. — Ты ведь уже в порядке, да?

— Да, со мной все хорошо.

Он надевает ботинки, хватается пиджак и направляется к двери.

— Увидимся на завтраке?

— Конечно.

И тут на ужасные несколько мгновений мне в голову приходит, что его, выходящего из моего номера, мог засечь Джонни и прийти к неверному выводу. Но такого не происходит. И когда ближе к обеду я все-таки выползаю из номера, Кристиан уже уехал в аэропорт.

Глава 19

После Амстердама мы отправляемся в Цюрих, затем в Рим и Милан. Все стадионы заполнены под завязку, и европейские города как будто начинают сливаться воедино.

Я не получаю особого удовольствия, на которое рассчитывала. Сочетание постоянных разездов и неведения относительно того, что происходит между мной и Джонни, вызывает у меня легкое чувство тревоги.

Прямо сейчас я стою за кулисами на стадионе «Валле Ховин» в Осло и смотрю на уставленный напитками стол. Поверить не могу, сколько алкоголя уже выпито с начала тура, а группа не отыграла еще и половины концертов. Каждую ночь Джонни выпивает все больше

и больше. Ранее я уже озвучивала свое беспокойство Биллу, но он меня высмеял.

— Ерунда. Вот видела бы ты его семь лет назад!

— Просто я не хочу, чтобы это повторилось, — ответила я.

— «Просто я не хочу, чтобы это повторилось», — передразнил он. — Ну ты и выражаешься, дорогуша. Вся такая правильная, некуда деться. Нанимая тебя, я не думал, что ты настолько наивная.

Впредь я не высказывалась.

За кулисы вырывается Джонни со своей гитарой.

— Вот ты где! Ну-ка, как тебе?

Последние несколько дней у него такое приподнятое настроение — полная противоположность тому, каким угрюмым он был в начале тура. По крайней мере в этом Билл оказался прав.

Джонни садится рядом и наигрывает несколько нот.

— Это новое вступление для «Что ты есть», — объявляет он.

«Что ты есть» — один из его главных хитов.

— Но зачем? — удивляюсь я. Песня ведь и так отличная.

— Она мне надоела.

— Но ты исполняешь ее всего месяц! — Он менял аранжировку перед самым началом тура.

— Да, и она мне надоела, — повторяет он, выделяя каждое слово, чтобы точно донести свою точку зрения.

— Хорошо, валяй, — сдаюсь я, не желая убивать его энтузиазм.

Он начинает играть и, повысив голос, рассказывать мне о своих планах.

— И здесь вступают струнные, и я говорю не о той крошечной струнной группе, которую мы взяли с собой на гастроли, я хочу целый симфонический оркестр.

— Что-что ты хочешь? — появляясь в комнате, спрашивает Билл.

— Билл! А вот и ты! Послушай-ка...

Он снова наигрывает персонально для Билла.

— Угу, неплохо, малыш Джонни, но мы не сможем найти целый оркестр посреди тура, слишком поздно.

— Нет, сможем, — отвечает Джонни, продолжая бренчать.

— Но где мы его возьмем? — фыркает Билл.

— Это целиком и полностью твоя задача, — замечает Джонни. — Но, я знаю, ты справишься. За то я тебе и плачу.

— Ладно, посмотрю, что можно сделать. — Билл зыркает на меня. — Но Терренс будет вне себя.

Терренс — организатор гастролей, отвечающий за все это дело.

— Ты не смотри, ты делай, — стоит на своем Джонни.

Билл удаляется. Я под впечатлением. И очень довольна. Шпилька Билла про мою правильность задела за живое, поэтому мне приятно, что ему придется вкалывать.

— По-моему, звучит отлично. — Я киваю на гитару Джонни.

— Вот и ладушки.

Биллу удается найти целый симфонический оркестр в столь короткий срок, и это свидетельствует о том, каким влиянием в музыкальной среде обладает Джонни. Они прилетают в Копенгаген через четыре дня, и остается всего пара свободных дней на

репетиции перед концертом на Олимпийском стадионе в Мюнхене. Я зарезервировала для них не используемый по назначению театр, и в данный момент сижу с журналом на заднем ряду. Но я не читаю, я смотрю. Смотрю, как Джонни руководит своей обычной группой и бэк-вокалистками наряду с совершенно новым оркестром.

Всем не помешала бы пара дней передышки между Копенгагеном и Мюнхеном, но приходится репетировать. Однако никто, кажется, не возражает. Когда Джонни на подъеме, как сегодня, это отражается на всех. Я не исключение. Меня переполняет обновленное чувство уважения к нему из-за того, на что он способен. Вот почему было так больно стать свидетелем вчерашнего случая.

Я как раз была в его номере, показывала газетные вырезки, когда в дверь постучали.

— Обслуживание!

— Попросить их прийти позже? — предлагаю я Джонни.

— Нет, я бы не отказался от еще одной ванны с пеной.

— Ванны с пеной?

— А что?

— Ничего. Войдите! — зову я.

— Обслуживание! — Еще пять коротких стуков.

— Я сказала, войдите!

Тук-тук-тук!

— Странно, — бормочу я. — Почему она без ключа? — Открываю дверь. На пороге стоит симпатичная миниатюрная брюнетка, которой на вид не больше двадцати, а то и меньше.

— Обслуживание? — спрашиваю я. Она одета в униформу горничной, но личико светится таким энтузиазмом, когда она пытается заглянуть в номер, что у меня закрадываются подозрения. Не верится, что девица приходит в такой восторг от уборки туалета.

— Вы точно из обслуживания? — с опаской уточняю.

Она перевозбужденно кивает.

— Что-то я сомневаюсь. — Начинаю закрывать дверь.

— Подожди, — останавливает меня Джонни. — Пусть войдет.

Он подходит к двери и упирается правой рукой в косяк.

— Джонни Джефферсон! — восклицает «горничная».

— Привет. — Он расплывается в улыбке.

— Джонни Джефферсон! — повторяет она. — Я войти?

— Довольно, — вмещаюсь я. — Спасибо, вы свободны. — Пытаюсь закрыть дверь, но Джонни толкает ее обратно.

— Не будь такой занудой, Мегера, — говорит он, бросая взгляд на девицу в униформе горничной. Та улыбается ему, поглядывая сквозь опущенные ресницы.

— Я войти? — повторяет она на этот раз более сексуально.

Джонни распахивает дверь и отступает в сторону, приглашая гостью.

— Джонни! — Теперь путь преграждаю я, но пигалица спокойно проходит мимо меня в комнату.

— На сегодня все, Мег.

Я не двигаюсь с места.

— Ты ведь не говоришь по-английски? — спрашивает Джонни девушку.

— По-английски? — переспрашивает та с сильным итальянским акцентом. — Нет. Я не говорю по-английски.

— Тем лучше, потому что разговаривать нам не придется. — Он подмигивает мне и закрывает дверь, оставляя меня в коридоре.

Никогда не привыкну к фанаткам. Каждый раз, когда вижу его с другими женщинами, чувствую, как от меня откалывается кусочек.

— Отлично получается, ребята. Давайте устроим перерыв. — Джонни спрыгивает со сцены и трусцой бежит между рядами. Я сильнее выпрямляюсь в кресле.

— Можешь принести мне бутерброд или еще что-нибудь? — просит он меня.

— Конечно. — Беру свое пальто. — Принести прямо сюда?

— Да. Я собираюсь продолжить. Думаю, надо поработать над риффом.

Джонни — трудяга. Поначалу за всеми гулянками допоздна, выпивкой и женщинами я этого не замечала, но он такой.

Вскоре приношу булочку с тунцом и майонезом.

— Спасибо, — благодарит Джонни, поднимаясь и откусывая бутерброд. Он лезет в карман и достает маленькую фляжку, открывает и наклоняет ко рту. — Черт. Закончилось, — говорит он, протягивая фляжку мне. — Ты не могла бы ее наполнить?

— Э-э, конечно, — неуверенно отвечаю. — Чем?

— Виски, чем же еще? — Он, улыбаясь, смотрит на меня.

— Может, я лучше принесу тебе что-то другое? Коку? Пепси?

— Коку я бы употребил. — Он нагло ухмыляется. Сходу я шутку не понимаю, но потом до меня доходит. Видя мое лицо, он смеется. — Нет, цыпа, мне только виски.

— Что, сейчас?

— Да.

— Джонни, я немного обеспокоена тем, как много ты выпива...

— Спасибо. — Он обрывает меня и кивает на фляжку в моей руке.

Разворачиваюсь и стремительно удаляюсь в поисках местного винного магазина. Я знала, что для театра надо было запастись обычным набором закулисной еды и напитков, но Джонни велел ради репетиции не заморачиваться.

Два дня спустя стою за сценой на Олимпийском стадионе Мюнхена, когда появляется Джонни. Сегодня он выглядит еще привлекательнее, чем обычно.

— Все нормально? — спрашиваю его.

— Да, да и еще раз да, Мегера! Всех ждет очешуительное шоу!

Джонни очень возбужден и подпрыгивает на месте.

Появляется техник с гитарой, но ему не сразу удастся надеть инструмент на Джонни, потому что тот не может стоять спокойно.

Выступление начинается со «Что ты есть», обновленной версии с участием оркестра, и я сильно нервничаю, даже если этого нельзя сказать о Джонни. На репетициях песня звучала великолепно, но я уверена, что исполнять ее перед восьмидесятитысячной толпой — совсем другое дело.

— Не переживай ты так. — Он встает передо мной и кладет руки мне на бедра, глядя прямо в глаза. Сердце замирает, пока он изучает мое лицо и весело улыбается. Взгляд у него какой-то странный. Немного дерганый. Он явно на взводе, и внезапно я понимаю, что это состояние наверняка не естественное.

— С тобой все нормально, Джонни? — снова спрашиваю я, на этот раз осторожнее.

— Да, да, да! Остынь, подруга!

Он лихорадочно трет мои бедра и, прежде чем их отпустить и снова начать прыгать на месте, шмыгает носом.

— Ну, поехали. — Он смотрит на сцену.

Оркестр начинает играть, и группа Джонни присоединяется, представляя обновленную версию старого хита. На сцену выскакивает Джонни, поет первую строчку, и толпа приходит в неистовство.

В такие моменты я вдруг понимаю, что знаю этого парня, того самого Джонни Джефферсона.

Я смотрю, как он ласкает микрофон руками, пока песня успокаивается, как раз перед мощным припевом. Гитара висит на ремне у него за спиной, он перебрасывает ее вперед и ударяет по струнам так, будто от этого зависит его жизнь. Я смотрю и горжусь им, но тут вспоминаю дикое выражение его глаз, и мне становится не по себе.

После концерта он возбужден еще больше, и это повторяется на следующем выступлении в Ницце и через два выходных дня перед концертом в Барселоне.

Я нехотя делюсь своей озабоченностью с Биллом.

— И? — говорит он.

— Что значит «и»? — недоумеваю я.

— Дело в чем? Разве мы не закрыли эту тему, когда обсуждали его пьянки?

— Да, да, да, — расстроено соглашаюсь я. — И мне все равно, считаешь ли ты меня чересчур правильной или нет, я просто волнуюсь за него, Билл.

— Господь всемогущий, девочка! Уймись. И вообще, что, по-твоему, я должен с этим делать?

— Не знаю — остановить его.

— Остановить его? — Он смеется. — Остановить его? Как, черт побери, я должен это осуществить? Он большой мальчик, знаешь ли, деточка, и не станет делать то, что ему велят. А теперь иди и не отвлекай меня своими глупостями.

Разумеется, Билл начинает меня серьезно раздражать.

В самом начале декабря мы добираемся до Барселоны. Это первый из трех испанских городов — еще нас ждут концерты в Сан-Себастьяне и Мадриде.

Мы останавливаемся в центре города, и у нас есть свободный вечер перед завтрашним концертом в «Камп Ноу». Я решаю пойти прогуляться, поэтому тепло одеваюсь и выхожу из отеля.

Я скачала себе на айфон все альбомы Джонни и упорно слушаю их один за другим. Я не сказала Джонни — он, наверное, посмеялся бы надо мной, — но его музыка нравится мне все больше и больше. Надеваю наушники и гуляю по городу под его песни. Специальные прожекторы озаряют Храм Святого Семейства работы Гауди, и огромная, богато украшенная церковь эффектно смотрится в темноте. Мой телефон начинает звонить, и музыка в ушах замолкает.

— Алло?

— Мег, это мама.

— Привет! Как ты?

— Ох, не очень, дорогая.

— Почему? Что случилось? — тревожно спрашиваю я.

— Твоя бабушка. К сожалению, сегодня днем ее не стало.

Меня охватывает печаль. Я любила бабулю. Понимаю, что с тех пор, как покинула Лос-Анджелес, я не написала ей ни единого письма. Чувствую себя ужасно. Я начинаю плакать.

— Мег, Мег, не плачь, дорогая. Ты знаешь, она так тобой гордилась.

От этих слов начинаю плакать еще сильнее.

— Что случилось?

— Ей нездоровилось. Она лежала в больнице. Несколько дней назад она уснула и больше не проснулась.

— Почему мне ничего не сказали?

— Мы не хотели тебя беспокоить, — объясняет мама. — Ты ведь занята...

— Мама! Вы должны были сказать мне! Когда похороны?

— Послезавтра.

Послезавтра концерт в Сан-Себастьяне.

— Я знаю, что ты не сможешь присутствовать, — продолжает мама.

— О чем ты говоришь? Я должна приехать!

И, хотя возражаю, я понимаю, что мне будет невероятно сложно покинуть тур.

— Мег, — журит мама, — все нормально. Она бы не хотела, чтобы ты жертвовала своей работой. Ты же нужна там Джонни...

Возвращаюсь в отель, чтобы предаться горю.

Ох, бабуля... Страшно переживаю из-за того, что придется пропустить ее похороны. Однако чем больше я размышляю, тем больше осознаю — мой отъезд обернется кошмаром.

Пожалуй, надо предупредить Джонни, что сегодня вечером меня с ними не будет. Мы планировали посетить бар в Готическом квартале.

Из его комнаты доносится громкая музыка, и вряд ли он услышит мой стук, поэтому достаю из сумочки запасной электронный ключ.

Открыв дверь, вхожу в номер и мгновенно впадаю в ступор при виде Джонни, вдыхающего через трубочку полоску белого порошка. Рядом с ним на диване развалился какой-то с виду обдолбанный небритый парень с сальными волосами.

— Хочешь? — обращается ко мне парень, перекрикивая музыку. Он наклоняется вперед и протягивает прозрачный полиэтиленовый пакетик.

— НЕТ! — Джонни кладет руку парню на грудь и с силой толкает на диван.

— Ого! — восклицает парень.

— Она этим дерьмом не занимается, — рывкает Джонни, направляя пульт на стереосистему и выключая музыку.

— Ладно, ладно, чувак. — Парень снова наклоняется вперед и начинает неспешно упаковывать в кожаную сумку серебряную трубочку, которой только что воспользовался Джонни.

Какое-то мгновение я стою, даже не зная, что сказать или сделать. Развернуться бы и убежать, но вспомнив покровительственное высказывание Билла, я стараюсь сохранять спокойствие.

— Джонни, я хотела сказать тебе...

Тяжело сосредоточиться и не смотреть на белые полоски порошка на кофейном столике. Немытый парень тоже сильно меня отвлекает одним своим присутствием.

— Я хотела сказать...

Джонни по-прежнему в ярости. Не знаю, то ли он злится на меня, потому что я видела

его нюхающим кокаин, то ли на своего приятеля, который предложил мне попробовать.

— Я не могу пойти сегодня в бар, — кое-как выдавливаю я.

— Почему нет? — спрашивает Джонни. Зеленые глаза пронзают мои темные.

— Моя... моя... у меня плохие новости, — заикаюсь я. — Это личное. Хорошо? —

Должно быть, я выгляжу ужасно. Очень хочу сейчас же покинуть комнату.

— Мег. Мег! — зовет он, когда я начинаю пятиться.

— Мне надо идти...

Джонни блокирует выход.

— Что случилось? — Он пристально смотрит на меня, упираясь рукой в дверь. Отвожу взгляд. — Эй! Мегера! Посмотри на меня! — требует он. — В чем дело?

То есть помимо того, что я вижу, как человек, к которому у меня чувства, каждую ночь напивается, волочится за фанатками и принимает наркотики?

Меня снова невыносимо тянет плакать, не только из-за бабушки, но и из-за себя самой. Последние несколько месяцев оказались такими насыщенными. Я постоянно чувствую себя сбитой с толку. Сегодня Джонни кажется мне славным, завтра чужим и неприятным. Я продолжаю твердить себе, что эта глупая влюбленность в него пройдет, что это несерьезно, но каждый раз, когда я вижу его флиртующим с девушками за кулисами, я ощущаю, будто он причиняет мне физическую боль. Эта боль и сейчас внутри меня, когда я смотрю на Джонни.

Он грубо хватает меня за руку и снова требует ответа:

— Мегера, что случилось?

Потом шмыгает носом. Это с грохотом сбрасывает меня с небес на землю.

— Моя бабушка, — говорю ему. — Вчера днем ее не стало. Просто я немного расстроена из-за этого, вот и все.

— Мне жаль. Я могу чем-то помочь?

— Нет. Мне просто нужно какое-то время побыть одной.

— Конечно, конечно. — Он отпускает мою руку, оставляя ее холодной. — Когда похороны?

— Послезавтра. — Я быстро рассказываю ему, что не собираюсь ехать.

— Ты уверена?

— Да, уверена.

Берусь за дверную ручку и смотрю на Джонни в ожидании, когда он отойдет. Потом открываю дверь и выхожу в ярко освещенный коридор.

Когда мы всего через неделю добираемся до Парижа, поведение Джонни меняется в еще более худшую сторону. Пару дней назад, после выступления в Мадриде, я вошла к нему в комнату, чтобы разбудить. Он был в отключке. В его постели лежали две девушки, которые также пребывали в отключке, и на полу в углу кого-то стошнило. В комнате воняло. За день до этого он заставил меня пообещать, что я разбужу его в десять, чтобы он успел посетить городскую художественную галерею, которая в полдень закрывается.

С минуту я с бешено бьющимся сердцем стояла у изножья его кровати, потом вернулась в свою комнату, откуда позвонила ему. Раздалось три гудка, прежде чем он невнятно ответил.

— Зачем ты меня разбудила?

— Ты говорил, что хочешь сегодня пойти в галерею...

— Нет, — пробурчал он. — Лучше посплю.

Весь день я его не видела. Я звонила ему еще дважды, но каждый раз слышала, что ему нужно поспать.

Сейчас мы в Париже, и он снова перевозбужден. Мы играем два концерта на «Стад де Франс» — первый был прошлым вечером, следующий состоится завтра, — и после направимся через Ла-Манш в Манчестер, Ньюкасл, Глазго, Дублин, Кардифф и Лондон.

Мы остановились в прекрасном старинном пятизвездочном отеле близ Елисейских полей, и у меня есть свободный вечер перед завтрашним концертом. Мои родители приехали из Грасса, чтобы поужинать со мной в Центре Помпиду. Мама рассказывает мне о похоронах бабушки.

— Сьюзен и Тони приехали? — Тони — это муж моей сестры.

— Конечно, — отвечает мама, прежде чем понимает, что это могло прозвучать немного бесчувственно, учитывая мое отсутствие.

— Готова спорить, она здорово разозлилась из-за моей отлучки, — ворчу я, глядя из окна на простирающийся перед нами Париж. Вечер дождливый и ветреный, но мне удастся разглядеть вдалеке Эйфелеву башню.

— Она сказала, что ты несколько месяцев с ней не разговаривала, — строго замечает мама.

Отец вертит в руках стеклянную вазу с единственной розой на длинном стебле в центре стола. Он ненавидит семейные дразги, и обычно они происходят в связи со мной и Сьюзен.

— Ты же вроде говорила, что собираешься ей позвонить? — продолжает мама.

— Да, но она сама никогда мне не звонит.

— Вы друг друга стоите, — выносит вердикт мама, заканчивая разговор тем, что берет меню и с головой погружается в его изучение.

— Кто-нибудь сказал что-то о моем отсутствии? — упорствую в надежде хоть как-то облегчить свою вину и одновременно осознаю, что могу получить обратный эффект.

— Все поняли. — Мама старается меня успокоить. Не срабатывает. Я угрюмо листаю меню.

— Это довольно необычный ресторан, вам не кажется? — Папа пытается сменить тему.

Смотрю вокруг на гигантские округлые алюминиевые конструкции. Они как будто из другого мира, серебряные снаружи и светящиеся разными цветами внутри. Самая ближайшая к нам внутри желтая, и в ней располагается стол, полный довольных гостей, попивающих вино из больших бокалов.

— Что будет с ее домом? — Снова сосредотачиваю внимание на бабушке.

— Мы собираемся сдавать его в аренду, — отзывается отец.

Мне не особо нравится идея, что в доме бабули будут жить чужие люди, о чем я и говорю родителям.

— Что ж, как бы ты себя чувствовала, если бы мы его продали? — спрашивает отец, когда появляется официант с нашими напитками.

— Хуже, — признаю я.

— Вот именно. Мы в какой-то момент даже подумывали там поселиться.

— Правда? — Я приятно удивлена, что им приходила мысль перебраться обратно в Англию. Вот только я-то теперь живу в Америке.

Звонит мой телефон, прерывая нашу беседу.

— Алло? Мег Стайлз.

— МЕГЕРА! Куда ты, мать твою, пропала?

Это Джонни, и, похоже, он пьян.

— Ужинаю с родителями, — пытаюсь отвечать спокойно. — Я тебе говорила.

— Тащи свой зад сюда, дружище, мы тут клево отрываемся!

— Где «тут», Джонни? — сдаюсь я.

— Где мы, вашу мать? — Секунду спустя он возвращается ко мне. — Я не знаю, где мы, на хрен, находимся. — Потом начинает истошно смеяться.

— Джонни! — повышаю я голос. — С тобой все хорошо? Прислать тебе машину?

— Нет, Мегера, нам хорошо. Нам ХОРОШО! — Он опять смеется во все горло и отключается.

Таращусь на свой телефон.

— Все в порядке? — неуверенно спрашивает мама.

— Да, — решительно отвечаю я.

Мы заказываем еду, но теперь меня одолевает тревога. Когда мой телефон звонит, я подпрыгиваю, хотя и ожидала повторного звонка.

— Мег, это Билл. Где ты, девочка?

— В Центре Помпиду. Я с родителями в ресторане.

— Думаю, тебе лучше поскорее вернуться. Джонни ушел в самоволку.

— Что это значит? Он только что мне звонил.

— Он звонил тебе? — Кажется, Билл удивлен.

— Да. Совсем недавно.

— Что он сказал?

— Хотел, чтобы я с ним встретилась. Но не смог сказать, где находится.

Гляжу на родителей поверх стеклянного стола. Они выглядят обеспокоенными.

— Ну, сейчас он на звонки не отвечает, — говорит Билл.

— Позволь мне попробовать.

— Он больше не ответит, и неважно, кто из нас будет звонить! — огрызается Билл.

— Просто дай мне попробовать. Если не ответит, я вернусь в отель, — настаиваю я, заканчивая звонок.

Набираю Джонни. Гудки, гудки. Ну же, Джонни, возьми трубку. Как и предсказывал Билл, он не отвечает.

— Что случилось? — спрашивает мама.

— Джонни пропал, — объясняю ей, поднимаясь из-за стола.

— Тебе правда надо идти? — Отец вроде бы расстроен.

— Увы. — Я отодвигаю стул. — Менеджер Джонни хочет, чтобы я вернулась в отель.

— Но ты даже не поела! — огорченно замечает мама.

— Извините, но с этим ничего не поделаешь.

И это какой-то кошмар.

— Может, выпьем завтра кофе? — предлагаю я, целуя их на прощание.

Огибаю столики и алюминиевые капсулы в ресторане и снова прокатываюсь по нескольким эскалаторам. Перейдя через площадь к главной дороге, ловлю такси и еду обратно в отель. Поднимаюсь в номер Билла, где обнаруживаю, что Джонни так и не вернулся. По дороге в отель я неоднократно пыталась до него дозвониться, но каждый раз попадала на автоответчик. Раньше просто раздавались гудки, а это значит, что села батарея. Либо это, либо что-то случилось с телефоном. Или с Джонни. Содрогаюсь от одной только

МЫСЛИ.

— Куда, по-твоему, он мог пойти? — обращаюсь к Биллу.

— Хрен его знает. Но ему лучше побыстрее вернуться. Терренс будет рвать и метать, если завтрашний концерт придется отменить.

— Почему ты думаешь, что он не появится? — испуганно спрашиваю я. — То есть почему ты так волнуешься? Наверняка он просто решил прогуляться.

— Ти-Джей сказал, он вел себя странно. — У Билла забегали глазки.

— В каком смысле странно? — интересуюсь я. — Как будто под действием наркотиков?

— Возможно, — допускает Билл. — Но хрен знает, что он намешал, чтобы дойти до такого состояния.

— Что ты хочешь сказать? Какого такого состояния? — Теперь я не на шутку встревожена.

— В отеле он перелез через перила балкона и повис, гогоча во всю свою чертову глотку.

— Офигеть, — ахаю я. Его люкс на верхнем этаже.

— Что он опять тебе наплел? Когда звонил? — спрашивает Билл.

— Он хотел только, чтобы я пришла и встретила с ним. Он не сказал где.

Звонит стационарный телефон, и Билл срывает трубку.

— Да! Где? Где это? Можешь достать нам машину? Хорошо. Спускаемся.

Билл вешает трубку и хватается за куртку.

— Он ниже по реке. Какой-то мудака-папарацци выцепил его и сообщил в отель. Должно быть, Джонни конкретно упоролся, раз такое произошло. Обычно журналисты просто делают фотки и сваливают.

Пока мы колесим под дождем по парижским улицам в поисках Джонни, я засматриваюсь в окно на возвышающуюся над крышами Эйфелеву башню. Фотограф сообщил, что видел Джонни где-то неподалеку, и мы просто надеемся и молимся, чтобы он оказался на том же месте, пока мы доедем.

— Лишь бы он не бросился в чертову реку, — бормочет Билл.

Его замечание вызывает у меня небольшую истерику.

— Зачем ему это делать? Зачем? Он когда-то уже так поступал?

— Успокойся, девочка! — осаживает Билл. — Вряд ли он пойдет на самоубийство. Но да, он пытался.

Таблоиды писали, что он пустился во все тяжкие после распада группы, но я не осознавала, что все было настолько плохо. Внутренности будто скручиваются в узлы.

— Какого дьявола вы не пошли за ним? — Билл зло адресует вопрос двум охранникам Джонни, которых мы захватили с собой.

— Он велел нам остаться! — с жаром отвечает один из секьюрити.

Мы переезжаем через реку и двигаемся по набережной к башне. Неотрывно смотрю в окно, отчаянно надеясь увидеть Джонни, но опасаясь, что это безнадежное занятие. Сейчас он может быть где угодно.

— Вон он! — вдруг выкрикивает Билл.

— Где? — кричу я в ответ.

— Там!

Билл указывает на толпу людей у моста. Не могу разглядеть Джонни, но вижу срабатывающие фотовспышки.

Пользуясь своим продвинутым уровнем знания французского, прошу водителя подъехать как можно ближе. Потом мы выбираемся из машины и проталкиваемся сквозь толпу.

Я застываю на месте. Левой рукой Джонни обнимает какого-то потрепанного парня, а правой сжимает пустую бутылку из-под виски. Он чуть не опрокидывается на спину, так сильно хохочет.

— Джонни! — ору я.

— Мегера! — Он выглядит до неприличия довольным и неровно идет ко мне, таща юношу следом. — Билл! — кричит он, отпуская парня и бутылку виски, которая вдребезги разбивается о землю. Раскрывает объятия Биллу, который вместе с охранниками безуспешно старается разогнать зевак. Джонни вновь поворачивается ко мне и душит в объятиях, наваливаясь все весом так, что я еле удерживаюсь на ногах. От него несет смесью перегара, курева и блевотины. Не тот аромат, который в обозримом будущем захотят разлить по бутылкам и превратить в одобренный самим Джонни Джефферсоном парфюм.

— Давай-ка отвезем тебя обратно в отель. — Дышу ртом, дабы избежать зловония, и пытаюсь тащить его сквозь толпу. Многие по-прежнему щелкают фотоаппаратами. Очевидно, пьяный Джонни привлекает туристов гораздо больше, нежели возвышающееся за нами трехсотметровое строение.

— Погоди-погоди! — Джонни тянет меня назад. — Пойдем познакомимся с моими новыми друзьями. — Он резко поворачивается и хватает меня за руку, утаскивая обратно к мосту, где выстроились большие коробки. Некоторые из них накрыты пластиком и тряпьем. Похоже, там проживает компания бездомных.

— Джонни, я думаю, не стоит. — Изо всех сил дергаю его за руку, пытаюсь сопротивляться.

— Как тебе не стыдно, Мегера. Они тоже люди, знаешь ли. — Он снова смеется как сумасшедший. — Слушай, Мегера, слушай, — говорит он, затем кричит небольшой группе малолетних обездоленных перед собой: — Скажите это! Скажите!

— А во-о-о-о-о-о-от и Джонни! — отвечает один из них.

— Слушай, Мегера, слушай. Скажи еще раз!

— А во-о-о-о-о-о-от и Джонни! — исполняет тот же парень.

Джонни восторженно поворачивается ко мне.

— А во-о-о-о-о-о-от и Джонни! — горланит он. — А во-о-о-о-о-о-от и Джонни!

В этот момент Билл и охранники прорываются сквозь толпу и тащат его к машине.

— Быстро! Поехали! — орет шоферу Билл.

— Vite! Dépêchez-vous! — повторяю я его слова на французском.

Джонни опускает стекло и высовывает голову наружу.

— А во-о-о-о-о-о-от и Джонни! — вопит он что есть мочи. — А во-о-о-о-о-о-от и Джонни!

Кто, черт возьми, этот человек? Пытаюсь взять его за руку, но он вырывает ее и истерически смеется.

Не находя себе места от беспокойства, набираю номер отеля и прошу портье вызвать доктора.

К тому времени, когда мы подъезжаем к отелю, Джонни заметно успокаивается, хотя нам все еще предстоит испытание по доставке его в номер, а не в гостиничный бар, как ему хочется. Расстилаю постель для Джонни, пока Билл снимает с него ботинки. Охранники

стоят поблизости, на случай если опять потребуется помощь.

— Давай, приятель, — говорит Билл, усаживая Джонни на кровать.

— Мегера... — Джонни протягивает мне руку. — Подойди, Мегера.

Гляжу на Билла, который кивает, и подхожу к кровати. Джонни берет меня за руку.

— Ты хорошая девочка, — мямлит он и пытается усадить меня рядом.

— Джонни! Нет, приятель. — Билл умудряется грубо выдернуть мою руку, и Джонни откидывается на подушки, сонно мне улыбаясь.

Когда прибывает доктор, Джонни уже мирно похрапывает. После осмотра доктор решает, что Джонни просто нужно проспать.

Билл падает в кресло.

— Я останусь с ним. А ты топай отдыхать, — грубовато отсылает он.

Я мешкаю.

— Иди! — настаивает он. — Нужно убедиться, что он не выбросится из окна перед завтрашним концертом.

— Билл, он не может выступать в таком состоянии, — резонно замечаю я.

— Да замолкни ты! — повышает он голос.

— Не затыкай меня, Билл!

— А ты не пытайся быть экспертом в том, чего не понимаешь! — Он грозит мне пальцем.

Я знаю, что этот спор мне не выиграть, и оставляю последнее слово за ним.

Глава 20

На следующий день таблоиды строят предположения, что Джонни потерял связь с реальностью, и вспоминают, как семь лет назад такое с ним уже случилось. Каждую публикацию украшают многочисленные фотографии, одни несколько лучшего качества, чем другие. Судя по всему, очевидцы продавали свои аморальные отпускные снимки всем и каждому.

Кристиан звонит мне в одиннадцать утра.

— Что за хрень? — кричит он в трубку.

— Знаю. Катастрофа, — поддерживаю я.

— Я на Сент-Панкрас. Уже в пути.

— Ты едешь в Париж?

— Угу, прибуду в три по вашему времени.

— Я пришлю за тобой машину. Расскажу все, когда доберешься.

Мои родители тоже звонят. Они обеспокоены, увидев доказательства того, что Джонни слетел с катушек.

— Твой отец волнуется за тебя, — сообщает мама. — И я тоже.

— Не волнуйтесь. Все нормально.

— Просто мы не предполагали, что тебе придется сталкиваться с подобными вещами. Ты бы лучше вернулась на прежнее место работы к той милой леди-архитектору.

— Мам! — рявкаю я. — Не смей!

— Это нехорошо! — кудахчет она.

— Я и не говорю, что это хорошо, мама, но я не собираюсь уходить и бросать его в беде! Я нужна ему!

Они хотят прийти в отель повидать меня, но я ссылаюсь на высокую занятость.

Последнее, что мне нужно — давление со стороны родителей, чтобы я ушла со своей так называемой гламурной работы.

Я все утро проверяла Джонни. Он по-прежнему валялся в отрубе. Не могу поверить, что Билл так и не отменил сегодняшний концерт. Я все утро отбивалась от названивающих журналистов, гадая, чем все закончится. Придется и дальше их дурачить.

Когда приезжает Кристиан, я провожаю его в комнату Джонни. Билл встает в дверях, не пуская нас внутрь.

— Он как раз просыпается, — заявляет Билл.

— Мы можем войти? — интересуюсь я.

— Дайте ему немного времени. — Он пытается закрыть дверь перед нашим носом.

— Билл, мы можем его увидеть?

— Немного больше времени, — говорит он и закрывает дверь.

— Подождем минут пятнадцать, — предлагает Кристиан. — А потом вернемся сюда. —

Мы переживаем в моей комнате и неловко молчим.

— Я вроде просил оставить его в покое? — четверть часа спустя грубит с порога Билл.

— Билл, все хорошо, приятель,пусти их, — доносится голос Джонни. Билл злобно смотрит на нас и распахивает дверь, отходя в сторону.

— Здорово, мужик. — Джонни поднимается и энергично обнимает Кристиана. Затем поворачивается ко мне. — А во-о-о-о-о-о-от и Джонни!

Я испуганно отступаю.

Он смеется.

— Да шучу я, Мег.

Должно быть, я выгляжу опарашенной, потому что он продолжает:

— Расслабься, невелика беда! — Он садится на кушетку и берет в руки гитару, наигрывая несколько быстрых аккордов. Потом опускает гитару и хватает со стола сигареты.

Настороженно рассматриваю его.

— Ты готов сегодня играть?

Билл фыркает у меня за спиной.

— Ну да, конечно. — Джонни ухмыляется и закуривает. — Ты что думаешь, я нежная фиалка? — Тарабанит пальцами по столу.

— Иисусе, чувак, ты меня до чертиков напугал. — Кристиан облегченно выдыхает и усаживается на кушетку рядом с другом. Джонни посмеивается и чешет нос.

Недоверчиво смотрю на Билла.

— Так, все. Теперь уходите, — говорит Билл, подталкивая меня в сторону двери. — Ему надо отдохнуть.

— Подождите! — восклицаю я.

— Что? — Джонни распахивает глаза с напускной серьезностью и смеется. — Ты только взгляни на это личико. — Пихает Кристиана и кивает на меня. — Ну разве она не милая, когда волнуется?

Кристиан не отвечает, но, сытая по горло снисходительным обращением со стороны Билла и Джонни, я поворачиваюсь на каблуках и оставляю их.

Концерт начинается вечером, и Джонни еще энергичнее, чем обычно. Смотрю со стороны, как он хохмит на тему своего предполагаемого кризиса. Публике это нравится.

— Ты идешь и зависаешь с бездомными парнями, а все считают, будто ты сбрендил! — вопит он в микрофон.

Кристиан стоит вместе со мной за кулисами.

— Что думаешь? — спрашиваю его. — В последний раз он вел себя так же?

— Не знаю. — Кристиан пожимает плечами. — Мы же вроде как пару лет не общались, поэтому я не был рядом и ничего не видел.

— Точно! — Группа начинает следующую песню, и мне приходится перекрикивать музыку. — Я забыла!

— О чем? — Он быстро поворачивается и смотрит на меня.

— О твоей девушке! — ору я.

Он кивает и снова обращает все внимание на сцену.

На мгновение ощущаю неловкость, но затем убеждаю себя, что он прервал разговор из-за громкой музыки. Хотя понимаю, что следовало промолчать.

Бесс звонит мне на следующий день. Я не общалась с ней несколько недель, и это какое-то безумие.

— Привет! Так приятно слышать твой голос! Как поживаешь?

— Хорошо, спасибо. Как сама? — У нее немного прохладный тон.

— Очень даже неплохо. Дел по горло. С тех пор как прилетели в Европу, трудимся в безостановочном режиме.

— Не сомневаюсь, — отвечает она.

Возникает неловкая пауза, пока я гадаю, зачем она позвонила.

— Так ты будешь в Лондоне? — спрашивает она.

— Ой! Да! Мы приедем через неделю.

— Тебе нужно где-то остановиться? — продолжает она явно отрешенно.

— Хм, нет, мы остановимся в гостинице. Все равно спасибо, — добавляю я.

— Ладно.

Еще одна неловкая пауза.

— Дерьмо! — Вдруг вспоминаю. — Нужно достать тебе пару билетов на концерт в Уэмбли.

— Ты сможешь их выкроить? — уточняет она.

— Конечно! А еще проведу тебя за кулисы.

— Правда? — Теперь она повеселела. — Как здорово!

Я усмехаюсь.

— Передам билеты, когда будем в Лондоне.

— Ох. — Она кажется разочарованной. — Конечно. То есть ты наверняка будешь очень занята, да?

— Да, — признаю с сожалением. — Что ж, если ты не против, можешь сама прийти в гостиницу и забрать их.

— Ой, нет, все нормально, — говорит она. — У меня тоже много дел. Но мы ведь увидимся в Уэмбли?

— Непременно! — восторгаюсь я. — Не могу дождаться. Слушай, Бесс, мне пора. Тут кто-то пытается дозвониться. Нет отбоя от журналистов с тех пор, как пару дней назад Джонни выкинул фортель.

— Серена просила меня узнать у тебя об этом. Что там вообще произошло?

— Расскажу при встрече, — солгала я. — Мне правда надо ответить на другой звонок.

Мне грустно, что я не могу открыться ей, как раньше. Когда у меня выдавался неудачный день и приходилось сражаться с противным клиентом во времена работы на

Мари, я могла поделиться подробностями с подружкой. Теперь же все кардинально изменилось.

Решаю разбудить Джонни. Он уже должен был хорошенько выспаться. Вчера после концерта он пошел тусить с группой, так что, наверное, все еще никакой.

Джонни не отвечает на стук, поэтому мне приходится воспользоваться электронным ключом.

— Джонни! — кричу я с порога люкса. — Твой будильник пришел!

Ответа нет. Вхожу, почти ожидая снова застать в его постели двух фанаток, но под смятым покрывалом вырисовывается лишь одна фигура и видна только одна копна волос.

Оглядываюсь по сторонам. В комнате бардак. Повсюду бутылки и пепел от сигарет. С кровати доносится ворчание.

— Эй, — зову я, подходя ближе. — Джонни? Ты проснулся? Как твоя голова? — Отбрасываю одеяло и в смятении отскакиваю. На меня сонно глазеет лохматая блондинка с размазанной тушью под глазами. Внезапно ее взгляд фокусируется, и она потрясенно смотрит на меня. Быстро садится и прикрывает покрывалом голую грудь.

— Какого черта ты тут делаешь? — сердито спрашивает она на французском.

— Où est Johnny? — интересуюсь я, стараясь держать эмоции под контролем.

Она пожимает плечами и выглядит очень подозрительно.

— Мне нужно знать, где он.

— Я понятия не имею, — отвечает она на английском. Затем зевает и расслабляется. — Вчера ночью был здесь. — Многозначительно смотрит на меня.

На всякий случай заглядываю в ванную.

— В каком он был состоянии? Наркотики принимал? Ты можешь мне сказать, — добавляю я, выходя из ванной и глядя на нее. — Проблем у тебя не будет.

— Думаю, да, — говорит она. И по взгляду на ее лицо ясно: она знает это точно. — А что?

— Ты должна уйти, — сообщаю я, возвышаясь над девушкой у края кровати.

Она какое-то время раздраженно смотрит на меня, затем лениво поднимает одеяло и шарит вокруг, вскоре выуживая кружевные черные стринги. Чувствую себя все более отвратительно, пока она неспешно переворачивает их на нужную сторону и, извиваясь под одеялом, надевает. Блондинка поднимается с постели в одних трусах и откапывает красное платице микроскопических размеров. Только она успевает натянуть его на голову, как с другой стороны комнаты до нас доносится чей-то стон. Мы быстро переглядываемся и мчимся туда, откуда слышался шум. Позади кушетки лежит Джонни со спущенными штанами, измазанный в собственной блевотине.

— Mon Dieu! — восклицает девушка.

Приседаю рядом, пытаюсь не замечать вялый член, торчащий между ног босса. Может я и мечтала увидеть Джонни обнаженным, но валяющимся в его собственной рвоте? Увольте.

Похлопываю его по лицу.

— Джонни. Джонни!

— С ним все в порядке? — спрашивает девушка. Оттесняю ее назад и, взяв с кушетки кожаную куртку Джонни, накрываю его причиндалы.

Он опять стонет.

— Джонни!

Он открывает глаза и рассеянно смотрит на меня. Затем опять их закрывает.

— Джонни, очнись! — требую я, снова похлопывая его по лицу. Дрогнувшие веки поднимаются, и он хватается рукой за голову.

— О-ох... — стонет несчастный.

Нужно выпроводить девушку и как можно скорее. Не хватало еще, чтобы она продала свою историю таблоидам, и я не хочу, чтобы она видела больше того, чему уже стала свидетелем. Поднимаюсь и хватаю оставленную в дверях сумку. Быстро возвращаюсь к кушетке и достаю из кошелька двести евро.

— Вот, — говорю, протягивая купюры. — На такси. А теперь уходи.

— Не нужны мне твои деньги, — огрызается блондинка.

— Тебе нужно уйти, — повторяю на французском, помахивая еще одной банкнотой в пятьдесят евро.

Надувшись, блондинка встает.

— Не нужны они мне! — твердит она, глядя уже на четыре банкноты в моей руке.

Беру предположительно ее пальто и подаю девушке. Она принимает его, затем достает из-под кофейного столика черные туфли и обувается. Джонни снова стонет и пытается сесть.

Девушка смотрит на него.

— Надеюсь, он в порядке.

— С ним все будет хорошо, — быстро заверяю я ее и выпроваживаю из комнаты.

К тому времени, когда я возвращаюсь за кушетку к Джонни, он снова лежит на спине в отключке.

Глава 21

— Волнуюсь за него, — говорю я Кристиану девять дней спустя в холле лондонского отеля, где мы остановились накануне концерта на стадионе «Уэмбли». Кристиан хочет встретиться с Джонни, но тот строго-настрого запретил пускать к нему посетителей. На часах шесть вечера, а он еще не вставал. В начале тура он вел себя приблизительно так же, вот только теперь я знаю, что помимо депрессии тут еще и наркотики.

Чтобы поднять Джонни с пола тем утром в Глазго, мне пришлось позвать Билла. И даже тот растерялся, увидев своего подопечного.

— Как думаешь, он оклемается к сегодняшнему концерту? — спрашивает Кристиан.

— Надеюсь, — отзываюсь я.

Джонни не назовешь оклемавшимся даже с большой натяжкой, но верный себе Билл печется только о бизнесе. По дороге к концертной площадке он угощает Джонни виски и старается заразить своим энтузиазмом.

— Первое выступление на обновленном стадионе «Уэмбли»! В этот раз все будет немного иначе. Верно я говорю?

Джонни не отвечает. Мы сидим в хвосте гастрольного автобуса, отдельно от музыкантов, налегающих на выпивку в начале салона. Джонни смотрит в окно.

Книги на сайте - Книголюб.нет

Весь тур мы передвигались то на автобусах, то на частном самолете. Чаще всего, как ни странно, нас больше устраивал автобус, хотя впечатления от бизнес-джетов нескоро изгладятся из моей памяти. Вот если бы все перелеты были такими: изысканная еда, шампанское рекой и ни одной очереди.

— Вот, старик, глотни еще виски. — Билл пытается говорить жизнерадостным тоном.

Джонни делает вид, что не слышит.

— Давай, Джонни-бой. — Билл отпивает из бутылки. — М-м-м. Отличное пойло Попробуй.

— Билл, не думаю, что Джонни хочется пить, — заявляю я.

— Не лезь не свое дело! Без тебя знаю, что лучше для Джонни! — рявкает менеджер.

— Придержи язык, — обрывает его Кристиан.

— Да пошли вы! — Билл встает и нетвердой походкой идет в начало автобуса, чтобы примкнуть к вечеринке.

— Как ты? — обращается Кристиан к своему другу.

— Нормально, — вздыхает Джонни.

— Да ничего подобного! — бросает Кристиан, косясь в мою сторону.

Джонни снова вздыхает и поворачивается, чтобы посмотреть на нас, сидящих напротив него за деревянным столиком.

— А что, у кого-нибудь есть соображения на этот счет? — Он протягивает руку и берет забытую Биллом бутылку.

— Джонни, тебе обязательно пить? — спрашиваю я осторожно.

Он ухмыляется и прикладывается к бутылке.

— Ты что, моя мать? Хотя нет, погоди, она же умерла.

Судорожно вздыхаю.

— Тебе осталось отработать только этот концерт, а потом вернешься в Лос-Анджелес и сможешь немного отдохнуть, — продолжает Кристиан, пропустив мимо ушей последнюю сентенцию Джонни.

— Ага, концерт и чертов банкет, — косится на друга Джонни. Вечеринка по поводу окончания тура должна состояться завтра. Кого там только не будет. Избранные журналисты из отдельных изданий даже пропустят канун Рождества ради короткого интервью с Джонни. — Ненавижу этот гребаный бизнес.

— Да ладно тебе! Как ты можешь так говорить? — пытается растормошить друга Кристиан. — Ты же любишь всю эту хрень. Вот выйдешь на сцену и сразу взбодрись. Тебе не впервой.

Кристиан отчасти прав, но чуть ли не каждый день на протяжении почти двух месяцев я наблюдала за тем, как работает Джонни, и теперь, стоя за кулисами стадиона «Уэмбли», вижу: он халтурит. Выступление получается вялым. Джонни почти не общается с публикой, и это очень плохо, потому что британские акулы пера не дремлют.

После концерта один из работников службы безопасности приводит ко мне Бесс, и я наконец-то знакомлюсь с вездесущей Сереной. Она довольно хорошенькая: черные волосы, короткая взъерошенная стрижка, оливковая кожа и карие глаза.

Крепко обнимаю Бесс и пожимаю руку озирающейся по сторонам Серене. Знаю, она ищет Джонни, но его нет поблизости.

— Вам понравилось? — интересуюсь я.

— Да! Великолепный концерт! — восхищается Бесс.

— Ага, классный, — рассеянно отвечает Серена. Она откидывает волосы со лба, упирает руку в бедро и опять опускает. Вижу, что соседка Бесс пытается вести себя спокойно, но лучше бы она скакала и прыгала от восторга.

— Джонни, наверное, в гримерке, — говорю я, сжалившись над ними. — Уверена, он

скоро придет.

На горизонте возникает Кристиан.

— Эй, Мег, хочешь выпить? — обращается он ко мне.

— Конечно. Кристиан, это моя подруга Бесс и ее соседка, Серена.

— Привет. — Кристиан пожимает руки девчонкам и задумчиво произносит: — Бесс...

Это ведь с тобой жила Мег?

— Отличная память, — замечаю я. — Давайте пропустим по стаканчику.

Проходит сорок пять мучительно долгих минут, а Джонни так и не появляется. Первые полчаса Кристиан составлял нам компанию, пока ему не наскучила светская болтовня. Остальные музыканты выпивают в другом конце комнаты, и там же кучкуются поклонницы. Неловко переминаюсь с ноги на ногу рядом с Бесс, хотя мне не терпится поведать Джонни. О чем и сообщаю подруге.

— Можно мы тоже пойдем? — предлагает она с придыханием. Глаза у Серены загораются.

— Мм, вряд ли, — отвечаю я с сожалением в голосе.

Лицо Бесс — маска разочарования, а Серена выглядит раздосадованной.

— Ладно, ладно, я знаю, у тебя есть обязанности, — отпускает меня Бесс.

— Посмотрим, смогу ли я убедить его выйти, — с тяжелым сердцем говорю я.

Но стоит мне взглянуть на Джонни, и я понимаю — ничего не получится. Он сидит в своей примерке без света и курит, успев порядком надраться.

Включаю свет и с опаской спрашиваю:

— Джонни, ты выйдешь?

— Еще одну... — Он протягивает мне пустую бутылку водки, и та раскачивается из стороны в сторону в его руке.

— Нет. Тебе хватит.

— Еще одну! — сердится он.

— Нет! — решительно заявляю я. — Возвращаемся в отель.

— Ну и ладно. Сам возьму, — невнятно бормочет Джонни, с трудом поднимаясь на ноги. Он спотыкается, и я бросаюсь на помощь. Еле-еле удерживаю его на весу. Мне нужен Кристиан!

— Джонни! Ну-ка сядь обратно! — кричу я. — Я принесу тебе другую бутылку, если подождешь здесь, — вру я, устремляясь к двери.

Нахожу Кристиана за кулисами — он выбирает оранжевые конфетки из чаши со «Смартис», сложив уже штук двадцать в ладонь.

— Хочешь? — предлагает он.

— Нет, Кристиан. Лучше помоги мне с Джонни.

Кристиан быстро набивает рот конфетами и шагает следом за мной из комнаты. Билл болтает с парой поклонниц, и я рада, что он занят. Не хочу, чтобы он увязался за нами. Краем глаза замечаю Бесс и Серену, стоящих возле двери.

— Где бутылка? — мямлит Джонни, видя мои пустые руки.

— Давай, приятель, мы отвезем тебя в отель, — говорит Кристиан, поднимая Джонни.

— Это что за хрень? — спрашивает тот, придвигая левую руку Кристиана к глазам и внимательно изучая: на ладони красуются следы пищевого красителя.

— «Смартис», — сообщает другу Кристиан.

— Ты и твои конфеты, чувак, — пьяно хихикает Джонни и тут же ревет: — Дайте мою

чертову водку!

— Возвращаемся в отель, приятель, — сохраняет спокойствие Кристиан. — Давай, надо идти.

Следую за Кристианом и спотыкающимся Джонни по коридору к выходу. Потом вспоминаю о Бесс и бегу обратно, чтобы проститься.

— Мне придется уйти, — тараторю я.

— Ладно, хорошо. — Бесс выглядит разочарованной, однако не удивленной.

Я обнимаю подругу. Нам обеим неловко.

— Мне жаль. Извини. Я тебе позвоню! — обещаю я и стремительно выхожу из комнаты.

Между нами пролегла пропасть, и рядом с Бесс стоит Серена. Не знаю, кто стоит рядом со мной. Наверное, это должен быть Джонни, да только куда там!

Он вырубается еще по дороге в отель. Сажусь на диван в его номере и открываю журнал. Я решила остаться и удостовериться, что с ним ничего не случится. Кристиан устраивается рядом.

— Что ты делаешь? — интересуюсь я.

— Составляю тебе компанию.

— Но ты не обязан.

— Знаю. — Он идет на мини-кухню, включает чайник и спрашивает: — Чаю?

— Водки? — парирую я. — Прости, неудачная шутка. Да, чай будет очень кстати.

— Ему надо пройти реабилитацию, — произносит Кристиан, ставя наши чашки на кофейный столик. — Сахар?

— Один кусочек, пожалуйста, — отзываюсь я. — Только захочет ли он?

— Билл мог бы его заставить.

— Билл — идиот.

— Вовсе нет, — хихикает Кристиан.

— А вот и да.

— Он уже много лет работает на Джонни.

— Ты имеешь в виду — много лет работает на свой карман? — сухо замечаю я.

— Не без этого. Но ты ошибаешься на его счет. — Кристиан протягивает мне чашку. —

Черт! Жаль, что у нас нет печенья с кремом.

— М-м-м! Может, закажем в номер?

— Что, закажем печенье в номер?

— Нет, остолоп ты несчастный. Просто закажем еду, ну, по кусочку шоколадного торта или еще что-нибудь.

— Вообще-то, знаешь что? — говорит Кристиан. — Я бы сейчас не отказался от нормальной пищи. И не смотри так. Меня что-то потянуло на остренькое.

Шутливо вздыхаю:

— Поверить не могу, что ты переметнулся в стан врага!

— Меган, я не переметнулся, а просто прощупываю почву.

Джонни все еще пребывает в отключке, когда нам доставляют еду. Кристиан выбрал карри из курицы.

— И все же, почему ты расстался со своей девушкой? — отважно спрашиваю я, ковыряя свой пирог.

Я почти готова услышать очередную байку о том, что она перекормила его золотую рыбку или еще что-нибудь в этом роде, но Кристиан возит вилкой в тарелке, а потом

отвечает:

— Я хотел детей, а она не хотела, — немного горько усмехается он. — Такое нечасто услышишь? Она действительно не из тех, кто строит серьезные отношения. — Сочувственно откладывая вилку в сторону, а Кристиан продолжает: — Я не настаивал на женитьбе. Ничего такого. Даже не знаю, верю ли я во все это, говоря откровенно. Но я хотел бы ребенка в перспективе. Она же не хотела детей вообще.

— Печально, — сочувствую я.

— Да. Видимо, не судьба. Позавчера я случайно встретил ее в Сохо. Она была с другим.

— Наверное, это было ужасно.

— Да.

— Ты все еще ее любишь? — осторожно интересуюсь я.

— Нет, — качает он головой. — Но лучше бы это она увидела меня с другой девушкой.

Понимаешь, увидела, что потеряла. Как-то так.

Я улыбаюсь.

— Мне знакомо это чувство. — Рассказываю о Томе. — Теперь у него есть другая. Наверное, надо позвонить ему, пока мы здесь. — Глубоко вздыхаю. — Да вот только никак не выкрою время.

— Не выкроишь время на жалкий телефонный звонок? — хмыкает Кристиан.

Недовольно кошусь на него.

— Ладно, хорошо, возможно, я просто не хочу звонить.

— Ты все еще его любишь? — повторяет он мой недавний вопрос.

— Разумеется, нет. Но эй, может, нам с тобой прогуляться по Сохо. Вдруг наши бывшие увидят нас вместе.

Кристиан улыбается и искоса смотрит на меня чуть дольше обычного. Быстро отвожу взгляд. Надеюсь, он не думает, что мне хочется изображать его девушку.

Зеваю.

— Ты действительно собираешься провести здесь всю ночь?

— Наверное.

— Ты в этом поднаторел, — замечаю я, вспоминая, как он вот так же ночевал со мной, когда я перебрала в Амстердаме.

— Ты принимала что-нибудь кроме алкоголя тем вечером? — спрашивает Кристиан.

— Господи, нет! Конечно же нет! — Джонни, по крайней мере, знает меня лучше, чем он. — С чего ты взял?

— Не обязательно специально.

— Что ты имеешь в виду? Думаешь, кто-нибудь подмешал мне что-то в спиртное?

— Все может быть. Ты тогда здорово улетела.

Обдумываю это предположение и начинаю злиться.

— Эй, да не бери в голову! — пытается успокоить меня Кристиан.

Ему легко говорить.

— Кто мог устроить такую подставу?

Кристиан пожимает плечами, скользнув взглядом по Джонни.

— Да нет! — качаю я головой. — Нет! Он никогда бы так не поступил.

— Кто? Джонни?

— Ну да. Ты ведь только что на него поглядел.

— Не потому, что считал, будто это он подмешал тебе что-то в спиртное, — ухмыляется

он.

— А, тогда ладно.

— Слушай, почему бы тебе не пойти спать? — предлагает он после короткой неловкой паузы. — Не вижу смысла торчать тут вдвоем всю ночь.

— Сейчас именно мне следует остаться, — возражаю я. — Я ведь его ассистентка.

— Ага, а я его друг. А кровь не водица и все такое.

— Справедливо. — Не то чтобы они связаны узами крови, но я понимаю, о чем идет речь.

— В любом случае у меня нет номера в этом отеле, — добавляет он. — Но давай завтра утром позавтракаем вместе? В девять я приду и постучу в твою дверь.

— А в прошлый раз не пришел, — замечаю я.

— А в этот приду.

На следующий день в девять утра раздается стук в дверь моего номера.

— Он уже встал?

— Только начинает шевелиться, — сообщает Кристиан. — Голова, похоже, раскалывается.

Для разнообразия мы спускаемся в ресторан и поглощаем пышные оладьи с кленовым сиропом в американском стиле.

После этого снова поднимаемся в номер Джонни. Мы думаем, что он до сих пор в постели, поэтому Кристиан открывает дверь ключ-картой, которую взял с прикроватного столика.

Входим в комнату и сразу видим пустую постель. Заходим за угол и обнаруживаем Джонни нюхающим кокаин с журнального столика.

— Джонни! Ты что, мать твою, делаешь? — кричит Кристиан, бросаясь к другу. — У тебя проблема, чувак!

— Отвали! — вопит Джонни. — Убери грабли! — Он перехватывает руку Кристиана, который чуть было не смел порошок со стола.

— Тебе нужна помощь, братан!

Джонни усмехается и склоняется над трубочкой. Мы с Кристианом растерянно наблюдаем, как он втягивает дорожку прямо у нас на глазах. Джонни фыркает и вытирает ноздрю, потом откидывается на спинку дивана с бутылкой виски в руке.

— Мег, можешь принести сигареты? — обращается он ко мне.

— Да ты задолбал, придурок! — взрывается Кристиан. — Хватит прикидываться, словно ничего не происходит. Потому что это не так. Это же ненормально. Ты ведь слетишь с катушек, как семь лет назад.

— Ой, а ты как будто что-то знаешь об этом, да? — сердито глядит на него Джонни.

— В том, что меня здесь не было, виноват только ты и никто другой.

— Да, да, — фыркает Джонни. — Понятно. Если бы только я не переспал с твоей чертовой подружкой. Из-за этого ты так и не познакомил меня с Клэр. Вдруг я трахну еще и эту девицу.

— Сукин ты сын! — произносит Кристиан, делает шаг вперед и останавливается. Если бы взгляд мог убивать, Джонни был бы уже мертв.

— Как ты смеешь говорить так о моей покойной матери! — театрально возмущается он.

— Пошел ты, урод. Хватит давить на жалость своей покойной мамочкой.

— Кристиан! — восклицаю я.

— Мег, это же правда. Вечно одно и то же.

— Все, довольно, — вмешиваюсь я. — Прекратите. Вы оба.

— Нет, не прекращу, — рычит Кристиан. — Уж я-то знаю тебя, Джонни Сниден. Ты упоротый сукин сын. При всем уважении к миссис Сниден.

И прежде чем я успеваю что-либо понять, Джонни вскакивает и бросается на Кристиана.

— Прекратите! — кричу я, когда Джонни толкает друга на кофейный столик. Под весом Кристиана столик ломается, и кокаиновая пыль взлетает в воздух. Кристиан моментально поднимается на ноги и бьет Джонни прямо в лицо. Тот отшатывается и делает ответный выпад. Удар не достигает цели. Кристиан хватается за свое пальто, награждает нас с Джонни взглядом, способным остановить лавину, и пулей вылетает из номера. Джонни плюхается на диван.

Направляюсь к нему. Нос у него кровоточит.

— Черт! — говорю я, пытаюсь отвести от лица его руку, чтобы посмотреть, нет ли перелома. Впрочем, понятия не имею, как это определить. — Подожди, принесу лед.

В крошечном холодильнике льда не оказывается, поэтому звоню в обслуживание номеров. Джонни наклоняется, берет бутылку и отпивает виски.

— Джонни, пожалуйста! Хватит уже.

— Обезболивающее, — мрачно сообщает он.

— Джонни, пожалуйста, — повторяю я. — Тебе нужна помощь. Ты не можешь встречаться с прессой в таком состоянии.

— Я не лягу в чертов реабилитационный центр. Реабилитация для слабаков.

— Брось, Джонни. Тебе надо сделать перерыв и отдохнуть от всей этой круговерти.

— Я не лягу в чертов реабилитационный центр, — твердит он свое. — Ты можешь помочь мне, Мегера. Ты всегда мне помогаешь. — Он берет меня за руку, тянет вниз на диван и глядит на меня грустными зелеными глазами.

— Я не могу помочь тебе, пока ты сам себе не поможешь.

Джонни фыркает от смеха, и я хмурю брови.

— Извини, извини, — говорит он, стараясь выглядеть серьезным. — «Я не могу помочь тебе, пока ты сам себе не поможешь», — передразнивает он меня тем же тоном, что и Билл, когда тот назвал меня чопорной занудой. Тут уж я совсем выхожу из себя.

— Отлично. — Я встаю. И в этот самый момент замечаю шприц. — Джонни, а это еще что такое?

Проследив за моим взглядом, он тянет:

— Ой, Мегера, ну он же не использованный.

— Все, хватит! С меня довольно! — Пячусь назад, чувствуя, как бледнею.

— Нет, подожди! — настойчиво просит Джонни. — Мег, клянусь, я не кололся. Я перепробовал все, но только не это.

— Тогда откуда у тебя шприц? — Не знаю, верить ему или нет. — Мне пора.

— Мег! Стой! Ты мне нужна. Не уходи сейчас. Прости. Я знаю, ты права. У меня есть проблема. Весь этот тур был... даже не знаю. Я хочу разобраться в себе, — повторяет он и серьезно глядит на меня. — Я завяжу с наркотиками. Сделаю что угодно. Но в реабилитационный центр не пойду.

Предчувствую реакцию Билла и как последняя трусиха боюсь разговора лицом к лицу. Лучше сообщу о своем плане по телефону, когда мы будем уже в пути. А пока надо кое-что сделать: арендовать машину и позвонить родителям...

— Пап, я хочу попросить об услуге...

— Милая, ты легка на помине. Что происходит? О Джонни повсюду пишут какие-то ужасы...

— Пап, пожалуйста. Джонни нужна помощь, и я собираюсь ему помочь.

— Это Мег? Дай мне трубку! — слышу я требовательный мамин голос.

— Нет, Синтия. Без тебя разберусь! — упирается папа.

— Дай сюда эту дурацкую трубку! — Раздаются звуки борьбы, и мама перехватывает инициативу. — Что ты делаешь? Что происходит?

— Мам, я просто говорила с папой.

— Ему все равно нездоровится. Можешь поговорить со мной, — заявляет мама.

Вздыхаю.

— Ладно. Я хотела узнать, нельзя ли воспользоваться бабушкиным домом?

— Зачем? — интересуется мама.

— Хочу отвезти туда Джонни.

— Этот Джонни Джефферсон — ходячая неприятность! Я как в воду глядела!

— Мама, ты о нем даже не слышала до того, как я устроилась на эту работу.

— Нет, слышала! — заносчиво возражает мама.

— Как скажешь. Джонни надо уехать.

— Скорее обратиться к «Анонимным алкоголикам», судя по последним слухам.

«И к «Анонимным наркоманам» тоже», — думаю я, но молчу.

— Он не пойдет в реабилитационный центр. Ему нужно восстановиться в тихом спокойном месте. Поможете или нет?

После того как родители сообщают, что предупредили бабушкиных соседей о моем визите за ключами, отправляюсь арендовать машину. Выбираю «опель-вектру». Это не «бугатти-вейрон», конечно, зато мы не будем привлекать внимание. В самый раз для нас.

Портье удивляется, что я так рано оплачиваю счет, и нам следует поторапливаться, пока новость не дошла до нашей команды.

Когда я поднимаюсь в номер, начинает пиликать телефон. Все утро я не отвечала на звонки, но сейчас на экране высвечивается имя «Кристиан».

— Как Джонни? — спрашивает он.

— Пропустит сегодняшнюю вечеринку, — сообщаю я, выходя из лифта и шагая по коридору.

— Как это пропустит?

— Кристиан, он нездоров. Ему нужно уехать отсюда.

— Ему нужно пройти лечение, вот что ему нужно.

— Он не согласится. Я уже пробовала его убедить. — Подхожу к номеру Джонни и останавливаюсь у двери.

— Дай ему трубку. Я хочу с ним поговорить.

— Прости, он не желает ни с кем разговаривать. — Тем более с тобой.

— Мег, ему требуется квалифицированная помощь, — увещевает меня Кристиан. — Ты не сумеешь это сделать.

— Может, и не сумею, но попытаться все-таки стоит.

Повесив трубку, отключаю телефон. Пусть помолчит немного, а Биллу я позвоню потом.

Билл, разумеется, клокочет от ярости. Я благоразумно не упоминаю, что мы уже движемся на север по трассе М1. Только мои родители знают, куда мы направляемся, но они поклялись хранить это в тайне.

Билл требует, чтобы мы поворачивали оглобли и немедленно ехали обратно в отель, но я непреклонна.

— Билл, ничего не выйдет. Сегодня вечером он не сможет общаться с прессой. — Кошусь на Джонни. Привалившись к двери, он в темных очках сидит на пассажирском кресле и вроде бы спит.

— Это не твоя забота, соплячка! Ты хоть представляешь, чего мне будет стоить отменить приглашения? Сколько важных людей ты обидишь? Как это скажется на освещении в прессе и на дальнейших продажах альбома?

— Сожалею, но помочь ничем не могу. — Стараюсь сохранять спокойный тон. — Послушай, мне пора закругляться. За рулем нельзя разговаривать по телефону. — Умалчиваю о том, что на мне беспроводная гарнитура.

— Не смей, мать твою, вешать трубку...

Нажимаю отбой и снова отключаю телефон. Хватит с меня негатива на сегодня.

— Нехило он разозлился, — бормочет Джонни на соседнем сиденье.

— Можно и так сказать. — Включаю указатель поворота, собираясь перестроиться в скоростной ряд.

— Наконец-то! — восклицает Джонни.

— Что? Наконец-то он разозлился? — озадаченно спрашиваю я.

— Нет. Наконец-то ты прибавила скорость. Я бегаю быстрее, чем ты едешь.

Не смеюсь. Мне сейчас не до шуток.

— Куда мы, собственно, направляемся?

— В Скарборо. В дом моей бабушки.

— Той, что умерла?

— Да.

— Жуть, — ежится Джонни.

— Никакая не жуть вовсе! — огрызаюсь я.

— Прости, — винится Джонни. — Это та самая бабушка, что подарила тебе кольцо?

Надо же! Неужели он помнит, в чем я ходила на премьеру Серенгети?

— Ну, знаешь, то красное блестящее кольцо, которое ты надевала на премьеру этой, как-бишь-ее-там? — продолжает Джонни, когда я не отвечаю.

— Да, знаю. И да, это ее подарок.

Радиоведущий объявляет конкурс с розыгрышем билетов на сегодняшнюю вечеринку по поводу окончания турне Джонни. Билл пока не успел известить СМИ. Возможно, он еще надеется, что мы вернемся.

Джонни наклоняется и выключает радио.

— Не хочу это слушать, прости.

Потом он замолкает.

Чем дальше мы отъезжаем от Лондона, тем больше я беспокоюсь. Вдруг Билл прав? Не подвергаю ли я опасности карьеру Джонни, увозя его таким образом? Что подумают обо мне в звукозаписывающей компании? Что я вообще творю? Что я о себе возомнила? Я работала

помощницей архитектора, бога ради. Что я знаю о мире музыки?

Краем глаза смотрю на Джонни, нервно подрагивающего во сне, и снова перевожу взгляд на дорогу.

Канун Рождества, а Скарборо словно вымер. Береговая линия тонет во тьме, и повсюду царит странная тишина. Мне становится страшно ехать в бабушкин дом, некогда теплый и радушный.

Поворачиваю налево и двигаюсь вверх по узким улочкам к замку. Здесь чертовски сложно припарковаться, и небольшой прогулки, похоже, не избежать. Вечер хоть и ветреный, но не дождливый, да и путешествуем мы налегке. Я взяла только самые необходимые нам вещи, а Джонни — свою гитару, без которой он, кажется, никуда. Прочий багаж остался в камере хранения отеля.

Вот и бабушкин дом. Вижу темные окна, и на душе становится тоскливо. Джонни остается ждать у парадной двери, а я беру ключи у соседей и обмениваюсь с ними соболезнованиями.

Дом еще полон бабушкиных вещей — мама с папой пока не успели приехать и всё разобрать, — и мне странно видеть на камине ее любимые фотографии, рассказывающие историю моей семьи.

— Давай я покажу твою комнату, — предлагаю я, стараясь проглотить ком в горле.

— Давай, — соглашается Джонни.

В доме холодно, и мы пока не снимаем верхнюю одежду. Джонни поднимается следом за мной по лестнице. По идее здесь три спальни, а на деле — всего две, поскольку одна из них больше похожа на захламленный чулан. Сначала я хотела поселить Джонни в гостевой спальне, плохо представляя, как буду спать в бабулиной кровати, но потом подумала, что боссу следует отвести комнату побольше.

— Ну как, подойдет? — спрашиваю я, разглядывая небольшую двуспальную кровать бабушки, по-прежнему застеленную темно-зеленым покрывалом, правда, не так аккуратно, как прежде. — Прости, я знаю, это не совсем то, к чему ты привык...

— Все отлично, — машет рукой Джонни и ставит гитару на пол, прислонив к бабушкиному деревянному комоду.

— Скоро станет тепло, — заверяю я.

— Мег, все отлично.

— Хочешь посмотреть телевизор? Даже не верится, что сегодня канун Рождества, правда? — Стараюсь говорить беззаботно.

— Сейчас спущусь, — соглашается Джонни.

Минуты через две он просовывает голову в дверь и сообщает:

— Я выйду ненадолго.

— Зачем? Куда ты собрался? — Испуганно распрямляюсь на диване.

— Просто загляну в паб.

— Джонни, как это понимать? Ты же обещал не пить!

— Мегера, успокойся. Я не собираюсь пить. Мне нужны сигареты.

— Ладно, — нерешительно говорю я.

— Бросать курить я не обещал, — замечает он назидательным тоном.

— Да, верно. Но, может быть, я пойду с тобой? — Начинаю вставать. — Или сама схожу и куплю сигареты?

— Нет, не надо. Я быстро.

— Джонни, мне все же следует пойти. Не хочу, чтобы ты влип в историю. — Теперь я сижу на самом краешке.

— Нет, Мег, — решительно отказывается Джонни. — Ты должна доверять мне, если хочешь, чтобы этот план сработал. Вернусь через десять минут.

Дверь за ним закрывается, и я снова откидываюсь на спинку дивана, но не могу ни на чем сосредоточиться. На сердце беспокойно. Если с Джонни что-то случится, отвечать буду я одна. Меня пугает такая перспектива.

Через полчаса Джонни так и не появляется. Схожу с ума от тревоги. Внушаю себе, что всё обойдется, что сейчас почти ничего не работает, и не так-то просто купить сигареты, но это слабо меня утешает.

Проходит еще полчаса. Где же он? Может быть, заблудился?

Однако Скарборо не такой уж маленький город. Поиски Джонни могут затянуться надолго, но так и не увенчаться успехом. Господи, а вдруг он свалился с обрыва в море! Я убила Джонни Джефферсона! Вот так и скажет Билл. И возмущенные поклонники будут преследовать меня до конца жизни. Надо что-то делать!

Встаю и снова надеваю пальто, которое только недавно сняла. Прихватив кошелек и бабушкины ключи, выхожу на улицу и тут же останавливаюсь.

Вдруг Джонни просто решил прогуляться? Вдруг он вернется, а меня нет? Он не сможет попасть в дом. Этак я сама подтолкну его к выпивке, вынудив пойти туда, где тепло. Например, в... паб. Черт возьми!

Возвращаюсь в дом, и, промаявшись еще один час на диване, решаю, что другого выхода нет. Не могу же я обзванивать все пабы и бары! Что я скажу? Извините, а Джонни Джефферсон — ну, знаете, всемирно известный рок-музыкант и мультимиллионер, который еще не явился на собственную финальную вечеринку — да, тот самый — он, случайно, не валяется где-нибудь в углу? Нет? Ну ладно, позвоню в другой паб.

Так точно не избежать огласки.

Делать нечего. Придется самой идти на поиски босса.

На улице очень темно и холодно. У меня начинают мерзнуть руки, потому что я забыла перчатки в бабушкиной гостевой спальне. Слишком взволнованная, чтобы возвращаться, прячу руки в карманы пальто и устремляюсь по узким улочкам к морю. Помнится, я где-то видела работающий паб. А если я его заприметила, то и Джонни не пропустил. Вот так и верь ему.

Его нет в первом пабе, и я спрашиваю у хозяина, где еще можно пропустить стаканчик. В ответ на недовольное бурчание, дескать, чем меня не устраивает его заведение, объясняю, что кое-кого ищу. Во втором пабе тоже пусто, и вся эта канитель повторяется. Иду дальше, надеясь, что в третий раз повезет. Ненавижу Джонни. Из-за него я вынуждена таскаться по пабам в одиночестве и терпеть взгляды ушлых стариков, пока я рассматриваю их, сидящих по разным углам. Внезапно понимаю, что обошла вниманием мужские уборные. А вдруг Джонни как раз там? Вдруг он стоит на коленях перед унитазом или валяется на полу в луже собственной рвоты? Господи, неужели снова придется идти в первый паб и просить хозяина заглянуть в туалет?

Меня одолевают тревожные мысли. Загляну в третий паб и пойду обратно.

Захожу в темное, закопченное помещение с пожелтевшими от сигаретного дыма потолками и хлюпающим под ногами красно-черным ковром. Озираюсь по сторонам,

чувствуя устремленные на меня взгляды пяти пар глаз.

— Вам помочь, милочка? — интересуется хозяин.

— Нет, спасибо, — отказываюсь я, отчетливо представляя, как нелепо смотрюсь в этих стенах. — Я просто кое-кого ищу.

Здесь Джонни нет, и я прохожу в другой зал. Пусто. Я уже готова сдаться и повернуть обратно, когда хозяин снова подает голос:

— Похоже, я знаю, кого вы ищете. — Сидящие за стойкой старики потягивают напитки и разглядывают меня с интересом. — Он ушел минут десять назад.

— Куда он пошел? — От притока адреналина кружится голова.

— Понятия не имею. Пришлось просить его уйти, — сообщает хозяин зловещим голосом, и я понимаю: клиент упирался.

— Пожалуйста, никому не говорите, что он был здесь, — прошу я.

— Какого бы лешего мне об этом рассказывать? — хмурится мой собеседник. — Он ведь не знаменитость какая-то? — Тут он видит выражение моего лица и неуверенно спрашивает: — Или знаменитость?

— Нет! Конечно нет! — восклицаю я, выскакивая на улицу. Кручу головой то вправо, то влево. Была не была! Поворачиваю направо и спешу опять к морю. Бегом спускаюсь на пляж, вглядываясь в темноту. Виднеющиеся вдали аттракционы безлюдны, а игровые залы и кафе-мороженое закрыты на праздники. Волны тяжело бьются о берег, и начинает лить дождь. Хуже чем сейчас, наверное, уже быть не может. Или может? Нет, не отвечайте.

И тут я смотрю наверх и вижу его.

— Джонни! — кричу я, но стихия поглощает голос.

Босс идет по тротуару, выписывая зигзаги. Взлетаю по лестнице и бросаюсь вдогонку.

— Джонни! — кричу я снова. Он поворачивается и таращится на меня, пьяно раскачиваясь из стороны в сторону. — Что же ты натворил? — негодную я.

— Хотел покурить, — невнятно бормочет он, пытаясь затянуться погасшим окурком. — А в пабах нынче не курят. Вот умора!

— Пойдем. — Беру его за руку.

Проходит целая вечность, я продрогла и вымокла, но в конце концов мы добираемся домой. Моя заботливая бабушка перевернулась бы в гробу, увидь она сейчас свою внучку.

Опять начинаю сомневаться. С какого перепугу я решила, что смогу помочь Джонни? Может, отвезти его обратно?

Нет, Мег. Не сдавайся.

Джонни отключается уже в гостинной. Чуть не плача от отчаяния, пытаюсь стянуть с него мокрые вещи. Включаю электрокамин и набрасываю сверху одеяла. Одной мне ни за что не затащить Джонни на второй этаж. Похоже, план нуждается в полной переработке.

К тому времени, когда Джонни приходит в себя поздним рождественским утром, наши собранные сумки и его гитара уже стоят в прихожей.

Как-то давно, когда мне было лет десять, а Сьюзен только что уехала в университет, родители возили меня в отдаленную часть национального парка Йоркшир-Дейлс. Порывшись в интернете с телефона, я нашла то место. Я не рассчитывала, что в это время года коттедж, в котором мы тогда отдыхали, будет свободен, но все же надеялась, что хозяева подскажут, где еще можно остановиться поблизости. Каково же было мое удивление, когда я узнала, что дом не занят, и часа через два я могу получить ключи. Наконец-то мне

улыбнулась удача.

— Подъем! — гаркаю я, когда Джонни начинает шевелиться.

— Где я? — стонет он.

— В Скарборо. В доме моей бабушки, — хмуро отвечаю я.

— Как же мне паршиво.

— Еще бы! Это ж надо было так надраться. С Рождеством, босс! Спасибо, что не держишь слово.

Джонни косится на меня и кажется что-то припоминает.

— Ой! — говорит он, хлопая ладонью по лбу.

— Джонни, так нечестно. Если бы с тобой что-то случилось... И ладно бы ты был обычным человеком, скажем, моим другом, которому я вызвалась помочь в трудную минуту. Ведь упали ты тогда со скалы или утони в море, я хотя бы могла горевать без помех. Но если бы в беду угодил ты, мировая знаменитость, меня сжили бы со свету.

— Мег, не надо драматизировать. Я не собирался себя убивать.

— Да как у тебя язык поворачивается заявлять, что я драматизирую! — Теперь меня разбирает злость. — Я в лепешку ради тебя расшибаюсь! — Замолкаю, потом продолжаю: — Наверное, я взвалила на себя непосильную ношу. Наверное, пора выйти из игры и оставить тебя в покое.

— И ты бросишь работу? Покинешь меня? — Джонни начинает садиться.

— Да.

— Не говори так. — Джонни кажется удрученным. — Слушай, прости, ладно? Дай мне еще один шанс. Не списывай пока со счетов.

Вздыхаю.

— Ладно. В свете последних событий... — Красноречиво смотрю на Джонни. — Плач меняется.

Джонни глазеет на меня вопросительно.

— В Скарборо мы не останемся. Здесь слишком много соблазнов. Поедем в какое-нибудь богом забытое место. Туда, где нет пабов, винных магазинов и прочей дребедени, к которой ты пристрастился. Но я должна знать, что ты согласен. Всеми руками за. Или ты берешь на себя обязательства, или мы сейчас же возвращаемся в Лондон.

Джонни ухмыляется, но воздерживается от издевательских замечаний о «психотрепе», хотя видно, что язык у него так и чешется.

— Ага. — Босс встает и тянется к радиатору за высохшей футболкой. — Давай осуществим этот план.

Глава 23

Мы едем на запад от города мимо домов, увешанных гирляндами, и скоро оказываемся посреди зеленых-презеленых лугов. Стаи птиц парят высоко над голыми деревьями, а на кустах вдоль дороги полно ягод. День стоит серый и промозглый, но не слишком холодный. Снега нам в это Рождество не видать.

Джонни спит на пассажирском сиденье. Он свернул свою кожаную куртку и приложил к окну как подушку. Татуированные руки у него голые, так что я включила печку.

Мы приезжаем чуть позднее трех часов, еще засветло. По дороге я остановилась на заправке купить припасов и готовых обедов, чтобы нам хватило на неделю, однако после

этого придется ходить в местный супермаркет. Моя стряпня не пойдет ни в какое сравнение с Розиной, но отчаянные времена требуют отчаянных мер.

Мы забираем ключи у владельцев дома, которые живут в деревне километрах в пятнадцати от него. Джонни анонимности ради остается в машине, а хозяйева зовут нас на чай с рождественским пудингом. Ужасно неприятно отвечать отказом, но я все же это делаю.

Домик оказывается намного меньше, чем мне казалось: оштукатуренное двухэтажное здание из серого камня у подножия высокого покрытого травой холма. В саду протекает ручей, через который перекинут мостик. Сейчас там грязно и пусто, но я помню, сколько цветов в нем росло летом.

В доме нет центрального отопления, но в большинстве комнат есть газовые обогреватели, а в гостиной — настоящий камин. Наверху две маленькие спальни и ванная. Я отдаю Джонни дальнюю комнату, что смотрит окнами на холм, а сама беру ту, что выходит на дорогу с другой стороны. Я говорю «дорога», но на самом деле она больше напоминает тропу. Мы здесь действительно в полной глуши.

Я отношу сумки к себе в комнату и возвращаюсь вниз, чтобы разобрать продукты. Джонни спускается еще минут через двадцать.

— Не хочешь развести огонь, пока я делаю нам с тобой по чашке чая? — спрашиваю я его.

— Конечно.

Он проходит в гостиную, а я ставлю чайник.

— Вообще-то, знаешь, Мегера... — Он почти сразу же возвращается. — Я, пожалуй, съезжу развеюсь.

Я смеюсь:

— Ни за что.

— Просто хочу немножко покататься, только и всего.

Я его игнорирую.

— Мегера, ну брось.

— Нет, Джонни, это ты брось, — сердито говорю я. — Ты не поедешь за выпивкой. Смирись.

— Где ключи от машины?

— Никаких тебе ключей, Джонни.

— Где эти долбаные ключи?

— Я их спрятала, — выпаливаю я в ответ.

— Отдай их мне.

— Можешь просить сколько угодно, ты их не получишь.

Теперь он злится.

— Отдай мне ключи от машины, или я тебя уволю.

— Нет! — повышаю я голос.

Он смотрит на меня и начинает рыться в кухонных ящиках.

— Ты их не найдешь, — спокойно комментирую я, следуя за Джонни в гостиную, где он принимается открывать шкафы и искать под рождественской мишурой.

— Мегера, я серьезно. — Он поворачивается ко мне. — Они мне нужны. Прошу тебя. Куда ты их дела?

— Джонни, НЕТ!

Он берет в руки одну из фарфоровых фигурок с каминной полки, маленькую белую собачку с висящими ушами.

— Отдай их мне, или я ее разобью.

Я хмурю брови.

— Джонни, не надо.

— Разобью...

— Ты их не получишь.

— Отлично, — говорит он и разжимает пальцы. Я вздрагиваю, когда собачка разбивается на мелкие кусочки о каменный пол.

Он берет другую фигурку, девочку в красной юбке.

— Можешь их все перебить. Как будто мне есть до этого дело. У тебя денег хватит за все расплатиться. — Надеюсь, он не поймет, что я блефую.

— Ох, да чтоб тебя! — Он с громким стуком ставит целую и невредимую фигурку обратно на каминную полку. — Мегера, я ведь точно тебя выгоню, если ты не отдашь мне чертовы ключи.

— Позволь облегчить тебе задачу: я сама увольняюсь.

Исполненные решимости, мы целых десять секунд смотрим друг на друга. Наконец он хватает с дивана свою куртку и надевает ее.

— Отлично. Я прогуляюсь до ближайшей деревни.

— Это займет несколько часов, — сообщаю я. — Ты заблудишься и наверняка замерзнешь до смерти.

— Ну, что ж тут поделаешь... — пожимает плечами Джонни, рассчитывая, что я уступлю.

Но я и не думаю сдаваться.

— Отлично, — пожимаю плечами и я. — Ты все равно стареешь и выходишь из моды. Пора тебе потесниться и дать кому-нибудь еще возможность постоять под софитами. Ты останешься жить в своей музыке.

Он бросает на меня мрачный взгляд и выскакивает за дверь, громко захлопывая ее за собой.

Я сметаю с пола осколки и, усевшись на диван, пытаюсь читать один из номеров журнала «Лошади и собаки» за 1999 год, но с каждой проходящей минутой меня все сильнее охватывает тревога. Когда входная дверь вдруг снова открывается, я с трудом напускаю на себя безразличие.

— Так я разведу огонь? — спрашивает Джонни, встав напротив меня.

— Было бы очень хорошо. — Я захлопываю журнал и поднимаюсь. — Как насчет чашки чая?

К моему удивлению, Джонни больше не выходит из себя, однако то же самое нельзя сказать обо мне. Несколько раз я порываюсь позвонить Кристиану, и даже Биллу. Мне как никогда трудно быть свидетельницей того, как Джонни трясет и ломает, бросает в холодный пот и бред. Прошлой ночью я прибежала на крик к нему в комнату, и выражения ужаса на его лице хватило, чтобы привести в ужас меня саму. Ему мерещилось, что по телу ползают пауки. Мне в конце концов удалось его успокоить, но, вернувшись в свою комнату, я горько расплакалась. Я понятия не имела, во что ввязывалась.

У нас закончились продукты, так что я съездила за ними в соседнюю деревушку, пока Джонни спал, и к моему возвращению он еще не вставал. Я скупила едва ли не каждый

журнал в газетном киоске, включая некоторые музыкальные издания для Джонни. Новости о его исчезновении еще не успели попасть в еженедельные журналы — их редакции были закрыты на Рождество, однако я быстро пролистала «НМЭ» на предмет статьи за подписью Кристиана. Ее там не оказалось.

Интересно, как он поживает. И что он думает о таком нашем с Джонни побеге. Готова поспорить, он удивился. Готова даже поспорить, что он разозлился. Из этого мог бы выйти отличный материал для его книги, а теперь я все испортила.

Появляется Джонни, одетый в черную футболку и черные кожаные штаны. Сонной походкой он спускается с крутой лестницы. Смешно видеть его здесь в подобном виде. Собираясь, я хватала первую попавшую мне под руку одежду, но, пожалуй, можно было бы подобрать ему нечто более повседневное.

— Доброе утро, — чирикаю я. — Хочешь чего-нибудь? Может, яичницу?

— Ты ездила в магазин? — спрашивает Джонни. В его глазах зажигается огонек.

— Да, туда и обратно.

— Купила мне сигарет?

— Да, Джонни, — вздыхаю я, направляясь в кухню.

— Дай-дай-дай... — Он делает нетерпеливые движения пальцами.

— У тебя, что, закончились? — Я открываю ящик и извлекаю оттуда пачку.

— Почти.

Джонни берет у меня пачку сигарет и спички и дрожащими руками закуривает. Потом открывает окно над раковиной и выставляет туда руку с сигаретой. Ненадолго возвращая сигарету внутрь, затягивается и перегибается через кухонную стойку, чтобы выдохнуть дым в окно. В дом заходит холодный воздух, однако я благодарна Джонни за то, что он не курит в помещении.

— Почему бы нам не пойти прогуляться? — предлагаю я, отчаянно желая выбраться из дома.

— Холодовато, нет? — Он дрожит.

— Тебе станет лучше.

Джонни выбрасывает окурок в окно и снова его закрывает.

— Я купила тебе журналы, — говорю я ему.

— Что за журналы?

— Целую пачку.

Он идет за мной в гостиную и перебирает стопку.

— Здорово, спасибо.

— Пожалуйста, — улыбаюсь я. — Ну а теперь мы можем пойти погулять?

Джонни отрывает взгляд от статьи о лучших синглах года и смотрит на меня.

— Тебе что, скучно?

— Есть немного, — отвечаю я, складывая руки на груди.

— Ну, пойдём тогда. — Он небрежно бросает журналы на диван. — Только обуюсь.

Вчера я нашла пару старых пальто в шкафу под лестницей, теперь достаю их и отдаю одно Джонни, когда тот возвращается.

— Нет-нет-нет, я это не надену.

— В кожаной куртке ты замерзнешь, — предупреждаю его я, все еще протягивая пальто. — Надень поверх.

— Мегера, это же точь-в-точь униформа эксгибициониста. Я его не надену.

— Как знаешь, я свое надену. — Это огромный дутый горнолыжный пуховик в розово-голубую полоску с неоновой желтой отстрочкой.

— Господи, это еще хуже, — говорит Джонни.

Я не обращаю на него внимания и, бросив его пальто на стол, запикиваю себя в дутые рукава. Затем поворачиваюсь к нему и преувеличенно восклицаю:

— М-м-м, как тепло!

Джонни смеется.

— Ты выглядишь сущей идиоткой. — А потом добавляет: — Черт с ним. — И надевает свое пальто.

Я начинаю смеяться, что, оказывается, приятно после целой недели меланхолии.

Джонни грозит мне пальцем.

— Прекрати.

Ему, кажется, намного лучше, и от осознания того, что я была права, притащив его сюда, меня переполняет радость.

Мы выходим из дома и перебираемся по мостику на другую сторону. Зимой поток намного более быстрый. Я помню, как мы с отцом делали кораблики из бумаги и сплавляли их по воде. Рассказываю об этом Джонни.

— Ты ладишь со своими родителями? — интересуется он.

— По большей части, да. — Я бросаю в его сторону улыбку. — Хотя они не слишком рады тому, что я с тобой сбежала.

— Нет? Вот блин.

Мы идем вдоль стремительно несущегося ручья вниз по течению. Пара уток с трудом гребет против потока.

— Нужно было захватить хлеба, — говорю я.

— Наверное, у тебя в детстве было полно домашних животных? — с удивлением спрашивает Джонни.

— Несколько, — признаюсь я. — А у тебя?

— Золотая рыбка. — Он смотрит на меня. — Я ужасно хотел собаку.

— И тебе не разрешили?

Он медлит с минуту, прежде чем ответить.

— Мы собирались завести. Но мама заболела.

Я молчу в надежде, что он расскажет что-нибудь еще, но этого не происходит.

— Ты мог бы завести собаку сейчас, — предлагаю я.

— Я слишком часто в разъездах. Это было бы жестоко.

— Не хочешь быть как Пэрис Хилтон? Нанять кого-нибудь, чтобы присматривать за зверинцем?

— Полная чушь. Я заведу собаку, когда уйду на покой. Нормальную собаку. Не крысу вроде Футси.

Я смеюсь.

— Тогда тебе придется довольно долго ждать.

— Ты же тут как-то сказала, что я старею и выхожу из моды...

— Я пошутила!

— Это было очень жестоко с твоей стороны. — Он выглядит обиженным.

— Я так вовсе не думаю!

— Ужасно меня расстроила, — добавляет Джонни.

— Хватит уже давить на жалость, — говорю я. — В любом случае ты сказал, что я уволена.

— Нет, — поправляет он, — ты сама ушла.

Я смеюсь.

— Ну, тогда ладно.

— Но ты же не взаправду ушла?

— Нет, мистер Джефферсон. Я, вероятно, буду продолжать работать на вас, даже когда мне исполнится тридцать. Если вы доживете.

— Ой! — Джонни толкает меня, и я чуть не падаю в ручей.

— Ах ты мерзавец! — взвизгиваю я и толкаю его в ответ.

С минуту мы продолжаем идти, и как только я успокаиваюсь и чувство безопасности возвращается, Джонни снова меня толкает.

— Джонни!

Он приобнимает меня за плечи и притягивает к себе.

— Кто же сэкономит мне десять тысяч долларов на страховке, если ты уйдешь?

Джонни отпускает меня, и я с удивлением смотрю на него. Я сказала ему об этом по дороге в Биг-Сур, но не думала, что он понял, и уж тем более запомнил, о чем я говорила.

— Возвращаемся? Уже темнеет, — замечает он.

Джонни снова разжигает камин, а я решаю попробовать приготовить нам ужин. Наливаю немного оливкового масла в сковороду и принимаюсь нарезать лук, на ходу бросая его в посудину.

— Что на ужин? — Джонни входит в кухню, когда я отправляю очередную порцию лука в начавшее дымиться масло.

— Макароны с помидорами и луком, — сообщаю я ему.

Он смотрит в сковородку, содержимое которой, похоже, подгорает.

— Ох, нет! — восклицаю я от огорчения.

— Ты перегрела конфорку, — говорит Джонни, снимая сковороду с плиты и выбрасывая почерневшие овощи. Он протирает сковороду кухонным полотенцем и, залив свежее оливковое масло, ставит обратно на плиту.

— Не знала, что ты умеешь готовить, — язвлю я, потом достаю из холодильника еще одну луковицу и начинаю ее резать.

— Я нечасто этим занимаюсь, но у тебя что-то совсем руки не из того места растут. Подвинься. — Джонни забирает нож и отодвигает меня от плиты.

— Ой! — кричу я.

Он принимается очень тонко нарезать лук.

Теперь я удивлена.

— Где ты этому научился?

Ломтики лука такие тонкие, что почти прозрачные.

— Мама научила. — Джонни замолкает. Руки у него дрожат.

— Как, когда тебе было...

— Двенадцать. За год до того, как умерла, — подтверждает он, глядя на меня. — Ей хотелось научить меня заботиться о себе, прежде чем я стану жить с моим никчемным отцом. — Он сохраняет легкость в голосе. — Вот что я тебе скажу, — продолжает Джонни. — Иди в гостиную, а я здесь все закончу.

— Это очень по-домашнему, Джонни Джефферсон. — Я с удивлением смотрю на него.

— Ты так считаешь, Мег Стайлз?

— Ничего себе, ты знаешь мою фамилию, — отмечаю я.

— Разумеется, я знаю твою фамилию, Мегера! Бог ты мой, что, по-твоему, я за начальник?

— Извини, — неловко говорю я.

— Ступай. — Джонни указывает ножом по направлению к гостиной.

Подчинившись, я иду и усаживаюсь на ковер перед камином, облокотившись спиной на диван. Джонни приходит спустя пятнадцать минут. Я начинаю вставать.

— Хочешь, поедим тут? — предлагает он.

— Да, давай. — Я усаживаюсь обратно.

— Вообще-то, я никудышный начальник. — Джонни передает мне тарелку с едой. — Я даже не купил тебе подарка на Рождество.

— Ты не обязан был покупать мне подарок на Рождество. Я же тебе не купила.

— Да, но ты как раз и не обязана. А я твой начальник. Я должен был купить тебе подарок.

— Не переживай из-за этого.

— Я заглажу свою вину, — обещает он.

— Просто не начинай опять пить, это будет мне самым лучшим подарком.

Он улыбается, глядя на меня.

— Ты такая милая, Мегера.

Я накручиваю несколько спагетти на вилку и стараюсь не капнуть на себя соусом, держа тарелку на коленях.

— Очень вкусно, — сообщаю я Джонни. — Твоя мама — прекрасный учитель.

Он улыбается и смотрит в огонь.

— Что имел в виду Кристиан, когда назвал тебя Джонни Сниденем? — осторожно спрашиваю я.

Проходит довольно долгое время, прежде чем он отвечает.

— Фамилия моей матери была Сниден. Я сменил имя на Джефферсон, когда переехал жить к отцу. Это его фамилия, — объясняет он. — Они никогда не были женаты. Мама даже не записала отца в моем свидетельстве о рождении.

— Ясно, — с неловкостью говорю я. — Джефферсон звучит намного круче...

— М-м-м, — соглашается он, все еще уставившись на пламя.

— Ты из-за этого чувствуешь себя виноватым. — Это не вопрос. — Уверена, она бы тебя поняла.

С минуту Джонни гоняет спагетти по тарелке.

— А вот я в этом не уверен.

— Какой она была? — нерешительно спрашиваю я.

— Да как сказать... Для меня она была просто мамой. Я знаю, что она меня любила, и что ей было бы больно видеть меня в таком состоянии. Она часто наказывала мне не кончить как отец.

— А каким он был?

— Выпивка, наркотики, женщины... — Джонни бросает на меня взгляд.

Я молчу.

— Вот именно, — заключает он, ставя наполовину недоеденную тарелку на пол рядом с собой.

— Зачем ты спишь со всеми этими женщинами? — Слова вырываются у меня изо рта прежде, чем я успеваю подумать, хорошая ли это идея — говорить с ним на подобные темы.

— А почему нет? — пожимает плечами Джонни.

Я отворачиваюсь от него.

— Я просто не понимаю, как ты так можешь.

— Это же просто секс, Мегера.

— Но как у тебя получается не привязываться? — Я хмурю брови в недоумении.

— А что тут такого? Разве ты не можешь? — спрашивает Джонни прежде, чем поднять глаза к небу и добавить: — Глупый вопрос.

— Вообще-то, нет, — все же отвечаю я. — Мне нравится, когда секс что-то значит.

— Разумеется.

— Ты считаешь меня наивной.

— Разве я так сказал?

— Все равно, что сказал, — упорствую я.

— Вообще-то, я считаю тебя милой, — продолжает Джонни. — Я думаю, ты смотришь на жизнь сквозь розовые очки.

— Я не такая уж невинная, как кажется. — Теперь я слегка раздражена.

— Конечно... — отзывается он, скрестив ноги перед собой и глядя на огонь. Он явно со мной не согласен.

— Это правда! — настаиваю я. — И вообще, мы говорим не обо мне. Я хочу понять тебя.

— Зачем?

— Не знаю. — Я отвожу взгляд. — Просто хочу. Так со сколькими женщинами ты спал?

Он смеется.

— Брось. Я не стану отвечать на этот вопрос.

— Почему? Не можешь вспомнить? — бросаю ему вызов я.

— Честно говоря, да, — легкомысленно признается Джонни. — Но даже если бы мог, я бы тебе не сказал.

— Тогда скажи, со сколькими женщинами у тебя был секс, который что-то значил?

— Это легко. Ни с одной.

Недоверчиво смотрю на него. Он спокойно встречается со мной взглядом, прежде чем объяснить.

— Секс не может что-то значить, если ты не влюблен, так? — Он берет стоящий рядом стакан с водой, делает глоток и с отвращением ставит стакан обратно. — Господи, как я скучаю по виски.

Не обращаю внимания на это замечание. Я все еще в шоке.

— Ты никогда не влюблялся?

— Нет.

— Ты это серьезно?

— Зачем мне врать?

— Ты спал со всеми этими женщинами и ни разу не был влюблен ни в одну из них?

— Нет.

— Но как же Серенгети?

— Нет.

— А что насчет... девушки Кристиана? — нерешительно спрашиваю я.

— Нет.

— У тебя не было даже первой любви?

— Нет, Мегера, нет, нет, нет! — Джонни выбрасывает руки вверх. — Я никогда в жизни не влюблялся!

— Ладно, ладно! — Пауза. — Это действительно печально.

Он смеется.

— Господи, детка, если меня это не огорчает, почему это должно огорчать тебя? — Он встает, нагибается, чтобы поднять с пола свою тарелку, а затем берет мою и относит посуду на кухню.

Я поверить не могу, что он никогда в жизни не влюблялся. Может, я сумею влюбить его в себя? Да! Так я и сделаю. Ха!

Спустя минуту Джонни возвращается.

— Слушай, а ведь сегодня новогодняя ночь! — внезапно говорю я.

— Серьезно?

— Что будем делать?

— Напьемся? Шутка. Пойдем сходим в город? — предлагает он.

Я неловко переминаюсь с ноги на ногу.

— Не думаю, что это удачная мысль.

— Почему? Мегера, я не собираюсь бежать в ближайший бар и там надираться текилой.

— Знаю, — пожимаю плечами я.

— Ты не знаешь. Но однажды тебе снова придется начать мне верить.

Я молчу.

— Только, может, не сегодня? — Джонни направляется к шкафу под лестницей. Я остаюсь сидеть с гадким чувством. — Что тут еще есть? Окромя дрянных пальтишек?

— Что ты ищешь? — интересуюсь я.

— У них что, нет никаких настольных игр? — Он вываливает содержимое шкафа на пол.

— Джонни! — смеюсь я. — Хватит разводить бардак! Они не здесь, а в буфете возле окна.

Он отправляется к указанному мной буфету и начинает рыться в нем.

— Ага, вот они. — Джонни достает кипу старых коробок.

— Ты это серьезно? — с удивлением спрашиваю я. — Настольные игры?

— А почему нет?

— Ни за что бы не подумала, что ты из тех, кто играет в настольные игры.

Он не обращает на меня внимания, одну за другой разглядывая коробки.

— Лила?

— А что там еще есть?

— Пазл...

— Ну да.

— «Счастливым случаем»?

— М-м-м.

— «Монополия»! — восклицает Джонни.

— Нет. — Я качаю головой. — Ненавижу «Монополию».

— Почему? Что тебе сделала «Монополия»? — спрашивает он, ставя коробки на стол и придвигая стул.

— Люди так озлобляются, когда играют в «Монополию». Мне не нравится выигрывать и огорчать всех остальных, но проигрывать я не люблю еще больше. В общем, фигово, с какой стороны ни посмотри.

Джонни смеется.

— Так чего ты хочешь?

— А что там за пазл?

Он показывает мне коробку, выразительно поднимая брови. На ней изображены разноцветные котята в корзинке.

Я хихикаю и поднимаюсь со своего места.

— Замечательно.

— Ты имеешь в виду, замурчательно?

— Не могу поверить, что ты только что это сказал.

Джонни смеется и складывает остальные игры обратно в буфет. Я сажусь рядом с ним за стол и высыпаю из коробки кусочки мозаики.

— Так, сначала надо найти уголки, — инструктирует меня Джонни.

Это не первый мой пазл, но я помалкиваю и потакаю ему.

— Теперь нам нужны края, — продолжает Джонни, когда углы оказываются на своих местах.

Некоторое время мы молча трудимся, передавая друг другу подходящие кусочки. В конце концов я заговариваю первой.

— Ты позвонишь Кристиану, когда вернешься в Лос-Анджелес?

— М-м-м. Дай мне вон тот кусок.

— Этот?

— Ага.

Я передаю его Джонни и смотрю, как тот пытается его вставить. Кусочек не подходит. Джонни отбрасывает его и продолжает поиски нужного.

— Что ты ищешь? — спрашиваю я.

— Нос, — отвечает Джонни. Он собирает рыжего котенка. — Я позвоню Кристиану, — вдруг говорит он. — Не хочу потерять с ним связь, как в прошлый раз. Кроме того, он по-прежнему отвечает за мою биографию. — Он цокает языком. — Боюсь представить, что за помой он сейчас на меня выливает.

— Спорим, он злится на меня, что я вот так тебя утщила. — Мне также страшно подумать, что сделает Билл, когда меня увидит...

— Утщила... — смеется Джонни. — Не переживай по этому поводу. И насчет Билла тоже не переживай, — добавляет он, словно читая мои мысли. — Я ему скажу, что уволю, если станет тебя доставать. Будь у него побольше мозгов, он бы понял, что так не могло продолжаться. Я определенно катился по той же наклонной дорожке, что и в прошлый раз.

Мы продолжаем работать над мозаикой, пока не остаются только несколько кусочков. Один за другим мы вставляем их на места. Последний Джонни вручает мне.

— Ты уверен? — улыбаясь, уточняю я.

— Да, — твердо отвечает он.

Я вставляю кусочек на место и легонько нажимаю на него.

— Ах, — счастливо вздыхаю я. — Есть в этом нечто приносящее удовлетворение. Это все равно, что разделить с кем-то последнюю конфету.

Джонни улыбается, а я думаю о Кристиане. Ему бы понравилось такое сравнение.

— Устал? — спрашиваю я, когда Джонни громко зевает. Он кивает и снова зевает, затем с шумом двигает свой стул по каменному полу и встает. Я делаю то же самое, но с большей осторожностью, чтобы не произвести звук, раздающийся, когда мел царапает классную доску.

Я бросаю взгляд на часы.

— Ой, с Новым годом! — восклицаю я. — Уже полпервого. Мы пропустили бой часов!

— С Новым годом, Мегера.

Джонни притягивает меня к себе и обнимает. Он такой теплый, что мне не хочется его отпускать. Он разжимает объятия и, чуть отстранив меня от себя, с минуту ласково мне улыбается.

— Ты ведь понимаешь, что нам теперь придется съездить в город за новым пазлом?

— Завтра, — говорю я. Мне хочется снова начать доверять Джонни, но я боюсь. Я не хочу опять его потерять. Во всех смыслах этого слова.

Глава 24

— Нельзя выходить из дома в таком виде! — хохочу я. — Это маленький городок. Люди, которые тебя не узнают, сочтут тебя чокнутым.

На Джонни кожаные штаны и серебристая рубашка, на глазах — неизменные черные очки.

— Да ладно тебе, стилист, и что ты предлагаешь?

Поднимаюсь по лестнице и захожу в его комнату. Я сама разбирала его вещи на второй день нашего пребывания здесь, поэтому открываю пару ящиков комода и роюсь в одежде. Где-то там должна лежать толстовка, и я готова поклясться, что брала для него темно-синие джинсы. Нахожу их и вдобавок беру футболку, которая пахнет дымом.

Джонни возникает на пороге как раз в ту секунду, когда я собираюсь поднести футболку к носу и вдохнуть его аромат. Как неловко было бы, застань он меня нюхающей его одежду!

— Так, а вот и шмотки. — Быстро встаю и протягиваю ему охапку вещей. Джонни начинает расстегивать рубашку. Он стоит между мной и дверью, поэтому я навожу порядок в ящике. Оглядываюсь, когда он натягивает футболку, и успеваю заметить обнаженный торс. Эх.

Достаю ключи от машины из пакетика конфет под кое-чей комментарий: «Умно, Мегера, очень умно», и мы идем на улицу.

Сегодня Новый год, и жизнь в городке бьет ключом. Мы гуляем по мощенным брусчаткой улочкам и разглядываем витрины магазинов.

— Хочешь куртку из овчины на Рождество? — спрашивает Джонни.

— Нет, спасибо, — смеюсь я.

— Коврик из овчины?

— Благодарю, обойдусь.

— Овечку из овчины?

Хихикаю.

— Хочешь овечку, да? — ухмыляется Джонни.

— Вроде того, ага.

Он заходит в магазин.

— Нет, Джонни, я пошутила! — кричу я ему вслед.

— Овечка или ничего, Мегера, — отзывается он.

Быстро оглядываюсь — убедиться, что никто не слышал, как я назвала его по имени. Мы стараемся блюсти анонимность. Я уговорила его снять очки, но взамен он надел шляпу, чтобы спрятать волосы. Примерно неделю назад Джонни перестал бриться и уже отрастил приличную щетину, которая, если он продолжит в том же духе, превратится в окладистую бороду. Не то чтобы кто-либо ожидал увидеть Джонни Джефферсона в этом захолустье.

Джонни выходит с коричневым бумажным пакетом и вручает его мне.

— Счастливого Рождества!

— Спасибо, — благодарю я и заглядываю в пакет, в котором лежит игрушечная овца. Хихикаю при мысли о том, что скажет Китти. На прошлое Рождество Род подарил ей машину.

На площади играет духовой оркестр, и мы подходим поближе, чтобы послушать.

— Ты когда-нибудь думал записать духовое сопровождение к своей песне? — интересуюсь я у Джонни.

— Нет. — Он удивленно смотрит на меня.

— Что такое?

Джонни отводит взгляд.

— Слушай, если мне нравится Джессика Симпсон, это вовсе не значит, что у меня не может быть своего мнения, — возмущаюсь я.

— Я же ничего не сказал! — Он тихо смеется, и я хлопаю его по бедру. Джонни обнимает меня одной рукой и стискивает плечи. Стоящая напротив старушка тепло мне улыбается. Посторонним мы, наверное, кажемся влюбленной парочкой. Внезапно мне становится невыносима мысль о предстоящем отъезде.

Вечером мы сидим за столом и собираем очередной пазл. Я поднимаю глаза на Джонни. Иногда при взгляде на него в животе возникает ноющая боль, и сейчас как раз такой случай. В его обществе я редко расслабляюсь.

— О чем думаешь? — спрашивает он чуть погодя. Понимаю, что не свожу с него глаз.

— Да так, ни о чем, — отмахиваюсь я, сосредоточиваясь на пазле.

— Неправда, Мегера.

— Тут так тихо, да? — меняю я тему.

— Ага.

— Ты почти не играл на гитаре, пока мы здесь.

— Я вообще на ней не играл, — поправляет меня Джонни.

— Почему?

— Да как-то не тянет, — пожимает он плечами.

Откидываюсь на спинку и неожиданно для себя выпаливаю:

— Не хочу возвращаться в Лос-Анджелес.

Джонни принимает ту же позу и серьезно смотрит на меня.

Я жду, что он что-то скажет, пошутит, стебанется, но он только молча смотрит мне в глаза. Наконец он встает.

— Схожу покурю, — говорит он, залезая в карман. Накидывает куртку и выходит на крыльцо.

Встаю, охваченная каким-то непонятным волнением. Подхожу к камину и начинаю вырывать страницы из уже прочитанного журнала. Сминаю их в комки и кладу сверху пару полешек.

Вскоре возвращается Джонни, подходит ко мне и докладывает в камин еще одно полено

и несколько щепок. Потом достает зажигалку и подносит огонек к бумаге.

— Хочешь кофе? — предлагаю я.

— Конечно.

Вернувшись, вижу, что он смотрит на огонь, прислонившись к дивану. Протягиваю ему кружку. Он молча ее берет и ставит на пол рядом с собой. Я сажусь около него и тоже молча смотрю на пламя.

Джонни прислоняется затылком к дивану и поворачивает голову ко мне. Я тону в его глазах, а в животе оживает рой бабочек, который приглушает боль.

Глядя на мои губы, Джонни поднимает руку и проводит пальцами по моей щеке. Потом медленно наклоняется ко мне, и мы сливаемся в долгом поцелуе.

Когда он меня отпускает, чувствую себя пьяной. Джонни снова откидывает голову на диван и смотрит на меня.

Я потрясена. Не могу говорить. Неужели это правда произошло?

— Я хочу тебя, — шепчет он.

Я не отвечаю. Знаю, что это плохая идея. Знаю, что это неправильно и в будущем еще аукнется. Знаю, что, скорее всего, потеряю работу. Знаю, что я для него одна из многих.

Я все это знаю, но удержаться не могу. И не стану. Наклоняюсь к нему, и он берет мое лицо в ладони и целует, сначала медленно, затем все более страстно. Хватает меня за талию и привлекает к себе, жадно целуя. У меня так сильно кружится голова, что я боюсь хлопнуться в обморок. Джонни расстегивает пуговицы моей рубашки, снимает лифчик, потом одним махом стаскивает с себя футболку и толстовку. Я касаюсь пальцами его груди, потом тянусь к пуговице на джинсах. Он целует меня крепче.

Джонни достает из заднего кармана презерватив, и я снова думаю о сотнях девушек, которые были с ним до меня. Но мне плевать. Я просто хочу, чтобы он оказался во мне физически, поскольку эмоционально он уже давно там.

Мы занимаемся любовью перед камином, и потом, лежа в объятиях Джонни, я медленно обвожу пальцами его пупок. Взгляд приковывает вытатуированная надпись на его лобке, и я привстаю, чтобы ее прочитать.

«Я ранил сам себя, я чувствовать хочу...»

Поднимаю на него глаза.

— Это из песни Джонни Кэша, — объясняет Джонни, приподнявшись на локтях.

— Ты ее сделал после распада группы?

— Примерно через полгода, ага.

— Ты тогда достиг дна?

Он кивает.

— Но теперь ты не будешь причинять себе боль, правда, Джонни? — спрашиваю я, и душу затопляет страх при мысли обо всем плохом, что он пережил.

— Нет. — Он качает головой и натягивает футболку. Внезапно меня захлестывает волна печали.

Джонни встает и надевает джинсы, потом наклоняется, поднимает боксеры и запихивает их в задний карман. Ботинки оставляет перед камином.

— Устал как собака. Пойду на боковую.

— Хорошо, — киваю я, пытаюсь не выдать своего разочарования.

Мне хочется, чтобы он позвал меня лечь с ним, но я знаю, что этого не будет.

Ночью не могу уснуть. Прокручиваю в голове все до мельчайшей подробности, потому

что боюсь, что это никогда не повторится. Не хочу его забывать.

В последний раз гляжу на часы в пять утра. Должно быть, после этого я засыпаю, так как когда снова открываю глаза, сквозь занавески пробиваются яркие лучи зимнего солнца.

Хватаю часы и вижу, что уже десять. Выскакиваю из кровати, натягиваю одежду и расчесываюсь. При мысли о прошлом вечере мне становится плохо. Не потому, что мы занимались любовью, а потому, что после этого я отправилась в постель одна. Боюсь даже представить, что сейчас думает обо мне Джонни.

Выхожу из комнаты и вижу, что дверь в спальню Джонни распахнута, а кровать пуста. Спускаюсь вниз, но его нигде нет. Начинаю слегка паниковать, когда открываю заднюю дверь в надежде, что он вышел покурить, но его и там не обнаруживается. В голове пульсирует, когда мозг начинает услужливо транслировать самое худшее: пока я спала, он уехал и где-то напился до беспмятства. Бегу к парадной двери и выглядываю наружу — машина по-прежнему стоит на подъездной дорожке. Накинув пальто, выхожу из дома и иду в сад. Там слышу Джонни еще до того, как вижу. Он сидит на холме за домом и играет на гитаре. Минуту наблюдаю за ним, потом решаю вернуться внутрь. До его возвращения проходит еще час, но я так и не могу избавиться от тошноты.

— Все нормально? — спрашиваю я.

— Порядок, Мег. — Мег. Он назвал меня Мег. — Но нам пора возвращаться.

Глава 25

— Ты сегодня свободна?

— Думаю, да...

Мы уже неделю в Лос-Анджелесе, и хотя на гастролях мне временами хотелось оказаться в «своей» комнате, сейчас я вовсе не чувствую себя дома. Поэтому, когда в пятницу утром Китти звонит на рабочий телефон и приглашает меня вечером на презентацию, я едва удерживаюсь от того, чтобы расцеловать телефонную трубку. Так хочется вновь потусить с подружкой!

Презентация — это демонстрация зажигающихся звезд важным в шоу-бизнесе людям. Китти зовет меня на концерт инди-рок-группы из Великобритании — именно поэтому она решила, что я захочу пойти. Меня не так уж интересует группа, но я бы что угодно отдала, лишь бы на вечер вырваться из дома, да и пара коктейлей не повредит. Конечно, сначала надо отпроситься у Джонни...

Он все еще старается держаться от меня на расстоянии. Мы не обсуждали произошедшее в Дейлсе, и иногда мне кажется, что мне все приснилось, но нет, все было по-настоящему. От сна я бы не чувствовала себя так паршиво.

Начинаю вставать, но тут же плюхаюсь обратно и кликаю на открытую интернет-страницу. Задерживаю дыхание, проглядывая сообщения, и наконец облегченно выдыхаю.

На этой неделе социальные сети Джонни пестрели сообщениями от озабоченных его здоровьем фанаток. Потом в среду я увидела послание, от которого кровь в жилах заледенела: «Лучше секса, чем с тобой, у меня ни с кем не было! Надеюсь, встретимся еще раз, когда вернешься в Италию, и повторим...».

В четверг пришло еще одно похожее, только вместо Италии была Испания.

Я пыталась закалить нервы с помощью этих звончков из реальности, убедить себя двигаться дальше и заниматься исключительно работой. К сожалению, это не сработало. Обновляю страницу и в последний раз проглядываю новые сообщения, прежде чем неохотно

закрывать окно. Да, знаю, это уже какое-то навязчивое состояние. Мимо открытой двери кабинета проходит знакомая фигура.

— Роза! — окликаю ее я. Она останавливается, и я выбегаю в коридор. — Я сама отнесу. Нужно кое-что спросить у Джонни. — Забираю у нее чашку кофе. Роза неохотно разжимает пальцы и возвращается на кухню.

Уверена, она догадывается, что между нами что-то было. Позавчера я зашла на кухню, а Джонни уже сидел там, и напряжение между нами можно было ножом резать. Роза ничего не сказала, но я знаю, что она очень тактична и не лезет не в свое дело.

Осторожно поднимаюсь по ступенькам и стучу, прежде чем войти.

Джонни сияет, увидев чашку, но тут же вновь потухает, понимая, кто именно ее принес.

— Просто оставь ее на столе, Мег. — Он отворачивается.

Я делаю, как он сказал.

— Мне нужно утрясти с тобой расписание. — Пытаюсь говорить спокойно, но чувствую себя не в своей тарелке. Дел скопилось немало, потому что я старалась не беспокоить Джонни чаще, чем это необходимо.

— Давай. — Он не смотрит на меня, сосредоточившись на гитаре.

— Ты записан к зубному...

Он подцепляет пальцем струну.

— К зубному...

И опять.

Я не теряю надежды:

— Итак, ты записан к зубному завтра на полчетвертого. Джонни, ты можешь на минуту прекратить настраивать гитару?

Он прекращает и обиженно глядит на меня.

— Так вот, к зубному...

— Да понял я, понял, — обрывает меня он. — Еще что?

— В среду в полдень ланч с Квентином.

— Хорошо.

— Еще я организовала приватный просмотр коллекции Марвина Стейтли. В четверг утром подойдет?

— Что еще за Марвин Стейтли? — хмурится Джонни.

— Художник. Помнишь, лысый такой? С бородкой? В очках? — перечисляю я, не видя на его лице проблесков узнавания. — Ты говорил, что хотел бы купить кое-какие его картины, когда позавчера увидел его по телику.

— Ладно. Это все?

— Э-э...

— Ты можешь...

— Закрывать дверь с той стороны? Да, Джонни. — В моем голосе слышны раздраженные нотки. Поворачиваюсь к выходу, но останавливаюсь на полпути. — Вообще есть еще одно дело.

Он с опаской на меня смотрит. Рассказываю ему про презентацию и вижу на его лице облегчение, что я не завела разговор про Дейлс. Зря беспокоится, я вовсе не намерена поднимать эту тему.

— Я и сам думал пойти, — наконец выдает он.

— Ой. Это проблема?

— Нет, наверное.

— Значит, будет нормально, если я пойду?

— Ага.

— Попросить Дейви забрать нас обоих? — с надеждой спрашиваю я.

— Нет, я поеду на байке.

«По крайней мере он не будет пить», — успокаиваю я себя по пути обратно в кабинет к новым сообщениям на Майспейсе.

Когда я приезжаю, Китти уже там. Идя мне навстречу, она перехватывает официанта с полным подносом канапе.

— Как ты вовремя! — восклицает она. — Налетай.

Официант прищуривается.

— Нет, спасибо, я не голодна.

— Не голодна? — хмурится Китти. — Это же канапе! Для них всегда место найдется!

— Нет, я правда ничего не хочу.

С самого возвращения в Америку я почти не ем. Даже к «эмэндэмс» с арахисом охладела.

— Ох. — Китти расстроена. — Тогда я съем парочку.

Официант нетерпеливо ждет, пока она определяется с выбором, и тут же отходит к стойке худющих блондинок.

— Итак! — переключается на меня Китти, дожевав канапе. — Рассказывай, что случилось!

Я неуверенно озираюсь по сторонам.

— Что ты слышала?

— Ну, в газетах кучу всего понаписали. Билл все твердил, что местонахождение Джонни не подлежит огласке, и так и не раскололся.

Не говорю ей, что о местонахождении Джонни не знал даже Билл. Не то чтобы он кому-либо в этом признался — терять лицо никому не хочется.

— Чарли все настаивала, что он в какой-то реабилитационной клинике в Таиланде, но мне что-то смутно верилось...

— Когда это ты видела Чарли?

— На новогодней вечеринке Айлы.

— Ты туда ходила? — ахаю я.

— Только потому, что Род попросил. Так что, она права? Он был в Таиланде?

— Нет, — фыркаю я. — Мы ездили в Дейлс.

— Не слышала о такой. — Китти склоняет голову набок.

— Это не лечебница. — Силюсь не улыбнуться. — Просто городок на севере Англии.

— Погоди. — Она касается моей руки. — Ты сказала «мы». Ты тоже с ним ездила?

— Да, — неохотно киваю я. — В реабилитационный центр он бы не поехал, поэтому я увезла его в тихое место подальше от всей этой кутерьмы.

— Ничего себе, — вытаращивается на меня она и с надеждой спрашивает: — Можешь рассказать, что там происходило?

— Нет, — с напускным сожалением отвечаю я, жутко благодарная пунктам о конфиденциальности в договоре и тому факту, что Китти о них в курсе.

— Жалко, — вешает нос подруга.

— Как Род?

— Нормально, — вздыхает Китти, явно все еще думая о Джонни.

— А Чарли? Как у нее дела?

— Да все так же. Хотя я слышала, что Айла переезжает в Великобританию к своему новому парню.

— Новому парню? — Об этом я не слышала. Обычно я слежу за светской хроникой, но в последние недели выпала из обоймы.

— Они познакомились пару недель назад. — Похоже, он не произвел на Китти впечатления. — На той самой новогодней вечеринке. Уилл Триппер, как-то так.

— Уилл Треппер? — уточняю я.

— Он самый. Ты его знаешь?

— Ага, — живо киваю я. — Очень классный британский актер. Не думала, что он в ее вкусе, как и она в его.

— Ну, сейчас они безумно влюблены друг в друга. — Китти закатывает глаза. — Поэтому Айла подумывает перебраться за океан, чтобы жить с ним.

— Ничего себе! И что будет делать Чарли?

— Бог ее знает, — пожимает плечами подруга.

— Не могу ее представить в старой доброй.

— Где-где? — не понимает меня Китти.

— Забей, — отмахиваюсь я. Только что заметила Лолу, вокалистку «Призраков». Она очень круто выглядит в красном мини на черных шпильках. Вспоминаю, как Джонни говорил, что она ему чертовски нравится, после той ночи в «Стэндарде», когда я только приехала. При мысли о том, что сегодня они будут вместе, мне становится еще хуже, чем при той же мысли тогда.

— Уверена, что не хочешь канapé? — спрашивает Китти, видя очередного идущего мимо официанта. Первый после столкновения с ней обходит нас десятой дорогой.

— Абсолютно, — рассеянно отвечаю я.

— О, гляди! Здесь Паола!

Это привлекает мое внимание. Резко поворачиваюсь посмотреть, куда смотрит Китти.

— Которая?

— Вон та, — еле заметно кивает Китти. — Высокая, стройная, с длинными темными волосами...

— Ага, вижу.

Бывшая помощница Джонни даже симпатичнее, чем я предполагала. Она болтает с другой девушкой примерно того же возраста, лет двадцати пяти. После неких слов собеседницы Паола запрокидывает голову и смеется. У нее очаровательная улыбка.

— Хочешь с ней поговорить? — спрашивает Китти.

— Нет. — Отвожу взгляд. Пусть мне и любопытно, какая она, но совершенно нет желания с ней знакомиться.

Слышу, как по толпе прокатывается знакомый шепоток, и замечаю на входе Джонни.

Китти радостно подталкивает меня в бок, глядя, как он пробирается к группе молодых модников.

«Поверить не могу, что я с тобой переспала».

Кажется абсолютно невероятным, что я гладила его по обнаженной груди, расстегивала ему джинсы... Вспоминаю его пристальный взгляд, и по спине бегут мурашки.

— Ты в порядке? — беспокоится Китти.

— М-м-м.

Отвожу взгляд от Джонни и оглядываюсь на Паолу. Она кажется потрясенной. Ее подруга что-то говорит ей на ухо, и они обе тут же смотрят на меня.

— О-о-о, они тебя заметили, — хихикает Китти, совершенно не понимая, насколько странно я себя чувствую.

Снова смотрю на Джонни. У него в руке бокал с чем-то похожим на виски.

— Боже мой, — ахаю я.

— Что? — волнуется Китти.

— Он пьет.

Она следит за моим взглядом.

— Черт.

— Он не утверждал, что капли в рот не возьмет, но мне казалось...

Тут Джонни замечает меня, потом смотрит мне за спину и замирает. Я знаю, что он увидел Паолу. Не отрывая от нее взгляда, он залпом выпивает свой напиток и берет у проходящего мимо официанта следующий бокал.

Паола с подругой немедленно уходят.

Китти, которая тоже все это видела, смотрит на меня широко открытыми глазами.

— Значит, это правда, — говорю я вслух. Сердце едва ли не выпрыгивает из груди.

— Что именно? — хмурится Китти.

— Джонни спал с Паолой.

Китти косится на Джонни.

— Как ты поняла?

— Просто так.

Замечаю проблеск красного и вижу, что мимо Джонни идет Лола. Он хватается ее за руку, притягивает к себе и целует в губы. Потом смеется, когда она возмущенно его отталкивает.

Ревность ядом разливается по венам. Мне нельзя здесь оставаться. Поворачиваюсь к Китти:

— Пожалуй, я пойду домой.

— Ты в порядке?

— Да. Просто мне нехорошо. — И я вовсе не лгу.

— Но ты даже выступление не посмотрела.

— Знаю. Мне очень жаль.

— Ладно... — Китти пытается скрыть разочарование.

— Ты тут сама справишься? — виновато спрашиваю я. Не хочется оставлять ее одну.

— Не волнуйся за меня, я тут много кого знаю. Правда, болтать с ними не так интересно, как с тобой, — признается она. — Но я не буду заставлять тебя остаться, если ты не в настроении.

— Спасибо, — говорю я и оглядываюсь через плечо. Заметил ли Джонни, что я ухожу? Даже если и так, он ничем себя не выдает.

Глава 26

На следующий день приходит Сантьяго, и я рада видеть его после долгой поездки. Для плавания прохладно, но Сантьяго все равно должен почистить бассейн, поэтому я выхожу к нему на террасу поболтать. Он хочет узнать все про тур, но еще больше его сдает

любопытство по поводу нашего с Джонни исчезновения. Приходится тщательно подбирать слова. С самого нашего возвращения Билл со мной не разговаривал. Если он звонит Джонни то только по делу. Джонни явно сдержал слово и пригрозил ему увольнением. Хоть какая-то радость.

— Куда вы поехали? — спрашивает Сантьяго.

— В коттедж в глуши, — отвечаю я. — Чтобы Джонни очистил организм.

— Занимались чем-нибудь? — подмигивает он.

— Нет, ты что! — восклицаю я.

Сантьяго усмехается.

— И где сейчас Джонни?

— Наверное, в студии.

— Думаешь, он не будет возражать, если я покурю?

— Может, лучше пойти во двор, просто на всякий случай. Я с тобой.

Мы обходим дом и садимся под деревом у гаража. На Сантьяго длинные бежевые шорты и белая майка, а на мне красный джемпер и джинсы. Пусть сейчас зима, но довольно тепло. Не то что в Европе.

— Какая страна понравилась тебе больше всего? — интересуется Сантьяго, прикуривая сигарету и прислоняясь к стволу. Я сижу перед ним по-турецки.

Обдумываю вопрос.

— Сложно сказать. Некоторые запомнились больше, но не всегда эти воспоминания из приятных.

— Да? — Он сверлит меня темными глазами.

— Мне понравился Амстердам...

— Извращенка, — поддевает он.

— Не поэтому, — смеюсь я. — Нет, я имела в виду каналы. Город очень красивый, но одна ночь выдалась паршивой и вроде как смазала впечатления.

Думаю о Кристиане, вспоминая, как он за мной ухаживал, и тут же опечаливаюсь. После нашего возвращения он не выходил на связь. По крайней мере со мной точно нет, а Джонни ничего не говорил. Как в тумане смотрю на сигарету Сантьяго.

— В каком смысле паршивой? — спрашивает он.

— Перепила. — Не хочу вдаваться в подробности. — Еще мне очень понравилась Барселона. — И с этим городом меня связывают неприятные воспоминания, потому что именно там меня настигли новости о бабушке. И еще там я впервые увидела, как Джонни принимает наркоту...

— Хотел бы я туда съездить, — вздыхает Сантьяго.

— Так съезди.

— У меня даже паспорта нет.

— Так получи! — смеюсь я.

Париж мне тоже пришелся по душе, но опять же, воспоминания противоречивы. Как-то в последнее время их очень много. В голове проносится образ целующего меня Джонни.

— Можно мне тоже сигаретку? — внезапно прошу я Сантьяго. Не курила с первого курса, но тут вдруг захотелось.

Он удивленно смотрит на меня, но дает мне сигарету и чиркает спичкой. Я успеваю сделать пару затяжек, когда из-за угла выходит Джонни в мотоциклетной экипировке и идет к гаражу.

— Что ты, блин, делаешь? — Он замечает меня, подходит и выдергивает сигарету из моих пальцев.

— Эй! — вскрикиваю я.

— Ты не куришь! — орет в ответ он и отбрасывает недокуренную сигарету. — А ты, на хрен, чем тут занят? — накидывается он на Сантьяго. — Ступай работай!

Удивленный Сантьяго встает и спешно удаляется.

Потрясенно смотрю на Джонни, а он провожает садовника хмурым взглядом. Потом он переводит взгляд на меня — полный такого неприкрытого отвращения, что я чуть ли не падаю. И, не сказав больше ни слова, уносится в гараж.

— Эй! — кричу я ему вслед.

Ноль реакции.

— Джонни!

Он скрывается внутри.

Вот теперь я разозлилась.

Встаю, иду за ним и с шумом захлопываю за собой боковую дверь. Джонни резко разворачивается.

— Какие-то проблемы? — громко спрашивает он.

— Вообще-то, да. Что ты творишь?

— Успокойся, Мег, — предупреждает он, идя к мотоциклу.

— Нет, я не успокоюсь, Джонни. Нельзя вот так просто меня трахнуть, потом поставить в игнор, а после этого запрещать мне курить.

Джонни садится на мотоцикл и включает зажигание.

— Джонни, я пытаюсь с тобой поговорить! — Мой голос тонет в рыке двигателя. Я рассерженно выключаю зажигание, и Джонни грубо перехватывает мою руку. — Пусти!

Он не отпускает. Смотрит на мои губы, пока я пытаюсь высвободиться, но тут же разжимает пальцы, услышав шаги за дверью. Обернувшись, вижу идущего по своим делам Льюиса. А когда поворачиваюсь назад, обнаруживаю, что Джонни снова завел мотоцикл. Он надевает шлем и выезжает из гаража. Сложив руки на груди, смотрю ему вслед.

— И что это было? — спрашивает Сантьяго, когда я вновь к нему присоединяюсь.

Качаю головой и молчу, а потом ухожу в дом и закрываю за собой стеклянную дверь.

Ночью лежу в постели, не в силах уснуть. День прошел как в тумане, я ни на чем не могла сосредоточиться и не хотела даже открывать соцсети, поскольку там поджидали сообщения от фанаток. Джонни, Кристиан, Паола, Китти... Лица и имена проносятся в голове, пока я пытаюсь мысленно сложить этот пазл.

Что было у Джонни с Паолой? Почему она ушла? Или он ее уволил? Они точно переспали? Было ли это всего однажды? Она его любила? «Глупая», — думаю я, но тут же вспоминаю, что сейчас сама на ее месте. Унизительно понимать, что другой человек уже через это проходил. Если, конечно, так оно и было.

Господи. Тупая боль внутри никуда не девается. Никак не могу ее отпустить. Уверена, Джонни был готов поцеловать меня в гараже. И знаю, что я этого хотела. Да, я в курсе, что он плохиш, а такие парни мне никогда не нравились. Тогда почему у меня не получается выкинуть его из головы?

Потому что я хочу, чтобы он в меня влюбился. Хочу быть той, кто его изменит.

Представляю, как иду с ним по красной дорожке, ужинаю в ресторане, улыбаюсь папарацци. Я бы никогда не жаловалась, что от езды на мотоцикле у меня портится

прическа. Мы бы купили собаку, и я бы за ней присматривала. Роза снова бы меня полюбила, поняв, что я та самая, а не очередная глупая девица.

Ведь я другая. Уверена, это так. Кому еще настолько на него не наплевать? Он мне доверяет. Рассказал о своей маме. Смеется со мной. Ну, смеялся. И еще будет.

Слышу за дверью какой-то шорох и испуганно отрываю голову от подушки.

— Кто там?

Дверь открывается, и на пороге вырисовывается силуэт Джонни.

— Джонни? — ничего не понимая, шепчу я.

Он подходит к кровати, и я пытаюсь сесть, пока он откидывает одеяло. Кожу овеивает ночной прохладой. Я почти раздета, если не считать помятой маечки и трусов.

Джонни забирается на кровать и встает надо мной на колени. Я неприлично громко дышу. Джинсы Джонни кажутся грубыми на ощупь. Я расстегиваю его рубашку и кладу руки на грудь, а он жадно и страстно меня целует. От него пахнет сигаретами и выпивкой, но мне все равно. Он торопливо расстегивает джинсы, отодвигает мои трусики и одним рывком погружается в меня.

Потом, лежа в его объятиях, я долго не могу заставить себя дышать нормально, ожидая, что он уйдет в свою комнату. Даже когда он засыпает, я все равно боюсь, что он проснется и снова меня оставит.

Наверное, в конце концов я тоже уснула, потому что, когда просыпаюсь утром, вижу, что Джонни лежит на боку и исподтишка за мной наблюдает. Я не улыбаюсь, и он тоже. Джонни снимает с меня одежду, на этот раз делая все медленно.

«Я изменю тебя. Я заставлю тебя меня полюбить».

Потом он нежно мне улыбается.

— Ты пьешь таблетки?

— Нет. — Тут же беспокоюсь.

— Не волнуйся, я всегда пользуюсь презервативами, — говорит Джонни. — Но, наверное, тебе стоит принять постинор.

— Хорошо, — киваю я. — Сегодня куплю.

Его явно не интересует моя прежняя половая жизнь. Он кладет руку под голову и смотрит в потолок.

— Мне не понравилось, как вы там сидели с Сантьяго.

— Я ничего такого не делала.

— Мне это не понравилось.

Приподнимаюсь на локте и кладу руку на живот Джонни. Он смотрит на меня и вновь переводит взгляд на потолок. Я вожу пальцем по татуировке со строчкой из песни Джонни Кэша.

«Я ранил сам себя, я чувствовать хочу...»

Джонни берет мою руку и целует.

— Я так и не сказал тебе спасибо.

— Спасибо? За что?

— За то, что отвезла меня в Дейлс. Приглядывала за мной. Ты же знаешь, что ты для меня особенная, да?

Меня переполняет счастье, и я киваю. Но тут же начинаю волноваться. Да, не стоит поднимать эту тему, но я не могу удержаться.

— Джонни, — неуверенно начинаю я, — что произошло между тобой и Паолой?

Он отпускает мою руку и сердито на меня смотрит.

— Не хочу об этом говорить.

— Джонни, прошу, я же видела ее в пятницу. И знаю, что она тоже меня видела. Что произошло? Почему ты не хочешь рассказать?

Я ною, но не могу остановить поток слов.

— Я это не обсуждаю, — отрезает он и садится. — Ни с тобой, ни с кем-либо другим.

Все еще обнаженный, он встает и надевает боксеры.

— Куда ты? — спрашиваю я, изо всех сил стараюсь, чтобы это не прозвучало отчаянно.

Не хочу, чтобы он снова уходил.

— Надо возвращаться к работе.

— Сегодня воскресенье. Это правда обязательно?

— Да, — твердо отвечает Джонни. — Альбомы сами себя не пишут, Мегера. — Он улыбается мне, и я, услышав свое прозвище, расслабляюсь и смотрю, как он собирает свою одежду и выходит за дверь.

Глава 27

Не хочу спугнуть Джонни, поэтому после ночи стараюсь вести себя с ним как обычно.

— Кристиан не звонил? — спрашиваю я, когда в понедельник прихожу в студию показать Джонни парочку безумных писем от фанатов.

— Просто офигеть, — говорит он, изучая письмо тридцатипятилетней женщины, которая утверждает, что может пропеть его дебютный сольник задом наперед, стоя на голове, и очень хочет продемонстрировать это ему вживую. — Тащи ее сюда.

— Серьезно? — удивляюсь я.

— Ни в коем случае, Мегера. Получи лучше судебный запрет, — шутит он и возвращает мне письмо. — Кстати, да.

— Что? О! Кристиан! Он правда звонил?

— Ага. Пару дней назад. Прилетит сюда в конце недели.

— Прекрасно! — радуюсь я.

Джонни с любопытством на меня смотрит.

— Что такое?

— Да так. — Он берет гитару.

— Как продвигается? — Я киваю на инструмент.

— Хорошо. — Он начинает играть.

— Классная мелодия, — хвалю я, но тут же вспоминаю, как на первой рабочей неделе подумала, что он написал песню «Смитс».

Джонни останавливается и откладывает гитару, пока я волнуюсь, а не совершила ли опять ту же ошибку.

— Еще сырая, — говорит он и тянется к чашке кофе, которую я ему принесла.

Уф-ф, слава богу.

— Ладно, я пойду тогда.

— Мегера.

Разворачиваюсь и вопросительно смотрю на него. Он отставляет чашку.

— Иди сюда, — манит Джонни меня пальцем.

Я неуверенно пялюсь на него.

— Иди же. — Он откидывается на спинку вращающегося кресла.

Подхожу к нему. Он берет меня за руку и усаживает к себе на колени. Я ахаю.

— Хочешь перепихнуться по-быстрому?

— Привет! — кричит с порога кабинета Кристиан в пятницу. Встаю из-за стола, чтобы его обнять. — Как делища?

— Хорошо! — Я улыбаюсь ему. За спиной Кристиана появляется Джонни и подмигивает мне.

— Как он с тобой обращался? — интересуется Кристиан. — Не сильно расстраивал?

— Нет. — Качаю головой, чувствуя, что краснею. Кристиан насмешливо на меня смотрит.

— Так что, куда мы сегодня? — Он поворачивается к Джонни.

— Ты разве уже перестроился на время? — удивляюсь я.

— Не совсем, но мы же понимаем, что он куда-то меня потащит. Так что я просто опередил события.

— Не знаю, — пожимает плечами Джонни. — Может, в «Вайпер Рум». Хочешь выпить у бассейна, дружище?

Кристиан кивает и уходит вслед за ним, а я звоню в «Вайпер Рум».

Они общаются совершенно нормально. Как здорово, что парни умеют забывать старые обиды.

Моя зависимость от соцсетей на этой неделе стала еще сильнее. Вчера видела сообщение на Майспейсе от той азиаточки, Ники. Она спрашивала, не хочет ли Джонни снова оттянуться. Я удалила сообщение, и уже потом мне пришло в голову, что было бы разумнее притвориться Джонни и написать, что ему это неинтересно.

О, а вот и новое уведомление — приглашение на сегодняшний концерт «Призраков». Рука машинально тянется к кнопке удаления. Ранее на этой неделе я уже стерла одно такое, но на этот раз пересиливаю себя. А вдруг Лола спросит об этом Джонни при встрече? Хм. В таком случае я просто «забуду» ему сказать.

Захожу в свою почту и начинаю отвечать на сообщения. Дохожу до письма от Бесс.

«Привет, как дела?»

Вот так просто? Надо бы написать ей, но новостей немного, да и явно нельзя ими делиться.

Отвечаю: «Хорошо». Подмывает сразу же нажать на кнопку отправки. А что, она сама написала всего три слова. Но смеху ради продолжаю строчить: «На самом деле, все просто фантастично. Мы с Джонни трахаемся как кролики. Лучше него у меня никого не было. Он даже лучше, чем ты думаешь!».

Хихикаю в кулачок и нажимаю на кнопку удаления.

Вот дерьмо! Случайно вместо «Удалить» нажала «Отправить»! Черт, черт, черт!

Быстро печатаю новое сообщение: «Шутка!».

Блин, теперь придется писать полноценный ответ.

«Все хорошо. Я снова в Лос-Анджелесе после нашего исчезновения. Была рада повидаться в Лондоне с тобой и Сереной».

Врушка.

«Когда в следующий раз приеду, сходим куда-нибудь втроем».

Врушка-лягушка.

«Как твое ничего? Понравился концерт на Уэмбли? Прости, мне пришлось оперативно

уехать, но ты, наверное, слышала, что произошло. Ладно, пошла я дальше работать...»

Зевая, отправляю письмо и обмякаю в кресле. Ску-ко-та.

Вспоминаю, как мы с Бесс пели караоке на моей отвальной вечеринке, и с удивлением понимаю, что в горле ком. И как так вышло, что я столь быстро отдалилась от лучшей подруги? Да и не только от нее. Я почти ни с кем из прошлой жизни не общаюсь.

Вспоминаю, как я только начала работать на Джонни. Как же мне хотелось отправить Бесс фотку его с голым торсом, загорающего у бассейна... Как часто я думала, что она охрипнет от восторженного визга... Как она постоянно напрашивалась в гости. Честно говоря, ответом всегда было бы «нет».

— Я выпью двойной виски, а вы? Хотите шампанского?

Мы с Кристианом с опаской смотрим друг на друга.

— Что? — рывкает Джонни. — Когда это я говорил, что больше капли в рот не возьму?

Вопрос риторический, так что я оставляю его без ответа и прошу шампанского.

— Почему вы уехали из Скарборо? — спрашивает Кристиан. Мы как раз рассказываем ему обо всем случившемся после нашей последней встречи. Наверное, про секс лучше умолчать...

Джонни начинает объяснять, но я поминутно его перебиваю и делюсь своей версией. Официантка приносит нам напитки.

— Этот козел не разрешал мне курить, и я послал его на хрен, — говорит Джонни, беря стакан и залпом выпивая виски. — Еще один, пожалуйста, — просит он не успевшую отойти официантку и ставит пустой стакан на ее поднос. — Вы двое перестанете уже так на меня смотреть?

— Джонни!

— Привет, чувак! Как дела? — Джонни улыбается, видя, кто нас прервал. Смутно припоминаю этого парня на вечеринке после премьеры фильма Серенгети.

— Круто, парень. Давно не виделись. Эй, идешь сегодня на «Призраков»?

Проклятье!

— Не знал, что они сегодня выступают!

— Да, чувак, в «Виски». Пойдем! Лола сказала, что внесла тебя в список.

Задержав дыхание, жду.

— Конечно.

Блин.

— Эй, Лоренс, — продолжает Джонни. — Это мой друг детства Кристиан, а это моя ассистентка Мег.

Лоренс перегибается через стол и пожимает нам руки.

— И вы приходите. Чем больше народу, тем веселее.

В «Виски» царит привычный полумрак и вонь от сигаретного дыма. Несколько человек заметили Джонни, но не подошли. Эта публика слишком крута, чтобы бегать за звездами.

С завистью наблюдаю за Лолой на сцене. Она двигается как супермодель, исполняя электропоп. На ней коротенькие золотые шорты с высокой талией и черные колготки. Надо иметь потрясающую фигуру, чтобы такое носить, и Лола выглядит потрясающе. Чувствую себя жутко скучной в зауженных джинсах и черном топе.

Бросаю взгляд на Джонни. Он не отрывает глаз от Лолы. Кристиан улыбается мне. Я

улыбаюсь в ответ, но мне плохо и хочется домой. И очень хочется, чтобы Джонни поехал со мной.

Когда Кристиан отходит в бар, я поворачиваюсь к Джонни.

— Ты расскажешь Кристиану о нас?

— Нет! — Он в ужасе смотрит на меня.

— Почему нет?

— Это не его дело.

После биса невинно спрашиваю:

— Мне вызвать Дейви? Чтобы он приехал за нами?

Джонни качает головой.

— Не-а. Я за кулисы. Вы тут побудьте, ладно?

— Конечно, — кивает Кристиан, но его друг уже идет к гримерке. Разочарованно смотрю ему вслед.

— Рада вернуться в Лос-Анджелес? — Кристиан поворачивается ко мне. — Мег? Ты здесь?

— Прости?

Он повторяет вопрос.

— Да, рада, конечно. — Но было бы намного лучше, если бы не приходилось постоянно нервничать из-за Джонни.

— Наверное, было трудно приглядывать за Джонни в Дейлсе.

— Да не так чтобы очень, — рассеянно тяну я. Куда же он пошел? К Лоле?

Вспомнились его недавние слова: «Ты же знаешь, что ты для меня особенная, да?».

Пытаюсь с их помощью успокоиться.

Спустя полчаса болтовни у бара Кристиан говорит:

— Не знаю, собирается ли Джонни возвращаться. — Он в шутку закатывает глаза, но мне совсем не смешно. — Может, написать ему?

— Да, прекрасная идея. — Слежу, как Кристиан вынимает телефон, пишет Джонни сообщение, убирает телефон в карман и продолжает болтать.

Спустя минуту спрашиваю:

— Он ответил?

Кристиан достает телефон и смотрит на экран.

— Нет. Так что...

Не могу сосредоточиться и через пару минут снова интересуюсь, не ответил ли Джонни. Нет, не ответил. Терпеть не могу, когда он вот так держит меня в подвешенном состоянии...

Кристиан зевает.

— Как считаешь, не двинуть ли нам домой?

— Нет, э-э... — бормочу я. — Не надо. Мы должны его дождаться.

— Он уже большой мальчик, может сам о себе позаботиться. — Кристиан усмехается и ставит пустой стакан на стойку.

— Нет. Думаю... Может, он считает, что Дейви будет его ждать.

— Мы отправим Дейви назад за ним, — пожимает плечами Кристиан.

— Мм... — Переминаюсь с ноги на ногу. Да что со мной такое?

— Все хорошо, Мег? Ты сегодня сама не своя.

— Все нормально! — заверяю его я. — Наверное, ну, ты очень хочешь спать...

— С ног валюсь.

— Что ж, тогда идем. — Бросаю последний тоскливый взгляд на дверь гримерки и выхожу из клуба вслед за Кристианом.

Глава 28

— Где ты пропадал так долго? — интересуюсь я, не слишком успешно пытаюсь скрыть огорчение.

Джонни явился домой в три часа ночи. Ко мне он не заглянул, как я надеялась, но и никого с собой не привел, так что после этого я, по крайней мере, могла спать спокойно.

— Да так, тусовался. — Он достает из буфета стакан и наливает себе яблочный сок.

Мы на кухне. Субботний день в разгаре, а босс только что спустился. Кристиан уже трудится в кабинете, оккупировав второй стол.

— Лола тоже была? — спрашиваю я как бы между прочим.

— Разумеется.

Промолчав, открываю холодильник, рассеянно изучаю его содержимое и вновь закрываю.

Джонни разглядывает меня, прислонившись к столешнице.

— Ты, случаем, не ревнуешь?

— Вот еще! — восклицаю я.

— Хорошо. — Он ставит на три четверти полный стакан в мойку и не спеша выходит из кухни.

Допиваю за ним остатки сока и от нечего делать мою стакан, вместо того чтобы убрать его в посудомойку. Смотрю на кухонные часы. Почти половина второго. Надо пойти и узнать у Кристиана, не хочет ли он перекусить. Наш биограф, должно быть, проголодался.

Иду в кабинет, но замираю у двери, различив за ней голос Джонни.

— Как ночка? Ништяк? — интересуется Кристиан.

— Ага.

— Уже перепихнулся с Лолой?

— Нет пока, — хмыкает Джонни.

— Не переживай. — Кристиану, похоже, весело. — Скоро и эта падет к твоим ногам. Вечно одно и то же.

Отскакиваю от двери с таким чувством, словно меня пнули в живот. Каблук подворачивается, я оступаю, чуть не падаю и невольно вскрикиваю.

— Мег! — Джонни возникает в дверях. Он явно не ожидал меня увидеть. — Я не знал, что ты здесь. Все в порядке? — озабоченно уточняет он.

— Да, все хорошо, — поспешно говорю я, стараясь не хромать. — Я... я просто хотела узнать, не хотите ли вы, чтобы я соорудила какой-нибудь ланч?

— Ланч? — отзывается Кристиан. — Что там такое? — Он высовывается из-за Джонни видит мое лицо и спрашивает: — Что случилось? Ты бледная, как привидение.

— Ничего, — отвечаю я, расправляю плечи и пытаюсь собраться с мыслями. — Полагаю, куриное рагу подойдет, а еще Роза оставила суп.

— Какой именно? — Снова Кристиан.

— Э-э... овощной, кажется. — Смотрю на Джонни.

— А хлеб? — не унимается Кристиан.

— Что? Хлеб, да, хлеб. Будет и хлеб, да.

Кристиан смеется.

— Сегодня явно не твой день, да, Меган?

Джонни трет подбородок.

— Пойду поставлю суп. — Поворачиваюсь и устремляюсь обратно на кухню.

— Что это с ней? — Вопрос Кристиана до меня долетает, но ответа Джонни я уже не слышу.

— Так во сколько начнется вечеринка? — спрашивает Кристиан у Джонни чуть позже, когда мы все собираемся в кухне.

Вечеринка? Какая еще вечеринка?

— Нам надо быть там часов в девять, — откликается Джонни.

— Мег, ты пойдешь? — интересуется Кристиан.

— А кто устраивает вечеринку?

— Какая-то шишка со студии. Верно, Джонни? Туда съедется куча знаменитостей. Это будет нечто.

— А, теперь дошло. — Гляжу на Джонни, но не могу понять, хочет ли он, чтобы я пошла или нет.

— У тебя другие планы на вечер? — предполагает Кристиан, видя мое замешательство.

— Нет...

— Тогда идем. Составишь мне компанию, пока этот вот будет трепаться с дамочками.

Прищурившись, смотрю на Джонни. Да пошло оно все!

— Ладно!

Вечеринку устраивает Дэниел Стейнбек, один из руководителей звукозаписывающей компании Джонни. Он живет на холмах, неподалеку от нашего дома.

Кристиан ведет машину, лихача на поворотах. Слышу шумные вздохи Джонни и едва сдерживаю смех.

Папарацци не дремлют и щелкают камерами, ослепляя нас вспышками через стекло, пока мы въезжаем в ворота резиденции Дэниела. Как и во владении Джонни, здесь есть бассейн с шикарным видом на город. На улице тепло, так что мы пробираемся через нарядную толпу к открытой площадке. Музыка гремит, хотя и не так громко, как в доме.

Джонни прикуривает сигарету и озирается, высматривая знакомые лица.

— Скоро вернусь, — рассеянно обещает он и уходит, бросив меня с Кристианом.

— Эй! Это же Китти, моя подруга, — говорю я и кричу: — Китти!

— Мег! — визжит она с другой стороны бассейна. — Не знала, что ты придешь.

— Я и сама не знала еще пару часов назад! — От встречи с Китти у меня сразу же поднимается настроение, подпорченное уходом Джонни.

— Я тоже! — Она глядит на Кристиана.

— Китти, это Кристиан, друг Джонни.

— Привет! Очень приятно познакомиться. — Они пожимают друг другу руки. — Ты тоже из Англии?

— Да, из Ньюкасла.

Китти кивает и нерешительно улыбается.

— А Джонни здесь?

— Да, — отвечаю я. И было бы здорово, если бы он к нам присоединился.

— Чарли тоже пришла, — сообщает Китти.

— О, класс! — Закатываю глаза.

— Кто такая Чарли? — шепчет Кристиан.

— Ассистентка Айлы Монтанье, — поясняет Китти.

— Черт, ее ведь здесь нет? — пугается Кристиан.

— Нет, а что? — удивляется Китти.

— Лучше не подпускать к Джонни эту чокнутую Айлу. С год назад она с ума по нему сходила.

— Правда? — Китти любит немного посплетничать.

— Наверное, не стоило об этом рассказывать, — спохватывается Кристиан. — Никому не говорите.

Китти усмехается.

— Не волнуйся, не скажем. Тем более что Айла уже наверняка забыла Джонни. — Подруга глядит на меня: — Она переезжает в Англию.

— Серьезно? А как же Чарли?

— Получила отставку.

— Да ну?

— Что Айла забыла в Англии? — интересуется Кристиан.

— Расскажи ему, — прошу я Китти. — А я пока загляну в дамскую комнату. Кристиан журналист. Подкинь ему эксклюзивчик! — Подмигиваю Кристиану и устремляюсь к дому.

— Я не из таких журналистов! — кричит он мне вслед.

Внутри еще больше народу, чем во дворе. Озираюсь по сторонам, но Джонни нигде не видно. Впрочем, как и уборных. Заглядываю в одну из комнат в надежде найти то или другое. А когда поворачиваюсь, сталкиваюсь лицом к лицу с Чарли.

— Ой! — восклицаю я.

— Я слышала, что ты сделала! — ехидно заявляет она.

— Что?

— Джонни. Детоксикация.

— А, точно. Да.

— Ты же могла его убить!

— Могла убить? — изумляюсь я. — Что тебе наплели?

— Лишать алкоголя надо по правилам!

— Да ладно! — фыркаю я. — Еще никто не умирал от завязки.

— Ты в своем уме? Алкоголикам нельзя резко завязывать. Их надо постепенно отлучать от выпивки и давать лекарства.

Правда? Ой.

— Откуда такие познания? — соскакиваю я с темы.

— Моя мачеха была алкоголичкой.

Представляю юную Чарли, растущую не с родной матерью, а с мачехой-алкоголичкой, и даже немного ей сочувствую.

— Ну, я и не говорила, что он запойный алкоголик. В любом случае сейчас ему гораздо лучше, — угрюмо бросаю я.

— А так и не скажешь...

Чарли кивает мне за спину. Оборачиваюсь и успеваю заметить, как Джонни громко ставит пустую рюмку на стол и хлопает по спине какого-то прикольного чувака, похожего на инди-рокера. Блин.

— Ты не знаешь, где здесь ваннные комнаты? — грустно осведомляюсь я.

— Там, — машет рукой Чарли.

— Ладно. Увидимся, — прощаюсь я, надеясь, что этого не случится.

Выхожу из ванной и вижу, как Джонни пропускает еще одну рюмку. Может, подойти? Попытаюсь его остановить? Обреченно смотрю, как он берет бутылку водки и пьет прямо из горлышка.

Нет. Слишком поздно. Он уже порядком набрался.

Присоединяюсь к смеющимся Китти и Кристиану.

— Все нормально? — Лицо Кристиана вытягивается при виде моего.

— Джонни глушит водку в доме.

— Мы ничего не можем с этим поделать, — опускает плечи Кристиан.

Бросаю тоскливый взгляд на дом.

— Мег, оставь ты это дохлое дело.

— Так уже, — недовольно бурчу я.

Китти выглядит смущенной, стоя рядом с нами.

— Отлично, — сухо заявляет Кристиан. — Я собираюсь в бар. Пройдемся по коктейлям?

— Было бы здорово! — с энтузиазмом соглашается Китти.

Равнодушно киваю.

— Он славный! — объявляет подруга, как только Кристиан уходит. Внутренне напрягаюсь. — У него есть девушка?

— Нет, — отрезаю я, но потом отвожу взгляд и добавляю: — Впрочем, не знаю. Может, и есть.

— Ты ему нравишься.

Снова гляжу на Китти:

— Что ты имеешь в виду? В каком смысле нравлюсь?

— В том самом.

— С чего ты взяла? — спрашиваю я, немного взбодрившись.

— С того, как он о тебе говорил.

— Правда? — Даже не верится. — И что же он говорил?

— Просто рассказывал о турне и все такое. Что вы оба обожаете детские хлопья, — улыбается подруга.

Кристиан возвращается, стараясь удержать в руках три стакана.

— Скорее! Хватайте! — Мы с Китти, смеясь, повинuemся. Потом я напускаю на себя суровый вид.

— Поверить не могу! Ты проболтался, что мы подсели на «Камешки»!

Кристиан корчит серьезную мину.

— Я решил, что пора взглянуть правде в лицо, Мег. Только так можно побороть зависимость.

— Я пока не готова бросать это дело. Еще слишком рано, Кристиан.

Он кладет руку мне на плечо и заглядывает в глаза:

— Уверен, ты справишься.

Китти хихикает, посылая мне самодовольную ухмылку. Украдкой строю ей рожицу и вдруг замечаю Джонни, холодно взирающего на нас с другой стороны бассейна. А я только-только о нем забыла. Кричу:

— Все в порядке?

Кристиан переводит взгляд с меня на Джонни, но тот уже снова шагает к дому. У меня падает сердце.

Настроение окончательно портится и передается другим. Сложно поддерживать компанию, когда все мысли заняты Джонни. Говорю, что хочу побродить по дому. Кристиан наверняка догадывается, что я отправляюсь искать Джонни.

Его нет ни в первой, ни во второй комнате. Минут через пять наконец обнаруживаю его сидящим на диване с милашкой в бикини на коленях. Он поднимает голову, замечает меня, но как ни в чем не бывало притягивает девицу к себе и хлопает ее по заду, а она игриво шлепает его по груди. Тогда он проводит руками по ее длинным каштановым волосам и притягивает ее ближе для долгого поцелуя.

В глазах темнеет, еще немного и грохнусь в обморок. Пячусь, сжимая горло. Надо убираться отсюда. Несусь сквозь толпу, мимо бассейна, едва замечая двух звезд первой величины, возникших у меня на пути. Выбегаю за ворота, оставив друзей развлекаться. Папарацци оживляются при виде меня, но возвращаются к прерванным разговорам, когда понимают, что я никто.

Устремляюсь вперед, а слезы текут по лицу. Пойду домой. Я помню дорогу.

Однако через десять минут начинаю сомневаться в своих топографических способностях. Кругом все какое-то одинаковое, а в машине я не следила за дорогой. Ковыляю на шпильках, мечтая их сбросить, но вдоль дороги растут кактусы. Как пить дать наступлю на колючки или битое стекло, добавив кровь и синяки к слезам и отчаянию.

Как он мог так поступить? Он же видел меня и все равно целовал эту кралю. А мне казалось, я что-то для него значу. Эти несколько дней... Он был таким милым. Я считала, что небезразлична ему. Верила... Знаю, это безумие, но мне казалось, у нас есть будущее... Как можно быть такой дурой, Мег? Что же теперь делать? И где я, черт возьми, нахожусь?

Слезы льются сильнее. Внезапно понимаю, как глупо поступила. Похоже, я заблудилась. Представляю, как попадаю в лапы насильника или убийцы, повстречавшего на дороге беззащитную девушку. «Будет Джонни наука!» — думаю я и сама же пугаюсь до чертиков.

Позвоню Дейви. Твою мать! Я забыла сумку! Это худший день в моей жизни!

Вижу свет фар, отпрыгиваю в сторону и пытаюсь спрятаться за кустами. Автомобиль замедляет ход. Блин, блин, блин, это оно! Как я буду драпать на шпильках? Может, меня и не заметили вовсе? Опля, останавливаются!

— Мег!

Это Кристиан.

— Кристиан! — кричу я, вылезая из кустов.

Из-за поворота выезжает еще одна машина.

— Запрыгивай, — командует Кристиан, открыв мне дверцу. Он создает помеху движению.

Забираюсь в салон, хлопаю дверью и утираю слезы. Кристиан смотрит в зеркало заднего вида и срывается с места.

— Что случилось? — спрашивает он, глядя на меня.

Трясу головой.

— Мег?

— Не могу об этом говорить. — Мой голос осип от слез.

Уже дома он предпринимает вторую попытку, но сначала приносит мне пластыри из

аптечки и помогает заклеить волдыри на ногах. Мы сидим на диване в гостиной.

— Это из-за Джонни?

Не отвечаю.

— Так и знал.

— Что знал?

— Он опять за свое? — злится Кристиан.

Неужели он действительно знает, что происходит? На всякий случай помалкиваю.

— Когда это началось?

— Что началось? — осторожноничаю я.

— Когда вы начали спать вместе? — раздражается он.

Ладно, он знает.

— В Дейлсе.

Кристиан отворачивается и смотрит на пустой экран телевизора.

— Чего и следовало ожидать. А сегодня? Что случилось?

— Девушка, — чуть не плача признаюсь я. — В бикини.

Ее наряд, собственно, не так уж и важен, но меня он задел за живое.

Кристиан мрачно кивает и наконец переводит взгляд на меня.

— Он никогда не изменится. Сама понимаешь.

Наклоняюсь и разглаживаю пластыри на ногах.

— Не изменится, Мег.

— Ладно! Ладно! — огрызаюсь я.

Кристиан замолкает.

— Ты ведь не станешь упоминать об этом в книге? — внезапно пугаюсь я.

— Разумеется, нет!

Делаю глубокий вдох и слегка успокаиваюсь.

— Хорошо. Посмотрим телевизор?

— Конечно.

Кристиан смотрит на часы. Уже поздно, и он, вероятно, устал. Но я нуждаюсь в компании. Знаю, что не усну, пока Джонни не вернется домой.

Часа через два томительных ожиданий дверь наконец открывается. Распрямляемся на диване.

Слышим женские голоса, потом из-за угла появляется Джонни: пятясь задом, он словно заманивает добычу в логово. За ним следуют две девушки, хихикая и держась за руки. Узнаю красотку в бикини, догадавшуюся накинуть на себя кое-что из одежды, и ее «подругу» — стройную, светловолосую и тоже очень хорошенькую.

— Ты что, мать твою, делаешь?

Подскакиваю от вопля Кристиана. Джонни, тоже подпрыгнув, оборачивается и видит нас на диване.

— А на что это похоже? — беспечно спрашивает он, оправившись от испуга.

Девушки растерянно переглядываются.

— На то, что ты решил переспать сразу с двумя и вынудить свою умницу-ассистентку уйти с работы.

Прифигевший Джонни сердито смотрит на меня и говорит:

— Ты ему рассказала?

Не успеваю и рта раскрыть, как Кристиан продолжает:

— Я нашел ее на дороге, приятель. Она вроде как шла домой. Сбежала с вечеринки, увидев, как ты тесно общаешься с одной из этих цыпочек, полагаю. — Он неприязненно косится на девушек. — Тут и без слов все понятно. Господи, Джонни, ты же трахал Паолу. Неужели так ничего до тебя и не дошло?

Внутри все обрывается.

— Прости, Мег, но ты должна знать, что он за гусь.

— Заткни пасть, Кристиан, — рявкает Джонни.

— Не заткну. Паола была очень милой, — сообщает мне Кристиан. — У них могло что-то получиться, но потом этот чурбан понял, что влюбляется, и начал ее изводить. Вот как тебя теперь.

— Заткнись! — рычит Джонни, подлетая к дивану и тыча пальцем в Кристиана.

У девиц совсем ошалевший вид.

— Может, мы пойдем? — предлагает одна.

— Да! — орет Кристиан.

— Нет! — одновременно орет Джонни.

Подруги переминаются с ноги на ногу, явно утратив желание веселиться.

Джонни часто и тяжело дышит, все еще указывая пальцем на Кристиана.

— Если тебя не устраивает мой стиль жизни, можешь валить домой.

— Твой стиль жизни? Ты хоть сам себя слышишь, надменный придурок? А знаешь, вот возьму и свалю и Мег с собой прихвачу!

— Отлично, — глухо смеется Джонни. — Скатертью дорога.

Он разворачивается, хватая подружек за талии и ведет их наверх.

Как только за ними захлопывается дверь его спальни, Кристиан опускается передо мной на колени. Я дрожу.

— Как ты? — спрашивает он.

— Не очень, — еле слышно отвечаю я.

— Иди сюда. — Он пытается обнять меня, чтобы утешить, но я отстраняюсь. Не надо меня трогать.

— Это правда? Так все и было с Паолой?

Кристиан угрюмо кивает.

— Он говорил, что никогда не влюблялся.

— Возможно. Он отшивает их раньше, чем успевают влюбиться.

— Думаешь, история повторяется? — В моем голосе звучит надежда. Мне бы очень хотелось, чтобы Джонни в меня влюбился. Не совсем понимаю, как из-за этого могу его потерять.

— Не знаю. — Немного помедлив, Кристиан предлагает: — Мег, почему бы тебе не поехать со мной в Англию?

— Не хочу я ни в какую Англию! — кричу я.

— Ладно! — удивленно осекается он.

Соплю.

— Ты ведь не на самом деле собрался уехать?

Кристиан обдумывает мой вопрос, потом отвечает:

— Нет. Полечу завтра.

— Нет! Не надо!

— Надо. Это послужит ему уроком. К тому же я собрал достаточно материала. Осталось

изложить его на бумаге.

— Ты же не станешь об этом писать? — волнуясь я.

— Мег, я уже обещал, что не стану.

Из спальни Джонни доносится шум. Вспоминаю, что там происходит. На секунду-другую я совсем об этом забыла.

Кристиан смотрит на меня с тревогой.

— Ты будешь ужасно страдать, если останешься.

— Я уже страдаю, Кристиан. Но это... — указываю на лестницу, — это всего лишь секс.

Нет, я так просто не сдамся.

Кристиан встает, выключает телевизор и поворачивается ко мне со словами:

— Я знал, что ты именно так и скажешь.

Глава 29

На следующий день отвожу Кристиана в аэропорт, чтобы просто немного развеяться. Мы не вспоминаем вчерашнее и по большей части молчим. Вернувшись, обнаруживаю, что Джонни сидит у бассейна за столиком и смотрит вдаль.

При виде меня он вздрагивает.

— Я думал, ты уехала.

Не могу понять, что скрывается за его ровным голосом.

— Прихватив твой «порше»? — шучу я.

Джонни внимательно смотрит на меня, потом спрашивает:

— Где Кристиан?

— Улетел, — бросаю небрежно. — Но я все еще здесь. — Сажусь напротив и сдвигаю солнечные очки на макушку. — Как ночка? Ништяк?

— У тебя все нормально, Мег? — подозрительно косится на меня Джонни.

— Не совсем, — бодро отвечаю я. — Ну да ладно. Хочешь перекусить? Я ужасно голодна!

— Нет... Спасибо... — Он глазеет на меня так, словно я отрастила на лбу зеленые рожки и в данный момент бодаю ими стол.

— Что ж, пока. — Встаю и иду в дом.

Пару дней упорно притворяюсь, что мне все по барабану. Занимаюсь своими делами, словно никогда и не спала с рок-звездой. Наконец в среду Джонни не выдерживает.

— Мег, может, хватит? Это действует мне на нервы.

Он зашел в кабинет, чтобы уточнить время встречи в звукозаписывающей компании.

— Что именно действует тебе на нервы? — Окидываю его спокойным взглядом.

— Это! — восклицает он, разводя руки в стороны. — Ты! Хватит вести себя так, словно ничего не случилось.

— Чего ты хочешь от меня, Джонни? Чтобы я плакала? Скандалила? Уволилась? — Ставлю ударение на последнем слове.

— Нет! Сам не знаю! — раздраженно бросает он. — Ладно, мне пора. Увидимся.

Он выходит, а я возвращаюсь к работе, чувствуя странный прилив сил.

Позже он вновь появляется в кабинете.

— Как прошла встреча? — интересуюсь я.

— Хорошо. — Вижу, что Джонни растерян. — Что тебе наплел Кристиан? — спрашивает он, нахмурившись.

— О чем ты?

— Сама понимаешь, о чем.

— Не совсем, — нервно смеюсь я. — Выражайся точнее.

— Забудь! — фыркает Джонни и уносится прочь.

Отрадное зрелище.

На следующий день он снова приходит в кабинет.

— У тебя есть номер той цыпочки, Китти?

Сердце пропускает удар, но я не показываю вида.

— Конечно.

Нахожу номер в своем телефоне и записываю на обороте визитки. Так и не дождавшись вопросов, Джонни сам раскрывает карты:

— Она горячая штучка. Подумывал взять ее с собой на сегодняшнюю презентацию.

Так и хочется закричать: «Вот урод!».

— Она уже идет, — блефую я. — Со своим парнем. — Надеюсь, он меня не раскусит.

Он глядит на визитку, бурчит: «Облом!» и направляется к двери.

Продолжаю печатать, стараясь не дать волю гневу.

— Да ну к черту! — восклицает Джонни, отворачивается и бросает визитку в мусорную корзину.

— Что такое?

Он проводит руками по волосам и понуро опускается в черное кожаное кресло возле моего стола.

Разворачиваюсь к нему на стуле. Он наклоняется и смотрит на меня, уперев локти в колени.

— Отец звонил на прошлой неделе.

— Что? — Он наконец добился от меня каких-то эмоций. — Мне казалось, твой отец умер.

— Нет. Живет себе в Эссексе.

Кладу ногу на ногу и скрещиваю руки на груди.

— Что он сказал?

Джонни, потупившись, пожимает плечами. Терпеливо жду. Надоели эти уловки. Захочет, сам расскажет.

— Обзавелся подругой. Хочет жениться, — раздраженно бурчит Джонни.

— Понятно, — заинтригованно говорю я.

— Опять хочет денег, — добавляет Джонни с оттенком горечи в голосе.

— Хм... Дашь?

— Угу. У меня же их куры не клюют, верно?

Киваю.

— Верно. И часто он их просит?

Джонни откидывается на спинку кресла и закидывает ногу на колено.

— Ему и не требуется. Он и так каждый месяц получает определенную сумму. И получил дом.

— Ты купил?

— Да.

Учитывая, что папенька, похоже, тот еще тип, я как-то не думала, что Джонни пожелает ему помочь.

— Ты выглядишь удивленной, — замечает он.

— Я и удивлена.

— Почему?

Набираю в грудь воздуха и говорю:

— Никак не пойму тебя, Джонни Джефферсон. Ты такой переменчивый.

Он приподнимает бровь:

— Меня еще никто таким не называл.

Молчу, глядя ему в глаза.

Он наклоняется и касается моей ноги. Вздрагиваю.

— Не надо, — предупреждаю я.

Джонни глядит на меня с грустью.

— Прости меня, Мег.

Теперь я лишуюсь дара речи.

— Кристиан был прав.

— В чем? — осторожно спрашиваю я.

Джонни опять наклоняется и берет меня за руку. Я так ошарашена его извинениями, что не возражаю.

— Я не хочу, чтобы ты уезжала. — Адреналин пульсирует по венам. — Иди сюда. — Джонни пытается притянуть меня к себе, но я не даюсь.

— Нет, Джонни. Нет!

Он снова гладит мою ногу, касается руки, проводит пальцами по щеке.

— Хватит! — лепечу я, теряя остатки мужества.

— Ты нужна мне. — Джонни не сводит глаз с моих губ.

Задерживаю дыхание, не в силах больше сопротивляться. И тогда Джонни наклоняется и целует меня.

— Пойдем наверх, — шепчет он, ставя меня на ноги.

Уже позже, лежа в его объятиях и наслаждаясь нежным движением его мозолистых пальцев по моей обнаженной спине, стараюсь не думать о том, что происходило в этой постели всего несколько дней назад. Приподнимаюсь на локте и улыбаюсь Джонни.

«Я люблю тебя, Джонни Джефферсон, несмотря на все твои выходки».

— Знаешь, ты тоже мне нужен, — говорю я.

Он меняется в лице, словно надевает маску.

— Что-то случилось? — хмурюсь я.

— Ничего. — Он кажется раздраженным. — Мне пора собираться, — произносит он, вставая с кровати.

— Куда собираться? — не понимаю я.

— На презентацию.

— А! Ты все еще хочешь идти?

— Само собой. — Он направляется в свою ванную. — Не нужно вызывать Дейви. Поеду на мотоцикле.

Не стоит даже спрашивать, возьмет ли он и меня за компанию. Я знаю этот взгляд. Меня снова отшили, как ни горько это осознавать.

Не слышу, чтобы Джонни возвращался этой ночью. Не на шутку встревоженная, звоню Сэму.

— Так он, должно быть, спит, — сообщает охранник. — Прибыл часа в два ночи.

— Серьезно? — удивляюсь я.

Похоже, Джонни крался как мышь. Возможно, я напрасно тревожусь. Иду в кабинет и приступаю к работе. Часов в одиннадцать слышу за дверью шаги, направляющиеся к кухне.

«Это Джонни», — думаю про себя. Проходит несколько минут, но так и не дождавшись, когда он заглянет в кабинет, сама отправляюсь на поиски.

Подхожу к кухне, и все вокруг словно замедляется. Джонни там нет, зато есть девушка. И я сразу узнаю ее голос.

Переступаю порог и вижу Розу, ставящую две кружки с кофе на стол.

— Спасибо. — Лола берет кружки, поворачивается ко мне и вздрагивает, немного расплескав кофе. На ней рубашка Джонни, едва прикрывающая бедра.

— Мег! — смеется Лола. — Я не видела, что ты здесь стоишь. Прости, Роза, — обращается она уже к Розе, когда та присаживается с губкой.

— Ничего страшного, — отзывается Роза.

Лола робко мне улыбается.

— Как дела? Тебя не было вчера на презентации?

— Нет, — коротко отвечаю я.

— Не переживай. Ты ничего не пропустила, — продолжает улыбаться она.

Не улыбаюсь в ответ.

— Ладно, хорошо, — говорит она, собираясь проскользнуть мимо меня со своим кофе. — Надо отнести это Джонни.

Отступаю в сторону.

— Вызвать тебе машину? — наконец обретаю голос я. Хочу, чтобы она убралась отсюда.

— Нет, спасибо, — тепло благодарит Лола. — Джонни сказал, что сам меня отвезет. Если я смогу выдержать еще одну такую поездку. — Она добродушно закатывает глаза и направляется к лестнице. — Господи, ну и гоняет же он, да? — Ответа она, похоже, не ждет. — Одно дело ехать слегка подшофе, и совсем другое — на трезвую голову. Ладно, увидимся позже, — бросает она через плечо и на мгновение надувает губы, когда я не отрываюсь. Вижу, как она, поднявшись наверх, пытается отворить дверь спальни Джонни с кружками в руках. Через секунду дверь открывается. Слышу смех Джонни, когда Лола входит.

Оглядываюсь и обнаруживаю, что Роза тихо за мной наблюдает. Убегаю в кабинет и захлопываю за собой дверь.

Только не Лола! Кто угодно, только не она! Они идеальная пара. Она классная и очень талантливая. Она не потерпит никакого свинства с его стороны. Он ее уважает.

Голова идет кругом. Не могу работать. В три часа раздается стук в дверь. Встаю и открываю. Это Роза.

— Сегодня мне надо уйти пораньше, — сообщает она.

Отупело киваю.

— Как ты, милая? — сочувственно спрашивает Роза.

Молчу.

Она входит в кабинет и притворяет за собой дверь. Смотрю, как она приближается к моему столу.

— Иди ко мне. — Роза тянет меня за руку. Встаю, и она заключает меня в теплые душевные объятия.

Внезапно начинаю скучать по маме. По Бесс. По дому. По своему настоящему дому. Пытаюсь сдержать слезы, но не могу.

— Тише, тише, — шепчет Роза. — Успокойся.

— Прости, — рыдаю я.

— Тебе не за что просить у меня прощения!

Роза не говорит, что я сама виновата. Не говорит: «Я же предупреждала», хотя могла бы поведать, что уже наблюдала точно такую же историю и невооруженным глазом видела, как я иду по стопам Паолы. Однако Роза терпит мои рыдания и старательно утешает. В конце концов она отстраняется.

— Мне надо идти, милая. Сегодня у дочки школьный спектакль.

— Конечно, — вымученно улыбаюсь я. — Передай, что я желаю ей удачи.

— Передам.

Джонни не приходит домой ночевать, видимо, оставшись у Лолы. Не нахожу себе места, сидя этим пятничным вечером в его пустых хоромах и представляя, как развлекаются мои друзья в Лондоне.

Он возвращается на следующий день. Слышу его шаги, но остаюсь в своей комнате, предаваясь тяжелым думам. Через несколько часов все-таки решаю спуститься.

Смотрю через стекло на панораму Лос-Анджелеса, утопающего в полуденном мареве, и больше не чувствую восхищения. Джонни сидит на одном из шезлонгов. Его светлые волосы частично заслоняют лицо, но я вижу в уголке его рта сигарету и бутылку виски рядом с ним. Он брэнчит на гитаре. Слежу за игрой мускулов на его татуированных руках, и невидимые нити словно тянутся от живота к сердцу. Эти нити связывают меня с Джонни. Куда он, туда и я. Пытаюсь оборвать их, но они сплетаются заново. Господи, как же больно!

Надо убираться отсюда.

Слезы щиплют глаза, когда я решительно шагаю в кабинет. Звоню турагенту Джонни и бронирую билет на ближайший рейс до Лондона. Потом набираю Дейви и прошу подъехать за мной в три часа. Вылет назначен на вечер, но лучше сидеть в аэропорту, чем маяться здесь. Знаю, что могу передумать, если начну мешкать.

Забираю свой чемодан со стеллажа в постирочной, несу наверх и начинаю кидать в него вещи из шкафов. Замечаю овечку, которую Джонни купил мне в Дейлсе. Она сидит на полке открытого гардероба и наблюдает, как я собираю пожитки. Заполнив чемодан, замираю и смотрю на игрушку.

Нет, решаю я и, наклонившись, застегиваю молнию. Пусть сидит там, где сидит. Рисую в воображении, как Джонни заходит ко мне, распахивает дверцы шкафа и с замиранием сердца обнаруживает, что я ушла.

Вероятнее всего, Роза или горничная придут сюда первыми и выбросят овечку, но мне больше нравится свой сценарий.

Пишу записку Розе, тщательно обдумывая слова.

«Мне пришлось уехать. Прости, но думаю, ты знаешь причину. Мне было очень приятно работать с тобой, и я буду скучать. Желаю тебе и твоей семье всего самого наилучшего. Передай, пожалуйста, сердечный привет Льюису, Сэму, Теду и Сэнди...»

Оставляю послание на кухне за тостером. Джонни вряд ли его найдет, а Роза наверняка обнаружит, когда придет в понедельник.

Выглядываю в окно. Шезлонг пуст, Джонни нигде не видно. Может, это и к лучшему.

Звонит домофон. Пора.

Выезжая из ворот, вижу знакомый зеленый грузовичок.

Сантьяго! Я совсем о нем забыла.

— Стой! — говорю я Дейви и выпрыгиваю из машины.

— Мег, привет! — здоровается паренек.

— Сантьяго, я уезжаю.

— Уезжаешь? Почему? — удивляется он.

— Не сложилось.

— Черт! Жаль. С кем теперь я буду болтать по субботам?

— А ты не болтай, а работай, — смеюсь я, и он тоже смеется.

Беру ручку с его приборной панели и пишу свой электронный адрес на клочке картона.

В машине Сантьяго полно разных оберток от фастфуда.

— Пиши мне, — вручаю я ему записку.

— У меня нет электронной почты, — печально признается он, разглядывая мою писанину.

— Да ладно!

Он пожимает плечами.

Смеюсь.

— Ты ведь знаешь, что это бесплатно?

— Ладно, тогда заведу себе ящик, — соглашается он, но что-то подсказывает: письма от него не дождешься.

Внезапно слышу рев мотора. У меня перехватывает дыхание, когда Джонни выезжает из ворот на своем черном хромированном байке, сверкающем на ярком солнце.

— До встречи. — Сантьяго бросает на меня выразительный взгляд, потом смотрит на Джонни и проезжает в открытые ворота.

Джонни снимает шлем.

— Куда собралась?

— Я уезжаю, Джонни. — Стараюсь, чтобы голос звучал ровно.

— Вот так просто?

— Вот так просто.

Молча глядим друг на друга какое-то время. Смутно осознаю, что Дейви ждет меня в машине.

Джонни коротко кивает.

— Ладно, пока.

Вновь надев шлем, он давит на газ и уносится прочь, оставляя за собой пыльный след.

Не знаю, чего я ожидала. Чтобы он не позволил мне уехать, умолял остаться, сказал, что совершил ошибку?

Нет, в конце концов, из нас двоих именно Джонни оборвал связующие нити.

Позже на борту самолета гляжу в иллюминатор, пытаюсь не расплакаться. Я продержалась на этой работе всего полгода — даже меньше, чем Паола — и теперь возвращаюсь домой с поджатым хвостом.

Печаль давит на сердце тяжелым безмолвным грузом. Крепко скрещиваю руки и прижимаю их к груди, но боль не проходит. Меня словно расплющивает, и никто не в силах снять с меня этот гнет. Некому излить душу. О нас с Джонни знает только Кристиан, и я чувствую себя бесконечно одинокой.

Глава 30

— Мама говорит, ты потеряла работу.

— Я не потеряла работу, а уволилась, — терпеливо разъясняю я сестре по телефону.

Я сижу в квартире Бесс на диване, на котором сплю последний месяц. Серена отсутствовала первые две недели, однако теперь вернулась и стало тесновато. Надо бы подыскать другое жилье, но я пока не в силах себя на это подвигнуть.

Насмотревшись дневных телепередач и приговорив несколько пачек мармеладок, неделю назад я все-таки оторвала задницу от дивана и нашла работу. Первым делом позвонила Мари, бывшей начальнице. Пару минут она пела дифирамбы своему замечательному новому ассистенту — что, признаться, никак не повлияло на мою самооценку. Когда мне, в конце концов, удалось вставить слово и сообщить ей, что я осталась без работы, она виновато замолчала.

— А знаешь? — стараюсь помочь, наконец сказала она. — Я только что закончила заказ владельца закрытого клуба в Сохо. Он упоминал, что набирает персонал. Если хочешь, могу дать его номер.

Мари решила, что речь шла об офисных работниках, однако когда оказалось, что ему требуются официантки, я подумала: «А почему бы и нет?». Мне до смерти надоело без конца нянчиться с одним человеком. Да, официантки нянчатся с кучей людей, но тут хотя бы нет ничего личного. Клиенты приходят, оставляют чаевые и уходят, и такой расклад мне по душе.

— Не верится, что ты совсем мне не звонила! — жалуется Сьюзен.

— Ну, ты тоже мне не звонила! — парирую я.

— Не хотела тебя дергать. Мама все время повторяла, что ты очень занята.

— Я была занята, — признаю я. — Зато сейчас можем поболтать. Чем ты занималась?

— Почему ты потеряла работу? — спрашивает сестра, возвращаясь к Джонни.

— Просто не сложилось, — отвечаю я.

— Да ладно, расскажи, что произошло...

— Сьюзен, я не смогла бы тебе рассказать, даже если бы захотела. Я подписала договор о неразглашении.

И кто меня за язык тянул? Теперь сестра теряется в догадках и несколько минут выпытывает подробности.

— Тони злится, ведь ты так и не прислала ему диск с автографом, — наконец переключается она, имея в виду своего надоедливого мужа.

— Я не знала, что Тони хочет диск с автографом, — вздыхаю я.

— Знала бы, если бы позвонила...

Снова-здорово. О да, нет места лучше дома.

Средства массовой информации ни словом не упоминали о Джонни. Он вел себя на удивление тихо. Небось отсиживался дома, занимаясь сексом с Лолой. От этой мысли меня передергивает.

Мне не дает покоя, что я не могу быть откровенной с Бесс. Поначалу она относилась ко мне с прохладцей. По правде говоря, она по-прежнему держится отчужденно, и я не представляю, как мы это преодолеем.

Наконец я вешаю трубку и снова плюхаюсь на диван, направляю пульт на телик, чтобы включить звук. В гостиной царит хаос. Не так-то легко столько времени жить на чемоданах. Уверена, Серена должна бы досадовать на меня, однако она терзается угрызениями совести,

не зная, то ли ей съехать и вернуть мне мою старую комнату, то ли нет. Сомневаюсь, что хочу, чтобы она уезжала. Необходимо обзавестись собственным жильем. Я даже подумывала купить студию или что-то подобное. Приличной суммы, которую я скопила, работая на Джонни, хватило бы на первоначальный взнос. Но даже не знаю. А может, попутешествовать? Я пока не определилась.

В закрытый клуб, где я работаю, навевается масса знаменитостей. Так странно, находясь по другую сторону, наблюдать за ними и при этом знать всю подноготную мира, в котором они живут.

Я как раз на работе, с бутылкой дорогого красного вина направляюсь к столику, за которым ужинают двое мужчин: пожилой и молодой. Замечаю, как мужчина постарше украдкой передает юноше прозрачный пластиковый пакетик. В молодом парне узнаю ведущего детской телепередачи. Подаю вино, а после нахожу моего начальника. Наркотики в клубе строжайше запрещены.

— Извините! — Я оборачиваюсь на голос с американским акцентом. — Не принесете нам бутылку воды?

Стараюсь не выказать удивления при виде Айлы Монтанье, сидящей за столиком вместе с Уиллом Треппером — классным британским актером, ради совместной жизни с которым она и переехала в Англию.

— Конечно. С газом или без? — уточняю я.

— Без газа.

Она смотрит на меня сузившимися глазами. Не обращая на нее внимания, отворачиваюсь.

— Я вас знаю, — говорит Айла чуть позже, когда я приношу ей воду.

— Правда? — невинно спрашиваю я.

— Да. Мы встречались в Лос-Анджелесе?

— Нет, — отрицаю я.

— Хм. Уверена, что где-то вас видела.

Я наливаю воду и принимаю заказ. Когда возвращаюсь с едой, Айла вытягивается в струнку.

— Ассистентка Джонни Джефферсона! Ведь верно же?

Осматриваюсь вокруг, желая удостовериться, что никто ее не слышал, потом киваю.

Довольная собой, она откидывается на спинку стула.

— Я так и знала! Каким ветром тебя сюда занесло? — интересуется Айла, бросая надменный взгляд на мою черно-белую униформу.

— Захотелось перемен.

Клиент, сидящий через несколько столиков от нас, показывает, что ему нужен счет. Испытывая облегчение, извиняюсь и возвращаюсь к работе.

Когда клуб пустеет и я принимаюсь наводить порядок, Айла снова подзывает меня к своему столику. Последние пару часов они с Уиллом сидели в обнимку на угловом диване.

— Мне требуется ассистентка. Если тебе интересно...

— Гм, спасибо, но я не очень-то хорошо справлялась.

— Не верю.

— Почему?

— Потому что Чарли тебе завидовала. — Айла смеется звенящим смехом.

Теперь меня снедает любопытство.

— С Чарли что-то случилось?

— Она ненадолго уехала в Нью-Йорк, чтобы заботиться о матери.

— О мачехе? — Бедняжка Чарли — вынуждена заботиться об этой злобной алкоголичке.

— Нет, о родной матери.

— Разве ее мама не умерла?

— Бога ради, с чего ты это взяла?

— По правде говоря, не знаю. Значит, ее родная мать алкоголичка?

Айла смотрит на меня, как на глупышку.

— Нет, — медленно отвечает она. — Ее родная мать сломала ногу, катаясь в прошлом месяце на лыжах. Кажется, Чарли упоминала, что у ее мачехи проблемы с выпивкой, но она с ней почти не видится. Ее мать получила огромные отступные, когда развелась с ее отцом много лет назад, поэтому-то Чарли такая избалованная паршивка.

Айла снова смеется.

— Ну конечно.

— Ну как? — спрашивает она. — Не желаешь убраться из этого заведения и стать моей личной помощницей?

Уилл Треппер смотрит на меня сверкающими голубыми глазами. Я вроде как польщена. Но не настолько.

— Спасибо, но, как я уже говорила, я не очень-то хорошо справлялась.

Айла закатывает глаза и смотрит на Уилла. Тот пожимает плечами.

— Дело твое, — подводит итог она.

Я возвращаюсь к протирке столиков.

На этой же неделе Айла вновь навещает клуб.

— Еще раз привет, — здоровается она.

— Привет, — откликаюсь я. — Что вам принести?

— Я поговорила с Джонни, — небрежно бросает она. Мое сердце начинает биться в два раза быстрее. — Он сказал, что ты отличная ассистентка.

Я с усилием сглатываю.

— Правда?

— Да. Он очень удивился, услышав, что ты здесь работаешь. — Я помалкиваю. — Ну как? Не желаешь поработать на меня?

— Я уже говорила...

— Что ты отвратительная личная помощница. Да-да, я помню, — отмахивается она. — Но теперь-то я выяснила, что ты солгала, поэтому предложение по-прежнему в силе.

— Послушайте, — вздыхаю я. — Я очень ценю ваше предложение и все...

— Ты и правда намерена мне отказать? — подначивает Айла.

На миг встречаюсь с ней взглядом, зная, что начальник наблюдает за мной из-за барной стойки.

— Да, — отвечаю я и отворачиваюсь.

— О чем вы беседовали? — позже спрашивает начальник.

— Ни о чем.

— Мег, она не выглядела довольной. Лучше расскажи мне, о чем вы беседовали, чтобы я мог возместить нанесенный тобой ущерб, — тщательно выговаривает он.

— Она предложила мне работу, — сообщаю я. Начальник вздрагивает от неожиданности. — Я отказалась, — добавляю я и, не дожидаясь его реакции, возвращаюсь к своим делам.

Лишь позднее, когда сижу «дома» на диване, до меня начинают доходить слова Айлы.

Джонни известно, где я.

Я так старалась о нем не думать. Избегала разговоров о нем, не читала газет и журналов, которые могли о нем написать. Я даже ушла из магазина «Френч коннекшн», потому что там начали крутить песню Джонни. А теперь...

Теперь... Ему известно, где я. Он мог бы приехать и найти меня, если бы захотел.

От этой мысли ноет сердце.

Хватит, Мег! Он мерзавец! Так и подмывает надавать себе по лицу, чтобы прийти в себя.

Та жизнь осталась в прошлом. Он не придет за тобой. Никто за тобой не придет.
ПРОДОЛЖАЙ ЖИТЬ!

Но тут судорога перехватывает горло, и, не сдержавшись, я принимаюсь рыдать.

Проклятье! Где эти чертовы платки, когда они так нужны? Иду в ванную и прижимаю к лицу рулон туалетной бумаги, пытаюсь заглушить всхлипывания. Время за полночь. Бесс с Сереной уже спят. Высморкавшись, возвращаюсь в свою так называемую постель. Однако стоит мне перестать плакать, как слезы снова брызжут из глаз. Я тихо всхлипываю, уткнувшись в подушку.

— Что случилось? — раздается сверху обеспокоенный голос Бесс.

Видимо, не так уж тихо я всхлипываю.

— Ничего, — отвечаю я. — Иди спать.

Она садится на диван.

— Мег, расскажи, что произошло.

— Не могу! — воплю я, а потом бросаю обеспокоенный взгляд на дверь спальни Серены — моей спальни.

— Не волнуйся, она затыкает на ночь уши. И храпит как слон, — склонив голову набок, говорит Бесс.

— Откуда ты знаешь, как храпит слон? — сквозь слезы спрашиваю я.

Бесс ухмыляется.

— Вот теперь ты похожа на саму себя. — Ее лицо поникает. — Прости. Я ни на что не намекала...

Я опускаю взгляд на руки. А знаете? К черту договор о неразглашении!

— Не вздумай никому проболтаться о том, что я сейчас расскажу, — предупреждаю я.

— Ни за что! — шипит Бесс.

— Я не шучу. На меня могут подать в суд...

— Заткнись, Мег.

— Ладно...

Глубоко вдохнув, я выкладываю всю печальную историю от начала до конца. Время от времени Бесс визжит: «Боже мой!», — но в целом ведет себя на удивление сдержанно.

— И вот я здесь, — наконец заканчиваю я.

Она изумленно качает головой.

— Поверить не могу, что ты переспала с Джонни Джефферсоном! — в миллиардный раз восклицает Бесс.

Месяц назад ее реакция меня рассмешила бы. А сейчас мне грустно.

— Как, черт возьми, ты умудрялась это скрывать? — спрашивает Бесс.

— Я хотела тебе рассказать. Очень. Но не могла.

— Нет, могла бы, — состроив гримасу, возражает она.

— Нет, Бесс, не могла...

— Нет. Ты. Могла. Бы, — повторяет она.

Я вздыхаю.

— Меня беспокоило, что ты выболтаешь все Серене, а она продаст мою историю таблоидам или еще куда-нибудь.

— Только не Серене! — выговаривает мне Бесс. — Блин, да у нее же язык без костей.

Если честно, она немного назойлива.

— Правда? — хихикаю я.

— Ага, — кивает Бесс. — Зато готовит кошмарные спагетти карбонара. Приятное разнообразие после тостов с подгоревшими бобами.

Теперь я смеюсь.

— Я знала, что сумею тебя рассмешить, — улыбается Бесс. — С самого возвращения ты меня чертовски угнетала.

— Прости.

— Не бери в голову. Ты в порядке? — Она передает мне пару обрывков туалетной бумаги, и я промокаю слезы.

— Буду. Хотя сейчас мне так не кажется. Боже. — Я шмыгаю носом. — Я продержалась всего полгода. Даже гребаная Паола работала восемь месяцев!

— Не кори себя за это, — беспечно заявляет Бесс. — На тебя он запал гораздо быстрее, чем на нее. По-моему, сейчас тебе наоборот следует быть чертовски довольной собой.

Ха. Об этом я как-то не подумала.

Глава 31

Спустя неделю, по-прежнему взвинченная, выхожу на работу в вечернюю смену и вижу блондина, сидящего за столиком лицом к стене. Почти сразу понимаю, что это не Джонни, но секундное замешательство меня тревожит. Конечно же, моя влюбленность еще не прошла. До этого еще далеко. И хотя он ужасно со мной обошелся, меня не покидает мысль, что, возможно, он придет за мной. Небывалая глупость.

Я так нервничаю из-за клиентов-блондинов, что даже не замечаю брюнета, пока не оказываюсь с ним лицом к лицу.

— Кристиан!

— Привет, Мег, — улыбается он.

— Как ты меня нашел? — удивленно спрашиваю я, а потом добавляю: — Ты ведь меня искал? Или случайно сюда заскочил? — Пожалуйста, только не последнее. Иначе стыда не оберешься.

— Джонни сказал, ты здесь работаешь.

— Джонни? Неужели?

— Да, — спокойно подтверждает Кристиан.

— Что ты здесь делаешь? — интересуюсь я, надеясь, что не кажусь грубой.

Он неловко ерзает на стуле, а потом отвечает:

— Я хотел увидеть... Хотел удостовериться, что ты в порядке.

Краем глаза замечаю начальника.

— Принести тебе что-нибудь? — вынимая блокнот, предлагаю я. — Шеф за мной наблюдает, — произношу я одними губами.

— А, ладно. Да. — Кристиан читает меню. — Я буду... Хм, что посоветуешь?

— Настоятельно рекомендую жареного цыпленка. Картофель фри — пальчики оближешь.

— На самом деле, я бы выпил кофе. — Он захлопывает меню, и я протягиваю руку, чтобы его забрать. — Поболтаем позже?

— Постараюсь подойти, когда он устроит перекур, — шепчу я.

Через полчаса, как и обещала, возвращаюсь к Кристиану.

— Ну и чем занимаешься? Помимо того, что работаешь здесь? Где живешь?

— У моей подруги Бесс. На диване. Помнишь ее? Вы встречались на концерте на Уэмбли.

— Да, точно.

— Там тесновато, — продолжаю я. — Вообще-то, я подыскиваю комнату с подселением. Если тебе что-нибудь подвернется... — Кристиан задумчиво кивает. — Ой, прости, я трещу без умолку. Ну а ты как? Чем занимался?

В этот момент возвращается мой начальник. Бросаю на него нервный взгляд.

— Твой босс уже вернулся? — спрашивает Кристиан.

— М-м-м.

— Вот что, мне все равно надо бежать. У меня назначена встреча с издателем. — Он вскидывает брови, прикидываясь важным. — Однако я хотел бы знать, не поужинаешь ли ты со мной?

— Поужинаю?

— Ну да, наверстаем упущенное. Расскажешь, как ты... — добавляет Кристиан.

— Гм, конечно, давай, — смущенно соглашаюсь я. Не хочу вводить его в заблуждение.

— Когда ты свободна? — невозмутимо уточняет он.

— Э-э, завтра вечером.

— Отлично. Где ты живешь? Предпочитаешь местное заведение?

— В районе Лондонского моста. Но я не прочь прокатиться. А ты где живешь? — любопытствую я.

— В Белсайз-парк, на севере Лондона.

— Тогда встречаемся посередине? — ухмыляюсь я. — Бар «Сохо»?

— В восемь?

— Заметано.

Кристиан поднимается и кидает деньги на столик.

— О, я принес тебе кое-что. — Он протягивает мне бумажный пакет и быстро добавляет: — Так, пустяк. Посмотришь, когда твой начальник не будет за тобой наблюдать.

— Ух ты. Ладно. До завтра!

Когда Кристиан уходит, открываю пакет и, не сдержавшись, хихикаю. Он доверху набит конфетами.

— Джонни знает, что ты ужинаешь со мной? — Я настороженно смотрю на Кристиана через стол.

— Нет, — откинувшись на спинку стула, коротко отвечает он. — А ты хочешь, чтобы он

знал?

Я чешу голову.

— Нет. Не знаю.

— Мы мало разговаривали с тех пор, как виделись в последний раз.

— В Лос-Анджелесе? — уточняю я. — После той ночи?

— Да, — подтверждает Кристиан, постукивая пальцами по столу.

— Мне не по себе.

— Почему? — Он выглядит растерянным.

— Я вбила клин между вами.

— Не мели чепухи, Мег. Ничего не изменилось. Вообще. Когда мы снова встретимся, то будем вести себя, как всегда. Просто я много писал, и у меня не было времени с кем-либо общаться. Кроме тебя, — добавляет Кристиан.

Я улыбаюсь ему, больше не испытывая смущения. Если честно, мне очень уютно в его компании.

— Черт, — внезапно бормочет он.

— Что такое?

Кристиан косится в сторону.

— Только что вошла моя бывшая.

Проследив за его взглядом, замечаю высокую фигуристую брюнетку с волнистыми волосами в сопровождении широкоплечего загорелого мужчины. Она разговаривает с официантом.

— Ты в порядке? — спрашиваю я Кристиана.

Он кивает, но я вижу, что это отнюдь не так.

— Сделаем это?

Он ухмыляется, точно зная, что я имею в виду.

— Твой ход.

Протянув руку через стол, кладу ее на руку Кристиана. Мы оба наклоняемся и с обожанием смотрим друг на друга.

— Кристиан, — начинаю я, — бо-о-о-льшее тебе спасибо за столь продуманный подарок.

Кристиан ласково мне улыбается. Замечаю, что он сдерживает смех.

— Мег, ты его заслужила. — Он гладит уголок моих губ. — У тебя кетчуп...

— Правда? — Хихикая, беру салфетку.

— Клэр! Привет! — здоровается Кристиан.

Поднимаю взгляд и вижу его бывшую у нашего столика. Лучезарно ей улыбаюсь.

Она неприветливо улыбается в ответ, глядя на меня сверху вниз.

— Привет, Кристиан.

— Клэр, — тепло повторяет он. — Это Мег. Мег, Клэр.

— Приятно познакомиться! — радостно произношу я, пожимая ее холодную руку.

— Привет. — Кажется, ей неловко. — Это Борис.

— Привет, — весело приветствует его Кристиан, пожимая ему руку.

— Мы заскочили перекусить, — сообщает Клэр.

— Подумать только, мы тоже! — захлебываясь от восторга, восклицает Кристиан, и я пинаю его под столом. Не переигрывай, приятель. — Советую попробовать бургеры.

Клэр бросает на него надменный взгляд.

— Я вегетарианка, забыл?

— О черт, прости, — смеется Кристиан. — Вылетело из головы. Что ж, удачного дня! И вам тоже. — Он широко улыбается Борису, который до сей поры молчал.

Тот кивает, обвивает рукой талию Клэр и ведет спутницу к столику, где терпеливо ждет официант с меню. Кристиан смотрит им вслед.

— Кристиан, — твердо говорю я.

— М-м-м? — рассеянно мычит он.

— Взгляд на меня. Не выдавай себя.

— Да, точно. — Он переключает внимание на еду. Берет нож и вилку и снова кладет их на стол.

— У тебя же не пропал аппетит? — обеспокоенно спрашиваю я.

Кристиан глубоко вздыхает и отвечает:

— Малость пропал.

Я выпячиваю нижнюю губу.

— Неужели хочешь уйти? Здесь подают отличные десерты... — искушаю я.

— Может, лучше поедим мороженого на Лестер-сквер? — предлагает он.

— Мороженое? В такую погоду? — удивляюсь я, а потом хлопаю себя по лбу. — Прости, на секунду забыла, с кем я. Ладно, идем.

— Было немного странно, — признается Кристиан спустя некоторое время после того, как мы, держась за руки, вышли из ресторана.

Потираю его ладонь.

— Ты в порядке?

— Ага.

— Ты правда забыл, что она вегетарианка?

— Не-а, — качая головой, ухмыляется Кристиан.

— О... Отличный ход, — впечатлившись, говорю я.

— Я молодец. — Все еще ухмыляясь, он добавляет: — Кстати, спасибо. Очень тебе признателен.

— Уверена, ты сделал бы для меня то же самое. — Я улыбаюсь, думая о Томе, моем бывшем. И вдруг вспоминаю Джонни. Улыбка сходит с лица как раз, когда Кристиан бросает на меня взгляд.

— Итак, где ты хочешь жить? — меняет он тему.

— Не знаю. На самом деле, где угодно, лишь бы недалеко от работы.

— Продолжишь работать там?

— Да, — с оборонительными нотками в голосе отвечаю я.

— Это правда, что Айла Монтанье предложила тебе место? — Кристиан искоса смотрит на меня.

— Да, предложила. — Я улыбаюсь. — Якобы Джонни сказал, что я отличная ассистентка. — Я закатываю глаза, стараясь выглядеть беспечной.

— Так и есть, — утверждает Кристиан. — Гораздо лучше красотки Паолы. — Он в шутку повторяет остроу, которую отпустил во время турне.

— Думаешь, во всем? — интересуюсь я и тут же зажимаю рот ладонью. — Прости, это было совершенно неприемлемо.

Кристиан усмехается, но ничего не отвечает.

Намного позже, после того как съели мороженое, побродили по улицам, выпили кофе и

проболтали весь вечер напролет, мы с Кристианом стоим в самом сердце Лондона на станции метро «Тоттенхэм-корт-роуд» между двумя платформами. Он направляется на север по северной ветке, а я — на юг.

— А знаешь, — говорит он мне, — если хочешь, у меня имеется свободная комната.

— Э-э... Правда? — удивляюсь я.

— Да.

— И ты подумывал ее сдать? — уточняю я.

— Нет, — признается Кристиан. — Но если соседка из тебя под стать ассистентке, вряд ли я прогадаю.

— Ну, тебе следует обратиться за рекомендацией к Бесс, — советую я, а потом добавляю: — Лучше не надо. В гостиной царит хаос. Ой, наверное, не стоило об этом вспоминать.

Кристиан усмехается.

— Почему бы тебе не заскочить на чай и посмотреть комнату?

— Ладно. Когда?

— Сможешь в эти выходные?

— В воскресенье днем подойдет?

— Прекрасно.

Он строчит свой адрес в блокноте со скоростью поезда, мчащегося по путям позади меня.

— Это мой! — восклицаю я, хватаю клочок бумаги и, приподнявшись, чмокаю Кристиана в щеку.

— До встречи, Меган, — улыбается он.

У Кристиана великолепное жилище. Он проживает в двухэтажной квартире в большом белом георгианском особняке. В передней части нижнего этажа расположена гостиная с огромным эркером, а в задней — кухня и столовая, откуда двустворчатые двери ведут в маленький сад. Наверху имеются две спальни, большая ванная и маленький кабинет.

— Она прекрасна, — где-то в двенадцатый раз повторяю я.

Честно говоря, мне интересно, на какие шиши Кристиан ее купил, ведь до супердорогущего Хэмпстеда отсюда рукой подать. Мне приходит на ум, что, возможно, Джонни ему помог, но как только возникает эта мысль, Кристиан поясняет:

— Мне очень повезло на рынке недвижимости.

— Что ты имеешь в виду?

— Устроившись по окончании университета на работу, я сразу же приобрел небольшую студию в Ислингтоне и подзаработал на ней.

— Достаточно, чтобы купить это? — удивляюсь я.

— Нет, однако мне хватило на покупку и ремонт двухкомнатной квартирki. Через пару лет я скопил достаточно, чтобы приобрести жилье получше. Еще через пару лет все повторилось. Как я и говорил, мне очень повезло.

— А по-моему, везение ни при чем, — изумленно возражаю я. — Сдается мне, ты действовал умно.

Кристиан улыбается.

— Итак, что думаешь? Не желаешь переехать?

— Я бы с радостью. Но ты уверен? Раз ты не сдавал раньше комнату... Я тебя не

стесню?

— Ты забываешь, что я жил с девушкой, — отвечает он. — И, если честно, ненавижу жить один. Я компанейский парень.

— Я тоже, — улыбаюсь я. — Подумывала купить студию, но, полагаю, одной мне будет тоскливо.

Кристиан интересуется, сколько я платила Бесс, и мы оговариваем ежемесячную сумму без учета счетов. Потом он идет на кухню, где ставит чайник. Я останавливаюсь у двустворчатых дверей и гляжу на зимний сад, опустевший, но такой чистый и аккуратный. Уверена, весной сад очень красив. Меня охватывает радость при мысли, что я буду здесь и увижу, как он зацветет.

— Ты часто выходишь в сад? — взяв протянутую кружку, спрашиваю я.

— Да, частенько. Мне вроде как нравится возиться с растениями. А тебе?

— У меня не было сада с тех пор, как я поселилась в Лондоне, но, да, идея мне по душе.

— Ну, я посадил луковицы и подстриг кусты, — шутливым голосом говорит Кристиан, подражая фермеру Джо. — Так что через пару недель будет красотища.

— Дурачок, — смеюсь я и отпиваю чай. — Когда можно переехать?

Глава 32

Мне всего-то и надо, что покинуть разбросанные вещи в потрепанный чемодан и снова его застегнуть, поэтому я готова переехать в свой следующий выходной. Бесс жалеет, что я уезжаю.

— Нет! Зачем тебе уезжать?

— Я не могу вечно спать на твоём диване...

— Нет, можешь. К тому же наполовину он твой, не забывай, — канючит она.

— Оставь его себе, — расщедриваюсь я и смеюсь. Мы нашли диван на обочине дороги полтора года назад. Он был в довольно хорошем состоянии.

— Проклятая северянка, — бормочет Бесс, потом долго и крепко меня обнимает и, скрепя сердце, обещает вскоре навестить.

Вечером в день переезда Кристиан готовит мексиканские фахитас, и я вспоминаю Розу и еду, которую она мне подала в первый день у Джонни.

— О чем думаешь? — интересуется Кристиан, и я делюсь с ним мыслями.

— Что, по-твоему, скажет Джонни, когда узнает, что я переехала к тебе? — спрашиваю я.

— Ему необязательно знать, если не хочешь. В любом случае он бывал у меня лишь однажды.

Решаю промолчать. Не желаю, чтобы Кристиан понял, что я хочу, чтобы Джонни знал, где я живу.

Звонит телефон. Извинившись, Кристиан идет отвечать. Он берет трубку, переходит в гостиную, плюхается на диван и кладет скрещенные ноги на кофейный столик. Из слов Кристиана заключаю, что на проводе его мать.

— Извини, — вернувшись за стол, снова говорит он. — Мама сама не своя из-за свадьбы моего брата.

— Антона, верно?

— Да.

— Почему твоя мама сама не своя?

— Обычная свадебная лабуда. Гости не ответили на приглашения, кондитер вылетел в трубу, платье Ванессы до сих пор не готово...

— Ванессы?

— Невесты брата, — поясняет Кристиан.

— Когда свадьба?

— Через пару недель.

— Ты его шафер?

— Вообще-то, нет. Наглый мерзавец пригласил своего однокурсника, и другие шаферы ему не нужны.

— О. Ты расстроен?

— Не-а. На самом деле, чертовски рад, что не придется толкать речь. Зато смогу напиться.

Кристиан вздыхает и, откинувшись на спинку стула, потирает живот.

— Было очень вкусно. — Я встаю и принимаюсь убирать со стола. — Ты хорошо готовишь.

— Не так хорошо, как Роза. — Он поднимается. — Но и не так уж плохо.

— Клэр умела готовить? — следуя за ним на кухню, спрашиваю я.

— Да, но она питалась только вегетарианской дрянью. Поэтому мне приходилось самому себя кормить, — мелодраматично добавляет он.

— Сколько вы прожили вместе? — интересуюсь я, когда Кристиан начинает загружать посудомоечную машину. Отыскав пищевую пленку, накрываю ею миски с сальсой и сметаной.

— Пару лет, где-то около того. — Кристиан стонет и закатывает глаза. — Это еще одна проблема, которая выводит маму из себя — мне не с кем пойти на свадьбу.

— Ты не обязан никого приводить.

— По мнению мамы, обязан.

— Я пойду с тобой, — в шутку предлагаю я.

Его глаза загораются.

— Правда?

— Э... — Такого я не ожидала. — Полагаю, я могла бы.

— Было бы здорово! — с восторгом произносит Кристиан.

— Мне ведь не придется притворяться твоей девушкой и все такое?

— Нет, не волнуйся, — посмеивается он. — Просто маму заботит схема рассадки гостей. Но она будет рада наконец с тобой познакомиться.

— Наконец? — уточняю я.

— О. Ну, я рассказывал ей о тебе.

— Неужели? — весело спрашиваю я. — Зачем?

— Я лишь упомянул, что ты составляла мне компанию в Лос-Анджелесе. Ее все еще беспокоит влияние Джонни на меня. Она так и не простила его за то, что он трахнул мою подружку. — Я жую нижнюю губу. — В любом случае будет здорово. Спасибо тебе! — продолжает он, споласкивает губку и направляется к столу. Я иду следом.

— Да не за что. Осталось только подобрать платье.

— То, которое ты надевала на вечеринку как-там-его на холмах, подойдет.

— Которое? Синее?

— Да. Оно очень красивое.

Он замолкает, протирает стол, потом смотрит на меня.

— Спасибо, — удивленно благодарю я. — Но чем не повод прошвырнуться по магазинам? Пожалуй, заскочу утром в Хэмпстед и что-нибудь подыщу.

Кристиан так мил и заботлив. Наблюдаю, как он возвращается в современную открытую кухню, снова споласкивает губку и протирает столешницы. На нем черная водолазка и темно-синие джинсы. И, может, все дело в цвете, но, ей-богу, он хуже, чем мне помнилось.

Неужто Китти была права относительно него? Я о том, что нравлюсь ему.

Китти! Бог мой. Я все собиралась посмотреть почту, но за несколько недель так и не добралась до компьютера, а свой айфон оставила в кабинете у Джонни, поскольку посчитала, что не вправе его забрать.

— Эй, можно я воспользуюсь твоим компьютером, чтобы проверить почту? — спрашиваю я Кристиана.

— Конечно. — Он отводит меня наверх в кабинет, открывает ноутбук, вводит пароль и отходит.

Придвигаю стул и сажусь. Захожу в почту, но в ящике один спам. Вспоминаю, что не давала Китти адрес личной почты, только рабочей. Глубоко вдохнув, начинаю набирать сообщение. Будет трудно объяснить, почему я уволилась. Китти точно подумает, что я угодила в щекотливую ситуацию, тем более я так долго ей не писала. Извиняюсь, что не связалась с ней раньше, а потом насколько могу приукрашиваю обстоятельства — пишу, что скучала по Лондону и захотела сюда вернуться. Она смекнет, что все не так просто. Я лишь надеюсь, что наше понимание условий о неразглашении удержит ее от излишних расспросов.

На следующий день вновь одалживаю у Кристиана компьютер, чтобы проверить, ответила ли Китти. Она ответила.

«ВОТ ТЫ ГДЕ!!!!!!!!!!!!!! Не верится, что ты уехала, не попрощавшись!!!!!!!!!!!!!! Обществ ЛПЗ без ума от твоего исчезновения. Все думают, что ты переспала с Джонни».

Проклятье!

«Но ведь это не так, верно?!!!! Но даже если так, вряд ли ты смогла бы мне рассказать... И это что еще за новости про твой переезд к Кристиану? Он уже пригласил тебя на свидание? Попомни мое слово, мисс Стайлз, со дня на день пригласит».

Просматриваю письмо в поисках других упоминаний Джонни, но ничего не нахожу. Там лишь о последнем фильме Рода, о недавней премьере, на которую ходила Китти, и о платье, купленном ею вчера на Мелроуз-авеню. На минуту замираю и прислушиваюсь к себе. Тишина. Я не скучаю по Лос-Анджелесу. Даже после утренней прогулки под дождем по Хэмпстеду я не затосковала по Лос-Анджелесу. Я рада оказаться дома.

— Привет, — окликает меня вошедший в кабинет Кристиан.

— Прости, тебе нужен ноутбук? — спрашиваю я, вставая.

— Нет, сиди где сидишь. Я за рукописью. — Он берет толстую стопку бумаги формата А4 со шкафа для документов.

— Ого. — Я округляю глаза. — Это твоя книга?

— Да, — глядя на нее, отвечает Кристиан.

— Финальный вариант?

— Ага. Ну, почти. Меня ждет последняя вычитка.

— Ух ты.

— Ты... — начинает он.

— Да?

— Хочешь взглянуть? — робко предлагает Кристиан.

— С удовольствием! Ты уверен?

— Гм, не очень, — вяло усмехнувшись, признается он. — Но давай, скажи, что думаешь. Я беру увесистую рукопись и опускаю взгляд.

Джонни, будь паинькой

Официальная биография Джонни Джефферсона

Автор: Кристиан Петерссон

— Круто! Мне нравится название...

— Спасибо. Брат придумал.

— Антон?

— Нет, Джоэл.

— Надеюсь, ты купил ему хороший подарок в знак благодарности.

— Я куплю! — Он вскидывает руки вверх. — Боже, ты такая же зануда, как моя мама.

Я смеюсь.

— Откуда происходит твоя фамилия? — Я видела ее на визитке, которую он дал мне несколько месяцев назад, но не придала значения.

— Из Швеции.

— Правда? — Понимаю, что не так уж много знаю о Кристиане.

— Да. Мой папа оттуда родом.

— Ты не очень-то похож на шведа...

— Что — светлые волосы, голубые глаза и все такое? — Он смеется. — Это же стереотип, Меган. И все-таки ты права. Я похож на маму.

— Ты говоришь по-шведски? — заинтересованно спрашиваю я.

— Я двуязычен.

— Не врешь?

— Нет, — подтверждает Кристиан.

— Здорово! Жаль, мои родители не воспитали меня двуязычной!

— А откуда они родом?

— Из Англии.

— Мечтательница, — смеется Кристиан.

На мгновение я подумала, что он назовет меня Мегерой.

— Ладно. — Я встаю. — Пора собираться на работу. Можно потом прочесть? — Я показываю на рукопись.

— Конечно. Оставлю ее в твоей комнате.

Возвращаюсь домой после полуночи, и, как было обещано, «Джонни, будь паинькой» ждет меня на кровати. Поглядываю на рукопись, готовясь ко сну, и, обессиленная, наконец забираюсь под одеяло и беру несколько страниц. Пока что прочту только первую главу.

За несколько часов я так и не смогла оторвать глаз от написанного. Они покраснели и воспалились, но, хоть убейте, я не в силах отложить книгу. Жизнь Джонни изложена во всех подробностях... Фанатки, наркотики, концерты... Но помимо этого, раскрывается и другая сторона его личности, более глубинная. Способность к музыке, умение привлечь внимание, едва он входит в комнату.

Как и было обещано, в книге ни словом не упоминается про нашу связь, но все-таки Кристиан написал обо мне. До чего же странно читать о себе в третьем лице. Я редко

встречаюсь в рукописи, однако фигурирую в ней не только как личная помощница Джонни, но, что самое главное, как его друг.

На глаза наворачиваются слезы, когда я аккуратно кладу последнюю страницу поверх стопки. Я очень по нему скучаю. Встретимся ли мы снова? Лицом к лицу? Или же мне, как и другим его фанатам, суждено всю жизнь читать о нем в прессе? Сама мысль об этом невыносима. Невыносима.

Глава 33

— А теперь можете поцеловать невесту...

Все взрываются спонтанными аплодисментами, я смотрю на Кристиана и сияю. Люблю свадьбы.

— Мне так жаль, — немного погодя шепчет он мне на ушко, пока один из коллег Антона произносит речь.

— Не беспокойся об этом! Говорю же, все в порядке.

— Клянусь, я сказал маме, что мы не встречаемся. Похоже, она мне не верит.

Я снова смеюсь. Бедный Кристиан. Сегодня утром мы завалились в дом его родителей и обнаружили, что его мама поселила нас в его старую комнату. Вместе. Кристиан пообещал, что будет спать на диване, но, как оказалось, его дядя тоже остановился в этом доме. Как и шведские кузены. А их пятеро.

— Надо было настоять на переезде в гостиницу, — стонет Кристиан.

— Ты старался, — утешаю я его. — Но, если я правильно помню тот телефонный звонок, она не собиралась уступать. Все в порядке! — Шлепаю его по ноге. — Как будто мы никогда не спали на одной кровати.

— Верно, — уступает он.

Мне нравится семья Кристиана. Они веселые. Особенно прикольные шведские родственники. В настоящий момент его папа с порозовевшим как креветка лицом и желтыми словно солнце волосами заливает в себя красное вино так, будто оно выходит из моды. Антон и Джоэл такие же. Что касается Кристиана, я понимаю, что он имеет в виду под тем, что пошел в маму. Высокая и привлекательная, с черными волнистыми волосами и темно-кариими глазами, она немного напоминает цыганку, но я не собираюсь говорить об этом Кристиану, хотя, как по мне, это комплимент.

— А какой была мама Джонни? — ни с того ни с сего спрашиваю я.

— Высокая худая блондинка. Очень душевная и приветливая. Вообще-то, они с моей мамой были хорошими подругами.

— То есть она знала Джонни в детстве?

— Когда он был еще просто стариной Джонни Сниденом, да, — улыбается Кристиан.

— И как она относится к тому, каким он стал?

Кристиан кривит нижнюю губу и пожимает плечами:

— Нормально, полагаю.

— Она не считает, что мама Джонни в нем бы разочаровалась?

— Не-а. Его мама обожала сына. Она бы, без сомнения, им гордилась.

— Похоже, Джонни так не думает, — грустно замечаю я.

— Знаю.

Прислонившись к стене, Кристиан глядит на танцевальную площадку.

— Из-за всего этого шума мне ужасно спалось. А тебе? — спрашивает Кристиан на следующее утро. Мы лежим рядышком. Его отец вместе со шведской армией почти всю ночь напролет напивались внизу в гостиной.

— Даже Джонни далеко до твоего папы, — замечаю я и нервно хихикаю, ожидая реакции Кристиана. Но тот просто смеется.

— Хочешь чаю?

— Не знаю, решусь ли я. — Напоминаю, как он как-то раз сказал, мол, кухня его мамы принадлежит только ей и больше никто туда не допускается.

— Она в любом случае уже спустилась. И, скорее всего, расстелила старую добрую скатерть, чтобы тебя впечатлить.

— Она ведь на самом деле не считает нас парой? — осведомляюсь я.

— Я думаю, что считает. Особенно после этого. — Он жестом указывает на двуспальную кровать, где мы ночевали. — Используй это на полную катушку. Ее домашние тосты с вареньем — просто мечта. Если она пытается пустить тебе пыль в глаза, обязательно их приготовит. Ну же, идем.

— Я не могу спуститься в пижаме!

— Можешь-можешь. Выглядишь вполне нормально. Пошли.

Я неохотно следую за ним.

Запах свежеспеченного хлеба ударяет мне в нос в тот самый миг, как мы покидаем спальню Кристиана. Я с восторгом смотрю на него:

— М-м-м!

— Подожди, пока ты его не попробовала, — говорит он.

— Доброе утро! — щебечет мама Кристиана. Не думаю, что она вчера много выпила. А вот его отца нигде не видно. — Не хочешь чашечку чая, Меган?

— Да, пожалуйста, — отвечаю я.

— Просто Мег, мам, — исправляет ее Кристиан.

— Ты ведь называешь ее Меган, — отзывается она, оправдываясь.

— Только в шутку.

— Что в этом смешного? — удивляется она.

Кристиан оборачивается ко мне.

— Вообще-то, не думаю, что в этом есть что-то смешное. Почему я называю тебя Меган?

— Без понятия, — пожимаю плечами я.

— Ладно, тогда будет Мег. Мам, сделай нам тостов с вареньем, пожа-а-а-алуйста! — канючит он, как маленький мальчик. Собственно, я вполне могу представить себе юного Джонни, сидящего за столом с ним рядом.

— О, ты... — Она усмехается, но все же засовывает в тостер четыре кусочка. — Итак, Меган... Мег, — поправляется она, — чем ты нынче занимаешься? Кристиан говорил, ты больше не работаешь на Джонни?

— Верно. Сейчас я официантка в закрытом клубе.

— М-м-м. И каково это, работать с малышом Джонни?

Я стараюсь не улыбнуться «малышу». Вот уж как Джонни точно нельзя назвать.

— Это было приятно, — выкручиваюсь я.

— Мам, не устраивай допросов, — предупреждает Кристиан.

— Что? Она имеет право ответить, если хочет!

— Она не хочет, мам, — возражает он. — Просто проявляет вежливость.

— Это же не просто вежливость, Меган? Мег?

— Э-э, нет? — делаю я попытку.

— Так когда вы двое встретились? — спрашивает она нас обоих, и от смены темы я вздыхаю с облегчением, но тут до меня доходит, к чему она клонит.

Кристиан закатывает глаза.

— Мам! Оставь это. Мы с Мег не встречаемся!

Она хмыкает.

— Что ж, мне вы кажетесь замечательной парой.

Февраль плавно переходит в март, и день постепенно удлиняется. С чувством умиротворения вновь обустроиваюсь в Лондоне. Мне очень нравится жить с Кристианом. Он такой славный, такой спокойный. Когда получается, мы едим вместе, но больше всего любим спуститься в местный бар и пропустить по стаканчику, сидя в уголке и болтая. Если по правде, с течением времени мы все больше походим на парня с девушкой. Без секса, разумеется. Хотя я думала об этом. Чем лучше узнаю Кристиана, тем привлекательнее он мне кажется. И он хороший парень, из тех, кого я обычно выбираю. Но у меня все никак не получается выкинуть из головы Джонни.

Даже сейчас стараюсь не читать о нем в прессе. И я не видела Айлу в клубе с тех пор, как та предложила мне работу. Китти писала, она с разбитым сердцем сбежала обратно в Лос-Анджелес. По слухам, она застучала Уилла с мужчиной. Не знаю даже, верить этому или нет.

Китти держит меня в курсе всех лос-анджелесских сплетен. Я почти желаю, чтобы она этого не делала, но не так уж много могу ей сказать, если не хочу возродить ее подозрения о Джонни. К счастью, о нем она говорит очень мало. Если он все еще с Лолой, то пресса этого пока не обнаружила.

Однажды ранним вечером, отработав в утреннюю смену, я сижу дома и смотрю телевизор, и тут раздается стук в дверь. Гости у нас редкость, но, бывает, заходят всякие продавцы, так что у меня возникает искушение проигнорировать стук. Но он повторяется, в этот раз более настойчивый. Поднимаюсь на ноги в раздражении от того, что меня оторвали от телешоу Ричарда и Джуди, и иду к двери.

Смотрю в глазок. Готова поклясться, что сердце на мгновение останавливается, когда вижу Джонни.

— Быстрее! Открывай! — подгоняет он, стоя под дверью.

Так и делаю. Лишь когда я закрываю за ним дверь, он потрясенно вздрагивает и пристально смотрит на меня.

— Мег?

Гость говорит сдержанно, словно не верит своим глазам.

— Привет, Джонни.

Молюсь, чтобы мой голос не дрогнул.

— Что ты здесь делаешь? — интересуется он.

— Живу.

— Живешь? — ошарашенно переспрашивает он. — Что, с Кристианом?

— Ну да. — Смеюсь над выражением его лица. — Не так, придурок. Мы друзья.

— О.

Его облегчение очевидно. И это приятно.

— Кристиана сейчас нет, — сообщаю я. — Он в командировке в Манчестере.

— А, точно. Можно? — Машет рукой в сторону кухни.

— Да, конечно. — Прохожу первая. — Хочешь чаю или кофе?

— А еще что-нибудь есть?

Я терпеливо смотрю на него.

— А чего бы ты хотел? Бар вон там, — показываю я.

Уверена, Кристиан не будет против, если Джонни угостится. Достаю стакан и кладу туда пару кусочков льда. Я знаю, что Джонни выберет виски, а так он любит больше всего. Протягиваю стакан, чтобы он сам себе налил.

— Твое здоровье, Мегера, — мимоходом бросает Джонни. Подскакиваю, услышав свое прозвище, и он поднимает на меня взгляд. У него просто с языка сорвалось, но, осознаю я, он и сам удивлен.

Джонни ждет в углу кухни, пока я готовлю себе чай. Нервничаю, но стараюсь этого не показывать. Не знаю, что сказать.

— Кажется, мне сели на хвост, — наконец прерывает он молчание, объясняя, почему в панике колотил в дверь.

— Что, пресса?

— Ага, папарацци.

— Что ты делаешь в Британии? — интересуюсь я.

— Приехал на свадьбу к отцу.

— Что, она так скоро?

— Мм.

— И когда же?

Подвожу его к диванам и выключаю звук телевизора.

— Вообще-то я, наверное, выйду перекурить, — говорит он. — Пойдем, поболтаем.

На улице холодно, так что хватаю пальто и натягиваю лежащие в кармане перчатки. Мы садимся на скамейку у края сада, Джонни закуривает и, к моему удивлению, предлагает мне пачку.

— Ты ведь не куришь? — уточняет он.

— Нет, — откликаюсь я, отмахиваясь от них. Как странно.

Он запикивает сигареты обратно в карман и затягивается, глядя на дом. Обхватываю колени руками в попытке сохранить тепло.

— Так когда у твоего отца свадьба? — снова спрашиваю я.

— Была на этих выходных.

— И как все прошло, нормально?

— Странновато, — признает он.

— В смысле?

— А, просто... — Джонни косится на меня. От взгляда этих зеленых глаз сквозь меня словно проходит взрывная волна. — Казалось, что я на шоу. — Он сбрасывает пепел на грязную клумбу.

— Много народу?

Прежде чем ответить, он глухо смеется.

— Да. Как оказалось, у Шелли — женщины моего отца — много друзей... — Он так произносит последнее слово, что становится понятно: он имеет в виду что угодно, кроме

друзей.

— Пришли на тебя поглазеть, да?

— М-м-м, — с усмешкой отзывается Джонни.

Он снова поглядывает на меня. Все еще сижу, обхватив колени.

— Тебе холодно?

Киваю. Джонни хлопает по скамейке рядом с собой, так что поддвигаюсь поближе. Он перекладывает виски в другую руку, где сигарета, приобнимает меня теперь уже свободной рукой и энергично растирает мне плечо.

— Бр-р, Мегера, а тут ведь прохладно?

Желудок завязывается узлом. Не сказать, что мне уютно. Стараюсь внутренне собраться.

— Может, зайдем в дом? — взглянув на Джонни, предлагаю я, но мы так близко, что приходится снова отвести глаза.

— Конечно, — отзывается он, убирает руку и тушит окурок о землю.

«Успокойся, Мег, успокойся», — твержу я себе, ведя его в помещение. Поднимаю глаза, вижу, как Джонни разглядывает мое отражение в французских дверях, и вспоминаю нашу первую встречу в Лос-Анджелесе. Тянусь к ручке и открываю дверь.

Обувь вся в грязи, так что мы разуваемся, затем Джонни заглядывает в бар.

— Все еще работаешь в закрытом клубе? — осведомляется он, присоединившись ко мне на диване в гостиной.

— Да, — откликаюсь я.

— То есть не приняла предложение Айлы насчет работы? — Он приподнимает бровь.

— Нет.

Отворачиваюсь к телевизору. Звук все еще отключен, но я вижу, что показывают программу о свадьбах.

— Ха. Немного напоминает платье Ванессы, — вслух замечаю я.

— Ванессы?

— Невесты Антона. Ну, теперь уже жены.

— Антона? О! Брата Кристиана. Черт! — восклицает он. — Я забыл послать открытку.

— Еще не поздно послать сейчас, — предлагаю я.

— Да, наверное. Но у меня нет его адреса.

— Отправь его родителям. Их адрес у тебя есть?

— Вроде где-то был.

— Хочешь, я тебе его дам?

— Тебя не затруднит? — Он смущенно улыбается.

Я поднимаюсь в кабинет и возвращаюсь через минуту с написанным на бумажке адресом.

— Спасибо, — взглянув на него, благодарит Джонни.

— Нашел нового ассистента? — осведомляюсь я.

Убеждена, сейчас он думает о том, как раньше я постоянно делала для него подобное.

— Нет, — качает он головой.

Ха!

— Как считаешь, когда Кристиан вернется?

Смотрю на часы.

— Не знаю. Кажется, он говорил, что успеет на семичасовой поезд, так что через час или два.

Джонни поднимается на ноги, складывает бумажку и засовывает ее в карман.

— Тогда мне, наверное, пора, — произносит он.

Я тоже встаю и провожаю его к выходу.

— Где ты остановился?

— Отель «Сохо».

— Совсем рядом с моей работой, — изумляюсь я.

— Знаю.

Мы мгновение смотрим друг на друга.

— Хочешь, вызову тебе такси? — предлагаю я, чувствуя неловкость.

Он усмехается.

— Нет, все в порядке, Меге... Мег. Поймаю машину на главной дороге.

Он открывает дверь и выглядывает наружу.

— Все чисто? — спрашиваю я.

— Думаю, да. Ну, увидимся.

— Пока.

Наблюдаю, как Джонни по узким ступенькам поднимается от входа в дом Кристиана на улицу. Смотрит налево и направо, затем опускает взгляд на меня и, прежде чем скрыться из виду, слегка приподнимает руку. Закрываю дверь, чувствуя внутри пустоту.

Глава 34

— Привет! — сияет улыбкой Кристиан, заходя на кухню. В руках у него небольшой чемодан. — Соскучилась?

— Не-а, — дразню я. Если честно, соскучилась. — Как командировка?

— Хорошо. Намного легче, чем ожидал.

Он писал что-то о музыкальном сообществе в Манчестере. Бог его знает, что. Все это выше моего понимания.

— Ты выходила на улицу? — удивляется Кристиан, заприметив у двери мои туфли.

— Да. — Стараюсь говорить непринужденно. — Здесь был Джонни.

— Джонни?

Он выглядит пораженным.

— Заскочил с тобой встретиться. — Я объясняю, как Джонни показалось, что его преследуют. — Решил перекурить, так что мы вышли в сад.

— Как мило с его стороны, — замечает Кристиан, и я не уверена, что не улавливаю в его голосе сарказм. — Чего он хотел?

— Не знаю, — откликаюсь я.

Кристиан пристально на меня смотрит.

— Ты в порядке?

— Почему бы мне не быть в порядке?

Слова против воли звучат так, будто я защищаюсь.

Кристиан плетется в гостиную.

— Он и к виски моему приложился?

Пустой стакан Джонни все еще на кофейном столике. У меня рука не поднималась его вымыть после того, как неожиданный гость ушел.

— Надеюсь, ты не против.

— Да нормально все. — Кристиан со вздохом опускается на диван. — Кинь-ка мне, пожалуйста, телефон. Лучше ему позвонить.

Протягиваю ему аппарат и возвращаюсь на кухню, стараясь выглядеть расслабленно, но мне очень хочется присутствовать при этом разговоре. Несколько минут прислушиваюсь, но голос Кристиана так и не раздается, так что иду обратно в гостиную.

— Не берет трубку? — Указываю на телефон.

— Сразу же попал на автоответчик, — подтверждает Кристиан.

— О, ну ладно. Схожу тогда проверю почту, наверное. Не против? Ты же не будешь сегодня что-нибудь писать?

— Нет, нет. Давай, проверь.

Взбираюсь по ступеням и направляюсь в кабинет. В почтовом ящике нет ничего интересного. Несколько минут сижу, уставившись в пространство и думая о Джонни, и тут мне приходит в голову, что можно позвонить Бесс и рассказать, что я снова с ним увиделась. Поднимаю трубку и тут же слышу на линии голос Джонни.

— Почему ты не сказал мне, что она живет у тебя?

— Не думал, что тебя это волнует, — отвечает Кристиан.

— Что ж, меня это волнует, — заявляет Джонни.

Слушаю, затаив дыхание.

— В каком плане? — подозрительно осведомляется Кристиан.

— Ты же к ней равнодушен? — спрашивает Джонни. — В смысле, если вспомнить, как ты раньше без умолку о ней говорил... А теперь это. Устроил, чтобы она переехала к тебе. Вы двое там что, спите друг с другом или как?

— Отвали.

Теперь в голосе Кристиана звучит раздражение.

У меня за спиной начинает громко жужжать факс. Гр-р!

— Что это? — слышу я вопрос Джонни.

— Не знаю, — отзывается Кристиан.

Мягко жму кнопку отбоя и кладу трубку обратно на рычаг. Я в полнейшем замешательстве.

Позже тем же вечером, после того, как Кристиан отправляется спать, наконец беседую с Бесс.

— Кристиан тебе что-нибудь об этом сказал? — интересуется она.

— Нет. И я не хотела поднимать эту тему, потому что тогда стало бы понятно, что я подслушивала.

— Как ты считаешь, он и впрямь к тебе равнодушен?

— Не знаю.

— А ты к нему?

— Нет. Мне так не кажется. В смысле, иногда я смотрю на него, думаю, что он весьма привлекателен, и удивляюсь, почему что-нибудь к нему не чувствую... — пробую объяснить я.

— Ну, это очевидно, — замечает Бесс. — Джонни.

Я не могу не рассмеяться.

— Что? — осведомляется подруга.

— Тебе верится, что из всех людей именно я запала на Джонни Джефферсона?

Она хихикает.

— Это довольно забавно. Помнишь, как я тебя без конца подначивала? Ты это отрицала и отрицала, а сама все это время и правда хотела забраться ему в штаны!

— Упс! — смеюсь я.

— А то письмо, что ты отправила мне из Лос-Анджелеса? — неожиданно взвизгивает моя собеседница — Ты и впрямь с ним спала!

— Знаю, — стыдливо отвечаю я. — Я нажала «отправить» случайно.

— Мне все еще не верится, что ты была в постели с Джонни Джефферсоном, — изумленно произносит Бесс. — Такая жалость, что ты не можешь рассказать об этом людям.

— Я бы не захотела, даже если бы могла.

— Почему, потому что это все опохлит? — хихикает подруга.

— Вообще-то да. Опохлит. — Мне не нравится, что она считает все это шуточками. Это не так. Мы тут ведем речь о моем сердце.

— Извини, — кается Бесс. — Просто это кажется таким нереальным.

— Забудь.

Еще пару дней хожу как на иголках, жду, когда Кристиан упомянет Джонни, но он ничего не говорит. Снова начинаю читать таблоиды, рыскаю по интернету... Все это в надежде откопать что-нибудь о нем. Джонни опять меня поглощает. Всю меня, до последней капли. И мне это не нравится. Ощущение, словно я должна заново от него освобождаться.

Дни переходят в недели. Натыкаюсь в прессе на кое-что любопытное о Джонни. Он опять в Лос-Анджелесе, вернулся к привычной жизни, пьет в барах, клеит фанаток. Это ранит не так сильно, как ожидалось, и в конце концов я обнаруживаю, что могу проживать целые дни напролет, почти о нем не думая.

Как-то вечером в начале мая Кристиан возвращается домой со встречи с издателем.

— Столкнулся сегодня с Клэр, — сообщает он, свободно положив ногу на колено другой ноги. Мы сидим в саду.

— Правда?

— Ага. Все прошло нормально. — Он расплывается в улыбке. — Ничего не почувствовал.

— Это же великолепно, — говорю я ему. — Очень хорошо. Она все еще с этим Борисом?

Он пожимает плечами.

— Фиг его знает. Не спрашивал.

— Неужели? А вот это уже впечатляет.

— Я тоже так подумал, — легкомысленно отзывается Кристиан. — Зато она спросила про тебя.

— Вот как? — Я широко распахиваю глаза. — Что ты ответил?

— Сказал, что мы живем вместе.

Я начинаю хихикать.

— Не так, — журит он. — Я объяснил ей, что ты просто снимаешь у меня комнату.

— О, точно. — Я чувствую, как вспыхивает лицо.

— Сказал, что ты так заиклена на Джонни Джефферсоне, что даже не смотришь на других парней.

— Нет!

Я в ужасе.

— Нет, вообще-то нет, — ухмыляется Кристиан. Я шлепаю его по бедру. — Хотя это правда, ты же знаешь.

Он поглядывает на меня.

— То, что я слишком зациклена на Джонни?

— Ага.

— Думаешь, в итоге я останусь в тоске и одиночестве? — шучу я.

— Ага. — Друг безрадостно смеется. — Скорее всего.

Мы оба замолкаем. Немного погодя я со вздохом поднимаюсь.

— Мег...

Тут Кристиан хватается за руку, и я в замешательстве на него оборачиваюсь.

— Что?

Он мягко тянет меня, приглашая сесть рядом. Я нервно смотрю на него.

— Что? — снова вопрошаю я.

Кристиан отпускает меня и проводит руками по своим темным волосам.

— Забудь, — отзывается он с опущенными глазами, разглядывая ярко-желтые тюльпаны на клумбе. В его голосе слышится досада.

— Скажи мне, — требую я.

Внезапно Кристиан опять смотрит на меня. Его взгляд напряжен, и я с удивлением чувствую, что мое сердце подскакивает.

— Ты мне нравишься, — говорит он.

— Ты мне тоже нравишься, — осторожно отвечаю я.

— Нет. Ты мне нравишься. Слишком сильно. — Он спокойно встречает мой взгляд. Я хочу оторваться от его темно-карих глаз, но понимаю, что не могу.

— Мег...

Кристиан проводит кончиками пальцев по изгибу моей талии. Я его не останавливаю, так что он склоняется ближе. Я не отшатываюсь, но и не придвигаюсь. Он целует меня, медленно и нежно.

Он такой приятный на вкус... Сладкий... Мне он так симпатичен, я хочу мечтать о нем так же, как мечтаю о Джонни.

«Джонни. Ты же знаешь, что из этого ничего не выйдет. Тебе нужно двигаться дальше».

Я целую Кристиана в ответ, глубже, отчаянно желая почувствовать страсть, которую ощущала с его другом.

Кристиан идеально мне подходит. Он милый, умный и зрелый, он не будет пудрить мне мозги. Он так мне нравится.

«Но любишь ли ты его?»

Нет.

Ты любишь Джонни?

Не стоит об этом сейчас».

— Мне очень хочется заняться с тобой любовью, — учащенно дыша, произносит Кристиан.

— Ладно. — Я киваю.

Земля не сдвигается с места, но все происходит ласково и нежно, а после нет чувства ужаса.

Кристиан держит меня в объятиях и гладит по голове, а я так сильно стараюсь не думать о мужчине, который свел нас вместе.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

Я поднимаю на него глаза и улыбаюсь.

— Да. Это было приятно.

— Только «приятно»?

— Очень приятно, — отвечаю я. — Не хочешь повторить?

Он усмехается:

— Почему нет?

Глава 35

— Привезу тебе «Фруктовых камешков», — обещает Кристиан, целуя меня в губы.

На часах восемь утра. Сегодня ночью он улетает в Лос-Анджелес, а я сейчас уйду на работу. Вечером мы не увидимся.

— Передай Джонни от меня привет, — бросаю я через плечо, но потом останавливаюсь и оборачиваюсь. — Вообще-то, не надо.

— Правда? — уточняет Кристиан.

— Да.

Он, кажется, испытывает облегчение.

— Увидимся на следующей неделе, — говорит он.

Кристиан едет в Лос-Анджелес, чтобы обсудить с Джонни свою книгу. Джонни должен утвердить рукопись, так что это будет его последняя возможность прочесть всю биографию от начала до конца и внести изменения перед отправкой в печать.

В этот вечер приходит Бесс, чтобы составить мне компанию и вместе посмотреть мелодраму.

— Как у тебя дела? — спрашивает она.

— Очень хорошо, — отвечаю я.

— Так, значит, он тебе теперь определенно нравится?

— Да, — смеюсь я. — Было бы немного странно каждую ночь спать с ним в одной комнате, будь это не так.

Прошел уже месяц с тех пор, как мы с Кристианом впервые переспали. И у нас все действительно прекрасно. Он мне и правда нравится.

— Я рада за тебя. Он хороший парень. А что думает его мама? — интересуется Бесс. Я уже давно посвятила ее в подробности нашей поездки на свадьбу Антона.

— Он ей пока не рассказывал. Еще слишком рано.

— Понятно. — Она берет с кофейного столика миску с попкорном и начинает его есть. — Значит, — беспечно бросает она, — Джонни для тебя в прошлом?

— Да, — подтверждаю я. — Думаю, что да.

— Хорошо. Кстати, а что насчет его ареста за вождение в пьяном виде?

— ЧТО? — Я резко выпрямляюсь.

— Ты что, не знаешь?

— Нет! Что произошло?

— Вчера вечером он ехал на мотоцикле. Сегодня все газеты пестрят снимками задержания.

— Я не читала. Ничего себе! Он в тюрьме?

— Похоже, вышел под залог.

— Боже, ну что за идиот.

— Это точно. Так что, посмотрим кино?

— Конечно, — отвечаю я, хотя мысли мои заняты совсем другим.

Назавтра Кристиан звонит мне из Лос-Анджелеса. Я спрашиваю его о случившемся инциденте.

— Да. Та еще проблема, на самом деле. Издатель хочет, чтобы об этом было упомянуто в книге. Считает, что выйдет отличная концовка.

— Но как же ты успеешь? Вы же скоро отправляете рукопись в печать?

— Мы собирались. Но теперь дату выхода отложили, чтобы мы смогли включить туда судебные слушания и отбытие срока, если понадобится.

— Когда суд?

— Адвокаты работают сверхурочно, пытаюсь назначить заседание поскорее.

— А как себя чувствует Джонни? Он в порядке?

— Ужасно злится, можешь себе представить, — говорит Кристиан. — Думает, что копы специально его выслеживали.

— Скорее всего, так оно и было.

— Да, но чего ожидать, если каждую ночь тонешь в выпивке и наркотиках? Знаешь, ему так же плохо, как во время турне...

— Правда? — К горлу подкатывает тошнота.

— Боюсь, что да... Я собираюсь поменять билет и прилечу домой в четверг.

Сегодня вторник.

— Почему? Достало?

— Ага.

Мне жалко Джонни, которого оставляют одного, но знаю, что не могу сказать об этом Кристиану.

— Хочешь, я поменяю тебе билет?

— Нет, не нужно. Это сможет сделать помощница Джонни.

Кровь стучит у меня в висках.

— Помощница? Джонни завел себе новую?

— Да. Какую-то датчанку. Не слишком симпатичную. Не идет ни в какое сравнение с тобой, красавица.

— А-а-а. — Тепло вновь разливается по моему телу. — Ты сказал Джонни о нас? — нерешительно спрашиваю я.

— Еще нет, — отвечает Кристиан. — Собирался сказать сегодня вечером. Если ты не против.

— Нет, — решаю я. — Я не против.

— Мег, — начинает он.

— Да?

— Я тебя люблю.

Я медлю, прежде чем ответить.

— Я тоже тебя люблю.

В четверг поздно ночью или в пятницу рано утром — я точно не уверена — кто-то громко стучит во входную дверь.

Стук не прекращается, так что я спускаюсь вниз и смотрю в глазок.

Это Джонни.

Я вжимаюсь в стенку. Что он здесь делает? О господи, а я в своей застиранной пижаме. Как же быть?

— Мег, открой! — громко шепчет он.

Я наскоро приглаживаю волосы и протираю заспанные глаза. Бросаю взгляд вниз на то, во что я одета. Р-р-р. Ну, ладно. Открываю дверь.

Он пробегает мимо меня в коридор.

— Что случилось? Что ты здесь делаешь?

В тревоге я выглядываю за дверь проверить, не преследует ли его кто-нибудь. Джонни захлопывает дверь и пытается взять меня за руки.

— Мег, Мег, Мег, — снова и снова повторяет он. Джонни пьян.

— Джонни, прекрати. Где Кристиан?

— Мег, — стонет он, хватая меня за руки.

— Джонни! Где Кристиан? — в волнении спрашиваю я. — С ним все в порядке? — Все мне нарастает паника, стоит мне представить, что Джонни здесь, чтобы сообщить мне какое-то ужасное известие.

— Он в порядке, в порядке! — Джонни берет мое лицо в свои ладони.

— Где он? — требую я.

— В Лос-Анджелесе! — раздраженно кричит он.

— А что ТЫ здесь делаешь? — не менее раздраженно и более чем недоумевающе кричу в ответ я.

— Мне нужно было тебя увидеть, — с отчаянием говорит Джонни.

Я с силой отталкиваю его от себя.

— Значит, он тебе рассказал.

Он с тоской смотрит на меня.

— Понимаю. — Я в ярости. — Я была тебе не нужна, пока ОН меня не получил. Так получается?

— Нет... Мне тебя не хватает, Мегера.

— Меня зовут МЕГ.

Джонни выглядит обиженным.

— Не говори так.

— Как ты сумел добраться сюда раньше Кристиана? — спрашиваю я. Самолет Кристиана должен приземлиться не раньше утра.

— На самолете.

Я предполагаю, что он имеет в виду свой частный самолет.

— Мег, пожалуйста... — Джонни снова подходит ко мне.

Я поднимаю руку, чтобы остановить его.

— Разве ты и без того мало боли ему причинил?

Джонни, кажется, ошарашен.

— Он любит меня, если хочешь знать. Он ЛЮБИТ меня, — повторяю я в надежде, что до него дойдет.

— Мегера... — Он проводит пальцем по моей шее.

— Прекрати! — Я отбрасываю его руку. — Зачем ты это делаешь? Я счастлива, Джонни. Мне нравится Кристиан!

— Вот! — едва не кричит он, указывая на меня. — Ты сказала «нравится»!

Я делаю шаг назад и решительно заявляю:

— Я люблю его.

Джонни качает головой и прислоняется к противоположной от меня стене коридора.

Мы так и не отошли от входной двери.

— Ты сказала, он тебе «нравится», — снова повторяет он, на этот раз медленно. — Это МЕНЯ ты любишь.

— Неправда! — огрызаюсь я. — Я люблю Кристиана, а вот ты мне даже не нравишься! Ты вел себя со мной как козел с нашей самой первой встречи!

— Неправда!

— Правда! — сердито кричу я и вдруг вспоминаю о соседях. Нужно успокоиться. — Поезжай домой, Джонни. Я не собираюсь начинать сначала. Ты ревнуешь, ты пьян, и я не хочу иметь с тобой ничего общего.

Плечи Джонни удрученно опускаются, он прислоняет затылок к стене и смотрит на меня.

«Не смотри на меня так», — думаю я про себя.

— Я лягу в лечебницу, — просто говорит он.

— Ты — что?

— Я лягу в лечебницу, — повторяет он.

Не могу поверить услышанному.

— Ты правда это сделаешь? Ради меня?

Он пожимает плечами.

— Да.

— А, понимаю, — не скрываю сарказма я. — Тебе в любом случае придется лечь в лечебницу, так? Об этом сейчас договариваются твои адвокаты?

Он выглядит так, словно я уличила его во лжи.

— Р-р-р! — Я толкаю его в грудь. — Уходи, уходи, уходи!

Джонни хватает меня за запястья.

— Я люблю тебя, — настойчиво говорит он.

Я прекращаю сопротивляться и потрясенно смотрю на него.

— Пожалуйста... Мег... — Он кладет ладони мне на талию и пытается притянуть к себе.

В груди разливается боль. Мне не пройти через это снова.

Он начинает целовать меня, и я, как это всегда бывало, таю.

Нет.

НЕТ!

Я отстраняюсь и снова отталкиваю его, а потом открываю дверь.

— Уходи. Я люблю Кристиана. Ты не сможешь снова причинить мне боль. УХОДИ! — кричу я.

— Я вернусь за тобой, — предупреждает он, выходя за дверь. — Когда выйду из лечебницы. Я вернусь.

Я захлопываю дверь перед его лицом и убегая наверх, чтобы разреветься.

— Где он? — спустя несколько часов спрашивает Кристиан. — Он здесь был?

— Да, — отвечаю я и, увидев выражение его лица, спешу добавить: — Он уже ушел. Я велела ему уходить.

Он бросает чемоданы на пол в гостиной. Я сижу на диване в пижаме. У меня не нашлось сил одеться с утра.

— Ты в порядке? — Он подсаживается ко мне.

— В полном.

На самом деле глаза у меня красные и припухшие от слез, но я надеюсь, что Кристиан увидит только то, что ему хочется видеть.

— Он взбесился, когда я ему рассказал, — отвернувшись от меня, говорит Кристиан.

— О господи! — восклицаю я, увидев его лицо. Одна щека красно-лилового оттенка.

— Ударил меня. — Кристиан издает безжизненный смешок.

— Он УДАРИЛ тебя? — не могу поверить я.

— Ага.

— Ох, нет, бедный ты бедный! — Я легко касаюсь его щеки, и Кристиан морщится. Во мне растет сочувствие.

Он встречается со мной глазами.

— Ты велела ему уйти?

— Да, — отвечаю я.

Он с нежностью улыбается мне.

— Иди сюда, — зову я, обнимаю его и зарываюсь лицом ему в шею.

Я снова чувствую себя в безопасности.

Глава 36

Как и предполагалось, судья обязал Джонни провести шесть недель в реабилитационном центре. Журналисты как с цепи сорвались, и новости о Джонни Джефферсоне подстерегают меня на каждом шагу.

Он нарушил условия освобождения под залог, на несколько дней покинув страну. Судья не стал применять строгих мер, поскольку отец Джонни собственной персоной заявил под присягой, что был болен. Дескать, сын полетел проведать родителя, не помня себя от тревоги.

О том, что на самом деле Джонни приезжал ко мне, никому не известно.

Не рассказываю Бесс о его визите. Как не рассказываю и Кристиану о его поцелуе. Стараюсь не говорить о нем вообще. Стараюсь не думать. Но легче сказать, чем сделать.

Слова Джонни преследуют меня по ночам.

«Я вернусь за тобой...»

Он не вернется. Не вернется и точка. Он был пьян. Он был зол. Он не смог обуздать свой порыв.

«Я люблю тебя...»

Он не это имел в виду.

Работа начинает раздражать. Меня влекут новые горизонты, но я пока не понимаю, чего именно хочу. Даже сейчас я не готова становиться чьим-то личным помощником. Все еще размышляю о путешествии. Кристиан воспринимает эту идею в штыки.

— Не уезжай.

— Почему?

— Я буду скучать.

— Так поехали вместе!

— Не могу.

— Почему?

— Я должен работать.

Это правда. Издатель так доволен биографией Джонни, что заключил с Кристианом договор на две новые книги — на этот раз художественные. Кристиан на седьмом небе от счастья. Он всегда хотел стать писателем.

В день выписки Джонни из клиники как приклеенная сижу у телевизора.

Вот он выходит на улицу в солнцезащитных очках и серебристой рубашке — неизменном образе рок-звезды — и садится в знакомую машину. С замиранием сердца слежу, как Дейви увозит его из клиники.

Кристиан решил, что будет лучше, если он поговорит с Джонни о его самочувствии по телефону, а не лично. Он считает, что после случившегося им пока рано встречаться. Возможно, он прав.

Вскоре репортаж повторяют, но уже с комментариями некоего эксперта, повествующего о том, как тяжело приходится Джонни.

Крепко скрещиваю руки. Надеюсь, с ним все в порядке.

Кристиан наверху, смотрит репортаж в своем кабинете. Ему нужны тишина и покой, чтобы сосредоточиться на работе.

А мне тишина и покой нужны, чтобы подумать.

Вздрагиваю от телефонного звонка.

— Алло?

— Мег, это Бесс.

— Ага. — Кошусь на телевизор.

— Как дела?

— Хорошо, наверное.

— По-твоему, его надолго хватит?

— Вряд ли. Скоро снова возьмется за старое.

— Зато какая реклама нового сингла, да?

— Это точно.

Новый сингл Джонни, уже несколько недель звучащий на радио, сразу взлетел на вершины хит-парадов.

— Ладно, я просто хотела узнать, все ли у тебя хорошо, — говорит Бесс.

— Спасибо. Все хорошо.

Однако напряжение растет с каждым днем.

Кристиан часто спрашивает, о чем я думаю и почему такая притихшая. Приходится идти на уловки: то у меня болит живот, то ПМС, то еще что-нибудь. Как правило, это работает, но ради спокойствия Кристиана я вынуждена не скупиться на ласку.

Неужели я хочу, чтобы Джонни вернулся? Мне хорошо с Кристианом. Неужели я снова хочу окунуться в этот омут сомнений?

Но я сомневаюсь. Всегда сомневаюсь. Не могу с этим справиться и никогда не могла.

Ежедневно наношу макияж, просто так, на всякий случай. Да, это глупо, но если Джонни приедет, предпочитаю выглядеть безукоризненно. Ну, знаете, чтобы снова его отшить.

И вот однажды возвращаюсь домой после утренней смены, спускаюсь по узкой лестнице к парадной двери, держа ключи наготове, и вдруг вижу его — он стоит в дальнем углу, скрытый от глаз прохожих.

— Ой! — вскрикиваю я. — Ты напугал меня до смерти!

— Тс-с, — шепчет он, медленно приближаясь. — Можно войти?

Сразу замечаю, что он трезвый. В голове мутится. Он проходит за мной в дверь.

— Кристиана нет дома, — сообщаю я, направляясь на кухню.

— Знаю. Я говорил с ним по телефону.

— О. Ладно. Будешь чай или кофе? — Я почти не сомневаюсь, что он предпочтет виски.

— Я бы выпил чаю.

— Значит, есть толк?

— От реабилитации? Ну да.

— Срыва не будет?

— Надеюсь. Хотя время покажет.

Киваю и отворачиваюсь, чтобы достать кружки.

— Спасибо, — благодарит Джонни, когда я протягиваю ему чай, и делает робкий глоток.

Наблюдаю за ним, но потом все же спрашиваю:

— Что ты здесь делаешь, Джонни?

— Я же сказал, что вернусь за тобой.

Сердце стучит так громко, что отдается в ушах.

— А я говорила, что теперь я с Кристианом.

— Я в курсе, — невозмутимо произносит Джонни.

Озадаченно гляжу на него.

— Ты же понимаешь, что у нас ничего не получится?

— Почему?

— Мы слишком разные. Тебе больше подходит Лола. — Бросаю на Джонни многозначительный взгляд.

— Нет, не подходит.

— Несмотря на все, что между вами было? — не удерживаюсь от вопроса.

— Да ничего и не было после той ночи. — Он ставит кружку на стол.

Мне трудно в это поверить, но в глубине души очень хочется.

Однако та ночь никуда не делась. Как и сонм моих предшественниц и преемниц. Я всегда буду гадать, не сравнивает ли он меня... Прошла ли я испытание... Не думаю, что готова так жить.

И способен ли Джонни хранить верность? Я бы и рада поверить, что он остепенится и не станет ходить на сторону, да пока не могу, и воспоминания обо всех его подружках во главе с Лолой все еще причиняют мне боль. Тупиковая ситуация.

— Чего ты хочешь? — снова спрашиваю я. На этот раз более выразительно.

— Хочу, чтобы ты вернулась вместе со мной в Лос-Анджелес. — Джонни складывает руки на груди.

— Я не могу вернуться с тобой в Лос-Анджелес.

— Почему?

— Я не собираюсь опять становиться твоим личным помощником! — повышаю голос.

— И не надо. У меня уже есть прекрасная ассистентка, спасибо.

Гляжу на него удивленно.

— Чего же ты тогда хочешь?

— Хочу, чтобы ты вернулась со мной в Лос-Анджелес, как моя девушка. Приезжай и живи со мной, Мег.

В голове проносятся разные мысли. Красные дорожки... Элита шоу-бизнеса... Что еще

нужно для счастья?

Кристиан. Мне нужен Кристиан.

Возможно, он не рок-звезда. Возможно, женщины не падают к его ногам. Однако он окружил меня заботой. Он очень хороший. Он из тех парней, которые всегда меня привлекали — во всяком случае, до встречи с Джонни. Но я все такая же, какой была раньше. Несмотря на тот мир, в который мне довелось окунуться — алкоголь, наркотики, секс, — я не изменилась. Как и Кристиан.

Я действительно его люблю. Очень люблю.

— Не могу, — решительно поворачиваюсь я к Джонни.

Он кивает.

— Я лишь прошу, чтобы ты обдумала мое предложение.

Его слова странным образом меня успокаивают. Вздыхаю:

— Ладно.

— Отлично. — Джонни снова берет свою кружку.

— Ты как будто изменился, — осторожно говорю я.

— Так и есть.

— И все равно рад увести девушку у лучшего друга?

— Вовсе нет, — бесстрастно отвечает Джонни. — И никогда не испытывал от этого радости. Но изначально ты была моей девушкой.

Он глядит на меня совершенно спокойно. Ума не приложу, как это у него получается. Сама я чувствую все что угодно, только не спокойствие.

— Мне нравится твоя новая песня, — меняю тему я, стараясь увести разговор в непринужденное русло.

— Спасибо. Надеюсь, следующая понравится еще больше.

— Почему? — Я заинтригована.

— Я написал ее для тебя.

Смотрю на него с изумлением.

— Написал для меня песню? Когда?

— Еще в Дейлсе. Начал там, а закончил, когда мы вернулись. Это второй сингл с нового альбома.

Я потрясена.

— Когда он выходит?

— Месяца через два. Но ты сможешь услышать его завтра, если вернешься со мной в Лос-Анджелес.

— Я не могу вернуться с тобой в Лос-Анджелес, — повторяю я и спрашиваю, оглядывая свою униформу: — Ты не подождешь немного? Мне надо переодеться.

— Конечно.

Иду наверх и захожу в свою спальню. Не могу сосредоточиться. Голова пухнет от мыслей.

Вынимаю из шкафа джинсы и рубашку, просовываю руки в рукава и вдруг слышу шум за спиной.

— Джонни, что ты тут делаешь? — восклицаю я, запахивая рубашку на груди.

— Значит, ты не спишь в спальне Кристиана? — Он глядит на меня с насмешкой.

— Сплю. А здесь храню свои вещи.

Джонни начинает приближаться.

— Нет, — предостерегаю я.

Он подходит, и его взгляд полон решимости.

— Нет, — снова говорю я, упираясь ладонью в его грудь, чтобы не дать подступить еще ближе, а у самой подгибаются колени.

Джонни делает еще один шаг, крепко прижимая мою ладонь к своей груди. Замираю, почти не в силах дышать. И тут он целует меня.

Соппротивление сломлено. Отвечаю на его поцелуй.

Джонни срывает с меня рубашку, ласкает мою грудь, скользит руками по спине... Его прикосновения становятся все более настойчивыми и возбужденными, когда он толкает меня на кровать и целует в шею. Тянусь к пуговице его джинсов, совершенно забыв о Кристиане. Сейчас есть только Джонни.

Я под села на этого парня, и ни один реабилитационный центр в мире не сможет меня излечить.

Уже потом лежу рядом с ним в постели, вся покрытая испариной, и гляжу в потолок на зеленый абажур из матового стекла, который Кристиан купил для меня несколько недель назад на блошином рынке в Кэмдене.

Чувствую себя ужасно виноватой.

Господи, что же я натворила?

Встаю и начинаю одеваться. Джонни наблюдает за мной, приподнявшись на локтях. Прячу взгляд.

— Тебе лучше уйти, — бросаю я, одевшись.

— Мег... — мягко произносит он.

— Тебе пора, — повторяю я более решительно. — Кристиан скоро придет.

Джонни снова опускается на кровать и печально смотрит на меня.

— Значит, ты не поедешь в Лос-Анджелес?

Перевожу взгляд на него и медленно качаю головой.

— Не могу. Не могу так поступить с Кристианом.

— А как же я?

— А что ты? У тебя все будет хорошо. Как всегда.

Джонни поднимается с кровати и говорит, натягивая джинсы:

— Даю тебе три месяца.

— Три месяца? — Гляжу на него с недоумением.

— Именно столько я буду тебя ждать.

В горле встает ком, и слезы подступают к глазам.

— Но не дольше, Мегера. Потом я тебя отпущу.

— Хорошо, — отвечаю я. — Ладно.

Эпилог

Стою на кухне, глядя в окно на сад. Листья уже начали опадать. Кристиан работает в гостиной над книгой. Он слушает айпод, перенесшись в иной мир и другие края.

По радио начинает звучать песня. Вот уже месяц, как она держится на вершине хит-парада. Слушаю ее вплоть до того мгновенья, когда духовые инструменты замолкают, уступая место голосу Джонни. Тогда я наклоняюсь и выключаю приемник.

Провожу кончиками пальцев по животу и шепчу:

— Это мамочкина песня.

Он пока не слышит. И в глубине души я знаю, что это «он».

Только не знаю, на кого он будет похож.

Больше книг на сайте - Knigolub.net